

ISSN 0131-6656

СМОНА

НИКОЛАС УАЙЗМЕН. ФАБИОЛА

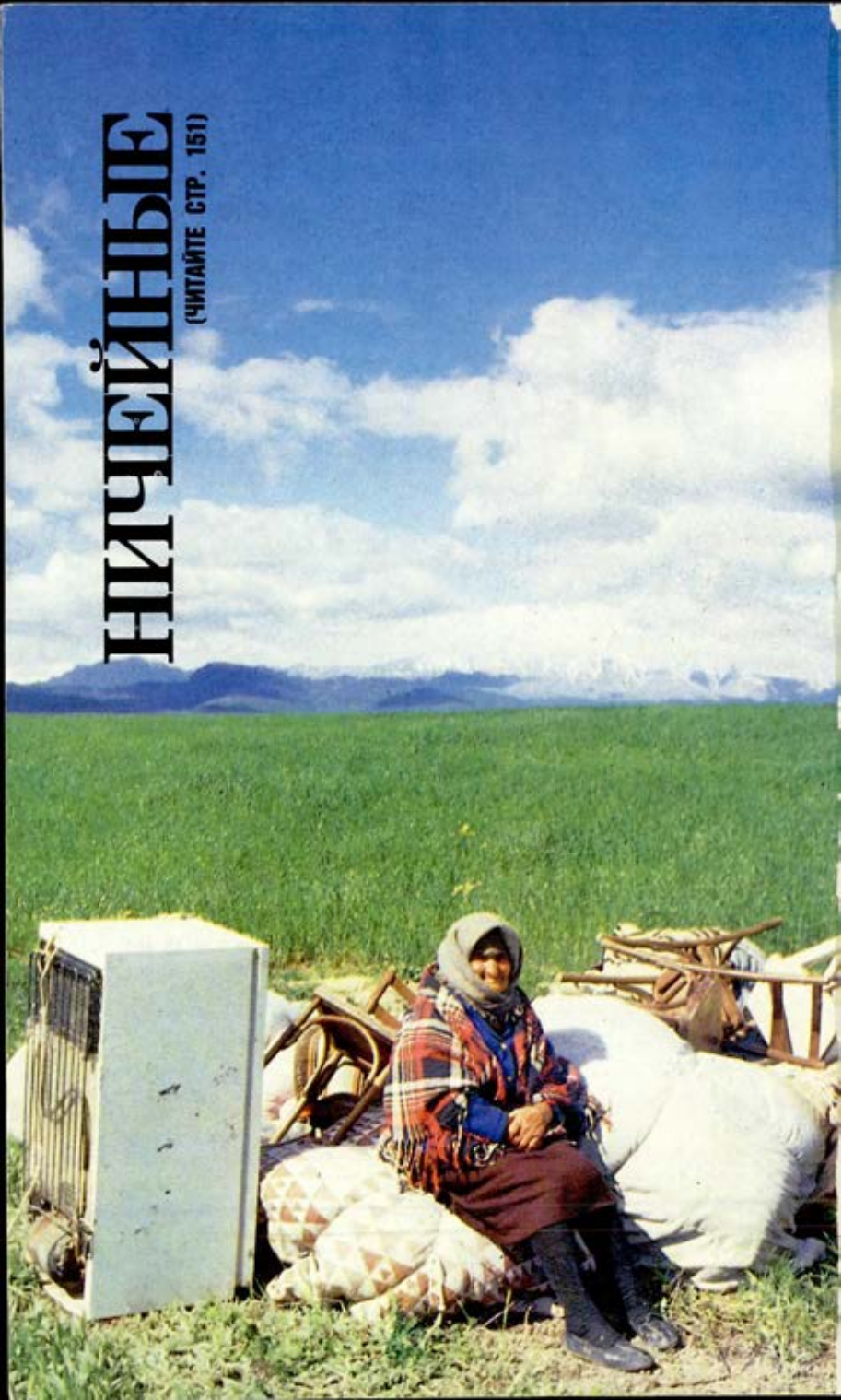
РАЙМОНД ЧАНДЛЕР. ГЛУБОКИЙ СОН

10'91

К РЫНКУ - ЧЕРЕЗ БАЗАР? • ВИКТОР МАКУШКИН. КРЕСТЫ

НИЧЕЙНЬЕ

(ЧИТАЙТЕ СТР. 151)

10'91

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в январе 1924 года.**

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,
зам. главного редактора

АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ
ИОСИФ ОРДЖОНИКИДЗЕ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного редактора

ВЯЧЕСЛАВ КОПЬЕВ
РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
ЕВГЕНИЙ РЯБЧИКОВ
ВАДИМ САЮШЕВ
ВИТАЛИЙ СЕВАСТЬЯНОВ
ВЛАДИСЛАВ СЕРИКОВ
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный художник
ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

АЛЕКСАНДРЫ ГУСЕВОЙ
ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА
ИГОРЯ КЛЮЧНИКОВА

Технический редактор
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 22.07.91.
Подписано к печати 23.08.91.
Формат 84×108½.
Бумага газетная «Тампресс».
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54.
Усл. кр.-отт. 17,64.
Уч.-изд. л. 23,10. Отпечатано
1 665 105 экз. (из общего тиража
1 865 000 экз.).
Заказ № 762. Цена 1 р. 65 коп.
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок,
212-11-27 — отдел писем.
Типография издательства
«Правда».
125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.
Рукописи, фото и рисунки не воз-
вращаются.

10 (1524) ОКТЯБРЬ

© Издательство «Правда».
«Смена», 1991.

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА

22

НИКОЛАС УАЙЗМЕН. ФАБИОЛА

Повесть

114

ВИКТОР МАКУШКИН. КРЕСТЫ

Рассказ

172

РАЙМОНД ЧАНДЛЕР. ГЛУБОКИЙ СОН

Детектив

ПОЭЗИЯ

18

КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

152

ВАЛЕРИЙ МИТРОХИН

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

4

СЕРГЕЙ БАЙМУХАМЕТОВ. ДЖЕНТЛЬМЕН С ЛОПАТОЙ

98

ОБРАТНОЙ ДОРОГИ НЕТ. -КРУГЛЫЙ СТОЛ-

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

151

ВАЛЕРИЙ ЛОКТЕВ. НИЧЕЙНЫЕ

КУЛЬТУРА, МУЗЫКА, ИСКУССТВО

94

ФЕЛИКС МЕДВЕДЕВ. ...И С МИРОМ ТЫ СЕЙЧАС ЕДИН

130

АЛЬБЕРТ ЛЕХМУС. ФОТОГРАФЫ-ДВОРЯНЕ

146

АЛЕКСАНДР МАРКЕВИЧ. ЭКСПЕРИМЕНТАТОР

ИДЕТ ВА-БАНК

155

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ. МАГИЯ КРАСОТЫ

158

СТАНИСЛАВ ЛЕСНЕВСКИЙ. ТА САМАЯ ТАРУСА

2

На нашей
обложке:
ИЛЗЕ
ЛИЕПА.
Фото
ВЛАДИМИРА
ПЧЕЛКИНА.
(Читайте
стр. 155)

СПОРТ

286

АНДРЕЙ БАТАШЕВ. НЕБЕСНЫЙ ПОЧЕРК

111, 164

ВАШИ ПИСЬМА

280

ШАХМАТЫ, КРОССВОРДЫ

11•91

3

■ ГРЕГОРИ МАКДОНАЛЬД. «Сознавайтесь, Флетч!»

Грегори Макдональд мало знаком советскому читателю. Но в США помнят шум, поднятый серией романов-бестселлеров, объединенных главным героем — журналистом Ирвином Флетчером. Захватывающее действие, занимательная интрига, легкость изложения поставили серию о Флетче в ряд лучших произведений детективного жанра.

В 1989 году «Смена» публиковала первый роман этой серии — «Флетч». В предлагаемом вашему вниманию романе главный герой, действуя под другим именем, но сохранив присущие ему обаяние, находчивость, смекалку, по воле автора вновь оказывается в непредсказуемой ситуации...

■ НИКОЛАЙ ВРАНГЕЛЬ. «Призрак минувшего сна» (эссе)

«Маленький больной горбун Борисов-Мусатов. Он не певец какой-либо эпохи... В его творчестве сплелись и перепутались разные моменты бытия, разные отблески и отражения, разные люди и разные мечтания. Он — квинтэссенция всего, последний звук бесконечно далекой мелодии, застонавшей много столетий назад и оборвавшейся в наше время...»

АНОНС:

ДЖЕНТЛЬМЕН

4

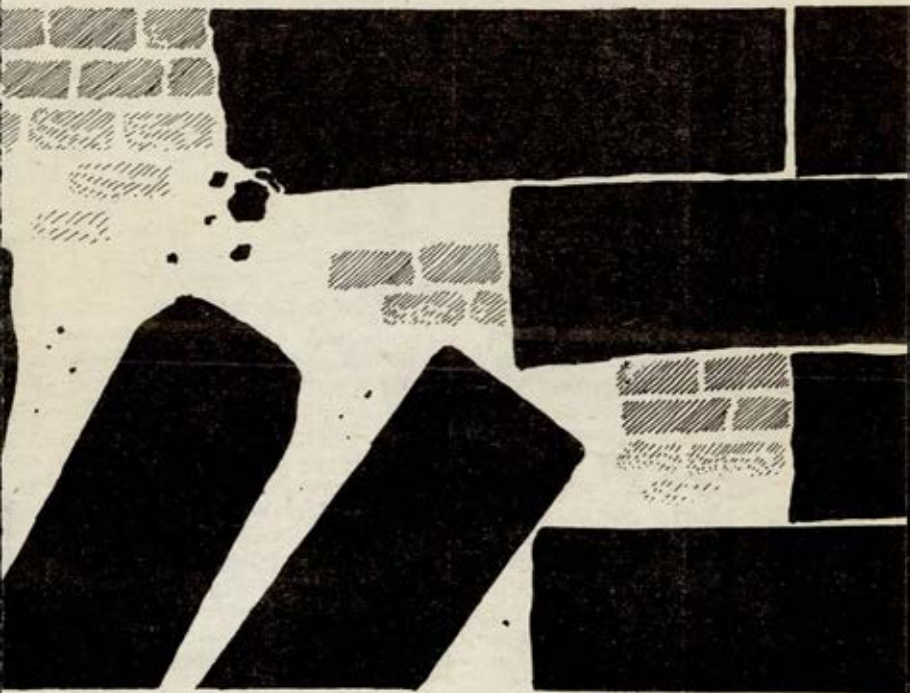
ПРОБЛЕМА

Продолжаем разговор о проблемах отечественного народного образования. В «Смене» №№ 8 и 9 мы рассказали о положении дел в средней школе и в ПТУ. Очерк С. Баймухаметова «раскрывает» перед читателем вузовские двери...

Ерунда получается: речь идет, без преувеличения, о будущем страны, а мне все не дает покоя молоденький зубной врач из захудалой районной поликлиники в Останкине. И пока не расскажу о нем, чувствую, не успокоюсь, не смогу писать...

С ПОПАТОЙ

СЕРГЕЙ
БАЙМУХАМЕТОВ

1

В огромной, на десять — двенадцать зубоучебных кресел, общей комнате я попал к молодому врачу, на лице которого было написано, что он только-только из института. Немного помучив меня, он вдруг спросил:

— Время у тебя есть? Если подождешь минут тридцать, я тебе новый зуб сделаю.

— Ну давай,— согласился я равнодушно.

Он недолго мудрил: заставил меня несколько раз что-то прикусить, обтачивал, резал, подгонял, может, даже клеил — и, пожалуй-ста, через полчаса сделал новый зуб. Самый настоящий, не железный, а обычный, естественный, пластмассовый, что ли... И этот зуб, сделанный за полчаса, походя, из подручных материалов, служил мне честно пятнадцать лет.

РИСУНОК АЛЕКСЕЯ МЕРИНОВА

Да, это было пятнадцать лет назад. Тогда я не удивился, но сейчас-то знаю, что вставить, укрепить отдельный, один зуб вроде бы нельзя, невозможно. Надо какие-то мосты изготавливать, на соседние зубы коронки надевать, в общем, сложно. И дорого, разорительно дорого, и сложно.

А он — сделал. Может, парень тот новую технологию изобрел, новый метод — кто теперь знает.

...Убедившись, что все удалось, мой врач молоденький подозвал от соседнего кресла своего коллегу, лысенького старичка-грибовичка, и стал ему показывать, объяснять, сияя от гордости. Но старичок, оглянувшись, начал что-то шипеть, прикрывая рот рукой. «Дурак, идиот... — доносилось до меня. — Выгонят... посадят... деньги...» Молоденький врач пытался возражать: «Какие деньги, я же бесплатно, просто так, спрости у него...» А грибовичок, тряся головой от такой дури, шипел: «Идиот, кто будет разбираться, брал или не брал».

И тут я увидел, как молоденький врач испугался. Дошло. Он буквально помертвел лицом, а потом, опомнившись, стал озираться, не видел ли кто, не слышал ли кто из коллег. А старичок, наклонившись ко мне, тихо проговорил: «Давай, иди скорее, и никому ни слова, понял?»

И я ушел, усмехаясь: «Вот так-то, вьюноша. Ты думал, что хорошо учился, все науки превзошел и теперь можешь показать себя, проявить, а наша жисть-жестянка тебя с первого шага дубиной по голове: не высовывайся, не умничай...»

Где сейчас тот парень? Кажется, пришло его время. И он может показать себя. Если, конечно, не махнул на все рукой, не спился или не подался в грузчики ме-

бельного магазина, что напротив их поликлиники.

Эк удивил, могут сказать читатели. Да у нас у самих таких историй по пять штук на брата. И не про каких-то зубоделов, а про серьезных ученых и даже про тех, кто, шутка сказать, ковал оборонный щит страны, а им не давали этого делать...

Так я ж и не претендую на особость своей истории. В том и тоска, что под нашими родными осинами таким никого не удивишь. Наоборот: расскажи кому-нибудь, как парень еще на институтской скамье что-то придумал, его сразу заметили, вознесли, дали лабораторию, премию, ученую степень и запустили его штуку в производство — никто не поверит. В том и тоска.

И тогда, в давние уж времена, все об этом знали, толковали на каждом углу, даже в газетах писали. Да что мы, малые мира сего! На самом верху, на державном Олимпе, в узком кругу, не для печати, а значит, предельно откровенно сам Петр Леонидович Капица еще в семидесятом году говорил о том, что судьбы науки, судьбы страны будут решать сегодняшние молодые, которых надо соответственно учить, а главное — выбирать талантливейших, наладить особую систему выявления таланта, не жалеть никаких денег, потому что все решают идеи, а идеи рождают одиночки, отдельно взятые личности, и если их не носить на руках, не поддерживать, то мы скоро и неизбежно отстанем. И, пытаясь достучаться до логических и эмоциональных центров правительственных мужей, приводил им в пример историю о ведущем специалисте фирмы «Дженерал электрик», который вдруг решил, что его больше прельщает работа с молодежью, и он уезжает в другой город, будет

читать лекции. А удержать того специалиста нельзя было никакими миллионами: он был чужак, бессребреник, даже зарплаты не получал: фирма оплачивала его счета — и все. Ну что ж, решило правление фирмы, раз так, то мы построим тебе университет здесь, только не уходи от нас...

Нельзя сказать, что наши правительственные мужи ничего не знали и не понимали, чем грозит пренебрежение наукой, забвение талантов, их отторжение. Понимали. Даже выносили принципиальные решения. У нас ведь наука всегда считалась чем-то вроде служанки при производстве. Вся жизнь ученых проходила и проходит под лозунгом «Наука — производству!». И каково же было, когда в середине семидесятых годов науку как бы приравнивали, объявили ее самостоятельной производительной системой. Многие инженеры, ученые ликовали: наконец-то! Свершилось! Основы пересмотрели!

А жизнь и после пересмотра основ как шла, так и катится до сих пор. Потому что власть, которой располагают верхи, в каком-то смысле есть всего лишь иллюзия управления. И пенсионер, и приморский бич, и руководитель самого большого в мире государства в общем-то винтики механизма, который крутится сам по себе, перемалывая все, что ему негодно. И если этот механизм что-то отторгает, то бесполезны усилия всех, от пионера до президента...

Но как бы то ни было, а — учили. Система подготовки очередных умников работала более или менее благополучно. Пусть потом, за стенами института, умникам говорили: «А теперь забудьте все, чему вас учили, здесь работать надо, а не думать!», пусть потом умники разбивали в кровь

лицо и душу или приспособлялись потихоньку, притирались, не трепыхали уже крылышками, но на смену им приходили другие, из новых выпускников — и жизнь продолжалась.

Учили — вот что главное. Хотя, конечно, и высшая школа медленно, верно и неуклонно катилась под откос. Но — медленно, постепенно. Начиналось, как водится, с фасада. Мы ведь по диалектике живем, у нас всегда внутреннему кризису, кризису содержания соответствует первоначальный износ формы. Это хорошо видно на примере крупных региональных институтов, как принято было говорить — региональных научных центров. Таких, как Уральский политехнический, созданный на заре двадцатых по особому повелению как научный оплот промышленной державы — Урала. Политехнический — особая страна, империя, имеющая свои провинции на Урале и в Зауралье. Многие филиалы уже отделились, стали самостоятельными институтами, но и сейчас здесь только на дневном отделении — тринадцать тысяч студентов! Да еще десять тысяч вечерников и заочников. Империя!

Под стать сути и внешнее обрамление — все эти здания тридцатых — пятидесятых годов, сталинский ампир. Порттики, колоннады, балюстрады — все величественно, тяжело, основательно, монументально, все говорит о незыблемости и мощи. И — все рушится, осыпается, облезло. Опадает с потолков штукатурка и лепка, потрескались колонны, обнажив гнилую дранку, угрожают прохожим фронтоны. Только на содержание, ремонт имперского имущества необходимы два-три миллиона в год, а дают, как всегда, десятую часть от потребности, и с каждым годом все меньше, меньше... В первом профессорском корпу-

се — Первом Профессорском Доме! — выпала наружу стена в одной из квартир, и почтенный ученый муж оказался лицом к лицу с окружающей суровой действительностью. А другой, не менее почтенный, пошел в туалет и провалился к соседу этажом ниже. Подобных историй много. А к ним еще прибавились и коллизии полуполитические. Вообще-то институт носит имя Сергея Кирова, но в главном корпусе, в вестибюле, испокон веков стояла гигантская статуя Серго Орджоникидзе. Голова его уходила ввысь, и взору студентов и профессоров хорошо видны были циклопические сапоги. Пятьдесят или шестьдесят лет они осеняли чью-то юность, студенты традиционно назначали друг другу встречи у Сапога. Но вот, не то исправляя историческую неловкость, не то по мотивам политическим, статую Серго убрали. И сразу стало как-то пусто. Знакомый мой, профессор Блохин Анатолий Васильевич, горюет не шутя: вся жизнь здесь прошла, вся молодость, с сороковых еще годов. А нынешние студенты острят: «Статую убрали, так Сапоги бы оставили...»

Но тем не менее — учили...

Пусть и прием студентов сократили на треть: нет аудиторий, нет денег, нет общежитий. Пусть и оборудование устарелое. Другой мой знакомый, профессор Мальцев Ардалион Павлович, с радиотехнического факультета, где как раз деканом Блохин, смеется: «Во всем мире у электронщиков один закон: раз в пять лет переходить на новое оборудование. Нам же спихивают то, что устарело. Но у нас, говорят, еще хорошо. Вон в Челябинск недавно прислали выпускника из Таганрога, специалиста по вычислительной технике, и только на месте, в НИИ, обнаружилось, что он на такой технике

ни разу в жизни не работал...»

Как бы то ни было — учили. Потому что есть еще, живет еще школа. В моем обывательском представлении это ведь не просто определенный научный уровень, но и в каком-то смысле устав небожителей, касты жрецов, которые передают знания из поколения в поколение, подбирая из вчерашних мальчишек и девчонок себе подобных, продолжателей, и цепь эта бесконечна и прочна, потому что скована из металла, не поддающегося житейской коррозии: из тяги к непонятным нам знаниям, из особого направления таланта, ума, души.

Действительно, что держит, вернее, держало людей в институте? Только преподавателей здесь — тысяча семьсот человек! На них, не считая еще четыре тысячи инженеров и лаборантов, в год выделяют, дают две-три квартиры. Кто ж пойдет сюда? Но ведь шли. И всем ясно было — почему, за чем. Впрочем, и вопросов таких никто не задавал. Само собой разумеется, что приглашение в аспирантуру — высочайшая честь, официальное признание таланта и знаний. В любом институте, тем более техническом, на старшеческих курсников, приглашенных в аспирантуру, смотрели как на людей особых. Ведь впереди у них была ученая степень, кафедра, работа в науке. Конечно, люди, идущие в науку, на преподавательскую работу, прекрасно знали материальную сторону дела. Мы же, простые обыватели, как-то не задумывались над тем, что 130 рублей аспирантской стипендии при средней зарплате в стране 150 рублей — это все же были деньги, молодой человек мог прожить на них три аспирантских года. А там — защита, преподавательская ставка, кандидатская прибавка, доцентская должность. И до-

центские 350 рублей — это уже определенный, достаточно высокий уровень жизни. Prestиж интеллектуального труда, высокого звания преподавателя высшей школы подкреплялся пусть и не Бог весть каким, но по тем временам и по сравнению с нами вполне ощутимым денежным эквивалентом.

Но шли годы, нам зарплату повышали, а им нет. И «стиралась» материальная грань между умственным и физическим трудом. Однако оставался еще престиж профессии.

А самое главное — пока не было выбора, пока никто не мог предложить доценту работу по его любимой специальности и при этом еще зарплату в два раза выше институтской.

Все рухнуло, когда выбор появился.

Возникшие повсеместно кооперативы, малые и совместные предприятия и прочие фирмы предложили специалистам зарплату втрое и вчетверо большую, чем они получали в институтах и университетах. Они предложили им главное — достойную жизнь, уважение к себе, к своему труду. Они избавили их от постоянно гнетущей заботы о сегодняшнем и завтрашнем дне. А когда человек не обременен бытовыми неурядицами, о чем он думает? Он думает о производстве, о деле...

...Все рухнуло разом, в один-два года.

Долго, очень долго и медленно подтачивалось, размывалось здание высшей школы. И, как водится, монолит обрушился вмиг.

Я вовсе не драматизирую, не преувеличиваю. Мы, рядовые обыватели, просто еще ничего не заметили, не услышали. Да пока вроде бы ничего и не произошло.

Но это особенность высшей школы. Называется — отложенный эффект. Как положительный, так и отрицательный. Вложенные во вчерашнего мальчишку знания проявят себя на благо общества завтра или послезавтра. Так и первоначальные — только первоначальные! — последствия сегодняшней катастрофы скажутся лет через пять-шесть и на нашей жизни. Вот тогда-то мы, наверное, и осознаем наконец горькую максимуму, уже сегодня сформулированную профессором Мальцевым: «Страна, в которой зарплата водителя автобуса выше зарплаты профессора, не имеет будущего!»

Но профессора еще держатся. А вот доценты уходят. Повально. Лавиной. Уже сейчас в цитадели высшей школы, в МГТУ имени Баумана, — 186 свободных преподавательских мест. Это ведь представить надо: нет желающих преподавать в МГТУ, в бывшем овечьем легендами МВТУ! А в Уральском политехническом ущерб от исхода специалистов даже перевели в деньги. За один только год научно-исследовательская часть института, дававшая солидные деньги, потеряла 9 миллионов рублей. Ровно половину!

Но подсчет денег — это уже ближе к абсурду, к иронии, которой мы пытаемся отвлечь себя от вида пропасти, что разверзлась у нас под ногами. Оборвалась цепь, еще вчера считавшаяся бесконечной и прочной. Уходят не абы кто, а мужчины в возрасте 30—35 лет, те, кому сегодня или завтра брать в руки институтские бразды правления. И больше всего уходят с кафедр автоматики, вычислительной техники; то есть электронщики уходят, те, кто может и должен был обучить наших детей профессии будущего. Те, кто мог проложить нашей стране дорогу в будущее. А оно, будущее,

не ждет, когда мы, наконец, власть начемеря и соизволим повернуться к нему лицом. Оно, будущее, ускользает, уходит ежечасно...

Уже сейчас преподавателей не приходится выбирать. А что будет, когда уйдут Блохин, Мальцев, то есть нынешнее профессорское поколение? Впрочем, штатное расписание долго пустовать не будет. Люди придут. Но будут уже не званые, и не избранные, не младшие из своей касты, не продолжатели школы, которым отдано все накопленное знание и которые этого знания достойны, — народ случайный, серенький, из тех, кого больше никуда не взяли.

Можно представить, чему и как научат они завтра наших мальчишек, а те, в свою очередь, других, причем все время за кафедру будут становиться самые худшие из выпуска, так как магическая притягательность самого слова «аспирантура» вдруг исчезла, растаяла в один год. Как сон, как утренний туман. И никого из нынешних способных, если они не фанатики, туда и на аркане не затащить...

Вот Мальцев как-то по привычке начал говорить своим ребятам, что в их-то годы, когда мозг необыкновенно свеж и восприимчив, и надо учиться, использовать максимально благодатное время. На что студенты ему сказали: хорошо, Ардалион Павлович, но вы назовите нам хоть одного инженера или ученого, репортаж о торжественной встрече которого показывали бы в программе «Время», чтобы диктор захлебывался от чувств — вот, мол, после триумфальной поездки по городам мира в родные палестины вернулся наш выдающийся инженер Сидоров-Нижнетагильский!

Мальцев озадачился. Действительно, и генсеков встречали,

и баскетболистов, и хоккеистов, и даже экстрасенсов показывали, а вот инженера — и старожилы не припомнят.

Ну хорошо, допытывались ехидные студенты, назовите тогда нам инженера, который хорошо бы учился на нашей кафедре и сейчас имел бы хоть минимальный советский джентльменский набор: машину, квартиру, дачу.

И снова профессор озадачился, не смог припомнить, и старожилы — тоже.

И в то же время нынешние студенты рьяно взялись за учебу. Сами. Без всяких понуканий и душеспасительных бесед. Ребятки эти, не в пример нам, спокойно и трезво рассудили и поняли: теперь будут ценить не по диплому, а по знаниям, в самом прямом смысле этого слова «цена». Или, как они любят говорить, рынок разберется...

А где же они хотят применить свои знания, куда стремятся наши юные реалисты, наша надежда и оплот, будущие вершители судеб страны?

Во всяком случае, не туда, куда их направляют. Скажем, электронщиков готовят в основном на предприятия оборонной промышленности. И сейчас они всеми силами добиваются свободного диплома. Не потому, что работа в «оборонке» связана с секретами и в случае чего сложно выехать за границу, хотя и это соображение присутствует. Нет, многие юные спецы уже чувствуют себя в непонятном нам предрыночном хаосе как рыба в воде и рассуждают так: а чего за границей делать, когда и в Союзе вокруг большие деньги плавают, если только сориентироваться... Просто «оборонка» нынче не котируется потому, что ребята не хотят жить на зарплату заводского инженера и все милости жизни получать только и исключи-

тельно из рук начальства в зависимости от его благоволения. Все это можно купить и надо покупать спокойно и достойно, как и подобает белому человеку. А для этого надо идти, вступать в море свободного предпринимательства, во вновь открывающиеся фирмы. Причем трезвые молодые люди не собираются очертя голову бросаться в кооперативы. Предпочтение отдается государственным кооперативным предприятиям, чтобы стоять, как они говорят, на двух ногах, на тот случай, если ножку свободного предпринимательства вдруг да отломают как идеологически чужую.

Понятно, высоко котируются совместные предприятия: перед «импортными» государство еще стесняется, не так буйствует, как пред своими.

А еще крутится в юных умах и душах совсем фантастический вариант, который я ну никак не могу уразуметь. Состоит он в том, чтобы после института снова пойти в студенты, допустим, в университет. Зачем? А затем, чтобы иметь свободное время для занятий «своими делами». Это я еще понимаю: «свои дела» у них, по всей видимости, серьезные, и уже сейчас некоторые, наиболее везучие, знающие, энергичные зарабатывают... ну, побольше иного преподавателя. А точнее сказать так: «хватает...» И учатся, и семьи содержат, и не замучены жизнью и комплексом неполноценности по поводу отсутствия модных одежек, что в юные годы переживается довольно тяжело. Одно непонятно: зачем снова идти в студенты? Затем, чтобы «иметь крышу на всякий случай».

Вот это уже совершенно не укладывается в голове. Молодой человек, допустим, свердловский студент, с достаточно нежного

возраста живет в стихии дикого рынка или базара, толкучки. Фарцовка, то есть купля-продажа с прибытком, — дело нормальное, в общественном мнении узаконенное. Затем, на старших курсах, он находит ту или иную «контору», имеет твердый заработок. К окончанию института он уже создает или подготавливает основы для «своего дела». То есть совсем еще молодой человек не боится за будущее, не боится и сегодняшнего дня, этого монстра под названием «рынок», даже в наших условиях он смело и спокойно вступает в океан свободного предпринимательства, в жизнь. И в то же время заботится о какой-то дополнительной «официальной крыше». Чего он боится? Неужели государства? Неужели страх перед нашей государственной дуроломностью проник так глубоко? А я-то думал, что нынешние двадцатилетние в отличие от нас начинают уже избавляться от страха. Или это уже такой тотальный практицизм, когда учитывается буквально все.

Впрочем, не буду обобщать. Нет у меня таких знаний об их жизни, чтобы обобщать.

В данном случае важно то, что вариантов, планов много, но почти нигде и ни у кого в размышлениях о будущем не значатся такие заветные в недавнем-стародавнем времени слова, как аспирантура, кафедра... Помните, как это звучало: его оставляют на кафедре...

Уже не звучит. Нет как нет.

И хотим мы того или не хотим, а вновь они зазвучат только при наличии такой грубой материи, как деньги. Причем большие деньги. Нравится это или не нравится, но так оно есть.

Конечно, в институтах сейчас крепко думают, что нас ждет

в скором времени, когда аспирантов как бы еще нет, а доцентов и ассистентов уже нет. Всего лишь думают, поскольку сделать все равно не могут ничего. И потому пока что все усилия направлены на то, чтобы удержать тех, кто еще остался.

Как известно, школа, в том числе и высшая, — одна из самых консервативных систем. На нижних этажах, в собственно школе, с годами хоть антураж меняется, деталировка. Нам лет тридцать назад учителя, еще близкие к земле, кричали: «У тебя что, голова мякиной набита?» А нынешние, возвращенные на городском асфальте, уже по-другому: «У тебя что, вместо головы унитаз?»

Но зато верхние этажи — министерства, новоявленный Госкомитет, по поводу которого в институтах ехидничают: «Народное образование перепутали с высшим», — даже деталировкой новой не утруждаются: инструкция есть инструкция, и никому и ничего нельзя. Однако перед этим обвалом, нынешним и грядущим исходом преподавателей отступили и они: разрешили институтам зарабатывать деньги, вплоть до такой крайности, как создание на кафедрах малых предприятий.

Конечно, тот же Уральский политехнический давно был готов и к такому повороту. У него мощная научно-исследовательская база, светлые умы на кафедрах, много конкретных разработок, которые только и ждут заводского исполнения. И уже деньги появились: факультету Блохина дали сорок тысяч рублей, и впервые за 20 (!) лет на радиотехническом сделали ремонт. Правда, с профессора Мальцева дополнительно к факультетским сорока тысячам содрали еще сто двадцать рублей наличными за покраску его кабинета (но это говорит об интелли-

гентской нестойкости Мальцева и устойчивом хватательном консерватизме маляров — и только).

Началась «продажа» студентов по контрактам. На старших курсах, когда студент, как правило, определяет будущее место работы, заключается трехсторонний договор: предприятие назначает студенту стипендию, точнее — зарплату, а студент, естественно, после выпуска обязан прийти к своим хозяевам. Получает деньги и институт: от трех до десяти тысяч. Но с условием, что данному студенту будет прочитан дополнительный курс по той или иной специальности, интересующей предприятие.

В общем, делаем деньги. Теперь можно и этот самый дополнительный курс заказать, оплатить, пригласить человека со стороны. И своих преподавателей, с кафедры, поддержать: хоть за счет лекций, хоть за счет участия в малом предприятии. На второй ремонт уже не замахнешься, да и не дадут, но выбитые стекла в вестибюле, наверно, можно заменить.

Вот, пожалуй, все. На большее тех денег не хватит. Лишь продержаться на плаву. Некоторое время. В общем, высшую школу на эти самодельные деньги не поднять. Это — мертвому припарки. А если продолжать невеселые аналогии, то ведь складывается типичная ситуация чеховского рассказа, когда врач, приехав к уже умершему, спрашивает родственников: «Больной перед смертью потел?» «Потел», — отвечают родичи. «Это хорошо», — удовлетворенно заключает врач.

Так и мы. Зато сколько разговоров! Сколько суеты! И... сколько вреда принесет суета эта!

Почему?

Во-первых, потому, что она поперек души Блохину и его товарищам. Она их оскорбляет. Блохин

дает нашим мальчишкам науку будущего, завтра эти мальчишки встанут у руля ведущих отраслей промышленности, и он же, Блохин, должен где-то на стороне сшибать копейки, чтобы иметь возможность как следует учить наших детей, — так ведь получается? Оскорбительней не придумаешь. И Мальцев на своей кафедре однажды обмолвился: «Старшие курсы мы на ноги поставили, они не пропадут, так давайте поучим до первого июня и разойдемся. Не пропадем, работа для нас найдется». А потом спохватился: есть же еще второй курс. Советь не позволять бросить. Пока. Но нельзя бесконечно на этом играть, на совети.

Во-вторых, затея с малыми предприятиями вредна потому, что в каких-нибудь «государственных» умах вполне закономерно может возникнуть этакое, знаете ли, озарение: «Смотри ты, зарабатывают! А все жаловались, все норовили сесть на шею государству! Нет уж, в наше время всяк себя кормит, и вы давайте поближе к производству, к нуждам людей, так сказать...»

В общем, снова надо доказывать, что экономия на высшем образовании — самый верный способ самоубийства общества. Снова надо говорить, что одно дело, когда ученый идет туда, куда влечет его свободный ум, попутно совершает открытия, изобретает и попутно же передает, продает свои разработки промышленникам, получает деньги, и совсем другое — когда он вынужден зарабатывать, когда его душа и ум только этим и обременены. Идея, мысль — штука капризная. Она не терпит обязательности. А чтобы нам было еще понятней, напомним солдатский анекдот: если бы любовь считалась работой, то нас бы заставляли...

Конечно, в наше сознание трудно уложить мысль, что доцент и профессор — небожители, не нам чета, что они должны думать не о деньгах, не о том, как бы прожить, а об истине, о законах природы, о Боге, о том, что нашему глазу не видно, скрыто от нас ближайшим горизонтом. И юношей прекрасных, детей наших, тому же учить. А кафедра, факультет должны заниматься не «хоздоговорными работами», а многолетними научными программами, как бы непонятно, странно, дико и нелепо они ни выглядели по нашему здравомыслящему суждению.

Вот, пожалуйста, вызывающий, на наш взгляд, пример такой нелепости — опять же на наш взгляд. Столп мировой науки — технологический институт в Массачусетсе — 25 (!) лет занимался исследованиями на тему: вредно или не вредно человеку пить вино, а также водку. И на основе четвертьвековой (!) научной работы пришел к выводу, что алкоголь в таких-то и таких-то пределах необходим, поскольку укрепляет сердечно-сосудистую систему.

А собственно, что здесь нелепого, если разобраться? Когда изобретали железные клетки для содержания овец на фермах, мы почему-то не возмущались. Когда вторую модель хозрасчета разрабатывали — тоже ничего. А тут занимались Человеком. То есть моим сердцем, моим организмом. А это для меня самые важные предметы на всем белом свете, даже, простите, важнее перестройки.

У пропасти, которая разверзлась перед высшей школой, два края. Первый — наш, так сказать, внутренний. А второй — международный, или заграничный.

Пока что от низкой зарплаты, от оскорбленного самолюбия из ин-

ституты бегут в кооперативы, совместные предприятия, в мир свободного предпринимательства.

Но вот принят закон о выезде.

Разное говорят в широких кругах. Одни утверждают, что нам бояться нечего: при нашей-то отсталости советские ученые и инженеры там не нужны.

А другие — наоборот. Мол, отсталость отсталостью, но уровень научных разработок, научный потенциал у нас необычайно высок, и наших там ждут.

Не смею судить. Но вот факт, промелькнувший в печати: на одной из кафедр МГТУ имени Баумана треть преподавателей подали документы в университеты Эдинбурга и Глазго. Подали документы — сказано обтекаемо. Понимать, видимо, надо так: уже пригласили.

Докатались уже и до Свердловска и других далеких закрытых городов, которые потихоньку рассекречиваем. В них зачастили в последнее время гости из Юго-Восточной Азии и даже сами японцы наведываются с визитами.

Профессор Мальцев недавно разговаривал с фирмачами из Сингапура. И вот что выяснилось. Сингапурцы приехали пока на разведку, но со вполне точным прицелом. Им не рядовые нужны, а ведущие. То есть они у нас будут искать людей на должности главных, ведущих специалистов своих фирм. У них, оказывается, с этим напряженно, некому занимать высокие должности и получать умопомрачительные зарплаты. Потому что их средний специалист, человек, всем обеспеченный, уже не рвется вверх, не стремится. Там, в верхах, надо и больше думать, и вообще менять образ жизни соответственно уровню. Квартиру, например, на коттедж с бассейном, простой «мерседес» — на лимужин, в отпуск уже ехать не

к теще на рыбалку, а, допустим, на Багамы. Иначе — не поймут. А это для среднего специалиста утомительно, ему и так хорошо. Ему-то хорошо, но интеллектуальный потенциал фирмы от этого не повышается. Нужна свежая кровь...

Представляете, как наши, попав в человеческие условия, избавившись от пригибающих ум и душу унижительных бытовых забот, получив простор, рванут там фонтаном идей! Во славу и на процветание сингапурских, тайваньских, южнокорейских фирм...

И понять их можно. Фантастический заработок, обеспеченное будущее — это само собой. Но еще поедут и потому, что у человека есть такая неодолимая потребность — реализовать себя, свой талант, потенциал как можно полнее.

Здесь Мальцев только нервно смеется, говоря о том, что по мировому стандарту электронщики, тем более в институтах, должны менять оборудование раз в пять лет. А там бывший актер Рейган проводит законопроект о том, чтобы фирмы, предприятия меняли основное оборудование раз в пять лет, а не в семь, как было раньше.

И какая, в сущности, разница, много или мало наших специалистов уедет за рубеж. В любом случае уедут не самые худшие. А чтобы обезглавить кафедру, достаточно уехать одному. Штучный товар.

И еще один существенный момент. Уезжающий сейчас научный сотрудник отправляется туда не просто так. Он увозит с собой научный потенциал кафедры, своих коллег. Как он им распорядится — дело его совести, этических принципов.

Единственный путь борьбы с интеллектуальным пират-

ством — полная открытость, вхождение в мировой дом науки, а в частности, своевременная публикация в журналах, сборниках, чтобы застолбить идеи, сохранить приоритет, авторские права. Из одной европейской страны в Свердловск, на радиофакультет, пришло предложение: составляйте сборник ваших научных трудов, присылайте — мы быстро издадим. А как его пошлешь? Не отправлять же им пачку машинописных страниц с формулами, вписанными от руки. Машины типографские, или как они там называются, этого просто не поймут, не примут, не переварят. Нет у них такого в заводе давным-давно. Им нужен сборник на дискете, с лазерным чтобы принтером.

Какой, к черту, лазерный принтер. На кафедре профессора Мальцева писчей бумаги нет. Он пишет на листах, уже использованных с одной стороны.

Все же они наивные люди. Обижаятся на то, что на съездах не говорят об их проблемах, что не ударили в набат. Устали уже ждать, когда о них скажут.

Так ведь говорили — вот в чем дело. Наверняка говорили. Выступал кто-то из их ученого мира. Терминами изъяснялся. Кратко и точно. Например, так: невниманье к проблемам высшей школы приведет к падению интеллектуального уровня страны... А это, если объяснить на пальцах: сегодня не бросили все деньги на укрепление высшей школы, завтра наших детей и внуков некому будет учить, а послезавтра страна вернется к тачке и лопате, благо недалеко ушла.

Допустим, сказали. И что? Да все сразу поддержат!

Только потом, когда дойдет до дела, начнутся заминки: это что же, профессору полторы тыщи

с лишним платить? А то и больше? И вообще, товарищи, народ нас не поймет: пенсионеры у нас нищие, здравоохранение гиблое, рабочий класс бастует, а мы хотим покупать студентам компьютеры за валюту — нет, не поймет нас народ. И, правда, ведь может не понять. Да и нет их, денег этих, никаких нет — ни бумажных, ни деревянных, взять негде. Нету.

Вот и весь сказ.

Так что придется высшей школе потихоньку вымирать. Технические вузы еще будут биться, как лягушка в сметане. Продавать и продаваться, изобретать, внедрять. А что делать гуманитариям? Правда, есть у меня надежда, что гуманитарии и так и этак никому не нужны, им бежать некуда, и потому они будут держаться за свои вузы, преподавать по-прежнему. Дай-то Бог. А если все же кому-то сгодятся и тоже пойдут косяком? Кто их заменит? Кто придет? Кто-нибудь после краткосрочных курсов?

И, глядишь, совсем не за горами те дни, когда мы будем рассказывать детям и будущим внукам, что мне античную литературу преподавала Аза Алибековна Тахо-Годи, жена и друг последнего титана Алексея Федоровича Лосева, а мой друг дедушка Толя слушал лекции — вы не поверите! — у Льва Николаевича Гумилева. А они, дети и внуки, будут смотреть на нас как на почтенных ископаемых, реликтовых зверей, мамонтов и еще поддакивать: да-да, семидесятые годы, брежневское время — эпоха расцвета советской науки...

И будут правы.

Когда нет выхода, поневоле закапываешься в глубины и в основы. Тебе уже мало закономерностей системы — еще и привычку, духовный склад, традицию начинаешь выводить...

Недавно один литературный критик вернулся из заокеанской страны, где семестр читал лекции в университете. Университет тот основан, существует и процветает исключительно на деньги местных фермеров. Тамашние хлеборобы и животноводы пашут и сеют, выращивают скот, продают, жертвуют деньги, это у них называется благотворительность, а ученые мужи на их доллары спокойно занимаются себе изучением русской филологии и даже, говорят, сделали университет чуть ли не ведущим в этой страшно актуальной и жизненно необходимой для фермерского округа научной дисциплине.

Вот и задумаешься: может, у них там это национальная традиция — вкладывать деньги в науку, в образование. Гордиться этим.

Может, это у них необыкновенно престижно: пахать на своей ферме день и ночь, а трудовые

доллары жертвовать на изучение русской филологии?

Думаю, что так и есть.

А какова же тогда наша национальная традиция? Их у нас много. Например, гордиться тем, что «мы университетов не кончали». Но она, пожалуй, и слава Богу, сходит. А самая главная наша национальная традиция — крепить могущество Родины. Причем под этим почему-то понимается только и единственно оборонное могущество. Какой город ни возьми — почти весь из закрытых заводов. И ничего, не удивляемся. Наоборот — гордимся. Где-то добывается руда, нефть, уголь, плавится чугун, сталь, все это перевозится туда и сюда, размещается на заводах, в цехах изготавливаются изделия, потом их снова везут через всю страну туда и сюда и, наконец, прячут под землю, в арсеналы. Половина бюджета страны уходит на то, чтобы выпустить изделие и потом зарыть его бла-

гополучно в землю. Уже весь мир смеется, говорит, что мы великую страну и народ превратили в амуров, божков любви, которые отличаются тем, что вооружены до зубов, но при этом, простите, без штанов. А нам — ничего.

И еще есть у нас национальная традиция — распределять и перераспределять. Какая ни есть, а все наша, кровная. Так, может, хоть раз использовать ее с толком? Пусть хоть раз послужит не всеобщей уравниловке, а делу будущего. За такое распределение не стыдно ни перед собой, ни перед внуками.

Читатель, наверно, заметил, что в заметках этих, на самую серьезную тему, я то и дело сбиваюсь на какой-то несерьезный тон, на иронию, сарказм, если не сказать — ерничество. Ну не могу иначе, не получается, а почему — не пойму и сам. Да разве во мне дело? С кем ни заговоришь — проректор то или студент, — все тот же тон, ирония, сарказм. В конце концов я спросил Мальцева: да что же мы так-то? Почему?

А он ответил:

— Может, потому, что все мы живем, как тот бедолага-мужик из притчи, у которого загорелась изба. Так он своими руками поджег баню: «Гори и ты!»

И стоит посреди улицы. Хохочет...

Наши уважаемые читатели, конечно, помнят удачного, симпатичного сыщика из МУРа Льва Ивановича Гурова — главного персонажа детективно-милицейских повестей писателя Николая Леонова. В последней из них — «Коррупции», напечатанной в 8-м номере «Смены» за 1990 год, писатель, к сожалению, подставил Гурова под пули профессионального убийцы по кличке Эфренди, да так, что мы и не поняли, будет жить наш любимый сыщик или нет. Теперь, имея в портфеле редакции новое произведение Н. Леонова «Мент проклятый», мы знаем и с удовольствием сообщаем всем, что Лев Иванович Гуров — теперь полковник Гуров — жив, здоров и, естественно, продолжает смертельно опасную борьбу с дельцами и воротилами теневой экономики.

Все, кто подписался на «Смену» в 1992 году, смогут прочитать повесть Николая Леонова «Мент проклятый» уже в первом номере.

КОНКУРС

ДНОГО
СТИХОТВОРЕНИЯ

ДМИТРИЙ ТОНКОНОГОВ
АННА ЖИДКИХ
ЛЕОНИД БЕРКОВИЧ
ЮЛИЯ СЕНЬЧУКОВА

АНДРЕЙ ГАЛАМАГА
ИРИНА ШАБРАНСКАЯ

18 ДМИТРИЙ ТОНКОНОГОВ,

17 лет,
студент,
Москва

ОБИДА ТРЕХ СТАРУШЕК

*Муха дремлет в грязной банке.
Свечка старая молчит.
Вольный ветер, сев на санки,
По траве высокой мчит.*

*Три сучкастые старушки
На скамейке сидя спят.
Ноздри — крохотные пушки —
В землю ядрами палят.*

*У старушек есть косынки,
Неподвластные годам.
Звезд усталые картинки
Кто-то сыплет с неба к нам.*

*Но обижены старушки.
Звезды скинули с колен.
Накрывает их макушки
Мутный полиэтилен.*

Нет, не вымолвить прощенья.
На окне Христос распят.
Киснет в погребке варенье.
Лист газетный комом смят.
Износились корни-руки
От священного мытья.
С белых губ слетают звуки,
Это звуки забытья.
Скоро утро, встанут грады,
Наша старость мирно спит,
А заведующий адом
В спешке жизнями гремит.

АННА ЖИДКИХ,

27 лет,
инженер-химик,
Воронеж

Гекзаметры, марши да прахом пошедшие сны.
Любовь по весне, да по осени мертвые сливы.
Лихие надежды, что неизлечимо больны,
Дерут без зазренья за вход в семивратные Фивы.
Преданию предан рывок в несогласную глубь.
Сквозь прочную кровь —

прямяком, голиком, ненароком.

Характера скверного веру в груди приголубь,
Лаская искусство движения против потока.
Особенность зренья проступит когда-то потом,
Поверх осторожного опыта ушлых находок,
Соблазном потери да оцупью тех аксиом,
Где платят поштучно за выходы и за уходы.
Ядреною статью распустится реквием в рост,
До грубого неба дотянутся руки и муки.
Пригрей втихаря перемученный виданный спрос
На свои крутые да на бессердечные стуки.
Пора золотая — подобьем короны на лоб,
Увенчанный тяжко литым металлическим
светом, —

Вот осень — крестьянка. Вот строчечных
сроков галоп.
Да воля — петля. Да родная неправда об этом.

ЛЕОНИД БЕРКОВИЧ,

24 года,
инженер,
Таллинн

Я шел по просёлочной пыли,
едва опираясь на посох,
крестьянские девушки вили
во дворике толстые косы.

*Им не было дела до боли
босых моих ног да опухших,
глядели с веселою долей
и что-то шептали друг дружке.*

*Светило крестьянское солнце
соломенным светом соленным,
сосал материнскую соску
молоденький глупый теленок.*

*Мне тоже хотелось напиться,
припав к алюминиевой кружке,
и, вытерев губы, девице
промолвить:
«Спасибо, подружка!»*

*...Я шел по проселочной пыли,
забыв про девичье лица,
и слушал,
как жалобно выла
в лесу полутемном волчица.*

ЮЛИЯ СЕНЬЧУКОВА,

33 года,
фельдшер,
Москва

ПОСЛУШАЙ!

*Оторвись от привычных явлений,
От чужого огня,
От бессвязных,
пустых объяснений
И послушай меня.
Ты живешь, убегают минуты из-под ног.
Обещал ждать и помнить кому-то
И не смог.
Ты хотел полюбить на рассвете —
Не успел,
Мимо счастья прошел, не заметил,
Проглядел.
В полдень солнце впрягает в карету
Трех коней.
Посмотри, у тебя уже нету
Стольких дней.
Ты свободен, к чему объясняться,
Где твой дом?
Будешь плакать и будешь смеяться
Не о том.
Скоро вечер. Опустит ресницы
День чужой.
Вот и скрылся веселый возница*

За горой.
Оглянись! Ты идешь по дороге
Не своей,
А твоя, та, одна из немногих,
Рядом с ней...
...Но слова мои ветер подхватит,
Унесет.
А о счастье твоём кто заплачет,
Кто спасет?

АНДРЕЙ ГАЛАМАГА,

28 лет,

врач.

Московская обл., Кокошкино

МЕЛ

Сухая суконка лежала на стуле,
Я видел ее, но коснуться не смел.
Вдруг с неба полночного ветры подули,
и стал осыпаться измолотый мел.
В тумане мерцали прохладные мысли
(для знания мало того, что вокруг).
Крупинки мельчайшего мела повисли
и разом сложились в магический круг.
И я осознал, что я только прохожий;
шагнув за предел светового кольца,
я поднял суконку со стула в прихожей
и вытер бессвязную дымку с лица.
На стенах царящая неразбериха
скрывала кольцо наслоением теней;
и стало вокруг подозрительно тихо,
как будто в преддверии траурных дней.
Но я не смутился в ничтожном пространстве
прихожей, заполненной мною одним,
и я не покинул свой дом ради странствий.
Мел сыпался сверху. Я скрылся под ним.

ИРИНА ШАБРАНСКАЯ,

28 лет,

работает в экскурсионном бюро,
Ленинград

Все, что приходит стезями морскими,
снова уходит стезями морскими,
грусть моя, с ветром пришедшая южным,
снова уходит стезями морскими;

горло кольцом оплетает молчанье,
грусть моя в мире пребудет случайной,
голос развеется, свиток ненужный,
самой последней волне на качанье.

НИКОЛАС УАЙЗМЕН

ФАБИЮЛА

Повесть из древнеримской жизни

Повесть «Фабиола» переносит нас в ту эпоху, когда император Диоклетиан задумал раз и навсегда покончить с христианством. Он начал жестокие преследования на Востоке, а вскоре гонения перекинулись в Рим, подвластный его соправителю Максимиану. Происходило это всего за несколько лет до победы Церкви, которая бросила вызов могущественной империи. Книга противопоставляет два мира — языческий Рим и общину верующих во Христа.

Главная героиня повести — молодая знатная римлянка, перед которой постепенно, через долгие мучительные искания открывается истина Евангелия.

Автор книги Николас Патрик Уайзмен (1802—1865), архиепископ Вестминстерский и кардинал, был выдающимся вождем церковного обновления среди английских католиков. Свою общественную деятельность Уайзмен сочетал с разнообразными научными трудами. Он изучал восточные языки, выпустил сирийский перевод Ветхого Завета, читал лекции об отношении между наукой и верой. Принесла ему широкую известность во всем мире вышедшая в 1854 году повесть «Фабиола». В ней отразились обширные познания его по истории Рима, где он жил и учился в молодые годы.

При работе над книгой он использовал древние предания о мучениках и сведения, почерпнутые им из археологии катакомб. «Фабиола» была переведена на многие языки, в том числе и на русский.

Как это нередко бывает, постепенно она стала рассматриваться как произведение для юношества.

В конце XIX века русская писательница Евгения Тур выпустила ее свободный пересказ. Под названием «Катакомбы» он выдержал более двадцати изданий. Последнее увидело свет в 1917 году.

Несмотря на печать романтизма, «Фабиола» и сейчас остается увлекательной и светлой книгой, которая заставляет задуматься.

Редакция благодарит бельгийское издательство «Жизнь с Богом» за любезное предоставление права публикации повести «Фабиола» в нашем журнале.

В качестве иллюстраций даны гравюры середины XIX века.

Наша повесть начинается сентябрьским вечером 302 года от Рождества Христова. Мы приглашаем наших читателей последовать за нами по римским улицам.

Солнце уже садилось. Небо было ясно; в воздухе веяло прохладой, и народ шел в сады Цезаря и Саллюстия насладиться вечернею прогулкой и узнать городские новости.

Квартал, куда мы вошли с вами, назывался кварталом Марсова поля и находился между Тибром и семью холмами древнего Рима.

Во времена республики на Марсовом поле происходили военные учения и бои гладиаторов, но теперь все это пространство было уже застроено общественными зданиями: Помпей выстроил здесь театр, Агриппа — Пантеон и примыкающие к нему бани. Понемногу тут поднялись и частные дома, в один из которых мы с вами сейчас войдем.

Внешне этот дом был непривлекателен; своими очертаниями он производил печальное, даже мрачное впечатление. Невысокие стены — простые, без архитектурных украшений — были прорезаны небольшими редкими окнами. Вход в одной из стен этого небольшого прямоугольного здания обозначался двумя колоннами. На мозаичном полу его, на самом пороге начертано было бесхитрое слово: «Salve!»*

Переступив порог, мы окажемся в атриуме, первом внутреннем дворике, окруженном колоннадой.

Посреди этого дворика, вымощенного мраморными плитами, тихо журчала струя воды, проведенная из Клавдиева водопровода с высот Тускуланума. Хрустальная струя падала в красный мраморный бассейн, из которого выбегала, клубясь и журча, и лилась в нижний, более широкий бассейн. Брызги воды орошали редкие растения в изящных вазах. Под портиком стояла дорогая мебель: кресла, украшенные слоной костью и серебром, столы из драгоценного дерева с бронзовыми и золотыми канделябрами, вазами, треножниками и удивительной красоты бюстами — произведениями высокого, ныне нам уже недоступного искусства. Стены были украшены фресками, отделенными одна от другой нишами, в которых стояли статуи. На самой середине полукруглого потолка, образованного сводами дома, находилось большое круглое отверстие. Оно было завешено от солнца и дождя плотным полотном. Отверстие это, нечто вроде огромного окна, пропускало мало света, отчего на внутреннем дворике стояли вечные сумерки. Но зато как тут было прохладно в жаркие летние и осенние дни! Сквозь этот искусственный полумрак довольно трудно было что-нибудь разглядеть. За арками, расположенными против тех, что вели во внутренний дворик, был другой вход во второй внутренний дворик, украшенный еще изящнее. Он был вымощен мраморными плитами и позолочен на карнизах. Мраморные колонны поддерживали внутреннюю галерею, которая тянулась вокруг этого дворика.

* Здравствуй.

В галерее сидела пожилая женщина. На ее спокойном, задумчивом лице, обнаруживающем стойкость и силу духа, чуткий наблюдатель уловил бы печать былых потерь и несчастий. Волосы ее, почти совсем седые, причесаны были просто, но аккуратно; прост был и покрой ее платья, на котором не было ни украшений, ни роскошного шитья, ни золотых драгоценностей, которые так страстно любили богатые и знатные римлянки. Лишь тонкая золотая цепочка обвивала ее шею, скрывая под туникой что-то ценное для ее владелицы. Женщина вышивала на дорогой ткани, время от времени беспокойно поднимая глаза на дверь и прислушиваясь к шагам. По мере ожидания лицо ее становилось все тревожнее, пока наконец не осветилось радостью: она узнала приближающиеся шаги того, кого она ждала с таким нетерпением — своего сына.

Вошедший юноша выглядел старше своих 14 лет благодаря высокому росту и красивому, одухотворенному лицу, на которое наложила отпечаток уже пробудившаяся мысль. В этом лице видны были зачатки твердой воли и сильного характера. Он был одет в обычную для римлян одежду — короткую, спускающуюся до колен тунику. Круглый золотой шарик — знак несовершеннолетия — висел у него на шее. За мальчиком шел старый слуга и нес свитки пергамента. Очевидно, юноша возвращался из школы.

Поздоровавшись с матерью, он сел рядом с ней.

— Что тебя задержало, сынок? — спросила она. — Надеюсь, с тобой ничего не случилось?

— Ничего, мама, уверяю тебя; по крайней мере ничего особенно неприятного. Я расскажу тебе все подробно: ты же знаешь, я ничего от тебя не скрываю.

Она улыбнулась сыну. Он продолжал:

— Ну прежде всего сегодня я получил венок за декламацию. Учитель наш, Кассиан, задал нам тему: «Истинный философ должен всегда жертвовать своей жизнью за истину». Мои товарищи прочли свои сочинения, и, скажу тебе по правде, сочинения эти показались мне страшно сухи и холодны. Но вины их в этом нет: можно ли писать о том, чего не знаешь? А слово «истина» им непонятно, для них оно лишено смысла.

Ведь жизнь их так далека от того, что было бы хоть немного похоже на истину. А с учением, которое могло бы привести их к истине, они не знакомы. Я же, помня о тебе и об отце, воодушевленный всем тем, во что я верю, написал сочинение очень быстро и начал читать его вслух. Но лишь только я прочел первые несколько строк, как учитель наш вздрогнул и, наклонившись ко мне, сказал тихо: «Берегись, дитя мое, здесь есть уши, которые услышат и не забудут».

— Как! — прервала мать сына. — Неужели Кассиан христианин и узнал христианина в тех мыслях, которые ты высказывал? Я выбрала его школу потому только, что о ней говорили много хорошего, и теперь благодарю Бога, что так случилось. Мы живем в страшное время, мы окружены опасностями, мы в своем собственном отечестве должны действовать тайно, в своем собственном доме должны опасаться врагов, мы едва знаем немногих из братьев наших по вере. Если бы открылось, что

Кассиан христианин, его школа просуществовала бы недолго. Но продолжай: неужели его опасения были серьезны?

— Кажется, да. Пока некоторые мои товарищи чистосердечно хвалили сочинение, в меня впелись черные глаза Корвина, а губы его кривились в злобной усмешке.

— А кто он?

— Он самый старший и самый сильный из учеников нашей школы, но, по правде сказать, он же и самый глупый. Конечно, он не виновен в своем тупоумии, но беда в том, что он еще и зол; он ненавидит меня, и, право, я не знаю, за что. Когда мы вышли из школы и шли по берегу реки, он при всех вдруг стал поносить меня. «Так вот, Панкратий,— сказал он мне,— сегодня мы последний раз встретились с тобою в школе: мы в один день покидаем ее. Нынче ты возвысился над нами, всех нас втоптал в грязь и посмеялся надо мною; я этого не забуду и еще рассчитаюсь с тобой. Я запомнил все высокопарные слова, которыми набито твоё сочинение, и непременно перескажу их отцу. Мой отец, как ты знаешь, префект и готовит сейчас нечто такое, что коснется тебя».

Мать вздрогнула, но сын продолжал:

— Я горел желанием схватить его за горло и швырнуть на землю; сил у меня хватило бы, я знаю... Это было жестокое испытание!..

— Ну, что же дальше? Успокойся. Скажи мне, чем все кончилось?

— В эту минуту подошел Кассиан. Он хотел наказать Корвина, но я попросил учителя не делать этого.

В галерею вошла служанка; она зажгла лампы, мраморные и бронзовые канделябры. Яркий свет озарил Люцину и ее сына Панкратия.

Люцина нежно поцеловала сына; чувство материнской гордости — гордости вполне понятной, когда после нескончаемых забот и бессонных ночей мать видит своего сына почти взрослым, умным и красивым юношей,— многое было в этом поцелуе. Но было в нем еще одно чувство, владевшее Люциной, глубокое и возвышенное. Не далек уже был тот день, когда сын ее, достигнув совершеннолетия, должен будет принять опасный сан священника.

То было время страшных гонений на христиан, и священниками из них становились лишь самые мужественные и стойкие. Сан не защищал от опасностей, напротив — принимавшие его заранее обрекались на неминуемую мучительную смерть. Наряду с многочисленными обязанностями — забота о больных и бедных, обращение в христианство язычников — была у священников еще одна, пожалуй, самая главная обязанность: в минуту крайней опасности, в решающий момент, они показывали пример, проповедуя Евангелие, первыми погибали в цирках, раздираемые зверями на потеху жадной до зрелищ толпы римлян.

Люцина знала; что многие матери-христианки лишились всех своих детей; она сама понесла страшную утрату: муж ее был замучен по приказанию императора.

Панкратий, взглянув на мать, был поражен выражением ее

лица. Лицо Люцины просветлело, оно отражало торжественную ясность и спокойствие. Ее глаза блестели кротким светом. Юноше словно передалось состояние Люцины; он опустился к коленям матери и обнял ее.

— Как долго я молилась, чтобы Бог позволил мне дожить до этого дня,— сказала ему мать.— Я счастлива оттого, что ты послушен, добр, любишь Бога и ближнего. Ты равнодушен к богатству и не тщеславен, твоя любовь к беднякам и обездоленным делает меня еще более счастливой. Я вижу, что ты наследовал добродетели твоего отца-мученика. Нынче ты покидаешь школу. Теперь ты уже не ребенок, а мужчина, взрослый человек, ты должен вести себя так, как подобает мужчине и христианину. Я уверена, что ты вполне сознательно писал свое сочинение. Да, счастлив тот, кто погибает за свою веру, за свои убеждения, словом, за то, что считает истиной!

— Мне кажется, что я понимаю это и чувствую, что готов умереть за свою веру,— тихо сказал Панкратий.

— Ты настоящий сын своего отца. Хочешь ли во всем подражать ему?

— Конечно, мама. С раннего детства я слышал рассказы о его жизни, его добрых делах и славной смерти. Каждый год, когда христиане чтут его память и собираются в катакомбах молиться о нем, я чувствую, как рвется из груди мое сердце. Судьба его прекрасна, и я не раз мысленно обращался к нему и просил поддержать меня, чтобы у меня хватило сил и твердости духа пролить кровь за нашу веру.

— Замолчи, замолчи! — сказала мать, невольно вздрагивая. Ведь Панкратий был ее единственным сыном, и после смерти мужа она сосредоточила на нем всю свою любовь. У Люцины был стойкий характер, твердая воля и глубокая преданность своей религии, но она была мать, и сердце ее дрогнуло, когда единственный сын выказал желание умереть.

Мы уже сказали, что римские юноши, не достигшие совершеннолетия, носили на шее небольшой шарик. Люцина сняла его с шеи сына и сказала:

— Ты получил в наследство от отца благородное имя, высокое положение в свете, огромное богатство, словом, все то, что так дорого ценится в обществе, но я обладаю одной драгоценностью, которая дороже всего этого для меня и, надеюсь, для тебя, я хочу передать ее тебе.

Дрожащею рукою она сняла с себя цепочку с ладанкой, вышитой жемчугом и драгоценными камнями.

— Тут хранится кровь твоего отца. Я присутствовала при его смерти, решила взять эту кровь из рая его и сохранила ее для тебя как святыню...

Слезы прервали слова Люцины; они текли на склоненную голову ее сына, которого она благословила. Панкратий поцеловал ладанку и надел ее на шею. В эту торжественную для него минуту ему казалось, что великий дух отца сходит на него и наполняет его душу новой силой, верой и энтузиазмом. Он чувствовал, что готов, подобно отцу, пожертвовать всем во имя своей веры.

В то самое время, когда Люцина беседовала с Панкратием, другой разговор велся в доме римского патриция Фабия.

Фабий был богат; дом его был убран с тою роскошью, остатки которой до сих пор удивляют путешественников в музеях Рима и Неаполя. Комнаты были огромны; мозаичные полы покрыты персидскими коврами; окна и двери украшены китайскими тканями; мебель обита золотой парчой. Во всех нишах стояли драгоценные безделушки, выточенные из слоновой кости, отлитые из серебра и золота.

Сам Фабий, хозяин дома, представлял собою классический тип тогдашнего римлянина. Полагая, что в жизни не существует ничего, кроме удовольствий, он делил время между веселыми пирами в кругу друзей, зрелищами в цирке, музыкой и чтением лучших поэтов того времени. Он не верил ни в Юпитера, ни в Минерву, очень хорошо понимая, что эти боги есть не что иное, как более или менее изящные статуи; но, следуя обычаю, ходил в их храмы по большим праздникам. Основную же часть дня он проводил в общественных банях.

В то время бани заменяли нынешние кафе, рестораны и клубы. Там можно было играть в кости, в мяч, можно было прочесть вновь вышедшие сочинения и услышать все городские новости и сплетни.

Там же были комнаты, где убивали время богатые римляне. Из бань Фабий отправлялся на площадь; там беседовал с друзьями, толковал о политике, выслушивал новости, а потом заходил в парк и смешивался с толпою тогдашней знати. Наговорившись вдвоём, он зазывал к себе гостей и возвращался домой ужинать. Ужин у богатых римлян начинался в 8 часов вечера и отличался роскошной сервировкой стола, множеством изысканных блюд, вин и редких плодов. На такие ужины тратились огромные деньги. Со всех концов света привозили в Рим редких птиц и рыб, самые изысканные плоды и сласти.

Фабий был человек добрый, но в самом узком значении этого слова. Он хорошо обращался со своими рабами, баловал свою дочь, был веселым собеседником, словом, никому не делал зла. Но ему никогда не приходило в голову, что на каждый свой ужин он тратит столько денег, что половины их хватило бы бедной семье, чтобы прожить целый год. И сейчас думают о таких вещах не часто, а тогда думали еще реже. Теперь существуют больницы, приюты; тогда подобных заведений не было. Но Фабия некогда было думать о бедняках, — он любил одного себя, свои прихоти и удовольствия. По-своему Фабий любил и свою единственную дочь, красавицу Фабиолу. Он дарил ей дорогие платья, драгоценные украшения, заботился о том, чтобы кошелек ее не был пуст и чтобы ей прислуживало столько невольниц, сколько ей хотелось.

Фабиола была необыкновенно красива, умна и образованна. Ее покои были убраны еще роскошнее, чем комнаты ее отца. Перед кушеткой, украшенной серебряными узорами, висело огромное зеркало из цельного полированного серебра, а рядом на

столе из красного мрамора стояло множество флаконов с духами. На другом столе, из индийского сандала, стояли дорогие шкатулки, в которых лежали кольца, ожерелья, серьги и диадемы из золота и драгоценных камней.

Фабиоле был 21 год, она была хороша, богата, знатна, но, несмотря на это, испытывала скуку. Характер ее резко отличался от характера ее отца. Она была высокомерна, вспыльчива и властна. Она требовала от всех, кто окружал ее, повиновения, покорности, а от равных себе — учтивости. Фабиола была избалованное дитя: отец восхищался ею; кормилица и нянька обожали ее и беспрекословно исполняли ее волю. Фабиола прекрасно знала музыку, восхитительно пела и танцевала, говорила и читала по-гречески и слыла за одну из самых образованных девушек Рима; она любила читать серьезные сочинения и была убеждена, что человек должен жить для одного себя, в свое удовольствие, и ни в чем себе не отказывать. О долге и милосердии Фабиола не имела понятия. Она слыхала, что есть люди, которые верят в какого-то Христа, человека бедного и казненно-го на кресте за какие-то преступления; глубоко их презирая, она считала христиан грубыми и неотесанными. Впрочем, они мало ее интересовали, как и теперь счастливца мало интересуют люди страдающие. В языческих богов она не верила так же, как отец; ходила в храмы только из приличия. Многие добивались ее руки, но она не спешила с замужеством, находя, что живется ей достаточно свободно, и менять доброго отца на неизвестного мужа она не собиралась. Еще, того и гляди, попадетесь злой или дурак, тогда натерпишься от него! Никто из числа ее многочисленных поклонников не был отмечен ее вниманием.

Фабиола полулежала на своей роскошной кушетке; она держала в левой руке серебряное зеркальце, а в правой — небольшой кинжал с рукояткой из слоновой кости, на конце которой было приделано кольцо. С помощью кольца кинжал надевался на палец. Зачем кинжал молодой девушке, спросите вы? Римский патриций считал человеком прежде всего себя, а потом плебея, если только он был римский гражданин. На людей же других наций он глядел с презрением, как на варваров, а на рабов — почти как на животных.

Теперь вы поймете, для чего Фабиоле нужен был кинжал. Считая невольницу чем-то вроде домашнего животного, она колола ее каждый раз, когда несчастная делала какое-либо неловкое движение.

У Фабиолы были три служанки-невольницы. Все они были разных национальностей и куплены за большую цену, ибо, помимо красоты, они обладали еще и различными талантами. Одна была чернокожая африканка, с красивыми и тонкими чертами лица, характерными для эфиопов и нумидийцев. Она слыла за знахарку, изучившую свойства различных растений и умевшую составить целительные лекарства и сильнодействующие яды. Ее звали Афра. Другую звали Граей (она была из Греции). Грая отличалась необыкновенным изяществом речи и была мастерица шить платья, причесывать и одевать свою госпожу. Третья — Сира, родом из Сирии, великолепно вышивала и была чрезы-

чайно старательна в исполнении возлагаемых на нее обязанностей. Она отличалась кротостью нрава, была молчалива, беспрекословно исполняла приказания и работала до изнеможения. Афра и Грая старались всячески угодить своей госпоже и потому бессовестно ей льстили.

— Как бы я была счастлива, милая госпожа, — сказала Афра Фабиоле, глядя на нее с подобострастием, — если бы могла быть нынче в триклине и видеть, как ты войдешь и как залюбуются все гости на твою дивную красоту и на твой ослепительный цвет лица. Это притирание идеально; правду сказать, мне пришлось изрядно потрудиться, составляя его.

— А я так и думать не смею, — подхватила хитрая Грая, — о такой чести. Я буду счастлива, если мне удастся выглянуть из дверей и полюбоваться на твою новую платье, привезенное недавно из Азии. Надо признаться, что если ткань богата и красива, то и покрой не уступит ей. Мне пришлось работать всю ночь, чтобы платье тебе понравилось.

— А ты, Сира, чего желаешь, и что ты нынче сделала, чем могла бы похвастаться?

— Мне нечего желать, благородная госпожа, я думаю, что только исполнила свои обязанности.

Этот простой, сдержанный ответ не понравился избалованной, привыкшей к лести девушке, в которой гордость патрицианки соединилась с тщеславием, обычным у красавиц.

— От тебя редко услышишь приятное слово, — сказала Фабиола с досадой.

— Что тебе слова бедной рабыни, богатой и знатной патрицианке, привыкшей слушать только льстивые речи знатнейших лиц города. Ты должна презирать наши похвалы — похвалы невольниц.

Фабиола дивилась, слушая Сиру. Что за рассуждения у рабыни? Разве она могла чувствовать, думать, судить? Как смела она высказывать свое мнение?

— Неужели я должна опять повторять тебе, — гордо сказала Фабиола, — что ты моя собственность, что я купила тебя за деньги и заплатила за тебя очень дорого для того, чтобы ты служила мне и делала то, что мне вздумается. Я имею такое же право на твой язык, как на твой труд, и если мне хочется, чтобы ты хвалила меня и льстила мне, то ты должна будешь это делать. Что мне за дело, хочешь ли ты этого или нет? Даже смешно! Невольница, рабыня вообразила себе, что она может иметь волю! Да знаешь ли ты, что самая жизнь твоя принадлежит мне?

— Это правда, — возразила Сира спокойно и с достоинством, — моя жизнь принадлежит тебе, точно так же, как мои силы, мое тело, мои труды, словом, как все то, что кончается с жизнью. За это ты заплатила, я твоя собственность; но у меня остается другое сокровище, которого не купить за все золото императоров, которого никакая цепь рабства сковать не может.

— Что же это за сокровище, скажи, пожалуйста? — спросила Фабиола не без иронии.

— Моя душа.

— Душа? — повторила Фабиола с недоумением, ибо до сей минуты она никогда не слыхала, чтобы невольница могла вообразить, что у нее есть бессмертная душа. — Что ты понимаешь под этим словом?

— Я не умею выражаться, как люди ученые, как философы, — ответила Сира, — но я понимаю под этим словом мое внутреннее чувство, мою совесть, мое убеждение в том, что я имею право на лучшую жизнь, чем эта, на лучший мир, чем этот. Во мне, я верю, живет тот бессмертный дух, который не умрет с моим телом. Мое внутреннее чувство заставляет меня гнушаться всего низкого и презренного, ненавидеть лесть, ложь и всякое лицемерие.

Две другие невольницы слушали, но не понимали слов Сиры; они стояли неподвижно, пораженные дерзостью их подруги, смело высказывавшей свои мысли. Фабиола была удивлена, но гордость ее проснулась, и она раздраженно воскликнула:

— Где это ты наслушалась таких глупостей? Кто это научил тебя такому красноречию? Что касается меня, то я много училась и пришла к убеждению, что все эти бредни о каком-то другом, заоблачном мире — только выдумка поэтов и философов. Я презираю эти сказки! Неужели ты, необразованная рабыня, воображаешь, что можешь знать больше, чем я, твоя госпожа? Или ты вообразила, что когда умрешь и тело твое будет брошено в общую могилу вместе с телами других рабов, то ты переживешь жизнь твоего тела, забудешь, чем ты была, что у тебя останется еще какая-то другая жизнь, воля и свобода!

— Я не умру вся, как говорит ваш поэт: «Я не весь умру» (Гораций), — сказала Сира с воодушевлением, которое опять удивило Фабиолу. — Я верю, что наступит день, когда мертвые восстанут, и я не буду тогда, как теперь, твоей рабыней, но человеком свободным, равным тебе; эта надежда живет в моем сердце.

— Безумные фантазии, свойственные жителям Востока, они только отвлекают тебя от твоих обязанностей. Из какой школы философии ты их почерпнула? Я никогда не читала ни о чем подобном ни в греческих, ни в латинских книгах.

— Я училась в школе моей родины, в той школе, где не различают грека и варвара, человека свободного и раба.

— Как? — возмущенно воскликнула Фабиола, — ты уже довольна тем, что воображаешь себя свободною после смерти, ты еще осмеливаешься теперь, в этой жизни, считать себя равною мне?! Пожалуй, еще ты думаешь, что ты выше меня? Ну, говори немедленно и без уверток: да или нет? Считаешь ли ты себя равною мне?

Фабиола приподнялась на своей кушетке и, снедаемая досадой и недоумением, пристально смотрела на Сиру.

— Ты выше меня по происхождению, по богатству, по образованию, по красоте, по уму, но если я должна сказать истинную правду...

Сира умолкла и, казалось, колебалась, но Фабиола повелительно взглянула на нее, и она продолжала:

— Суди сама, кого я могу считать нравственно ниже: богатую

ли патрицианку, которая сама признается, что жизнь ее закончится так же, как жизнь любого животного, или бедную невольницу, которая верит, что дух ее после смерти будет жив и вознесется к Богу.

Глаза Фабиолы засверкали, гнев овладел ею. Она чувствовала, что первый раз в жизни получила урок, была унижена, и кем же? — рабыней! Она схватила свой кинжал и бросила его в Сиру. Кинжал впился в руку Сиры, и из глубокой раны заструилась кровь. Сира заплакала от боли. В ту же минуту Фабиола опомнилась. Ей стало стыдно — стыдно перед невольницами и перед самой собою; но она была избалована, надменна, она не научилась видеть в рабыне человека, существо разумное и ей равное, и потому, стыдясь внутренне, не могла не оценить низости своего поступка. Ей стало жаль Сиру, как было бы жаль раненую собаку, и она обратилась к ней почти ласково:

— Поди и скажи Евфросинии, чтоб она перевязала твою руку. Я не хотела тебя так больно ранить. Но постой, я хочу заплатить тебе за мою вспыльчивость.

Она взяла со стола дорогое кольцо и дала его Сире.

— Возьми его, — сказала она, — сегодня можешь не заниматься работой.

Совість Фабиолы успокоилась; она считала, что подарком можно загладить всякое оскорбление.

На следующее воскресенье в христианской часовне между вкладами в пользу бедных появилось изумрудное кольцо; старый священник Поликарп подумал, что какая-нибудь богатая патрицианка, исповедовавшая втайне христианскую веру, пожертвовала его...

Во время сцены, происходившей в комнате Фабиолы, туда незаметно вошла молодая гостья. В покоях римлянок двери очень часто заменялись дорогими занавесками, так что гостья могла войти незамеченной, тем более в ту минуту, когда Фабиола, разгневавшись, ранила свою невольницу.

Когда Сира повернулась, чтобы выйти из комнаты, она почти испугалась, увидев на красном фоне занавесок бледную, неподвижную фигуру молодой девушки, которая была ей знакома. Эту девушку звали Агнией; ей было не более 14 лет. Она была одета в простое белое платье, лишённое всяких украшений. Лицо ее выражало кротость и ясность, глаза ее походили на глаза голубки, да и вся она напоминала собой голубку.

Агния была единственной дочерью богатых и знатных людей и доводилась двоюродною сестрой Фабиоле. Несмотря на разницу лет, Фабиола нежно любила ее. Мы уже сказали, что Фабиола была властной и высокомерной. Только два лица могли укротить ее нрав: Евфросиния и Агния. Фабиола принадлежала к числу тех женщин, которые не умеют любить вполнину и, полюбив раз, любят всем сердцем и готовы сделать все для любимого человека.

— Дождись меня в прихожей, — шепнула Агния проходившей мимо Сире.

— Как это мило с твоей стороны! Спасибо, что ты зашла, — сказала Фабиола Агнии, — ты останешься ужинать с нами. Отец

пригласил двух приезжих иностранцев, и я должна принять их. Один из гостей мне любопытен. Это Фульвий, о богатстве, уме и талантах которого кричит весь Рим, хоть никто точно не знает, кто он и откуда к нам появился.

— Не благодари меня, милая Фабиола, — ответила ей Агния, — я сама рада, когда родные отпускают меня к тебе.

— А ты, как и всегда, одета в белое, — сказала Фабиола, осматривая Агнию, — и опять без серег, без колец и без ожерелья. Ты похожа на весталку или на невесту. Но что это? — вскрикнула вдруг Фабиола. — Что это за пятно? Это кровь! Иди переоденься; я сейчас прикажу дать тебе одну из моих накидок.

— Ни за что, — сказала Агния, — правда, это кровь, и кровь бедной невольницы, но в моих глазах она благороднее и чище моей и твоей крови.

Фабиола поняла, что Агния была свидетельницей ее низкого поступка и что Сира, проходя мимо Агнии, испачкала ей платье. Она чувствовала себя униженной, она стыдилась самой себя, но не хотела показать этого, и потому сказала с досадой и горечью:

— Тебе, верно, хочется перед всем светом обличить мой некротимый и заносчивый нрав и объявить всем, что я слишком строго наказала дерзкую рабыню?

— Нет, нисколько; я хочу сохранить это пятно как воспоминание об уроке, данном мне бедною невольницей. Она показала мне, как безропотно надо выносить физическую и нравственную боль.

— Что за странная мысль! Право, Агния, я всегда находила, что ты слишком много придаешь значения этим тварям. Да кто они такие?

— Такие же люди, как и мы с тобой, — сказала Агния, — одаренные таким же разумом, такими же чувствами. С этим спорить невозможно. Они члены той же семьи, что и мы; тот же Бог, который даровал нам жизнь, даровал ее и им, и если Он — Отец наш, то невольники и невольницы — наши братья и сестры.

— Раб — мой брат! Рабыня — моя сестра! Да избавят нас от этого боги! — воскликнула Фабиола в ужасе. — Эти твари — наша собственность, и они должны делать и думать все, что им прикажут их господа.

— Ну полно, — сказала кротко Агния, — не сердись. А ведь верно, что простая невольница сейчас оказалась выше тебя по сердечности, по твердости духа, по терпению и кротости? Не отвечай мне! По твоему лицу вижу, что ты сознаешь это. Я бы не хотела, чтобы с тобою опять случилось то же самое. Прошу тебя, исполни мою просьбу.

— Все, что тебе угодно; я ни в чем тебе не отказываю.

— Продай мне Сиру. Ведь будет неприятно видеть ее около себя после того, что случилось.

— Напротив того, Агния, мне хочется на этот раз победить чувство гордости; я чувствую к ней нечто, похожее на... право, не знаю, как сказать! Она такая странная! Я в первый раз испыты-

ваю какое-то мне самой непонятное чувство в отношении к рабыне.

— У меня она будет счастливее,— настаивала Агния.

— Конечно,— ответила Фабиола,— кто может быть несчастлив с тобой? Все люди, близкие к тебе, счастливы: это дар, и я никогда не видела такой семьи, как ваша. Вы все, как и Сира; придерживаетесь этой странной школы и не различаете рабов и людей свободных. В вашем доме на всех лицах читаешь спокойствие, мир, счастье, все весело работают и исполняют свои обязанности. Никто ничего не приказывает, а дело делается. Я всегда думала,— продолжала Фабиола, смеясь,— что в той комнате, куда ты никого не пускаешь и которая всегда заперта, ты спрятала какие-нибудь чары и приворотные зелья. Если бы ты была христианка и тебя отдали бы зверям на растерзание, я думаю, и они не бросились бы на тебя, а легли бы послушно у твоих ног. Но что ж ты глядишь на меня так грустно? Ведь я шучу, разве ты не видишь?

Агния, смотревшая действительно задумчиво и печально, вдруг встрепенулась и сказала:

— Ну что ж, на свете и не то еще случается! Если бы такая ужасная участь ожидала кого-нибудь, то именно Сиру я бы хотела иметь рядом: отдай мне ее!

— Полно, Агния, клянусь, я шутила, я слишком хорошо тебя знаю, чтобы вообразить себе, что подобные ужасы возможны, что такое страшное несчастье может постигнуть тебя. Что же касается Сиры, то это правда, она способна жертвовать собою. В прошлом году во время твоего отсутствия я опасно заболела; все невольницы боялись подходить ко мне, чтобы не заразиться, и кормилица должна была бить их, чтобы заставить их прислуживать мне. Одна Сира не отходила от меня ни днем, ни ночью; она без устали ухаживала за мною, и я думаю, что отчасти ей я обязана моим выздоровлением.

— И ты не полюбила ее за это всем сердцем? — спросила Агния.

— Полюбить? Полюбить рабыню?! Да разве это можно?! Какое ты еще дитя! Я щедро наградила ее, дала ей денег, подарила разных вещей. Однако я не знаю, куда она деваает деньги и вещи, которые я ей дарю. Другие невольницы уверяют меня, что она ничего не хранит, что у нее ничего нет на черный день, говорят, что она всегда делит свой обед с какою-то слепую девочкой.

— Отдай мне Сиру,— сказала Агния с жаром,— ведь ты обещала мне сделать все, о чем я тебя попрошу. Отдай мне ее! Назначь какую хочешь цену и позволь мне нынче же увести ее с собою.

— Ну, пожалуйста, какая ты неотвязная! Я не могу тебе перечить. Пришли завтра кого-нибудь к управителю моего отца, пусть они договорятся. А теперь пойдем к отцу и его гостям.

— Ты забыла надеть свои серьги и ожерелья.

— Ладно, в этот раз я обойдусь и без них, я сегодня что-то не расположена наряжаться.

Они нашли всех гостей Фабия в комнате, назначенной для приемов и ужинов. На этот раз был не пышный пир, а обыкновенный ужин в обществе нескольких друзей и хороших знакомых.

Не будем подробно описывать блюда, находившиеся на столе в этот вечер. Как мы уже сказали, отец Фабиолы любил пожить в свое удовольствие и не жалел денег.

Когда девушки вошли в гостиную, Фабий поцеловал дочь и тотчас заметил, что на ней не было ни одной драгоценной вещи. Фабиола покраснела и не знала, что отвечать отцу. Ей опять стало стыдно и не хотелось признаться, что вспыльчивость довела ее до того, что она ранила рабыню; какое-то раздражение, смешанное с недовольством собою, помешало ей заняться туалетом. Агния поспешила выручить подругу; она сказала шутя, что Фабиола не хотела, вероятно, появиться во всем блеске роскошного наряда с нею, одетою так просто, чтобы не затмить ее собою. Эта невинная фраза послужила поводом к шуткам, которые привели Агнию в замешательство. Фабий, смеясь, уверял Агнию, что пора ей подумать о женихах и замужестве и больше заботиться о своих нарядах, что она уже не дитя, а почти взрослая девушка. Бедная Агния смутилась и поспешила оставить Фабия, возвратившись к подруге, разговаривавшей с гостями.

Мы упомянем о некоторых из них, и, во-первых, о Кальпурнии — человеке начитанном, но страшно нудном, надоевшем всем своею ученостью. Это был плотный, высокого роста мужчина с короткой, толстой шеей, как будто вросшей в его туловище. Такие короткие и толстые шеи всегда придают человеку незавидное сходство с каким-нибудь сильным, но тупым животным. Второй гость был Прокул, он жил в доме Фабия и любил хорошо поесть. Кроме этих двоих; были и другие, более интересные люди. Между ними выделялся умом и красотой молодой офицер преторианской гвардии Себастьян, находившийся в дружеских отношениях с семейством Агнии и Фабиолы. Ему не было и тридцати лет, но будущность его была уже обеспечена; он был любимцем обоих императоров, Диоклетиана на Востоке и Максимиана в Риме, и мог надеяться на самую блестящую карьеру*. Одет он был очень скромно, был прост и в обращении; разговор его, серьезный, умный и занимательный, привлекал к нему общество. Все любили говорить с ним, все любили его слушать.

Себастьян был представителем лучшей молодежи того времени. Он славился своею щедростью, благородством, мужеством и добротой. Рядом с ним, будто для контраста, стоял красавец Фульвий, новая звезда римского общества, о котором Фабиола говорила Агнии. Он был молод, щегольски одет, речь его была изысканна, но с легким иностранным акцентом. Его подчеркнутые учтивость и светскость многим уже начинали казаться приторными. Кольца на руках, золотые вещи на платье свиде-

* Римский император Диоклетиан (284—305) вскоре после утверждения на троне избрал своим соправителем Максимиана (Прим. ред.).

тельствовали о внимании, которое он уделял своему наряду, и соответствующих денежных расходах. Фульвий появился в Риме внезапно. При нем был только старый слуга, по-видимому, очень к нему привязанный. Никто не мог с уверенностью сказать, был ли он рабом, вольноотпущенником или же другом Фульвия. Слуга отличался смуглым цветом лица и говорил с Фульвием на незнакомом языке. Он обладал довольно отталкивающей наружностью, а в глазах было что-то звериное, и другие слуги его боялись.

По прибытии в Рим Фульвий снял квартиру, меблировал ее с необычайной роскошью и набрал целую толпу рабов. Он любил сорить деньгами, но еще больше любил, чтобы все говорили об этом. Красота, богатство Фульвия, светские манеры и внезапное появление его в Риме привлекали к нему всеобщее внимание.

Развращенный и пресыщенный Рим требовал от человека немногого: он должен был быть богат, давать ужины и принимать гостей. Остальное никого не интересовало. Рим находился уже в том состоянии упадка, когда богатство и красота предпочитают всему на свете. Император принял Фульвия благосклонно — чего же больше? И весь римский свет спешил познакомиться с приезжим.

В лице Фульфия, чрезвычайно красивом, было, однако, что-то неприятное. От тонких черт его лица, словно изваянных из мрамора, казалось, веяло холодом...

36 Скоро все сели, или, лучше сказать, возлегли на длинных кушетках вокруг стола. Центр занимал хозяин с двумя гостями. По одну сторону стола сидели Агния и Фабиола (в отличие от мужчин, женщины не могли возлечь по обычаю того времени), а напротив них расположились Себастьян и Фульвий. Часть подковообразного стола осталась пустою, чтобы слуги могли менять посуду и подавать новые блюда. Стол был накрыт скатертью; скатерти уже начали широко использоваться, хотя во времена Горация о них еще не имели представления.

Когда гости почувствовали себя сытыми, завязался общий разговор.

— Что нового рассказывали нынче в банях? — спросил Кальпурний. — Я, знаете, не хожу туда; мне недостает времени на эту суету, я всегда так занят, так завален работою...

— Очень интересные слухи. Божественный Диоклетиан приказал, чтобы термы были непременно окончены в течение трех лет.

— Невозможно! — воскликнул Фабий. — Еще на днях, проходя в сады Саллюстия, я взглянул на работы, и уверяю вас, что они мало продвинулись с прошлого года. Остается бездна дел: надо пилить плиты из мрамора, вытачивать и полировать колонны, а это не пустяки.

— Верно, — заметил Фульвий, — но я знаю, что во все концы империи разослан приказ согнать в Рим всех пленных, всех преступников, приговоренных к работе в рудниках; кроме того, тысячи христиан, которых используют на этих работах, быстро их продвинул.

— А почему на них используют преимущественно христиан,

а не других преступников? — спросила Фабиола с любопытством.
— По правде сказать, этого я не знаю, — ответил Фульвий, улыбаясь и показывая ряд блестящих, белых, как жемчуг, зубов. — Могу только сказать, что я узнаю христианина среди сотен преступников.

— Почему? — хором спросили все присутствующие.

— Обыкновенно преступники не слишком любят трудиться, и это понятно: их постоянно надо побуждать бичом, чтобы работа двигалась. Кроме того, они беспрестанно ругаются между собой и даже дерутся. Христиане же, напротив, трудолюбивы и спокойны. Я видел в Азии собственными глазами молодых, богатых, знатных патрициев, избалованных дома нежными родными. Они были схвачены, уличены в том, что принадлежат к христианской секте, и, следовательно, приговорены на всю жизнь к тяжким работам. Верите ли, что они своими белыми руками, никогда не знавшими тяжести, работали так же усердно, как простые рабы. Мало того, они помогали рабам и вместе с ними таскали тяжеленные камни. Это, разумеется, мешало надзирателям бить их палками, потому что божественный император приказал обращаться с ними как можно суровее и стараться всеми способами сделать участь их невыносимой. Они все терпели и не жаловались.

— Я не могу сказать, чтоб этот род правосудия был мне по сердцу, — сказала Фабиола, — но мне хотелось бы узнать: глупость или бесчувствие христиан служит источником этого смирения и трудолюбия. Что за люди эти христиане?..

— А вот спросите у Кальпурния, — сказал Прокул, — он в качестве философа все знает, все разрешит и может говорить о каком угодно предмете в продолжение целого часа.

Кальпурний не уловил насмешки в словах Прокула и сказал важно и торжественно:

— Это нелепое суеверие получило начало среди иудеев, которые сами происходят из Халдеи. Основатель секты, некто Иисус по прозванию Христос, возбудил иудеев против государства, а потом, когда они изгнали его, он собрал шайку из девяноста человек и занялся разбоем. Прокуратор Пилат захватил его и казнил, но подавленное на время суеверие просочилось в другие страны и, разумеется, к нам в Рим, куда от варваров стекается всякая мерзость. Поклоняясь своему распятому софисту, христиане поступают, как самые дикие народы, а богов, которые укрепили мощь нашей империи, отвергают и глумятся над ними. Они не желают воздавать почести божественному Августу и нарушают наши законы. И все из-за их ненависти ко всему роду человеческого. Они враги государства и поэтому скрывают от всех свои обряды. Они узнают друг друга по тайным знакам и отличиям и без разбора называют друг друга братьями и сестрами. Большинство из них — темные ремесленники и неграмотные женщины. Я слышал, что НА ИХ собраниях происходят самые отвратительные вещи. По какому-то нелепому убеждению они поклоняются ослиной голове и орудию казни, которое воистину их достойно. Когда человека принимают в секту, перед ним кладут младенца, покрытого мукой, и новичку

предлагают нанести по поверхности удары, и он, сам того не зная, убивает младенца. Тогда все начинают жадно рвать его тело и слизывать текущую кровь. Словом, это настоящая угроза для всей страны. Печально, что эта зараза так распространилась в городе и в провинции.

Все слушали этот вздор с живейшим любопытством, кроме молодого офицера; его лицо выражало несказанное презрение, и он многозначительно взглянул на Агнию, которая сидела словно окаменевшая. Она едва заметно кивнула ему головой и также едва заметно коснулась губ пальцем. Он понял, что она просит его не вступать в разговор. Сильный румянец залил лицо Себастьяна; он потупил глаза и принялся вертеть в руках ветку зелени, которая лежала между плодами на дорогом блюде.

— Из всего этого следует, — сказал Прокул, — что термы вскоре будут окончены и наступят великие празднества. Не будет ли божественный Диоклетиан присутствовать при открытии и освящении терм?

— Разумеется, — сказал Фульвий, — по этому случаю нас ожидают шумные торжества. Я знаю, что приказано поймать в Нумидии самых свирепых львов и леопардов. Такой храбрый воин, как ты, Себастьян, — сказал Фульвий, обращаясь внезапно к соседу, — должен приходиться в восторг от благородных зрелищ амфитеатра, особенно когда погибающие на арене принадлежат к числу врагов великого императора и великой республики.

Себастьян приподнялся на кушетке и, устремив на соседа горящий, но твердый взгляд, спокойно сказал:

— Я бы не заслуживал названия храброго воина, которое ты сейчас дал мне, если бы мог видеть хладнокровно борьбу (так называют ее, хоть это и неправда) женщины, ребенка или даже безоружного мужчины с диким зверем. Такие зрелища не благородны, хотя ты и назвал их благородными. Да, я готов обнажить меч мой против врагов республики и императора, но не стану сражаться с безоружными и с удовольствием убью льва или леопарда, который готов растерзать невинного, хотя бы это и совершалось по приказанию императора.

Фульвий хотел было возразить, но Себастьян тяжело положил на плечо ему свою красивую, но крепкую руку и с силою продолжал:

— Выслушай до конца. Я не первый и не лучший из римлян, которые так думают. Вспомни слова Цицерона: «Эти игры, конечно, великолепны, но какое удовольствие может находить человек, одаренный тонким умом, при виде слабого существа, терзаемого зверем, наделенным страшной силой?» Я не стыжусь, что разделяю мнение величайшего из римских ораторов.

— Стало быть, мы никогда не увидим тебя в амфитеатре, — сказал ласково Фульвий, хотя в звуке его голоса послышалось что-то фальшивое, а в выражении лица появилось лукавство.

— Если ты меня увидишь в амфитеатре, то уверяю тебя, что я буду на стороне беззащитной жертвы, а не на стороне зверей, готовых растерзать ее.

— Славно сказано, Себастьян! — невольно воскликнула Фабиола и захлопала в ладоши.

Фульвий замолчал. В эту минуту все встали из-за стола, начались прощания и разъезд гостей.

IV

Пока гости ужинали в зале Фабия, Сира пришла к кормилице Фабиолы, Евфросинии, которая перепугалась, увидев ее рану. Евфросинья обмыла рану и перевязала ее.

— Бедняжка! — сказала она. — Но что ты сделала такое, чтобы заслужить гнев нашей госпожи? Тебе, должно быть, очень больно? Сильно же ты, вероятно, провинилась перед ней, если она так разгневалась. И сколько крови! Боги мои, да что же ты такое сделала?

— Я осмелилась спорить с ней.

— Спорить? Спорить с госпожой? Бессмертные боги! Да ты рехнулась? Слыханное ли это дело, чтобы раба могла спорить с госпожой, как наша! Сам Кальпурний побоится спорить с ней! Теперь я не удивляюсь, что она... так взволновалась, что и не заметила, как поранила тебя! Однако ты молчи и никому не рассказывай! Не надо, чтобы знали, что... что... ну, что ты спорила с нею. Это не сослужит тебе добрую службу. Нет ли у тебя хорошенького шарфа? Я перевяжу им твою руку, будто ты принарядилась, вот и не будет видно твоей раны, никто ее не заметит. Но это у твоих подруг много нарядов, а у тебя ничего нет; ты, кажется, совсем не любишь наряжаться. Я пойду взгляну.

Евфросинья вошла в комнату невольниц, смежною со своей комнатой, отворила сундук Сиры и, перерыв все, что там лежало, нашла на дне его покрывало, украшенное жемчугом и драгоценными камнями. Она удивилась, что у Сиры оказалась такая дорогая вещь. Напрасно покрасневшая Сира просила ее оставить покрывало в сундуке, позволить ей не надевать его, говорила, что невольнице не пристало носить такую дорогую вещь, которую она хранит только в воспоминание о своей родине и иной участи в доме отца и матери. Но Евфросинья, желая скрыть от других поступок Фабиолы, заставила Сиру обвязать руку покрывалом.

Сира вышла в маленькую прихожую, находившуюся около комнаты привратника, где невольницам позволялось принимать своих родных и друзей. Она держала в руках корзину, накрытую полотном. Вскоре туда пришла девушка лет шестнадцати или семнадцати, бедно, но чисто одетая. Она бросилась на шею Сиры и прижалась к ней. Девушка была очень хороша собой, но слепа от рождения.

— Садись, Цецилия, — сказала ласково Сира и повела ее к столу. — Я принесла тебе вкусный ужин. Поешь.

— Мне кажется, что я и так всякий день отлично у тебя ужинаю.

— Да, верно, но сегодня госпожа прислала мне со своего стола лучшие блюда.

— Какие вы обе добрые! А уж ты, так прямо не знаю, что сказать. Почему же ты сама не попробуешь этих вкусных блюд?

— Честно говоря, мне приятнее смотреть, как ты их ешь. Ты, бедненькая, наверное, устала?

— Послушай, Сира, это не годится. Я не могу есть, как богатые, одеваться, как богатые, чужими трудами и подачками. Я разделю охотно с другими бедняками, что мне дадут, но не могу лишить тебя ужина; это уж было бы совсем нехорошо с моей стороны.

— Ну, ладно, ладно! Я отдам половину ужина подругам, а мне самой, право, сегодня есть не хочется.

Сира направилась в комнату невольниц и отдала им серебряное блюдо, присланное Фабиолой. Рабыни были завистливы, жадны и не понимали, почему Сира раздавала все, что у нее было; но скоро они перестали удивляться и, не задумываясь, пользовались ее добротой. Они спокойно съедали ее ужин и столь же спокойно брали у нее все, что она предлагала, не испытывая при этом благодарности. Рабство лишило их способности ценить доброе к ним отношение.

Войдя в комнату невольниц, Сира сняла шаль с руки, чтобы не давать повода к расспросам, откуда у нее появилась такая дорогая вещь. Выходя, она снова надевала ее, боясь упреков Евфросиньи. В этот момент Сира увидела Фульвия. Она побледнела и тотчас спряталась за колонну. Колени ее подгибались и сердце билось так, что казалось, готово было выскочить из груди. Вне себя от страха она перекрестилась и, собрав все силы, бросилась к двери и быстро выбежала наружу, не заметив при этом, что слабо надетая перевязь соскользнула с ее руки.

Взгляд Фульвия, не увидевшего Сиру, упал на покрывало. Подняв покрывало, Фульвий побелел. Глаза его с ужасом остановились на кровавых пятнах. Осмотревшись, он быстро спрятал покрывало под плащ. Бледный и встревоженный, Фульвий возвратился домой, позвал слугу и заперся с ним. Не говоря ни слова, он положил перевязь на стол перед зажженной лампой. Старик-слуга взглянул на нее и замер. Несколько минут они молча рассматривали ткань.

— Это, несомненно, та же ткань, — сказал слуга, — и однако, она умерла. — это также не подлежит сомнению.

— Ты уверен в этом, Эврот? — спросил Фульвий, пристально смотря на него.

— Уверен настолько, насколько может быть уверен человек, который видел умершую собственными глазами. Где ты нашел покрывало и откуда на нем кровь?

— Все это я расскажу тебе завтра; сейчас я слишком устал. Может быть, эта кровь — знак грядущего мщения?

— Какая чушь! Видел ли кто-нибудь, что ты поднял этот... это покрывало?

— Никто не видел.

— Значит, мы в безопасности. Пусть лучше оно будет в наших руках, чем в чьих-либо других. Ночью придумаем, что делать.

— Да, хорошо, только ложись спать в моей комнате. — Оба улеглись. Фульвий на громадной кровати, а Эврот — рядом на низкой постели. Последний долго не спал и пристально глядел

в лицо Фульвия, сон которого был тревожен: Фульвий метался и бредил. Ему снилось, что он в далекой стране, в красивом городе, построенном на берегах реки. От берега отчаливает галера, раскачиваемая волнами, и чья-то рука машет ему на прощанье богато вышитым покрывалом. Потом возникает другая сцена. Корабль в море; его носит страшная буря, и на мачте привязано и развевается то же покрывало. Корабль разбивается об утесы; раздается страшный вопль, и все исчезает под черными, разъяренными волнами. Только конец мачты еще виднеется из-под волн, и покрывало все еще развевается на ней! Но вдруг посреди черных морских птиц появляется черная фигура; она летит, махая большими, блестящими крыльями. В руке у нее дымится зажженный факел. Черная фигура приближается к покрывалу, срывает его и, летя, распускает его перед собою с гневом и ненавистью, но на нем уже не видно богатого шитья, а только одно слово горит огненными буквами: «Мщение!»

V

Когда Фульвий вышел из дома, Сира пришла в себя от страха и направилась к Цецилии. Бедная слепая окончила свой ужин и дожидалась подруги. Сира принесла воды и вымыла ей руки и ноги, по тогдашнему христианскому обычаю, потом расчесала ей волосы и заплела их в косы.

В эту минуту появилась Агния; ее провожала Фабиола. Агния, остановившись у двери, показала Фабиоле рукою на Сиру и Цецилию. Слепая сидела на стуле, а Сира все еще расчесывала ее густые волосы; на столе стояли остатки ужина. Фабиола была тронута. Ей еще никогда не приходилось видеть женщину, которая бы отдавала бедным свой ужин и добровольно принимала на себя обязанности служанки. Она тихо сказала Агнии:

— Эта невольница уже доказала, что она одарена умом, а теперь доказывает, что у нее редкое сердце. Когда ты спросила у меня вечером, как я могла не полюбить ее, рабыню, то я удивилась; но теперь мне кажется, что я могла бы полюбить ее, и я жалею, что согласилась уступить ее тебе.

Вскоре Фабиола простилась с Агнией и вернулась в свои покои. Агния подошла к Цецилии.

— Так вот в чем твоя тайна, Цецилия!— сказала она.— Ты не хотела обедать у меня потому, что обедала и ужинала у Сиры. У меня есть для вас радостная новость. Сира! Фабиола уступила тебя мне, и с сегодняшнего дня мы будем жить вместе, как сестры.

Цецилия захлопала в ладоши и, обняв Сиру, воскликнула:

— Ах, как я рада! Милая, милая Сира!

Сира была глубоко тронута и дрожащим от волнения голосом ответила Агнии:

— Как ты великодушна, Агния! Ты всегда заботишься о других и всегда ищешь, кому бы помочь. Ты подумала и обо мне... Ты не прошла и мимо меня. Благодарю тебя, но я не могу расстаться с этим домом. Уверяю тебя, что мне хорошо здесь живется.

— Но ты будешь свободна, — сказала Агния. — Я завтра же отпущу тебя на волю.

— Да, конечно; правда, я не родилась невольницей, и только обстоятельства... воля Божия привела меня сюда.

Она заплакала. Цецилия и Агния молчали. Наконец Сира успокоилась и твердо сказала:

— Я говорю тебе, что воля Божия привела меня сюда и указала мне путь, по которому я должна идти, забыв о собственном счастье. Я вижу свою цель; не иди к ней я сочту великим грехом; мне нужно остаться при Фабиоле.

— Объясни мне, почему? На что ты надеешься?

— Я молюсь об одном, — и это моя цель. Пусть будет так, как Богу угодно, но я отдаю этой цели всю свою жизнь, и прошу тебя, милая, добрая, не становись между мною и ею.

— Как хочешь, Сира, как хочешь, милая сестра! Позволь мне так называть тебя. Оставайся на том пути, который ты избрала. Он прекрасен; и ты должна достигнуть своей цели, если так горячо стремишься к ней, что ставишь ни во что собственное счастье и собственную свободу.

В эту минуту вошел слуга и сказал Агнии, что за ней присланы носилки; Агния распрощалась с Цецилией и Сирой и вышла. Всякий, кто со стороны посмотрел бы на прощание богатейшей и знатнейшей патрицианки с невольницей Сирой и нищенкой Цецилией, пришел бы в неописанное изумление: казалось, что прощаются сестры, а не люди, между которыми общество воздвигло целую бездну. Но первые христиане не отступали от заповедей Спасителя: они считали всякого человека равным себе, помнили великие слова: «Любите ближнего, как самого себя» и свято хранили их.

VI

Отправляясь домой, Агния предложила Цецилии проводить ее, но та с улыбкой напомнила, что она слепа, что для нее день и ночь одинаково темны и что она ходит ощупью по всему Риму. Искусство ее в этом отношении было так велико, что ее брали проводницею в катакомбы: все их переходы она знала еще тверже римских улиц. Глаза, утомленные однообразием коридоров катакомб, могли бы изменить и ввести в заблуждение любого, но память и осязание Цецилии никогда ее не обманывали.

Между тем в доме Фабия произошло смятение. Евфросинья увидела, что у Сиры не было на руке богатой перевязи, и приказала искать ее. Слуги бегали по всему дому с факелами, искали во всех углах, отодвигали всю мебель, суетились, спорили — и все-таки не нашли перевязи. Евфросинья сердилась, приказала отыскать ее во что бы то ни стало, и повторяла: «Ведь не украли же ее? Кто у нас мог ее украсть? У нас люди все верные, все известные! Ведь не господа же взяли этот платок. Найдите его; его надо найти! Ведь не провалился же он сквозь землю!..» Но все слова ее были напрасны. Перевязи нигде не нашли, и спать пришлось лечь со словами: «Завтра опять поищем».

На другой день Евфросинья осмотрела все шкафы, даже сун-

дуки невольников и невольниц, сгибала свою старую спину, заглядывала под столы и диваны, и все-таки опять ничего не нашла. Тогда старуха выразила свое глубокое сожаление Сире, потерявшей такую дорогую вещь, и решила, что перевязь заколдована и похищена при помощи каких-нибудь чар. Ну а это, всем известно, совсем другое дело. И искать, значит, нечего. Подозрения кормилицы упали на Афру. «Это она, это ее дельце,— повторяла Евфросинья, ворча себе под нос.— Недаром шляется по ночам, возвращается домой с зарею, набирает каких-то трав. Это заговоренные травы. Она рассказывает, что из трав делает притирания для госпожи, но все это ложь: уж, верно, она приносит заговоренные травы! Надо мне будет сказать Фабиоле... да что с ней говорить-то! Скажет, какие заговоры, какие чары! Все пустяки, выдумки! Заговоров нет! А как же нет? Ведь перевязь-то пропала, как сквозь землю провалилась — стало быть, заговоры есть и чары есть! Уж чересчур учена она,— все, видишь, знает!».

Что касается Сиры, которая молчала по особым, ей одной известным причинам, то она была уверена, что перевязь ее была поднята и взята Фульвием. Долго думала Сира о несчастных для нее последствиях этой находки и решила отдать на волю Божию; на совести у нее не было ничего злого или предосудительного, и она совершенно успокоилась.

Между тем Фабиола разделась, отпустила невольниц и осталась одна. Она взяла книгу, но не могла читать. В этот вечер жизнь ее казалась ей особенно пустой и ничтожной... Опустив наскучившую ей книгу, она в раздумье посмотрела вокруг себя, и ей на глаза попался кинжал; она почувствовала отвращение к этому орудию своего гнева, и стыд залил щеки ее ярким румянцем. Она отворила шкатулку, бросила в нее кинжал и заперла ее на ключ, обещая себе никогда до кинжала не дотрагиваться. Мысль ее от Сиры перешла к Агнии. «Странная девушка, почти дитя, а сколько в ней разума, чувства, доброты!» — подумала Фабиола.

Ей вспомнилось, что во время ужина Фульвий часто смотрел на Агнию. Фульвий не нравился Фабиоле; она находила, что у него недоброе выражение лица, что в нем много фальшивого, много такого, чего определить она не могла, но что вызывало недоверие. Уходя спать, отец сказал ей, что Фульвий мог бы быть хорошей партией, выгодным женихом для Агнии. Эти слова испугали Фабиолу: она, напротив, приняла решение всеми силами противиться такому намерению. Она любила Агнию и не желала, чтобы та сделалась женой человека, который Фабиоле был очень неприятен и которого она подозревала в дурных наклонностях.

Задумавшись о Фульвии, она перешла мыслью к его соседу за ужином, к молодому и благородному Себастьяну. «Вот это человек! — воскликнула Фабиола почти вслух. — Как он не похож на римских молодых людей, по крайней мере на большинство из них. Он никогда не злословит, не сплетничает, не пьет без меры, как другие, не шатается с утра до вечера из дома в бани и из бань в сады. Все его слова умны, все его мысли благородны. Как

хорошо он говорил нынче за ужином! Правда, что храбрый воин, блестящий офицер императора не может, не опозорив себя, нападать на безоружных! Какое благородство стать с мечом на стороне жертвы! Редкий человек...».

Фабиола высоко ценила ум и уважала молодого офицера преторианской гвардии, но в этот вечер она еще больше поняла, насколько он был достоин уважения. Ей казалось, что этот прошедший день был важнейшим днем ее жизни; она опять с горьким стыдом вспомнила о гневе, о своем дурном поступке и о бедной Сире. Фабиола хотела бы не думать о ней — и не могла. Упрямая мысль ее, перелетая от предмета к предмету, от лица к лицу, неумолимо, как укор совести возвращалась к Сире и сцене, происшедшей между ними.

Она легла в постель и все-таки не могла отделаться от образа Сиры, от покрытой кровью ее руки, и ей чудилось, будто бы она все это опять видит наяву. Наконец Фабиола заснула, но сон ее был тревожен. Снилось ей, что она гуляет в великолепном освещенном саду; свет этот мягче и нежнее дневного, и, однако, несколько не похож на свет огней или канделябров. Растения поразительной красоты фестонами перекинулись от дерева к дереву; деревья покрыты золотыми и яхонтовыми плодами. Посреди лужайки сидит слепая Цецилия, лицо которой сияет каким-то удивительным выражением блаженства. По правую ее сторону стоит Агния, по левую — Сира, и обе обратились к ней с любовью и нежностью.

Фабиоле страшно захотелось идти к ним; ей казалось, что они так счастливы; ей казалось, что они манят ее к себе. Она бросилась к ним стремительно, но в ту самую минуту между ними и ею разверзлась пропасть.

Внизу этой широкой, глубокой, темной бездны ревел, неудержимо мчался вперед поток; он все рос, все поднимался и, наконец, стал вровень с берегами; тогда волны его сделались тише, прозрачнее и, наконец, потекли ровными серебряными струями. Фабиоле захотелось броситься в поток и переплыть его, чтобы добраться до Агнии, Сиры и Цецилии, которые все манили ее к себе. Но она стояла, ломая себе руки в порыве отчаяния, и осматривалась, ища возможности пройти к ним. В эту минуту из темноты, окружавшей сад, вышел Кальпурний; он подошел к ней, держа в руках какое-то покрывало. Вот он его разворачивает; оно тяжело, широко и темно; на нем начертаны какие-то безобразные фигуры и странные знаки. Это покрывало все разворачивается, разворачивается, все делается шире и тяжелее и, наконец, закрывает собою Агнию, Сиру и Цецилию. Ей уже не видать их, и жестокая печаль овладевает ею...

Но вот является вдруг прекрасный юноша в белой одежде с широкими, блестящими, белыми, как снег, и прозрачными, как хрусталь, крыльями; золотые кудри его рассыпались по плечам, а голубые, как небо, глаза его с любовью взглянули на Фабиолу. Она смотрит на него в изумлении, зачарованная... черты его знакомы ей, — да! Это черты Себастьяна, только преобразенные, более прекрасные, какие-то воздушные! Это не человек, это божество! Он летит прямо к ней, голова его склоняется над ней,

и концом благоухающих крыльев он касается утомленного, горящего лица ее. Необычайное чувство неведомой дотоле нежности, блаженства охватывает все существо Фабиолы; ей кажется, что она уйдет далеко, поднимется, улетит за ним... но волнение ее так сильно, что она внезапно просыпается и долго не может заснуть.

VII

На самом высоком из холмов Рима — Палатинском — Август некогда построил свой дворец; и примеру его последовали многие его преемники — императоры. Со временем скромный дворец Августа превратился в целый квартал дворцов, которые покрыли своими стенами, садами и портиками весь холм. Нерону показалось и этого мало. Он поджег кварталы, прилегающие к дворцам, и расширил резиденцию императора до Эсквилинского холма; таким образом, он захватил для своих построек все пространство между двумя холмами. Веспасиан разрушил дворец императоров (называвшийся Золотыми чертогами), а из материалов дворца построил Колизей и другие здания. Главный вход во дворец находился на Виа сакра, священной улице, неподалеку от арки или ворот Тита. Входя под перистиль* дворца, посетитель попадал в обширный двор, уцелевший до сих пор. Повернув направо, он входил в большой сад с тенистыми деревьями, кустарниками и цветами, насаженный в виде прямоугольника по плану Домициана, посвятившего этот сад Адонису. Поворачивая налево, посетитель достигал длинного ряда покоев, построенных Александром Севером в честь матери его Маммеи. Комнаты эти были обращены на Целийский холм, туда, где теперь находится триумфальная арка Константина, построенная позднее, и фонтан, называемый *Meti sudans*, т. е. потеющий столб. Остатки фонтана целы до сих пор, это обелиск из кирпичей, обшитый мрамором, с вершины которого бежал поток воды в бассейн, находившийся внизу.

В этом-то отделении двора жил Себастьян в должности военного трибуна императорской гвардии. Его квартира состояла из нескольких комнат, меблированных очень скромно, а прислуга из нескольких вольноотпущенных и пожилой женщины — кормилицы, любившей его как сына. Все слуги были христиане, так же как и солдаты его когорты. Некоторые из них были набраны из христиан, другие обращены в христианскую веру им самим.

Прошло несколько дней после описанных нами событий. Был вечер. Себастьян в сопровождении уже знакомого нам юноши Панкратия поднимался по ступеням перистыля. Панкратий относился к Себастьяну с той нежностью и любовью, какую испытывают обычно юноши, удостоившиеся дружбы блестящих молодых людей. Но он любил в Себастьяне не офицера императорской гвардии, а великодушного, доброго, честного и умного человека. Себастьян же любил Панкратия за его чистоту и наив-

* Внутренний двор, украшенный колоннами.

ность и угадывал в нем зачатки тех добродетелей, которые ему было особенно отрадно встретить в мальчишке, разделявшем с ним его веру. Он любовался пылкостью и страстными порывами Панкратия и старался еще теснее сблизиться с ним, чтобы руководить его действиями.

Когда они вошли в часть дворца, которую охраняла когорта Себастьяна и где находилась его квартира, наступила светлая, ясная и теплая ночь, какие бывают только на юге. Из окон открывался чудный вид. Луна светила на лазурном небе и не казалась плоскою, какою она почти всегда является нашему взору на севере; то был бледно-розовый шар, и плыл он медленно среди голубого эфира, разливая свой волшеббно-серебристый свет. Звезды горели не столь ярко и тонули в лунном свете. Во всем своем великолепии высилась громада Колизея. Рядом бурлила вода, бившая из обелиска, и, стекая в бассейн, тихо журчала в нем. С другой стороны возвышалось здание Севера, называвшееся *Septizanium*, а прямо над Целийским холмом поднимались стены роскошных бань Каракаллы, блистая своими мраморными плитами и массивными пилястрами.

Молодые люди остановились у окна. Рука Себастьяна лежала на плече Панкратия. Молча стояли они, любуясь ночью, луною, величественными зданиями и высоким лазурным небом. Какое-то радостное самозабвение наполняло их сердца.

Торжественное молчание ночи было прервано оглушительными душераздирающими звуками, скоро смолкнувшими.

— Послушай,— воскликнул Панкратий,— что это такое?

— Это рычание льва,— отвечал Себастьян не без волнения.

— Видимо, зверей уже привезли и поместили в виварий. Еще вчера их не было.

— Звуки эти походят на звук трубы, призывающей нас,— сказал Панкратий.— Я не удивлюсь, если и нам суждено будет умереть, слушая их!

Оба замолчали, погруженные в размышления. Наконец Панкратий прервал это полное печали и раздумья молчание.

— Я хотел бы попросить твоего совета в одном деле. Скоро ли соберутся твои гости?

— Нет, они будут приходить по одному, чтобы не возбудить подозрений. Пока пойдем в мою комнату; там нас никто не потревожит.

Они вышли на террасу и направились вдоль нее в последнюю угловую комнату. Она находилась прямо против обелиска и была освещена только лунным светом, лившимся сквозь отворенные окна. Себастьян остановился у окна; Панкратий сел на его узкую и простую постель.

— В чем дело?— спросил Себастьян.

— Ничего особенного, только я не знаю, как мне взяться за него. У нас в доме много серебряной посуды; мы живем скромно и не используем ее. У матери моей множество украшений из драгоценных камней; она тоже никогда не носит их, и они лежат в шкапулках без всякого употребления; у меня нет даже родных, кому бы я мог передать все эти богатства, а сам я никогда не жениюсь и останусь последним в роду. Мать часто говорила мне,

что в таких случаях наследники христианина — бедняки; я подумал, отчего бы мне не раздать им всего этого при жизни? Зачем сохранять под замками никому не нужные богатства и заставлять неимущих ждать моей смерти? Это тем необходимее, что проконсулы, пожалуй, конфискуют их, или ликторы все разграбят, если меня постигнет смерть за веру.

— Мать согласна на это? — спросил Себастьян.

— Конечно, я без ее согласия не захотел бы тронуть в доме ни одной пылинки. Но мне было бы неприятно в мои годы сделать все это самому; мне все кажется, что я поступил бы как выскочка, как тщеславный хвостун, радующийся тому, что ему удалось обратить на себя всеобщее внимание. Мне бы хотелось помочь бедным, но остаться при этом неизвестным.

— Что ж, мой милый мальчик, я могу помочь тебе, — ответил ему Себастьян с нежностью в голосе и вдруг замолчал, прислушался, нагнувшись к окну, и произнес шепотом:

— Мне сейчас послышалось имя Фабиолы... Да, опять ее имя.

Панкратий тихо подошел к открытому окну. Они услышали два голоса — один женский, другой мужской. Через несколько мгновений говорившие отделились от стены, и обоих, освещенных луною, можно было разглядеть.

— Я знаю эту негритянку, — сказал тихо Себастьян Панкратию, — это Афра, невольница Фабиолы.

— А тот, который разговаривал с нею, — Корвин, мой школьный товарищ, — сказал Панкратий.

Оба друга сочли своим долгом прислушаться к разговору Афры и Корвина; они были уверены, что эти двое затевают что-нибудь недоброе. Несмотря, однако, на все их старания, до них долетали только несвязные, отрывистые фразы.

Мы уже знакомы с Афрой, но должны сказать несколько слов о Корвине.

Отец его был преторианским префектом. Эта должность, неизвестная во времена республики, была учреждена Тиберием, и тот, кто председательствовал в трибунале, исполнял двойную обязанность — следователя и судьи. Он допрашивал, пытал подсудимых и, наконец, присуждал их к смерти или к заключению, в зависимости от степени вины. Попытки ожесточали его и делали из него палача, не судью. В то страшное время пытка была необходимою принадлежностью допроса.

С детства Корвин был свидетелем жестокостей своего отца. Он и сам сделался жесток и беспощаден во всех своих действиях. Самое лицо его носило отпечаток его наклонностей. Никогда в его закаменевшем сердце не просыпалось чувство жалости, милосердия и любви. Он не умел прощать и со злобой мстил за обиды, которых никогда не забывал. Этот человек, не будучи добр от природы, мог бы, однако, преодолеть свои недостатки, если бы захотел; но, напротив, он развил в себе все отвратительные стороны характера, и они постепенно заглушили в нем все доброе и сделали из него не человека, а дикого зверя, всегда готового растерзать кого-нибудь.

Отец Корвина не имел состояния; он жил жалованьем, и Корвин не мог рассчитывать на богатство, а между тем, подобно

всем алчным и завистливым людям, желал разбогатеть во что бы то ни стало и какими бы то ни было средствами. Он учился мало и плохо и не мог надеяться занять видное место; ему оставалось искать богатой невесты, чтобы без труда приобрести себе состояние.

— Что нового? — спросил он у Афры под окном квартиры Себастьяна.

— Ничего, — ответила она, — кроме того, что послезавтра госпожа моя едет в Каэту*, и, разумеется, я отправлюсь с ней. Мне нужны деньги.

— Деньги? Опять деньги? Ведь я тебе отдал все деньги, которые взял у отца.

— А ты знаешь ли, кто такая Фабиола?

— Разумеется, знаю: самая богатая невеста в целом Риме.

— Да, гордую Фабиолу уговорить не так легко.

— Но ведь ты обещала, что сумеешь расположить ее в мою пользу. Хвали меня, рассказывай ей обо мне, авось она обратит на меня свое внимание.

— Хорошо, только даром я не намерена хлопотать за тебя! Если у тебя нет денег, почему же ты не умеешь добыть их? Возьми пример хоть с Фульвия; у него кучи золота.

— Откуда он берет золото?

— Ценою крови, — произнесла спокойно Афра.

— Откуда ты знаешь? — спросил Корвин, — и что это за кровь?

— Я знакома со старым слугой, который никогда не расстается с Фульвием. Цвет его кожи так же черен, как мой. Язык его родины похож на мой родной язык, так что я могу с ним разговаривать. Он спрашивал у меня о самом сильном яде и обещал выкупить меня, жениться на мне и увезти на мою родину, если я... но у меня другие виды. Как бы то ни было, от него узнала многое.

— Например?

— Я узнала, что Фульвий открыл великий заговор против Диоклегиана; но ведь меня обмануть трудно, и я тотчас поняла, что старый разбойник и его господин сами выдумали этот заговор, за большие деньги оклеветали людей и предали их. Теперь они приехали в Рим, чтоб и здесь продолжать свое выгодное ремесло.

— Ну, я не мастер выдумывать заговоры и запутывать в них невиновных. Я, конечно, сумею наказать их — это мое дело... но выдумывать...

— А ведь это немудрено. В моем отечестве есть большие птицы; их невозможно догнать, если броситься на них, но взять их очень легко, если к ним подойти осторожно. Говорят, тогда они не бегут, а только прячут свою голову. Это страусы.

— Что ты хочешь этим сказать?

— А то, что птицы, прячущие свою голову и воображающие, что их никто не видит, потому что они сами никого не видят,

* Сейчас Газта. Римские патриции строили в районе Газты виллы. До сегодняшнего дня, например, там сохранились развалины виллы Цицерона.

походят на христиан. Вглядишься в образ жизни, в поступки христианина, прислушайся к словам его, и ты тотчас везде его узнаешь. Он сам скрывает свою веру и не замечает, что ее выдают образ его жизни, обращение с невольниками и самые незначительные его слова и поступки. Открой одного или двух богатых христиан, донеси на них, и их состояние будет твоим. Его отдадут тебе в награду за услугу. Тогда поделись со мною, а я уж постараюсь сосватать тебе богатейшую римскую невесту. Я почти уверена, что одна из моих подруг христианка. Как я ненавижу ее!

— Почему ты так думаешь?

— Во-первых, она ни за что на свете не солжет и постоянно вводит меня в беду своею привычкой говорить правду; во-вторых, она не любит ни золота, ни украшений, раздаст нищим все, что имеет, и всегда связывается со слепыми, бродягами и больными и оказывает им помощь.

— А ты знаешь, — сказал вдруг, смеясь, Корвин, — я встретил сегодня за воротами Рима целый транспорт твоих земляков, только они, кажется, будут добрее тебя.

— Кто это? — спросила Афра.

— Тигры, леопарды, гиены; их везли из Африки в Рим; здесь, говорят, готовятся новые игры в цирке.

Но Афра не слушала, злость закипела в ней. Заметив это, Корвин сказал ей:

— Ну, полно, я пошутил. Расстанемся друзьями; вот тебе еще немного денег, но это последние. Я не дам тебе ничего, пока ты мне не докажешь, что твоя госпожа действительно расположена ко мне. А за совет благодарю. Мысль следить за христианами — мысль не глупая. При случае я воспользуюсь ею.

Они расстались и отправились в разные стороны. Себастьян, ничего не слышавший из их разговора, — до него долетели только отдельные слова, — увидел к величайшему своему удивлению, что Афра вошла во дворец. Он решился предупредить Фабиолу о своих подозрениях и о том, что ее невольница назначает ночью какие-то свидания с подозрительными людьми; но для этого надо было ждать возвращения Фабиолы с виллы.

Когда Себастьян и Панкратий возвратились в гостиную, они нашли уже много съехавшихся гостей. На столе стоял скромный ужин. Между гостями находились священники и офицеры, женщины и старики, бедные и богатые, люди, занимавшие важные посты в империи, и простолюдины. Все они сошлись на совещание о принятии мер по следующему случаю.

Себастьян пользовался своим видным положением, чтобы помогать христианам и обращать язычников в христианскую веру. В последнее время обращения эти, повторяющиеся беспрестанно и принимавшие большие размеры, обратили на себя внимание властей. Многих христиан схватили и подвергли допросу; в числе их были два брата, Марк и Маркелл. Их приговорили к смерти, но позволили проститься с родными. Родные, пришедшие к ним в тюрьму, умоляли их отказаться от христианской веры и тем спасти себе жизнь. Они заколебались и обещали родным подумать. Себастьян, несмотря на опасность, которой подвергал-

ся сам, успел, воспользовавшись своими связями, пробраться к ним и заклинал их остаться верными себе и своей вере. Он нашел их между шестнадцатью другими заключенными — язычниками и их родными, пришедшими к ним на свидание. Его воодушевление, его непоколебимые убеждения, его красноречие, проникнутое горячею любовью к Богу и людям, его выразительное лицо, самый звук его голоса произвели невыразимое впечатление на всех присутствующих. Женщины в порыве восторга и удивления бросились к его ногам; мужчины, внимая ему, почувствовали в себе новую силу. Марк и Маркелл решились скорее умереть, чем изменить своему долгу, а многие язычники, слушавшие речи Себастьяна, обратились в христианство. Как слова, так и действия Себастьяна поразили их. Они в первый раз в жизни видели перед собой богатого, красивого, знатного молодого человека, который жертвовал всем и даже жизнью для того, чтобы спасти двух почти не знакомых ему людей от измены тому, что они так еще недавно считали истиною. Его самопожертвование и пылкая вера увлекали всех, даже тюремщика, который, хотя не стал христианином, но почувствовал такое уважение к Себастьяну, что не мог и подумать о том, чтобы донести на него начальству. Он согласился бы скорее потерять место, чем погубить такого доброго и честного человека, каким показался ему Себастьян.

Целью совещания была разработка мер по более глубокому ознакомлению новообращенных с христианскими обязанностями и учением. Часто они крестились, следуя первому порыву, а при малейшей опасности отрекались от веры и возвращались к язычеству. Решено было, что новообращенные должны отправиться из Рима партиями на дачи богатых христиан, где хозяева должны были принять их и взять их под свою опеку. Так, Хроматий должен был отправиться с новообращенными на свою виллу, где бы они могли вести совместную жизнь, в уединении обдумать свое решение и продолжать свое религиозное воспитание. На этом собрании было решено, кто и куда должен отправляться; богатые дали денег бедным на путешествие, священники напутствовали тех, которые принимали на себя обязанность воспитателей.

На этом собрании особенно выделялся Торкват, один из новообращенных Себастьяном христиан. Он яростно упрекал всех в бездействии, ему хотелось тотчас идти на Форум и в присутствии всех опрокинуть статую Юпитера или другого языческого бога и торжественно провозгласить себя христианином. Многие уговаривали его, просили повременить, успокоиться, уехать за город, не подвергать опасности всех христиан, но он не хотел ничего слушать. Священник Поликарп должен был проводить уезжавших до места их назначения, а Себастьяну поручено было остаться в Риме и опекать оставшихся христиан. Когда все расходились, Себастьян проводил Панкратия до его дома.

— Не нравится мне этот Торкват, — сказал Панкратий Себастьяну, — наделает он нам бед!

— Я сам опасуюсь этого, — ответил Себастьян, — такое часто случается с новообращенными. Будем надеяться, что он отбросит

самоуверенность и ограничится исполнением своего долга, когда это будет нужно.

Они проходили по двору и вдруг услышали смех, чужую речь и дикие крики, раздававшиеся в соседнем дворике, где стояли нумидийские стрелки. Посредине пылал большой костер, и искры от него летели во все стороны под арки и колоннады дворца. Себастьян подошел к часовому и спросил у него, что происходит у стрелков.

— К ним пришла какая-то чернокожая невольница, которую они считают жрицей, — ответил часовой, — она выходит замуж за капитана. Нынче она затеяла какую-то церемонию, по обычаю своей веры, и подняла весь этот гам. Так бывает всегда, когда она приходит.

— А какую веру исповедуют эти люди? — спросил Панкратий.

— Кто их знает! — ответил гвардеец. — Может быть, христианскую.

— Почему ты так думаешь? — спросил Себастьян.

— Все говорят, что христиане собираются по ночам, поют непотребные песни, совершают страшные преступления, даже крадут детей, чтобы зажарить их и съесть!

Себастьян, кипя от негодования, вышел из дворца и, взволнованный, обратился к Панкратию.

— Ты слышал? — спросил Себастьян. — И вот в чем обвиняют нас, хотя все, что мы проповедуем, — это любовь и милосердие! Нашим врагам мало мучить нас, казнить, отдавать на растерзание зверям — они стараются еще оклеветать и опозорить нас! Легче вынести ссылку, тюрьму, смерть, чем черную, низкую клевету, покрывающую нас бесчестьем!

— Потерпим, — сказал Панкратий, — придет и наш черед, и на нашем небе взойдет светлое солнце правды. Рано или поздно истина восторжествует. Она рассеет тьму: увидят и услышат ее те, которые теперь слепы и глухи, как гвардеец, говоривший с нами. Мы должны помнить слова Спасителя: «Отче, прости им, ибо не ведают, что творят!»

— Конечно, солдат говорил по невежеству, со слов других; но те, которые распускают эти слухи, знают, что они распространяют ложь и гнусную клевету, — сказал Себастьян. — Заставить простого человека поверить какой угодно нелепости не трудно, трудно потом разуверить его. Слова здесь бессильны, поэтому в решающую минуту мы должны быть готовы ко всему, даже к смерти. Толпа, видя человека, бесстрашно умирающего за свою веру, пробуждается и сама готова разделить эту веру.

Панкратий склонил голову в знак согласия. Некоторое время они шли молча; наконец Панкратий сказал:

— Себастьян, можно мне задать один вопрос?

— Конечно, — ответил тот.

— Ты сказал, что героическая смерть одного человека за свою веру может оказать огромное влияние на других людей. Ты сказал, что ни один из нас не должен отступать в решительную минуту, а между тем на нашем вечернем собрании было решено, что ты останешься в Риме, будешь опекать христиан, действуя при этом с величайшей осторожностью. Нет ли здесь противоречия?

— Это очень просто,— сказал Себастьян,— в каждом деле должны быть вожди — все повелевать не могут. Наши священники, учителя берегут меня для общего блага. Мы должны повиноваться их воле. Поэтому я буду действовать с величайшей осторожностью до тех пор, пока всякая осторожность не окажется бесполезной. Рано или поздно каждый из нас неминуемо будет открыт, и тогда он обязан быть готов умереть в любую минуту. Ты понял?

— Да. Мужество без тщеславия и решимость умереть без ребяческого желания поскорее проявить свою храбрость — вот истинный подвиг.

Они подошли к дому Панкратия и молча простились. Оба были настроены так, что слова казались излишними. Оба понимали, что настает трудная минута.

VIII

Многие, вероятно, считают, изучая историю первых веков христианства, что церковь подвергалась постоянным гонениям, что христиане, исповедуя свою веру втайне, должны были каждую минуту опасаться за свою жизнь и жили в катакомбах, — словом, что в продолжение трех веков они непрерывно боролись и гибли. Это не совсем так.

Законы, изданные римскими императорами против христиан, вначале действовали в полную силу, потом постепенно ослабевали, но никогда не отменялись. Годами христиан оставляли в покое, но в силу каких-либо причин гонения начинались с новой силой. Христиан хватали, сажали в тюрьму, допрашивали, осуждали на смерть, затем гонения опять затихали и снова начинались через несколько лет. Не отменявшиеся никогда законы, бывшие в течение многих лет лишь мертвою буквою, входили опять в силу. Таким образом, эти законы в руках правителей были орудием, всегда готовым поразить тысячи семей, исповедовавших христианскую веру. Римляне, веря клеветническим слухам о христианах, приветствовали гонения на них. Хотя многие язычники, и особенно язычницы, обращались в христианскую веру, видя достойную смерть мучеников, тем не менее масса всегда рукоплескала в цирках и жаждала зрелищ, в которых безоружные люди отдавались на растерзание диким зверям. Такова была жестокая участь христиан, потому что даже лучшие из римских императоров преследовали их, считая опасными. Траяна история запечатлела как милосердного и справедливого императора, но и он в отношении христиан не остался безупречным. Правда, сам он не издал против них ни одного жестокого эдикта, но в его царствование правители провинций замучили многих христиан. Когда Плиний Младший, правитель Вифинии, обратился к императору Траяну с вопросом, как должно ему поступать с христианами, то получил ответ, что не надо ни разыскивать их, ни следить за ними, но если на них донесут, то необходимо их наказывать. Точно то же ответил впоследствии император Адриан одному из своих проконсулов, который обратился к нему с подобным же вопросом. В его царствование

замучили Симфорозу и ее семерых сыновей в местечке подле Рима, которое теперь называется Тиволи.

Таким образом, временами гонения усиливались, временами стихали; иногда они охватывали всю империю, иногда случались в отдельных провинциях. Характер, личные убеждения правителей провинций обуславливали меру гонений и их продолжительность. Случалось, что христиане в Риме жили спокойно, а в Африке или Галлии их жестоко преследовали, или наоборот. Иногда, спасаясь от преследований, они оставляли одну провинцию и бежали в другую.

Описываемые нами события происходили как раз в те годы, когда христиане чувствовали себя в относительной безопасности и могли свободнее распространять свое учение. Со смерти императора Валериана, то есть в течение 34 лет, их почти не преследовали, и они могли спокойно налаживать общинную жизнь.

Рим был разделен на участки, или приходы; в каждом приходе была своя церковь, в которой служили священник, дьякон и церковнослужители. Они помогали бедным, посещали больных, поучали новообращенных; с этой целью собирались деньги с христиан, принадлежащих к каждому приходу. В 250 году в Риме было 46 приходов, и содержалось 1500 бедных на деньги, собранные с христиан. Приходские церкви, о которых мы упомянули, бывали открыты, когда христиан не преследовали; язычники присутствовали при проповедях и на той части литургии, которая разрешала присутствие непосвященных; однако большинство церквей находилось в частных домах, в основном у людей богатых. Они были устроены в самой большой из зал дома, называвшейся триклинием; другие церкви, особенно посещаемые в минуты жесточайших гонений, находились в катакомбах, т.е. под землею.

Многие задаются вопросом, как могли христиане собираться в богатых домах для молитвы и участия в литургии, не возбудив подозрений? Дело в том, что богатые римляне принимали по утрам разных посетителей, клиентов, вестников, присланных из провинций с письмами, купцов, торговавших рабами, вольноотпущенников, а также своих друзей. Все эти лица допускались во внутренний двор; многие входили в спальню и внутренние комнаты хозяина дома; другие, сказав, что им нужно, внизу, уходили, не повидав хозяина. Таким образом, независимо от состояния, возраста и пола сотни лиц могли входить утром в дом и выходить из него, не возбуждая подозрения. Христиане обладали особым искусством скрывать тайну, не прибегая никогда ни к лжи, ни к обману. Они умели молчать. Годами они жили среди своих друзей, родных и близких, и никто не знал, что они христиане. Это требовалось вследствие возможных гонений, которые могли начаться в любую минуту. В те дни, о которых мы рассказываем, ходил упорный слух о предстоящих скоро преследованиях христиан, причем необычайно жестоких. Христиане ждали не без страха ужасного испытания. Они молились, прося Бога даровать им твердость перенести мучения и силу исповедовать Его безбоязненно в минуту смерти.

Ненависть Афры к христианам проистекала из двух источников.

Будучи сама мстительной и алчной, она не могла без злобы наблюдать смирение, кротость и бескорыстие христиан. Кроме того, она ненавидела Сиру за то, что та всегда говорила правду и таким образом невольно, хотя и безо всякого умысла, выдавала предосудительные поступки Афры. Ненависть ее к Сире распространилась и на всех христиан вообще, так что совет, данный Афрой Корвину, был не случаен.

Корвин часто встречал Фульвия в банях и других публичных местах и искал случая познакомиться с ним. Дней через десять после своего свидания с Афрой он отправился в сады Помпея.

Сады эти, полные тени и прохлады, славились аллеей из высоких и густых кленов, которые не пропускали лучей солнца даже в полдень. В саду текли ручьи, стояли статуи и фонтаны, в которых вечно журчала вода, разливая прохладу. Римляне любили собираться под тенью деревьев и у фонтана, где встречали многочисленных знакомых. Корвин еще издали увидел Фульвия и поспешил ему навстречу.

Увидав Корвина, не принадлежавшего к высшему римскому обществу и отнюдь не блиставшего умом и красотой, Фульвий удивился и в ответ на его приветствие презрительно спросил:

— Что тебе угодно?

— Я бы хотел поговорить с тобой, — сказал Корвин. — Из этого разговора мы оба могли бы извлечь определенную пользу.

— Что ты можешь сказать мне полезного?

— Я не могу ни в чем сравниться с тобой, — сказал Корвин, — но знаю, что мы оба занимаемся одним ремеслом.

Фульвий вздрогнул, но тотчас же пришел в себя и грубо спросил:

— Что тебе нужно? Говори!

— Напрасно ты сжимаешь кулаки, не горячись, право, будет лучше.

Произнеся эти слова, Корвин нагнулся и шепнул на ухо Фульвию:

— Я знаю, что ты сыщик.

Фульвий остолбенел, но опять овладел собою и холодно спросил:

— По какому праву ты осмеливаешься обвинять меня?

— Потому что ты раскрыл (и Корвин сделал ударение на этом слове) заговор на Востоке, и Диоклетиан...

Фульвий прервал его.

— Кто ты? Как тебя зовут?

— Я Корвин, сын Тертуллия, римского префекта.

Этот ответ, по-видимому, многое объяснил Фульвию; он понизил голос и сказал:

— Ни слова больше; я вижу здесь некоторых моих знакомых. Завтра рано утром, переодевшись, приходи под портик около бань Новата. Там мы можем поговорить спокойно.

Корвин возвратился домой очень довольный. Он взял у одного из рабов своего отца самое бедное платье и на другой день, при первых лучах солнца, стоял на месте, назначенном для свидания.

ния. Он ждал довольно долго и начинал уже терять терпение, когда увидел Фульвия, закутанного в широкий плащ. Полы плаща были закинута так, что закрывали ему часть головы, почти все лицо.

— Здравствуй, приятель, — произнес Фульвий. — Я боюсь, что заставил тебя ждать слишком долго.

— Признаюсь, я бы соскучился, если бы меня не занимало одно обстоятельство, которое я не могу объяснить.

— Что такое?

— А вот что: с самой зари со всех сторон сюда сходились люди, и все вошли вот в этот дом. В главную дверь входили хорошо одетые, по-видимому, богатые, а вот в эту маленькую — безрукие, слепые, хромые, нищие — словом, целая коллекция уродов.

— А чей этот дом? — спросил Фульвий.

— Он принадлежит старому и богатому патрицию, который, говорят, страшно скуп.

В эту минуту старик, едва передвигавший ноги и опиравшийся на руку молодой, красивой девушки, прошел мимо Фульвия и Корвина, и оба исчезли в воротах того же дома.

— Эта девушка слепая, — сказал Фульвий. — Ты заметил, как она прямо ступает, не глядя по сторонам? Она поддерживала старика, а старик вел ее.

— И еще кое-что, — подхватил Корвин. — Все нищие, входящие в этот дом, не похожи на обыкновенных нищих. Они чище и опрятнее одеты. У них какой-то особенный вид, будто и они почтенные люди.

— Нельзя ли нам пробраться в дом этого патриция? — спросил Фульвий.

— Отчего не попробовать? Я сниму свои сандалии, прикинусь хромым, — сказал Корвин, — пристану к первой же кучке бедняков, которая туда пойдет; одежда не выдаст меня — я одет почти как нищий.

— Но если этих людей знают в доме, то тебя остановят. Берегись!

— Едва ли, — сказал Корвин, — многие, прежде чем войти в дом, спрашивали у меня, не принадлежит ли этот дом Агнии.

— Кому? — быстро спросил Фульвий.

— Агнии; это дом ее отца и матери, но дочь известнее их, ибо она единственная наследница огромного состояния. Я думаю, она так же богата, как и Фабиола.

Фульвий задумался. Он подозревал что-то, но не хотел делиться своими соображениями с Корвином. Наконец Фульвий сказал:

— Что ж, попробуй. Что касается меня, то я имел случай встретить Агнию на одном ужине и войду через большую дверь. Таким образом, мы оба можем проникнуть в дом с разных сторон. — С этими словами они вошли в дом.

IX

Семейство Агнии принадлежало к числу самых знатных и богатых патрицианских фамилий. Оно уже давно приняло христианство. В числе членов его было немало таких, которые пролили

кровь и умерли, проповедуя учение Христа. Теперь надежда и любовь всей семьи сосредоточились на юной Агнии.

Нельзя было не любить ее. Она наделена была с избытком лучшими дарами неба: кротостью, добротой, нежностью, покорностью, простодушием и вместе с тем умом. В доме, как родные, так и слуги, обожали ее. Она не любила ни забав, ни нарядов, мало выезжала и жила тихой семейной жизнью. В доме ее родителей не было роскоши; они радушно принимали друзей и родных, но не устраивали пиров, на которые тратятся большие деньги. Чаще всех Агния видела Фабиолу, которая, подобно всем другим родным, любила ее. Римское общество приписывало отсутствию роскоши и пышных приемов скупости отца и матери Агнии. Мнение это подтверждалось тем, что часть дома, очень обширного, оставлена была в запустении и, казалось, готова была превратиться в развалины...

Но это только казалось. Пройдя через запущенный двор в сад, тенистый и густой, можно было попасть в огромную залу, в которой была устроена церковь. Позади церкви находились покои, в которых помещались бедные и принимались приезжие из провинции христиане. На втором этаже, выше покоев, были залы, превращенные в больницу и приют для неизлечимо больных стариков и старух. За ними ходили дьякониссы и те из христианок, которые посвящали себя исключительно делам милосердия. В одной из этих комнат жила и слепая Цецилия, с которой мы познакомились в доме Фабиолы и которая прошла мимо Корвина и Фульвия с опиравшимся на ее плечо стариком. Внутренние коридоры соединяли эту часть дома, скрытую за садами, с половиной, где жила Агния со своими родителями. Таким образом, в то время как римское общество обвиняло родителей Агнии в скупости, они тратили свои доходы самым достойным образом. Агния с раннего детства привыкла через внутреннюю дверь проходить в больницу и приют и проводила там ежедневно по несколько часов. Больные и калеки горячо любили ее и как могло быть иначе? Она являлась как ангел-утешитель, раздавала все, что имела; всякому оказывала помощь и находила доброе слово.

В это утро в доме родителей Агнии должна была происходить раздача драгоценных вещей и серебряной посуды, принадлежавших Панкратию, хотя никому, кроме Себастьяна, не было известно имя жертвователя. По этому случаю со всех приходов Рима бедные христиане стекались в дом Агнии.

К одной такой группе и присоединился Корвин. Подойдя к дверям дома, он услышал, что каждый, входя, произносил «Хвала Господу», и его пропускали. Корвин произнес те же слова и был допущен во внутренний двор, переполненный бедными и калеками. Мужчины становились по одну сторону, женщины — по другую. Под портиком, с противоположной от входа стороны, стояли столы; на одних были разложены серебряные сервизы, на других — женские золотые украшения с драгоценными камнями.

Два ювелира взвешивали и оценивали драгоценности. Рядом лежали деньги, заплаченные за них ювелирами. Деньги дели-

лись на равные части и должны были поступать в собственность собравшихся бедных. Корвин с завистью глядел на груды золотых и серебряных вещей. Ему страстно захотелось прихватить с собой хотя бы одну из вещиц, но это было невозможно при таком стечении народа. Оставалось ждать своей очереди и получить милостыню. Корвин внимательно наблюдал за происходящим вокруг. В залу вошли несколько молодых людей, которые, похоже, были облечены здесь властью. Поверх обыкновенной туники на них, вместо тоги, надета была другая туника, называвшаяся далматикой, поскольку ее первоначально носили в Далмации. Эта туника была уже первой, с довольно широкими, но не длинными рукавами. Такую одежду носили тогда дьяконы; они носят ее и теперь во время богослужения. Дьяконам, кроме церковной службы, поручали уход за больными и бедными. Каждый из вошедших молодых людей отыскивал бедных, калек и больных своего прихода, уводил их за собою и ставил группами во дворе. Так как Корвина никто не знал, то никто не позвал его, и он скоро оказался в одиночестве посреди двора. Положение его было затруднительным. Для него, сына префекта, поставленного императором для наблюдения за порядком, войти обманом в чужой дом в одежде нищего было более чем неблагоприятным поступком. Корвин посматривал на дверь и готовился улизнуть при первой возможности, но скоро понял, что это невозможно. У дверей стоял старик Диоген с двумя своими сыновьями, известными своей силой. Они посматривали на Корвина и, казалось, едва сдерживали свой гнев. Их горящие глаза и сжатые губы ясно говорили Корвину о том, что он замечен. Корвин оглядывался с беспокойством по сторонам и совершенно растерялся, увидев, что и дьяконы посматривают на него с удивлением и перешептываются между собой. Наконец один из них подошел к Корвину.

— Друг,— сказал дьякон ему мягко,— ты не принадлежишь ни к одному из приходов, приглашенных нынче сюда. Где ты живешь?

— В районе Альты Семиты,— ответил Корвин.

Район Альты Семиты был гражданским и не являлся приходом христианской общины. Из этого ответа дьякону стало ясно, что человек, попавший в дом, не является христианином, однако дьякон не смутился и спокойно сказал:

— Район Альты Семиты мне известен, но тебя я не знаю.

В эту минуту Корвин побледнел, как полотно, и дьякон догадался, что причиной испуга Корвина был вошедший в эту минуту Панкратий. Он тотчас же подошел к Панкратию и спросил, не знает ли тот всем им незнакомого человека. Панкратий взглянул на Корвина и, разумеется, узнал его. Он попросил дьяконов удалиться и позволить ему переговорить с Корвином наедине.

Эта, уже вторая, их встреча не походила на первую. Корвин знал, что на этот раз все будут на стороне Панкратия.

— Корвин,— сказал Панкратий,— неужели ты настолько обнищал, что вынужден жить подаванием? Отчего ты хромаешь?

Ласковый тон Панкратия тотчас придал смелости Корвину.

Он грубо ответил:

— Ты был бы очень рад увидеть меня нищим: нет, я еще не дошел до этого!

— Ты сильно ошибаешься; я не желаю никому зла, — сказал Панкратий. — Если тебе нужна помощь, обратись ко мне и, хотя ты не имеешь права находиться здесь, я отведу тебя в особую залу, где тебя осмотрят и перевяжут ногу.

— Я вошел сюда ради шутки, — сказал приободрившись Корвин. — И признаюсь, мне хотелось бы выбраться отсюда. Проводи меня.

— В таком случае, — медленно произнес Панкратий, — ты оскорбил хозяев дома. Что бы сказал твой отец, если б я велел этим молодым людям отвести тебя к нему и представить тебя посреди форума в том виде, в каком ты сюда попал? Разве ты не знаешь, что войти без позволения, тайком, неизвестно с какими намерениями в дом римского патриция есть преступление, подлежащее наказанию по законам? Мы имеем право предать тебя суду.

— Не губи меня, — жалобно произнес перепуганный Корвин, — не срами меня и моих родных. Отец мой не вынесет такого позора. Умоляю тебя, забудь нашу ссору и будь великодушен.

— Я уже сказал тебе, что давно забыл о нашей ссоре, но все здесь присутствующие знают и видели своими глазами, что ты забрался сюда неизвестно зачем. Все они это засвидетельствуют в случае нужды. Не говори же никому, что ты был здесь. Понимаешь ли ты меня?

— Да, да, понимаю, никогда, до конца жизни не заикнусь, что был здесь и видел еще кого-то. Клянусь!..

— Не клянись, нам не нужны клятвы: помни только — одно лишнее слово, и мы предадим тебя суду. Теперь возьми меня за руку. — Панкратий обратился к окружающим и громко сказал: — Я знаю этого молодого человека; он зашел сюда по ошибке.

Стоявший у дверей на страже посторонился, и Панкратий вывел Корвина, который продолжал прикидываться хромым. Когда они вышли на улицу, Панкратий сказал ему:

— Помни же свое обещание!

Между тем Фульвий, увидев, что главная дверь дома, по римскому обычаю, отворена, вошел в нее. Вместо привратника там сидела девочка лет 12, в крестьянской одежде. Она была одна, и Фульвий решил, что ему представляется удобный случай проверить свои подозрения.

— Как тебя зовут? — спросил он у девочки.

— Эмеренцией, — ответила она, — я молочная сестра Агнии.

— Ты христианка? — сказал Фульвий решительно, думая запугать девочку и узнать всю правду.

Девочка подняла на него удивленные глаза и ответила: «Нет, господин!» Простодушное удивление ее убедило Фульвия, что он ошибся. Девочка не солгала. Она была дочерью кормилицы Агнии, которая умерла. Агния вызвала из деревни девочку и хотела воспитать ее. Эмеренция привезена была в город только накануне, решительно ничего не знала и действительно удиви-

лась вопросу Фульвия. Он уже не знал, что ему делать, когда увидел саму хозяйку. Агния, веселая, улыбающаяся, быстро шла через двор. Увидев Фульвия, она остановилась. Фульвий подошел к ней, улыбаясь.

— Я решился явиться к тебе несколько раньше часа, назначенного для посещений, но я иностранец, и спешил засвидетельствовать тебе мое почтение и записать мое имя среди многочисленных имен твоих посетителей.

— Наш дом не славится числом посетителей, и мы не претендуем на власть или влияние, — с улыбкой ответила Агния.

— Извини; божественное существо, управляющее вашим домом, обладает высшим влиянием и сильной властью. Оно царит в сердце твоего раба!

Агния ничего не могла понять и глядела вопросительно на Фульвия.

— Я говорю о твоей красоте! О тебе говорю я, прекрасная Агния, и прошу тебя верить моей искренности. Я обожаю тебя и бесконечно удивляюсь тебе!

Агния, услышав столь дерзкие слова от человека, почти ей незнакомого, отскочила от Фульвия и, охваченная одновременно смущением, удивлением и страхом, закрыла лицо руками. В эту минуту подошел Себастьян. Он все слышал, и глаза его сверкали гневом. Агния, кроткая и добрая, еще больше перепугалась, взглянув в лицо молодого офицера, и поспешила заступиться за того, который только что оскорбил ее своими речами.

— Позволь ему уйти, прошу тебя! — сказала она Себастьяну, и, не дожидаясь конца сцены, вошла в дом.

Себастьян подошел к Фульвию. Он взглянул в глаза Фульвия, который не смог вынести этого взгляда и вздрогнул.

— Что ты здесь делаешь? Зачем ты пришел сюда, Фульвий? — спросил Себастьян.

— А сам ты зачем здесь? — ответил вопросом на вопрос Фульвий.

— Я близкий друг семейства и имею право входить в этот дом с раннего утра.

— Я тоже знаком с Агнией и думал, что могу посетить ее.

— Посещений не делают так рано, — сказал Себастьян. — Впрочем, оставим это. Как ты мог позволить себе говорить девушке, едва тебе знакомой, такие странные, оскорбительные слова?

— А, так ты ревнуешь меня, — сказал Фульвий, — это уже забавно! Мне говорили, что ты хочешь жениться на Фабиоле, а я вижу теперь, что во время ее отсутствия ты готов посвататься к другой богатой невесте. Что ж, расчет неплох! Если одна откажет, останется другая. Обе богачки.

Себастьян вспыхнул. Гнусное подозрение дерзкого иностранца возмутило его до глубины души, но он сдержался и холодно ответил:

— Я не буду отвечать тебе. Молодая девушка, хозяйка этого дома, которую ты оскорбил, просит тебя удалиться. Я должен исполнить ее приказание.

Он взял Фульвия за руку и повел к дверям; Фульвий, почти не

сопротивляясь, последовал за ним, так как он был озадачен холодной твердостью Себастьяна. Последний отворил перед ним двери и сказал:

— Иди с миром и помни, что мы могли бы поступить с тобой иначе. Помни также, что я знаю, чем ты занимаешься в Риме. Я мог бы погубить тебя, но не хочу. Повторяю, иди с миром.

В эту минуту на улице появился Эврот. Он узнал через Афру, что Фульвий пошел на свидание с Корвином, и направился следом. Быстро обошел он Себастьяна и бросился на него сзади. Но Себастьян был смел и силен. Между ними завязалась борьба. Эврот вытащил кинжал и пытался ударить им безоружного противника, как вдруг почувствовал, что сильная рука, схватив его поперек тела, поднимает в воздух. Он не смог устоять и был выброшен на улицу с такой силой, что покатился кубарем и не скоро поднялся с земли.

— Я боюсь, не ранил ли ты его, Квадрат, — сказал Себастьян центуриону, так кстати подоспевшему к нему на помощь. Центурион также был христианином, отличался необыкновенной силой и всем сердцем был предан Себастьяну.

— Ничего, трибун, — сказал Квадрат спокойно, — этот негодяй встанет. Я еще мало помял его: какая низость поднять кинжал на безоружного! А зачем он зашел сюда?

Фульвий и Эврот поспешили уйти и скоро увидели, что Корвин бежит вдоль улицы, не оглядываясь, как испуганный заяц. Себастьян и центурион вернулись в дом Агнии.

Так неудачно закончилась попытка Фульвия и Корвина войти в чужой дом и узнать, что там происходит.

X

Когда Себастьян, выпроводив Фульвия, возвратился в дом Агнии, оценка серебра и драгоценностей была закончена. Такие пожертвования были в то время нередки. Продажа драгоценности какой-либо фамилии, раздача денег бедным и оставшееся неизвестным даже христианам имя человека, пожертвовавшего своим состоянием, — все это производило глубокое впечатление на многих язычников и новообращенных. Многие, увлеченные добрым примером, с радостью жертвовали частью состояния и раздавали его бедным. Таким-то образом в христианской общине бедные не были в нужде, больные были окружены заботой и поддержкой.

Когда все было готово, появился Дионисий — священник, главный учредитель больницы в доме Агнии и искусный врач, которому по распоряжению епископа были поручены все больные. Дионисий сел в приготовленное для него высокое кресло и обратился к собранию со следующими словами:

— Возлюбленные братья! Господь Бог в Своей благодати тронул сердце одного христианина, который отдает свои богатства нуждающимся. Кто он, я не знаю, и не стараюсь узнать его имени. Для нас довольно того, что один из нас последовал словам Христа, который сказал: «Возлюби ближнего, как самого себя; раздай имуществу бедным и иди за Мной». Примите же, братья

мои, эти деньги, как дар Божий, ибо они предлагаются вам во имя Его, и помолитесь за того, кто отдал их вам.

Пока Дионисий говорил, Панкратий не знал, куда деваться от смущения и от радости. Он спрятался за Себастьяна, который хотя все понимал, но ни одним взглядом не показал, что заметил смущение Панкратия. Когда же все присутствующие стали на колени и начали вслух молить Бога спасти, сохранить и удостоить вечной жизни подателя этой милости, Панкратий не мог удержаться и заплакал. Так как многие бедняки тоже плакали, то слез его никто не заметил.

Когда деньги были розданы, а их оказалось больше, нежели предполагали вначале, бедняки сели за обильный стол. Богатые угощали их сами. Священники благословили пищу и прочли по окончании трапезы благодарственную молитву.

После этого все стали расходиться. Цецилия подошла к больному старику и понесла его мешок, в котором лежали полученные им деньги, а он, в свою очередь, повел ее. Дорогою она потихоньку засунула в его мешок деньги, полученные на свою долю, весело простилась с ним и добралась одна до дома Агнии. Старик принялся считать свое богатство и очень удивился, найдя в мешке двойную сумму. Ему показалось, что раздававшие милостыню ошиблись. Он пошел к священнику и отнес ему лишние деньги, но священник не принял их, говоря, что ошибиться они не могли. Старик помолился за того, кто отдал ему свою часть, и возвратился в свою бедную комнату. В продолжение многих месяцев он мог, благодаря этим подаваниям, жить спокойно, не голодно, почти в довольстве. Довольство для него, как и для всех бедных, заключалось в том, чтобы не голодать и быть в состоянии обзавестись простой, но теплой одеждой.

Октябрь в Италии — один из самых лучших месяцев. Солнце блестит еще ярче, но уже не палит, а только греет. Оно освещает горы, плавные линии которых вырисовываются на небе, и играет на белом и розовом мраморе зданий. Оно румянит широкие листья деревьев и одевает их в золото и пурпур. Яркие краски теплого осеннего солнца ложатся на здания, на землю, на богатую растительность юга и придают пейзажу невыразимую прелесть. Тепло, воздух, напоенный благоуханием цветов, роскошь созревших плодов, янтарные грозди виноградников радуют взор даже тех, кто не умеет любоваться и наслаждаться природой.

В Италии в октябре, как и теперь, оканчивался сбор винограда, и жители городов спешили на свои виллы подышать свежим воздухом и полюбоваться садами во всей их пышной красоте.

Виллы патрициев, особенно те, которые были построены на скате Сабийских гор или на берегах моря; украшались заботливыми руками рабов, ожидавших прибытия своих господ. Плиний называл эти виллы прекрасными глазами Италии, так изящна была их архитектура и так изысканно и роскошно было их внутреннее убранство. Их портики украшали те скульптуры, которыми мы любимся теперь в музеях; стены зал были расписаны фресками. Их краски еще и теперь, по прошествии тысячи лет, остаются яркими и свежими, а грациозные позы пляшущих фигур приводят до сих пор в изумление.

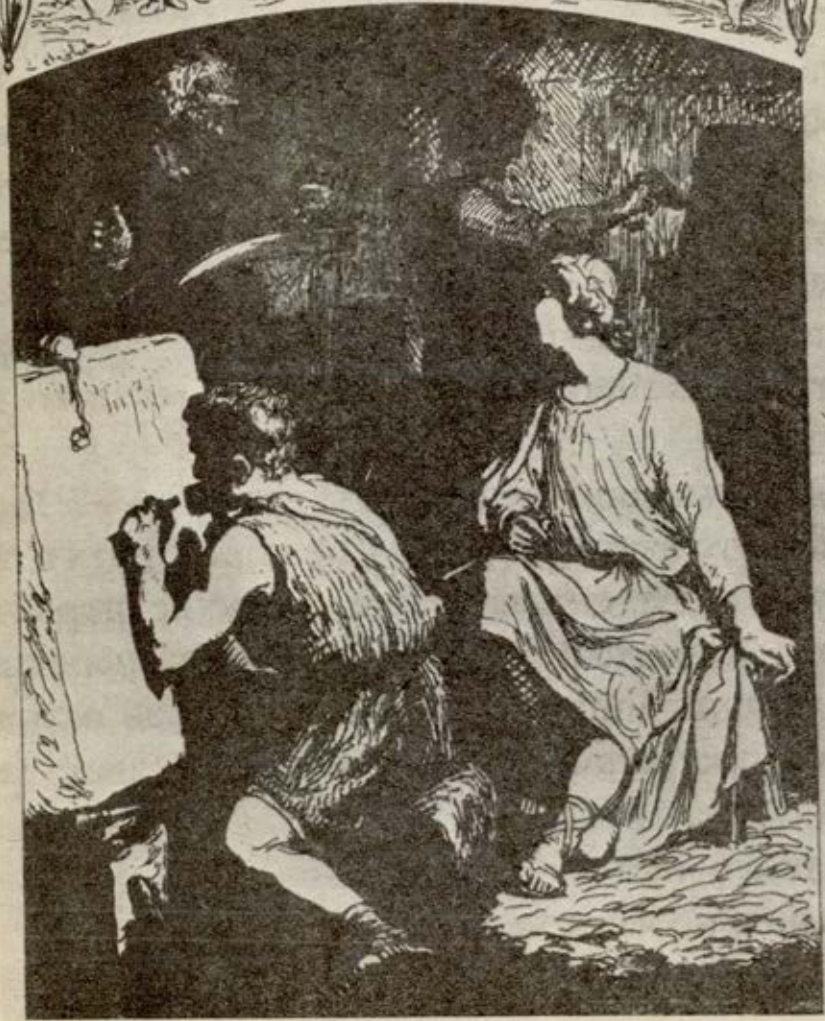
На одну из таких вилл отправилась и Фабиола. Вилла, принадлежавшая ей, была построена на скате холма, возвышающегося над заливом Каэты. Подобно ее дому в Риме, вилла была убрана роскошно и со вкусом; с террасы можно было любоваться лазурным морем; оно вклинивалось между гор и образовывало пленительный вечно спокойный залив, серебристо-голубая поверхность которого блистала на солнце, как хрусталь. Вдали, в голубом тумане моря, когда поднимался ветер, пролетали быстро, как ласточки, серебряные паруса лодок.

Вечером слышались с залива заразительный смех, веселый говор и тихо льющаяся, прекрасная, как сама Италия, песня лодочника...

С террасы к морю бежала прямая, как стрела, галерея. Она утопала во вьющейся по ней зелени, в цветах, висевших со всех веток разноцветными букетами до самой земли. Из галереи дверь выходила на зеленый луг, по которому извивался прозрачный холодный ручей, выбегавший из-под камней холма. Ему преграждал путь бассейн из белого мрамора с нежными розовыми прожилками. Ручей вливался в него, потом, журча, нес свои воды в море. Два широколиственных платана, окруженные клумбами из чудесных цветов, простирали на луг длинные тени и сохраняли свежесть его зелени.

Фабий, любивший город, общество и пиры, почти никогда не жил на вилле и останавливался в ней только проездом, ненадолго; но Фабиола проводила в Каэте всю осень. Тут находилась большая библиотека, и Фабиола всякий год умножала число рукописей, привозя с собой из Рима все вновь появившиеся сочинения. Утром она обыкновенно оставалась одна и читала, но в этом году изменила своей привычке и проводила все утро в обществе Сиры. Фабиола удивилась, когда Агния сказала ей, что Сира отказывается от свободы, не желая покинуть ее. Напрасно Фабиола старалась угадать причину поступка Сиры; иногда ей казалось, что Сира сделала это из глупости; но это предположение не могло удовлетворить ее, потому что Сира была очень умна. Фабиоле случалось слышать о невольниках и невольницах, привязанных к своим господам, но она считала их исключением, сознавала, что Сира не имела особых причин полюбить ее так сильно, чтоб отказаться от свободы.

Фабиола стала внимательно следить за Сирой, но не заметила в ней ничего особенного. Сира так же старательно исполняла свои обязанности, как и прежде, и вела себя с тем же достоинством. Постепенно в сознание Фабиолы стало проникать, что можно любить и невольницу и что эта невольница — человек, и даже хороший человек. Фабиола стала верить и в привязанность рабыни, потому что Сира была постоянно внимательна к ней, даже нежна в тех пределах, которые допускали тогдашние отношения рабыни к госпоже. Все чаще и чаще Фабиола разговаривала с Сирой и заметила, что она получила не совсем обычное для рабыни образование. Она читала по-гречески, была знакома с лучшими сочинениями ученых, поэтов, правильно, даже изящно, писала как по-латыни, так и по-гречески. Фабиола приказала Евфросинии дать Сире отдельную комнату и вскоре,

освободив ее от обязанностей горничной, приблизила к себе в качестве секретаря и чтицы. Сира не кичилась этим, но осталась столь же скромной и доброй, как и прежде, особенно в отношении рабынь, своих прежних подруг, хотя они не заслуживали такого внимания, потому что завидовали ей и не желали ей ничего, кроме зла.

Когда Сира читала Фабиоле серьезные книги, между ними нередко завязывались и споры. Фабиола приходила в недоумение, когда Сира высказывала ей такие мысли, которых Фабиола отроду не слыхала и которые часто поражали ее новизной, а иногда и заключавшейся в них истиной.

Однажды Фабиола приказала Сире читать ей вслух вновь полученную из Рима книгу. Сира открыла ее, прочла несколько строк и опять закрыла.

— Извини меня,— сказала она Фабиоле,— но мне бы не хотелось читать эту книгу. Писавший ее насмехается над всем, что должно быть дорого и свято для человека. Есть вещи, над которыми смеяться нельзя, которые должно чтить, пред которыми должно преклоняться.

— Ну что же, ты преклоняйся сколько хочешь, никто тебе не помешает,— сказала, смеясь, Фабиола,— всякий рассуждает по-своему.

— Конечно, это так, но есть вещи, которые все обязаны чтить, и о них не может быть различных мнений.

— Какие же это вещи?

— Уважение к добродетели и самоотвержению, отказ от порока и всякого зла, исполнение долга.

— Долга! Да, по правде сказать, я не знаю, где долг. По-моему, надо жить весело, пока живется, все остальное — пустяки и вздор.

— А по-моему, совсем напротив. Первый долг человека — любить и бояться Бога, второй — любить людей, как самого себя, наконец, есть долг в отношении к отцу и матери, к родным и друзьям. Смеяться над этим — преступление!

— «Бог», сказала ты, но я Его не знаю. Я знаю богов и богинь, их много, им поклоняются в наших храмах невежды. Неужели ты думаешь, что я так глупа, что верю в существование Юпитера-громовержца или Минервы, богини мудрости, которая выскочила из головы Юпитера, своего отца, одетая в латы, или в Венеру, родившуюся из пены волн морских и удивившую весь свет своими похождениями?

— Я тоже не верю в этих богов и чувствую к ним и их приключениям невыразимое отвращение. Я говорю тебе о Боге, создавшем мир видимый и невидимый, тебя, и меня, и всех людей. Он был и будет. Понять Его нельзя, но почувствовать можно. Он источник всех благ и всякой жизни.

Сира говорила с глубоким убеждением. Фабиола не понимала ее, но слушала внимательно, все более и более удивляясь. Прозревшее лицо Сире произвело на нее впечатление.

— Все, что ты говоришь, прекрасно, но ведь это мечты,— сказала Фабиола.— Ну кто, скажи мне, может любить другого, как самого себя? Положим, что можно любить дочь, отца, свое

дита, но не до такой же степени. Мой отец любит и балует меня, но едва ли он любит меня так, как самого себя! Да и требовать этого невозможно; но любить чужого, как самого себя... полно, это бредни!

— И, однако, были люди, которые доказали это и своей жизнью, и своей смертью,— сказала Сира.

— Кто они? Где они?— спросила Фабиола.— Я их не знаю и никогда не слыхала о них.

— Ты о многом не слыхала, добрая госпожа моя, но это еще не доказательство.

— Так расскажи мне,— сказала Фабиола, — расскажи мне все, что ты видела, все, что ты знаешь.

— Сразу все не расскажешь,— сказала Сира,— да и время еще не настало... Ты всему не поверишь... Решись, что я тебя обманываю.

— О, нет, я этого никогда не подумаю. Я знаю, что ты никогда не лжешь. Ну, говори же скорее!

— Избавь меня! На этот раз довольно, притом в твоём голосе, в твоём нетерпении я вижу больше любопытства, чем серьезного желания узнать и понять то, о чем ты не слыхала до сих пор. Для тебя это развлечение, а для меня... Для меня эти истины — святыни!

В эту минуту приехавшие к Фабиоле посетители прервали ее разговор с Сирой. Сира была этому рада. Она ждала для серьезного разговора с Фабиолой более удобной минуты, когда Фабиола будет готова воспринять ее слова всем своим существом, а не просто удовлетворить любопытство.

К этому времени отношения между Сирой и Фабиолой приняли совершенно иной характер, чем в начале нашего повествования. Если раньше гордая Фабиола считала Сиру за животное, то теперь она изменилась до того, что сделалась, сама того не замечая, внимательной ученицей своей невольницы. День за днем все большее и большее влияние приобретала Сира над умом и сердцем Фабиолы.

Постепенно эти две женщины,— одна богатая патрицианка, другая — бедная рабыня, обе умные, обе красавицы, обе образованные, одна язычница, другая христианка,— полюбили друг друга. Фабиола незаметно для себя усвоила многие понятия Сиры. Уединение, в котором они жили, этому способствовало; они проводили вместе все утро и постоянно беседовали. Много слушала Фабиола, много говорила Сира.

Однажды они, по обыкновению, вдвоем удалились в покои Фабиолы. Фабиола полулежала на богатом ложе, напоминающем по форме нынешние кушетки, а Сира сидела у ее ног.

— Да,— сказала Фабиола,— ты открываешь мне каждый день целый мир новых понятий. Скажи мне, правильно ли я поняла твой вчерашний слова? Ты говорила, что есть всеильный, благой и бессмертный Бог, который создал нас и находится между нами и с нами, когда мы собираемся во имя Его. Ты говорила, что Он видит и знает самые сокровенные наши помыслы, что Он прощает тех, которые раскаиваются в дурных помыслах и делах, и что Его милосердие так же бесконечно, как и сам Он, что перед

Ним мы все равны и что Он для всех нас Отец, что мы все — Его дети. Я помню, что ты сказала мне почти то же самое в тот день, когда... когда ты... Ах, прости меня, милая Сира, прости мне мою жестокость! Как я могла поступить с тобою так безжалостно! Можешь ли ты простить мне?

Фабиола в сильном волнении схватила Сиру за руку и умоляющим взором взглянула ей в глаза.

— Не вспоминай об этом, прошу тебя,— сказала Сира.— Я счастлива, если порыв твоего гнева был первой причиной нашего сближения. Видно, милосердному Богу угодно было привести тебя к Нему, и Он избрал меня недостойным орудием твоего первого к Нему приближения и спасения.

— Но твой Бог так велик, так милосерден, так благ, что я не знаю, как мне поклониться Ему и каких жертв Он требует.

— Лучшая жертва Ему — сокрушенный дух и смиренное сердце,— сказала Сира.

— Но у вас, верно, есть книга, которая учит вашему закону и говорит о твоем Боге. Есть такая книга? Я бы хотела прочесть ее.

— Книга есть. Это учение завещал нам Сын Божий, эту божественную книгу мы называем Евангелием.

— Сын Божий!— воскликнула Фабиола и закрыла пылавшее лицо руками.— О, Сира! Сира! ты... ты... Оставь меня; ты испугала меня, ты меня убила... Сира, неужели ты?..

Фабиола не договорила. Она встала и, дрожа от волнения, вышла из комнаты. Мысль о том, что Сира является христианкой, поразила ее. Она слышала, что христиане поклоняются Богу и Его Сыну; но, с другой стороны, ей так много рассказывали ужасов, она наслышалась таких страшных обвинений и так привыкла презирать христиан, о которых не имела ни малейшего понятия, что была буквально уничтожена в первую минуту своего открытия.

Как? Умная, добрая, чистая девушка, пленявшая ее своими добродетелями и высокими чувствами, была христианкой!.. Стало быть, христиане не те, что о них говорили и думали; стало быть, это люди добрые и чистые, а если они сделались такими потому, что они христиане, то...

Но здесь ум Фабиолы отступал. Ей, патрицианке, гордой римской гражданке, беседовать с рабыней-христианкой, учиться у нее, подчиняться ей, поверить... Нет, это невозможно! Фабиола не верила уже давно в своих богов; она желала верить в единого, милосердного, вездесущего Бога; она вспомнила, что еще Сократ верил в этого Бога и называл Его невидимым; но это не значило еще сделаться христианкой!

Фабиола провела весь день в тревоге, стараясь унять свое волнение и преодолеть страх.

XI

На другой день, желая развлечься и отойти от пережитых волнений, она отправилась к своему богатому соседу Хроматию. Хроматий занимал прежде должность префекта, потом, обратясь

в христианство, вышел в отставку и поселился на своей вилле, где он разместил приехавших с ним новообращенных Себастьяном христиан; у него жил также всеми уважаемый священник Поликарп, которому поручено было преподавать вновь обращенным догматы веры и укоренять в них твердые правила нравственности.

Фабиола, как и другие язычники, не знала, что именно происходит на вилле Хроматия, но слышала рассказы о странной жизни, которую вел хозяин. Говорили, что к нему съехалось множество гостей, которые в высшем римском обществе были неизвестны; что никаких пиров и увеселений по случаю приезда их дано не было; что Хроматий отпустил на волю всех своих рабов, но что многие остались служить ему по-прежнему; что все гости, по-видимому, близко знакомы и даже дружны между собою. Все эти слухи возбудили любопытство Фабиолы; старик Хроматий знал и любил ее с детства, и это давало ей возможность навестить его и во всем удостовериться самой.

Фабиола выехала рано утром. Ее деревенская коляска была запряжена парой лошадей. Дождь, шедший накануне, прибил пыль и блистал еще алмазными каплями на широких пурпурных листьях и ярких цветах вьющихся растений, которые гирляндами тянулись от одного дерева к другому. Скоро Фабиола достигла вершины холма, покрытого лавровыми кустами, между которыми стройно и высоко поднимались светло-зеленые пирамидальные тополя и темные кипарисы. На белых стенах виллы вырисовывались их грациозные формы. Войдя в ворота, Фабиола с удивлением заметила, что все углубления в стенах виллы были пусты. Еще недавно в них красовались чудные статуи богов и богинь.

Хроматий, хотя и страдал подагрой, вышел навстречу Фабиоле и с радующим спросил у нее, какие она имеет известия о своем отце, который, по слухам, отправился в Азию*. Фабиола расстроилась: она ничего не слыхала об этом, и ей было вдвойне обидно, что чужие люди знают об ее отце больше, чем она, родная дочь. Хроматий, заметив ее печаль, сказал, что, вероятно, это только пустые слухи, и предложил ей пройтись по саду. Фабиола заметила, что в саду, как и в нишах виллы, нет ни одной статуи. Когда они дошли до грота, из которого вытекал ручей и который раньше был украшен статуями нимф и богов, Фабиола увидела, что и здесь не осталось ни одной статуи. Грот был пуст и представлял собою обыкновенную сырую яму, Фабиола не могла более выдержать и сказала:

— Какой каприз овладел тобою, что ты велел вынести все статуи — лучшее украшение виллы?

— Дитя мое, — сказал старик кротко, — какую пользу приносят эти статуи?

— Не везде надо искать одной пользы, прекрасное потому и полезно, что оно прекрасно. Что ты сделал с этими дивными произведениями искусства?

* Так называлась римская провинция, расположенная на территории Малой Азии (Турция).

— Боги и богини, — отвечал старик, улыбаясь, — погибли под железным молотком кузнеца: их разбили вдребезги.

Фабиола стояла пораженная. Разбить молотком дивные произведения искусства казалось ей варварством.

Так, наверное, решим и мы с вами. И Фабиола со своей точки зрения, и мы, исходя из своих представлений, будем, конечно, правы, но христиане первых веков находились в совершенно ином положении, и им следует простить их желание уничтожить статуи и вообще все языческие памятники. Для нас статуи Юноны, Венеры, Юпитера представляют только великое произведение древнего резца. Мы любуемся красотой линий, изяществом, полным грации, величия, жизнью, разлитой в мраморе будто посредством волшебства, — и все это волшебство создается только искусством. Но христиане, жившие среди язычников, поклонявшихся статуям, как богам и богиням, принуждавших христиан поклоняться им, видели в статуях только богохульство, только идолов, и, исповедуя единого истинного Бога, разбивали изображения Венер, Юпитеров, Юнон, как идолов. Мысль об искусстве необходимо должна была исчезнуть в условиях яростной борьбы мировоззрений. Не время было думать о резце того или другого скульптора: шла борьба за принципы, за убеждения, за веру.

Хроматий не мог объяснить всего этого Фабиоле; он старался отделаться общими словами.

— Да ты стал настоящим варваром, — сказала Фабиола с удивлением и досадой, — чем ты можешь оправдать свой ужасный поступок?

— Я состарился, дитя мое, и сделался умнее. Я пришел к убеждению, что Юпитер и супруга его Юнона никогда не существовали, а если и существовали, то были такие же боги, как мы с тобой, — ну, я и счел за лучшее отделаться от изображения этих богов.

— Да я сама не верю ни в Юпитера, ни в Юнону, — сказала Фабиола, — но сохранила бы статуи как произведения искусства.

— Да, если б их можно было сохранить только как произведения искусства; но когда обязывают поклоняться им как богам, приносить им жертвы, чтить их, то это дело другое.

— Зачем в таком случае ты их не продал?

— Чтобы другие не поклонялись им, как богам. Я бы счел это за преступление.

— Так зачем же, — приставала Фабиола, — виллу твою называют и теперь «виллой статуй»?

— Я хочу переименовать ее и назвать «виллой пальм».

— Премилое имя, — сказала Фабиола, не улавливая намека Хроматия, понятного только христианам.

Мученики у первых христиан обыкновенно представлялись с пальмой в руках, и до сих пор сохранилось выражение: «Он принял пальму мученичества». На вилле Хроматия жили христиане, и все они молились Богу, чтоб Он дал им силу и мужество умереть бестрепетно.

Хроматий и Фабиола сели на скамью в уединенном месте сада. Фабиола сказала:

— Знаешь ли, о твоей вилле ходят странные слухи...

— В самом деле? Какие же? — спросил Хроматий.

— Говорят, что у тебя проживает множество никому не известных людей, что ты никого не принимаешь, что ты ведешь жизнь философа, что твой дом представляет собой нечто вроде платоновской республики.

— Ну что ж! Это весьма лестно для меня, — сказал Хроматий.

— О, это еще не все. Говорят, что вы все отказываетесь от пищи и удовольствий, что вы даже морите себя голодом.

— В самом деле? Так в публике интересуются мной... Странно! Пока на моей вилле давались обеды, пиры и ужины, пока сюда съезжались щеголи, пока целые ночи напролет музыка, болтовня, песни не давали спать соседям, обо мне никто ничего не говорил. Теперь, когда я живу тихо, спокойно, уединенно, в небольшом кругу людей, мне близких, но тихих и скромных, мною стали интересоваться! Странное дело.

— Однако какой же образ жизни вы ведете? — спросила Фабиола.

— Мы проводим время, стараясь развить в себе лучшие качества человека. Мы встаем так рано, что я не хочу назвать тебе часа, чтобы не испугать тебя, и исполняем наши религиозные обряды. После этого все мы принимаемся за занятия: кто читает, кто пишет, кто работает в саду и в доме. В назначенные часы мы собираемся опять и читаем вслух книги, которые просвещают ум и смягчают сердце, или слушаем поучения тех, которые взяли на себя труд руководить нами. Мы едим только плоды, рыбу и овощи — и отказались от мяса, но я тебя уверяю, что не сделали от того угрюмее, напротив!

— Я думала, что Пифагорова система вышла из моды. Впрочем, нет хуже без добра, и, живя так скромно, вы скопите себе большие капиталы.

— Не думаю; мы решили, что в продолжение зимы должны снабдить бедных одеждой и пищей, так, чтобы во всей округе не осталось ни одного человека, который бы терпел холод и голод. Все наши капиталы пойдут на это.

— Признаюсь, что это так великодушно с вашей стороны, — сказала Фабиола, — но уж вы не удивляйтесь, если вас поднимут на смех или осыпят бранью. О вас будут говорить... да скажут, что... что...

— Что скажут? Говори! — спросил Хроматий.

— Не сердись, пожалуйста, я не хочу оскорблять тебя, а только предостеречь. Я знаю, что про вас говорят уже, что вы... христиане! Могу тебя уверить, что я с негодованием отвергла это обвинение и горячо заступилась за вас.

Хроматий улыбнулся.

— Зачем же негодовать, дитя мое?

— Потому что знаю тебя, знаю Тибурцию, Зою и Никострату, приехавших к тебе, и уверена, что вы не можете принадлежать к людям, которые... которых... ну, которые совершают преступления, так злы, жестоки и низки.

— А ты читала хотя бы одну христианскую книгу? — спросил Хроматий. — Знакома хотя бы с одним христианином? Знаешь,

чему учит христиан, так всеми презираемых и преследуемых, их религия?

— Конечно, не знаю, да и знать не хочу! — воскликнула Фабиола с запальчивостью, точно она боялась узнать что-нибудь такое, против чего не могла бы устоять и сама. — Я не желаю знать, чему верят рабыни, привезенные с Востока. К тому же все знают, что христиане люди дурные. И потому все их презирают.

— Да кто «все»? — спросил Хроматий.

— Все, решительно все, — ответила, горячась, Фабиола.

— Все, решительно все, — повторил Хроматий, — все те, которые не знают, не видали в глаза ни одного христианина, не читали ни одной книги, но зато слышали рассказы людей, распускающих о них ложные слухи из своих соображений. Странное стадо — род людской! — прибавил старик печально. — Мало в нем людей мыслящих, способных понять что-то, еще меньше таких, которые, поняв, растолковали бы другим. А эти другие или равнодушны ко всему, или невежды, и потому, чем слухи нелепее, тем желаннее для них. Они всегда готовы поверить скорее клевете, чем истине. Злые люди вопят, стадо людское вопит за ними; и вот — голос большинства! Еще хотят, чтоб уважали этот голос! Нет! Человек честный и разумный не станет вопить с невежественной массой, не побежит за толпой! Но как мало таких! Да и в числе их столько слабых, легкомысленных, которые знают, где истина, но не осмеливаются сказать ее, боясь тех же воплей невежественного большинства!

Фабиола слушала молча. В словах старика звучала печаль. Он замолчал и задумался.

— Прости меня, что я разволновала тебя, и поговорим о другом. Я, между прочим, приехала к тебе по делу: я желала бы знать, не едет ли кто-нибудь в Рим? Я хочу написать отцу. Мне бы очень хотелось повидать его до отъезда в Азию.

— Ты приехала очень кстати, — сказал Хроматий. — Сегодня едет в Рим один молодой человек. Зайди в мою библиотеку, напиши письмо. Оно будет доставлено немедленно.

Они вошли в дом и прошли в большую залу, где были ящики с рукописями. Посредине залы стоял большой стол; за ним сидел молодой человек и переписывал какую-то рукопись. Увидев незнакомую женщину, он встал.

— Торкват, — сказал ему Хроматий, — эта госпожа желает послать письмо своему отцу в Рим.

— Очень рад, что могу исполнить поручение благородной Фабиолы и явиться к ее отцу, благородному Фабию, — сказал Торкват.

— Как! Ты знаешь Фабиолу и ее отца? — воскликнул Хроматий с удивлением.

— Я имел честь служить в Азии под начальством благородного Фабия, — ответил Торкват. — Плохое состояние здоровья заставило меня оставить должность.

На столе лежали листы пергамента; старик взял один из них, чернильницу и перо из тростника, и положил все перед Фабиолой. Она написала наскоро несколько строк, потом сложила листок, перевязала его шелковой нитью и запечатала печатью,

которую носила в шитом золотом и шелками кошельке. Желая когда-нибудь вознаградить молодого человека за услугу, которую он ей оказывал, она взяла другой листок пергамента и, спросив у него имя и адрес, записала их и спрятала записку за пояс в складках туники. Позавтракав, она стала прощаться с хозяином и заметила, что старик отечески нежно глядел на нее, хотя к этой нежности примешивалось чувство грусти. По крайней мере, так показалось Фабиоле. Когда она уезжала, Хроматий сказал ей вслед:

— Прощай, дитя мое! Будь благословенна, вступая на тот путь, которого еще не знаешь.

Фабиола была тронута и задумалась. Слова эти показались ей загадочными. Голос Торквата, остановившего ее колесницу, когда она выехала из ворот виллы, вывел ее из задумчивости.

— Извини, что я решаюсь остановить тебя. Угодно ли тебе, чтобы письмо твое было доставлено как можно скорее? — спросил Торкват.

— Да, да, конечно, — ответила Фабиола.

— В таком случае мне трудно будет исполнить твое желание; я иду пешком.

Фабиола предложила ему денег на наем лошадей. Торкват принял их без малейшей церемонии и замешательства.

Сумма, которую Фабиола вручила Торквату, была достаточной не только для того, чтобы доехать до Рима, но и чтобы вознаградить его за труды. Она отдала ему весь кошелёк, набитый золотом. Торкват взял его с такою радостью, что Фабиола решила, что он недостоин дружбы такого человека, как Хроматий. «Если все его друзья таковы, — размышляла Фабиола, — то они обирают доброго старика и обманывают его, прикидываясь добродетельными». Она вынула спрятанную записочку и, развернув ее, увидела на обороте несколько строк, написанных неизвестною ей рукой:

«А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных».

Удивлению Фабиолы не было границ. Она не верила своим глазам. В предстании язычников мщение считалось не только позволительным, но и законным. Были даже боги-мстители, были боги ада, и им приносили жертвы. Она любила читать философов, находила много умных и хороших мыслей в их книгах, но ничего подобного она никогда еще не читала.

«Что же это? — думала она. — Верх величия или низость? Любить врагов, делать добро ненавидящим нас! Сколько надо любви, сколько надо великодушия, чтобы делать это искренне! И есть ли на свете люди, способные искренне прощать оскорбления и зло и платить за них добром? Где они? Кто они? Я спрошу у Сиры, не знает ли она их или не слыхала ли о них... А если это... Не может быть! Нет, я лучше ничего не скажу Сире. Она такая восторженная, а я чувствую, что мне надо успокоиться. Я чего-то боюсь и чего-то желаю. Все эти разговоры и рассказы

только больше и больше расстраивают. Не нужно мне этой бумажки... я хочу спокойствия...»

И Фабиола бросила на дорогу бумажку, которую держала в руках.

— Стой! Стой! — закричала она вдруг вознице, будто испугавшись. — Поди, подними бумажку, которую я нечаянно уронила.

Он поднял и подал ей; она взяла бумажку, сложила бережно и засунула опять за пояс.

Так билась бедная Фабиола, мучимая сомнениями и желанием познать истину. Сияние истины пугало ее, и она с ужасом отступала назад, но ненадолго; скоро она опять бросалась вперед, влекомая неодолимой жаждой познать, выйти, наконец, из той нравственной пустоты, из того иссушающего безверия, которые мучили ее.

XII

На другой день утром на мула навьючивали мешки. Торкват отправлялся в Рим. Все жители виллы и сам Хроматий провожали его до ворот и тепло прощались с ним... Многие, зная, что он беден, отдавали ему свои деньги. Священник Поликарп отвел его в сторону и со слезами на глазах умолял его следовать за собою, быть осторожным в выборе друзей, не поддаваться искушениям города, избегать шумных праздников, не надеяться на свои силы, не хвастать ими и просить у Бога, чтобы Он укрепил его в мужестве и любви. Хроматий мягко укорял Торквата за его легкомыслие, тщеславие, склонность к излишествам.

— В последнее время, — сказал он, — нам казалось, что тебе было скучно с нами, что наша простая, скромная жизнь не удовлетворяла тебя.

Торкват растрогался, стал на колени перед священником, каялся и просил его благословения. Наконец он простился со всеми, сел верхом и тихо поехал по аллее, которая вела из виллы на большую дорогу. Добрый священник долго, пока он не скрылся из виду, следил за ним глазами отца, провожающего любимого сына. Не долго думал Торкват о наставлениях священника, скоро настроение его изменилось. Он предался мечтам. Ему казалось, что он уже приехал в Рим. Вот знакомые улицы, полные народа, вот бани, где собирается веселое шумное общество. Вот стол, где играют в кости. Торкват был до своего обращения страстным игроком и отказывался от своей привычки не без борьбы и сожалений. Теперь он не намеревался играть сам, но его прельщала мысль, что он увидит то, что так долго составляло его любимое занятие, и будет иметь удовольствие следить за игрой других... Нет, он не изменит себе — он христианин, и не будет пить вина, не сядет за роскошный стол, не будет играть, как язычники! Он будет помнить наставления отца Поликарпа.

В Фонди, пока кормился и отдыхал мул, Торкват отправился к Кассиану, к которому у него было рекомендательное письмо от Хроматия. Кассиан жил на вилле и отказался от должности

школьного учителя. Он принял Торквата по-братски и просил его разделить с ним скромный обед. Кассиан в каждом христианине видел брата и потому рассказал Торквату, что он намерен заняться обращением в христианскую веру детей, которых ему обещали поручить на время каникул; он рассказал множество подробностей о своей прошлой и настоящей жизни, о своем обращении и о своих надеждах на будущее.

«Сколько денег можно получить, сообщив такие сведения!» — подумал Торкват, но поспешил задушить в себе эту мысль. Простившись с Кассианом, Торкват купил себе щегольское платье, взял переменных лошадей, чтобы поскорее доставить письмо Фабиолы, и пустился в Рим на быстро бежавшей лошади, оставив своего мула в Фонди.

Приехав в Рим, Торкват переоделся и явился к Фабию; он отдал ему письмо дочери, отвечал на все его расспросы о ней и был приглашен ужинать в тот же день вечером. Выйдя от Фабия, Торкват подыскал себе приличную квартиру. Карманы его, благодаря христианам и Фабиоле, были туго набиты, и он мог пожить в свое удовольствие, не боясь недостатка ни в чем.

Возвращаясь домой из бань Тита, Торкват услышал разговор двух мужчин, стоявших под портиком храма.

— Это действительно так. Народ в Никомидии сжег христианскую церковь. Мой отец слышал от самого императора.

— Почему этим безумцам пришла мысль построить свой храм вблизи дворца? Разве они не понимали, что народ в конце концов обрушит свою ярость на тех, кто не разделяет веру отцов?

— Все они сумасшедшие! Трудно себе вообразить, до чего доходит их дерзость. Им бы скрываться и быть благодарными, что о них забывают, так нет, лишь только преследования ослабевают, они тотчас начинают строить свои храмы. Говорят, что скоро против них примут решительные меры; я буду очень рад. На этом деле, между прочим, можно порядочно подзаработать.

— Ладно, давай договоримся: если нам вдвоем удастся изловить богатого христианина, то мы делим его состояние; если же это сделает один из нас, без помощи другого, то он все забирает себе.

— Согласен.

В это время к ним подошел Фабий и приветливо поздоровался.

— Как поживаешь, Фульвий? — спросил он. — Я давно не видал тебя; нынче вечером у меня собираются ужинать знакомые, не хотите ли и вы оба прийти ко мне?

— Извини меня, — сказал Фульвий, — я приглашен в другое место.

— Ерунда, — возразил Фабий, — город опустел, — все разъехались; кто тебя мог пригласить? Разве мой дом тебе неприятен? Я не видал тебя с тех самых пор, как ты обедал у меня вместе с Себастьяном. Не поссорились ли вы? Или не подверглись ли каким чарам? Говоря попросту, я думаю, что ты не прочь жениться на моей молоденькой родственнице Агнии?

— А может быть, и так, — сказал он, — но я вижу, что дочь твоя меня не выносит.

— Да нет, моя Фабиола — философ, и это все ее не интересует. Я был бы очень рад, если бы она отложила в сторону свои книжки и серьезно подумала о том, что пора пристроиться и самой. Это было бы лучше, чем мешать другим. Впрочем, мне кажется, что Агния благосклонна к тебе.

— Почему ты так думаешь? — живо спросил Фульвий.

— Ты хорош собой, богат; она сказала что-то вскользь, и я подумал, не намекает ли уж она на тебя. Ну, полно церемониться. Приходи ужинать, мы поговорим об этом, и, быть может, тебе удастся понравиться Агнии. Фабиола уехала со всеми своими служанками на дачу, и потому ее комнаты заперты. Чтобы войти на мою половину, отвори боковую дверь дома. Я буду ждать тебя и Корвина.

Фабий был, по своему легкомыслию, неразборчив в выборе гостей, ему казалось, что все равно, кто у него собирается ужинать, лишь бы были веселые гости, вкусные блюда и отборные вина. Он не любил садиться за стол один и каждый вечер собирал гостей к ужину.

Мы не станем описывать пира, который он дал в этот вечер, скажем только, что вина подавались в таком изобилии, что скоро почти все гости опьянели. Один Фульвий ничего не пил и внимательно прислушивался к разговору, который перешел на последние события в Никомидии. После разрушения христианского храма начались поджоги в городе. В них обвиняли христиан, и Диоклетиан воспользовался народною ненавистью, чтобы начать гонения. Можно было предположить, что и в Риме Максимиан последует его примеру. Все гости Фабия наперебой осыпали христиан ругательствами и насмешками. Даже самые добрые из них считали, что христиане не заслуживают пощады. Одни говорили, что все христиане лгуны и негодяи; другие — что они заклятые враги Римской империи; но все — что их учение порочно и гнусно, что почти все они люди неблагонадежные. Один Фульвий молчал и только оглядывал гостей подозрительно, стараясь уловить на их лицах признаки волнения или досады.

Торкват молчал, но попеременно то краснел, то бледнел. Он выпил чересчур много; вино вскружило ему голову. Он сжимал кулаки, стискивал губы в ярости и запивал свой гнев вином.

— Христиане ненавидят нас и охотно перерезали бы всех, если бы могли, — сказал один из гостей.

— Конечно, перерезали бы! Кто поджог Рим при Нероне? Они! Кто в Азии сжег дворец? Они!

Торкват привстал на своем ложе, протянул руку, будто желая что-то сказать, но опомнился и не сказал ни слова.

— Они делают и хуже. Они убивают детей и пьют их кровь, — сказал Фульвий, не глядя на Торквата.

Торкват, возбужденный вином, ударил вдруг кулаком по столу и закричал диким голосом:

— Это ложь, самая презренная ложь!

— А ты откуда знаешь? — спросил у него Фульвий спокойно.

— Потому что я сам христианин, — закричал Торкват, — и готов умереть за мою веру!

Все как будто окаменели на месте; наступило молчание. Фа-

бий, стыдясь, что за его столом сидит христианин, потупил глаза. Какой-то молодой человек глядел на Торквата, разинув рот и выпучив глаза; Корвин злобно радовался, Фульвий же глядел на Торквата змеиными глазами, с сознанием, что эта добыча не уйдет от него, и заранее упивался мучениями своей жертвы. Он со свойственной ему хитростью изучил Торквата и знал, что, захватив его, захватывает разом многих других. Он знал, что человек, не умеющий владеть собою, не выдержит, и в минуту волнения под влиянием винных паров непременно откроет все, что знает, выдаст всех, кто ему известен. Он знал, что преданный своей вере христианин не унизил бы себя до пьянства и не стал бы в пьяном виде признаваться в своей вере. Он видел христиан на Востоке, видел, как твердо, как решительно признавались они в своей вере, но делали это иначе. Молитва укрепляла их силы, восторг слышался в их речах, надежда на Бога воодушевляла их. Не за пирами признавались они, а в суде или тогда, когда от них требовали поклонения идолам. Признавались они, сознавая опасность и жертвуя жизнью. Это были люди твердые, а не хвастливые и пустые, как Торкват.

Гости встали из-за стола и поспешно стали расходиться, ибо каждый боялся за себя в случае доноса. Скоро Торкват остался один.

Фульвий шепнул несколько слов Фабию и Корвину, подошел к Торквату и сказал с притворным и вкрадчивым сожалением:

— Я боюсь, что мои неуместные слова заставили тебя признаться в очень опасном для тебя деле.

— Я ничего не боюсь, — ответил Торкват хвастливо, — и готов умереть за веру.

— Ш-ш... замолчи, пожалуйста; невольники могут подслушать тебя. Пойдем лучше в соседнюю комнату, поговорим там спокойно.

Говоря это, он повел его в соседнюю пышно убранную залу, где уже по приказанию Фабия стояли чаши с фалернским вином. Корвин вошел вместе с ними. На великолепно отделанном резном столе лежали кости. Фульвий подал Торквату полную чашу вина, которую тот выпил, не переводя духа, а затем другую и третью. Между тем Фульвий играл, будто шутя, костями, бросал их, считал, собирал и опять бросал.

— Экое счастье! — говорил он. — Что ни удар, то проигрыш! Хорошо, что я ни с кем не играю, а то бы проигрался в пух. Хочешь попробовать, Торкват?

Мы упоминали, что Торкват был страстный игрок. Он уже однажды попал в тюрьму, проиграв то, чего у него не было. Себастьян выручил его оттуда и тогда-то обратил его в христианскую веру. Торкват, совершенно пьяный, почти уже не помнил, что говорил за минуту перед тем. Глаза его блестели, руки и губы дрожали. Он схватил кости и принялся играть с лихорадочным волнением. Первые ставки он выиграл, а потом стал проигрывать, потом опять выиграл, и все более и более горячился. Фульвий подливал ему вина; Торкват стал болтать без умолку.

— Корвин... Корвин... — твердил он, глядя на Корвина и при-

помяная что-то, — что это за имя? Кассиан называл его.

— Какой Кассиан? — спросил Фульвий.

— Да, да, жестокий и злобный Корвин — это ты, что ли? Ты еще поссорился с Панкратием?

Корвин хотел было вступить за себя и начать драку, но Фульвий остановил его выразительным жестом и сказал Торквату:

— Этот Кассиан, кажется, школьный учитель? Где он теперь живет?

— Он живет... да нет, нет!.. это значило бы предать его. Пусть меня пытаются, мучают, убьют, но я не изменю никому и никого не предаю...

Между тем кости метались, и горячка все больше и больше охватывала Торквата. Оба игравшие замолчали и устремили все свое внимание на ход игры. Сперва они выигрывали и проигрывали поочередно; но Фульвий был хладнокровнее, умел владеть собой и не пил вина, и счастье, казалось, склонялось на его сторону. Когда Торкват заметил, что он проигрывает, то начал запивать проигрыш вином и вскоре совершенно потерял голову. Он кидал на стол кости дрожащими руками, потом глядел на них так, что, казалось, ничего не видел, и, конечно, не был в состоянии подсчитать свой проигрыш. За него считали Фульвий и Корвин. Все больше и больше терявший голову Торкват бросил, наконец, на стол наполненный деньгами кошелек, данный ему Фабиолой. Фульвий взял его, высypал оттуда деньги и выложил на стол такую же сумму. Оба приготовились к решительному удару. Кости были брошены и покатались по столу с зловецом, как показалось Торквату, шумом; Фульвий собрал их, кинул и затем холодно и спокойно подвинул к себе все деньги, поставленные Торкватом. Торкват опустил голову на скрещенные в порыве отчаяния руки. По знаку Фульвия Корвин вышел из залы. Торкват все лежал на столе; он то хватал себя за голову, то рвал на себе волосы, то бормотал несвязные слова, топая ногами, скрежетал зубами, стонал, словом, предавался бессильной злобе. Вдруг он услышал, что ему говорит кто-то шепотом:

— Если ты христианин, то для тебя нет надежды на спасение. Ты опозорил своим поведением свою религию и изменил ей. Ты рассказал многое и предал многих; ведь ты был пьян и не помнишь, что говорил! Ты сказал слишком много.

— Это неправда, это ложь! Они простят мне...

— Едва ли! Что осталось у тебя? Денег нет, положения нет; римляне тебя презирают, христиане выгонят. Куда ты пойдешь? Будешь нищенствовать! Если же на тебя донесет кто-нибудь из слышавших твои признания, то тебя замучают, а христиане все-таки не простят тебе твоей измены.

Торкват поднялся со стола, встал и закричал, как бешеный:

— А тебе что за дело? Оставь меня!

— Мое дело, — ответил Фульвий. — Я выиграл твои деньги и знаю твою тайну. Жизнь твоя в моих руках. Мне стоит только позволить этому жестокому и злобному Корвину, как ты его называл, донести на тебя, и ты погиб. Он сын префекта, и ты будешь тотчас же схвачен и осужден. Ну, а теперь взгляни-ка на

себя; ты шатаешься, ты пьян; даже испуг не отрезвил тебя, готов ли ты теперь, в пьяном виде, идти на форум признаться, что ты христианин, и умереть за свою веру?

Злая и холодная насмешка звучала в словах и голосе Фульвия. Сраженный Торкват упал в кресло и судорожно сжал кулаки.

— Ну, выбирай. Хочешь ли воротиться к христианам, имена которых ты выдал, или идти в суд?

Торкват молчал. Он был уничтожен.

— Слушай,— продолжал Фульвий, садясь около него и меняя тон. Он начал говорить тихо, почти ласково.— Послушайся меня, и ты будешь спасен. У тебя будет хороший дом, хороший стол, независимое положение, достаточно денег, словом, ты будешь жить в изобилии, но с условием: завтра ты должен идти ко всем своим друзьям — христианам и не говорить им ни слова о случившемся. Когда же я спрошу у тебя что бы то ни было, ты обязываешься отвечать мне чистосердечно.

— Но это значит изменить... предать...— сказал Торкват, заикаясь.

— Как хочешь, иначе ты подвергнешься позорной мучительной смерти. Взгляни, на дворе стоит Корвин: он ждет одного моего движения, чтобы донести на тебя. Выбирай!

— Боже мой! Это ужасно! Сжался надо мною... не выдавай меня! Делай, что хочешь, только не выдавай меня!

Фульвий вышел, не без труда уговорил плававшего злобой и тоже полупьяного Корвина не доносить на Торквата и обещал ему взамен узнать, где живет ненавидимый Корвином Кассиан, и выдать его Корвину. Только это обещание могло заставить Корвина молчать и не торопиться с доносом. Отделавшись от него, Фульвий возвратился к Торквату, которого он хотел проводить до квартиры, чтоб узнать, где Торкват живет. Он увидел, что Торкват, бледный, как смерть, ходил по комнате, пытаясь унять свое волнение. Хмель вылетел у него из головы. Торкват вполне сознавал свое страшное положение: стыд, гнев, презрение к себе, бессильная злоба на Фульвия, раскаяние, страх и ужас мучительной смерти овладели им. Он был не в состоянии держаться на ногах; теперь они снова отказывались служить ему, но уже от чувств, обуревавших его. Торкват упал на кушетку и зарыдал, как ребенок. Фульвий положил ему руку на плечо и спокойно сказал:

— Полно! Пойдем, я провожу тебя домой.

Торкват встал и машинально побрел за своим палачом.

XIII

Полукругом опоясывая Рим, простираются на огромном расстоянии подземные ходы, галереи и пещеры, известные под названием катакомб.

По мнению некоторых историков, вокруг Рима в первое время его существования были вырыты большие ямы, которые вскоре, по мере того, как город застраивался, превращались в большие рвы; из них добывали глину и землю, употреблявшуюся вместо

цемента при постройке зданий. Постепенно под землей образовались пещеры с переходами. В этих заброшенных пещерах первые христиане стали устраивать захоронения. Рядом со своими подземными кладбищами они строили нечто вроде часовни или маленькой церкви для отправления церковной службы. Христиане, осуществлявшие захоронения, рывшие могилы и ставившие памятники с надписями, принадлежали к обществу служителей церкви. Многие из них были знакомы с архитектурой и умели владеть резцом и кистью. Часть их произведений уцелела до сих пор. На многих могильных камнях были найдены портреты самих работников, высеченные на камне.

Один из таких портретов найден на кладбище св. Калликста. Он изображает могильщика в полный рост, на правом плече и колене видно изображение креста. Могильщик одет в длинное, до колен, платье и обут в сандалии. Через левое плечо перекинут кусок ткани. В правой руке он держит заступ, в левой — зажженный фонарь, висящий на небольшой цепочке. У ног его лежат инструменты. Над головой высечена следующая надпись: «Диоген, могильщик, в мире положен в восьмой день октябрьских календ». Хотя в Риме существовал обычай не упоминать на могильных камнях о простых ремесленниках, христиане, считая себя братьями и всякое честное ремесло почетным, отказались от такой традиции.

Многие знаменитые путешественники и писатели пытались описывать катакомбы, но ни одно из этих описаний не дает о них полного представления. Для одного катакомбы — это не более чем темные, сырые коридоры, по которым приходится идти со свечами, десятки раз пересекающиеся другими коридорами. Иногда в месте таких пересечений создавались «комнаты» — небольшие прямоугольные или круглые помещения. В коридорах было легко запутаться, так как все они очень похожи. В стенах их христиане закапывали покойников, в комнатах устраивали алтари, служили обедни, панихиды и другие службы. Позднее, когда начались гонения, христиане спасались в катакомбах от жестоких преследований и хоронили там мучеников, убитых или растерзанных в цирках по велению римских императоров.

Человек верующий видит и испытывает в катакомбах нечто другое. Эти темные коридоры, эти узкие комнаты рассказывают ему великую и чудную повесть о людях, которые любили и верили, которые умирали за свою любовь и веру, которые жертвовали всем — семьей, состоянием, жизнью — во имя веры, и умирали, благословляя Бога, молясь за врагов. Этой горстке людей, скрывавшихся в катакомбах, предназначено было произвести в мире великий переворот. Сила первых христиан заключалась в их крепкой вере и пламенной любви, а любовь и вера делают невозможное.

В подземных коридорах впоследствии было открыто много могил мучеников, которых чтит христианская церковь; некоторые могилы были снабжены замечательными надписями, трогательными в своей простоте и чувствах.

Однажды по дороге Аврелия стража вела на казнь Артемия,

его жену и их дочь, юную Пелагею. Вдруг на дороге показалась толпа христиан, во главе которой шел священник Маркелл. Стражники испугались и бросились бежать. Молодые христиане остановили солдат и стали беседовать с ними. В это время священник увел приговоренных к смерти в подземную часовню, отслужил обедню и причастил их. Затем он подошел к солдатам и сказал: «Мы могли бы убить вас, но не хотим причинять вам ни малейшего зла. Мы могли бы освободить наших братьев, осужденных на смерть, но не сделаем этого! Исполняйте, если смеете, гнусный приговор императора». Солдаты смутились, но не решились ослушаться приказа императора и поспешили убить несчастных христиан, тела которых были захоронены в катакомбах. Часто около могил находили орудия пыток и сосу-ды со следами крови. Их хранят теперь, как святыню.

Среди надписей особенно выделяются следующие:

«В пятый день до ноябрьских календ здесь был положен в мире Горгоний, друг всем и никому не враг».

«Здесь Гордиан из Галлии, зарезанный за веру со всем своим семейством, почивает в мире».

«Теофила, служанка, поставила памятник».

Таким образом, из всего семейства осталась в живых одна служанка, которая хоронила своих господ и поставила над их телами камень с надписью, уцелевшей до нашего времени и свидетельствующей о любви ее к господам и об их мученической смерти.

А вот еще надпись, замечательная своей простотой и глубоким чувством:

«Клавдию, достойному, ревностному и меня любившему».

Слова «меня любившему» особенно трогательны. Какая простота, какое детски нежное слово, сказанное от полноты сердца!.. Часто христиане с опасностью для жизни уносили тела мучеников. Обычно они делали это ночью и вывозили их в крытых телегах из ворот Рима. В годовщину кончины христиане собирались и служили панихиды по мученикам или умершим родственникам. Все это делалось тайно. В тайне хранили имена священников и служителей, в тайне хранили планы катакомб, протяженность коридоров, расположение входов и выходов.

Две основные линии катакомб опоясывают половину Рима, начинаясь у Ватикана и кончаясь у дороги Аппия. Семьдесят четыре тысячи мучеников похоронены в них. Случалось, что гибель их становилась неизбежна. Так, император Нумериан, узнав, что множество мужчин, женщин и детей скрываются в катакомбах у дороги Саллара, велел завалить камнями и засыпать песком вход в эти подземелья, — и все христиане, находившиеся там, погибли. Иногда римские солдаты, отыскав вход, проникали в катакомбы и убивали всех, кто там скрывался. Оттуда же шли на смерть мученики, часто добровольно отдававшие в руки своих гонителей.

Завершим наш краткий экскурс в историю отрывком из дневника одной молодой путешественницы. Она, как и все, кто посещает Рим, побывала в катакомбах. Вот что она пишет:

«Я видела катакомбы; впечатление, которое они произвели на

меня, так живо и глубоко, что не может сравниться ни с каким другим ощущением, испытанным мною прежде при осмотре памятников, храмов и развалин древнего и нового Рима. Неясно представляла я себе, какое чувство буду испытывать, посещая эти места, и, признаюсь, не слишком много об этом думала. Войдя в темные пещеры, я внезапно почувствовала, что сердце мое преисполнилось благоговения столь глубокого, что я не могла вымолвить ни единого слова. Я была растрогана и стояла около алтаря, на котором совершалась обедня во время гонения. Я смотрела на этот же самый камень, на который смотрели прежде меня люди, умевшие молиться так, как мы уже не умеем. Я бы хотела остаться на этом месте и пасть на колени, но принуждена была следовать за шедшими впереди. Войдя в узкие извивы коридора, я почувствовала еще более сильное волнение, взирая на ряды могил, которые напоминали мне, что выстрадали здесь люди, ожидавшие минуты, когда их похоронят рядом с этими замученными их братьями. Я воображала себе скорбь, мучения, тоску тех, которые ожидали ежеминутно смерти, свидетельствуя тем, что они христиане и что их поддерживали вера, надежда и любовь посреди ужасов жизни. Я стыдилась, что не сумела позавидовать тем, которые жили в этих мрачных подземельях, на себя самое обратились мои мысли, и я смутилась. И я христианка, как те, которые, молодые и слабые, как я, просили у Бога только милости умереть во имя Его! Мы вышли из катакомб по той же самой лестнице, по которой ходили христиане первых веков, когда шли на смерть. Я хотела поцеловать эти ступени, выплакать все мое сердце. Я думала о молодых девушках, которые шли на мученическую смерть по этим самым ступеням, и умилялась при мысли, что они видят мое сердце и слышат мою молитву. Я чувствовала себя недостойной поставить ногу туда, куда ставили они свои ноги, и, однако, шла с чувством неизъяснимой сладости по тем же самым ступеням, по которым шли они, полные спокойствия и счастья, на верную смерть. Тысячи мыслей и чувств волновали меня, и я испытывала восторг, до тех пор мне незнакомый, благодарила Бога за испытываемые мною чувства и просила Его подать мне волю и силу любить Его все дни моей жизни».

В конце октября Панкратий шел по узким и извилистым улицам квартала, называемого Субурра. Он плохо знал эти улицы и с трудом нашел нужный ему дом. На его стук вышел Диоген, имя которого мы уже не раз упоминали в нашем повествовании. Это был высокий мужчина, с седыми длинными волосами, кольцами завивавшимися вокруг широкой и большой головы.

Выражение его лица было спокойно и печально. Он жил со своими двумя молодыми сыновьями; старший, Май, занимался вырезанием надгробных надписей на камне и мраморе; Север — чертил углем рисунок, изображавший Иону в чреве кита и воскрешение Лазаря. Диоген был начальником большой общины могильщиков. После первых приветствий Панкратий, взглянув на надпись, довольно топорно и не без ошибок выбитую на камне, спросил:

— Ты всегда сочиняешь надписи сам?

— Нет, я их пишу только для бедных, которые не в состоянии заплатить более искусному, чем я, граверу. Этот камень сделан для могилы бедной женщины, торговавшей на улице Виа Нова. Когда я вырезал надпись, мне пришло в голову, что, пожалуй, лет через тысячу христиане прочтут ее с уважением, что она сохранится, между тем как памятники, поставленные над гробницами цезарей, преследовавших христиан, будут разрушены дотла. Я вырезаю плохо — не правда ли?

— Не беда! А это что за доска?

— Дорогая плита, которую благородная Агния заказала для могилы ребенка, оплакиваемого нежными родителями.

Панкратий прочел: «Денису, невинному младенцу: он почивает здесь между святыми. Вспомните и молитесь об авторе и гравере»*.

Прочтя надпись, Панкратий взглянул на Диогена и увидел, что лицо его было еще более задумчиво и печально, чем обычно.

— О чем ты думаешь? — спросил Панкратий.

— Я думаю, что взять умершее и невинное дитя и похоронить его, обернув в надушенные ткани, — дело нехитрое. Конечно, родители оплакивают ребенка, так ведь он перешел из мира печалей в лучший мир. Но ужасно собирать окровавленные останки мученика и вместо надушенных тканей засыпать их известью.

— Разве это случается часто?

— Теперь нет, но я стар и немало повидал на своем веку. Вот с покойным отцом моим в молодости хоронили мы замученного молодого человека, Фабия Реститута. Ты, верно, посещал его могилу: она построена из шести мраморных досок, и я сам вырезал над нею надпись. Рядом с Фабием похоронен отрок 14 лет, страшно изуродованный, умерший мученической смертью. Да, много видел я, многих хоронил, и надеюсь, что умру сам, прежде чем доживу до новых гонений. А ведь ходит слух о новых преследованиях.

— Поэтому-то я и пришел к тебе. Моя мать просит тебя завтра на рассвете прийти к нам; у нас соберутся епископы, священники, дьяконы, и тебя требуют, как главу могильщиков, для совещания о выборе места для новых работ на кладбищах, ввиду готовящихся преследований. Кстати, я хотел просить тебя показать мне могилы мучеников, находящиеся на кладбище Каллиста. Я еще никогда не посещал их.

— Завтра в полдень, если хочешь, — ответил Диоген.

— Со мной придут двое молодых людей, Тибурций, сын бывшего префекта Хроматия, и Торкват.

Север сделал невольное движение.

— Панкратий, — сказал он, — уверен ли ты в этом Торквате?

— Признаюсь, — ответил Панкратий, — я его знаю не так близко, как Тибурция; но Торквату так хочется узнать все, связанное с христианством, что я не мог отказать ему. Полагаю,

* Эта надпись в катакомбах уцелела до сих пор.

что он человек честный. Почему ты сомневаешься в нем?

— Нынче, идя на кладбище, я зашел в бани Антонина... — сказал Север.

— Вот как! Так и ты ходишь в модные места! — воскликнул Панкратий.

— Нет, я ходил по делу. Кукумий и его жена — христиане. Они заказали мне для себя могильную плиту, и я ходил показывать им надпись. Вот она, смотри!

И Север указал Панкратию на мраморную плиту, на которой были вырезаны следующие строки: «Кукумий и Виктория зажи-во сделали себе сей камень»*.

— Прекрасно! — воскликнул Панкратий с улыбкой, поскольку обнаружил в надписи орфографические ошибки, и прибавил: — Так что ж Торкват?

— Войдя под портик бань, я удивился, увидев Торквата, разговаривавшего с Корвином, сыном префекта; помнишь, он притворился калекой, чтоб войти в дом Агнии, когда раздавали деньги бедным? Удивительно, сказал я себе, что христианин пришел в бани так рано и беседует с таким человеком, как Корвин.

— Верно, — ответил Панкратий, — но ведь он недавно обратился в нашу веру и не успел еще отдалиться от прежних приятелей; будем надеяться, что в этом нет ничего дурного.

Затем Панкратий распростился и ушел, обещав явиться завтра в назначенный час.

На другой день, рано утром, состоялось совещание в доме матери Панкратия. Была собрана сумма, необходимая для работы под землей; решено было увеличить подземные кладбища и вырыть новые помещения для христиан, которые, спасаясь от преследований, будут искать убежища в катакомбах. Каждому священнику назначено было место в катакомбах для совершения ежедневного богослужения: Диогену поручено было обеспечить безопасность христиан. Словом, епископ отдал свой приказ, как полководец отдает их накануне битвы, — только оружие, которым сражались христиане, было иного рода.

Против них собралась гроза. Готовились орудия пытки; из пустынь Востока были привезены дикие звери; римские власти горели желанием еще раз попытаться уничтожить христиан, которые ждали нового испытания и шли на него, не имея в руках ничего, кроме крестного знамения, ничего на устах, кроме молитвы и благословений, ничего в сердце, кроме любви и веры. Борьба была действительно неравная, и победа должна была остаться за теми, которые шли к ней с чистым сердцем.

В двенадцать часов Диоген с сыновьями встретил Панкратия, Тибурция и Торквата; выйдя из города, они пошли по Аппиевой дороге. Пройдя две мили, они достигли загородного дома и нашли в нем все, что было необходимо для спуска в катакомбы: фонари, факелы и горючие материалы. Север предложил каждому проводнику взять по одному попутчику, сам же, из каких-то соображений, выбрал Торквата.

* Надпись, уцелевшая до сих пор.

Обойдя многочисленные закоулки подземного Рима (как до сих пор называют катакомбы), они достигли прямого, длинного коридора, пересекаемого множеством других, в которых было очень легко заблудиться. Впереди шел Диоген, неся в руках зажженный факел; иногда он останавливался и что-то объяснял. Наконец он повернул направо. Торкват, внимательно все осматривавший, обратился к нему:

— Было бы любопытно узнать, сколько боковых коридоров мы миновали, прежде чем повернули сюда.

— Очень много, — сухо ответил Север.

— А примерно: десять? двадцать?

— По крайней мере двадцать! Я никогда не считал их.

Торкват считал, но хотел проверить себя. Он остановился.

— Каким же образом, не считая, ты знаешь, где повернуть? — спросил он. — А это что такое?

Торкват подошел к углублению в песчаной стене и сделал вид, что разглядывает ее, но Север не спускал с него глаз и увидел, что он сделал на стене отметку.

— Вперед, вперед, — воскликнул Диоген, — иначе мы заблудимся.

В самом углублении ставят зажженную лампу; такие же углубления сделаны во всех галереях.

Торкват все аккуратно запоминал, одновременно считая коридоры и украдкой оставляя отметки на земле. Север не спускал с него глаз. Наконец, через свод они вошли в широкую прямоугольную комнату, стены которой были украшены живописью.

— Как называется это место?

— Это одна из крипт; таких много на наших кладбищах, — сказал Диоген. — В стенах их хоронят покойников какой-нибудь фамилии, но чаще мучеников, память о которых празднуется ежегодно. Посмотрите на эту могилу, едва выдающуюся из стены. Над нею построен свод, а уступ могилы служит алтарем для совершения литургии в годовщину смерти мученика. Это одна из самых древних крипт, и живопись на стенах очень старая. Ведь вы все посвященные? — спросил вдруг Диоген.

— Мы все были крещены, — сказал Тибурций, — хотя еще не совсем посвящены во все предания и историю нашей религии.

— Так слушайте же, — сказал Диоген, — я не ученый, но 60 лет жил в катакомбах, многое слышал от стариков, много видел сам. Живопись на сводах потолка самая древняя; она представляет виноградник с гроздьями. Это аллегория. Виноградник — Сын Божий, а мы, христиане, ветви Его. Орфей играет на лире...

— Орфей, да ведь это языческий бог... — сказал Торкват с еле скрываемой иронией. Он, как все слабые люди, отступившись от своих убеждений, хотел прикрыть измену маской пренебрежения; ему хотелось оправдать свой поступок, убеждая себя, что разумный человек не может верить в христианское учение. — Орфей и христианство? — повторил он презрительно.

— Это аллегория, — кротко сказал Панкратий. — Нам не запрещено употреблять языческие изображения для выражения нашей мысли, лишь бы эти изображения были чисты и невинны.

В первые времена христианства часть символов была заимствована у язычества.

— Вот пастырь, несущий на плечах овцу, — сказал Торкват. — Я хорошо помню эту притчу, да и понять ее легко.

— А вот три отрока в печи огненной, — сказал Север. — Отцы наши под этими отроками разумели себя и надеялись, что преследования не устрашат верующих и не поколеблют их.

— А вот опять добрый пастырь. Он несет на плечах заблудшую овцу; по обеим сторонам его идут две другие овцы.

— Для чего бесконечно повторяется эта аллегория? — спросил Торкват.

— Для того, — сказал Панкратий, — чтобы запечатлеть в уме и сердце христианина, что за чистосердечное раскаяние Господь отпускает прегрешения.

— Однако, — смутившись, сказал Торкват, — воображая себе, что человек, принявший христианство, совершил преступление... изменил... разве Церковь может простить ему?..

— Если он осознал свой грех и покается с чистым сердцем, то Церковь простит ему. Он — заблудшая овца, возвращающаяся к пастырю.

Торкват задрожал и, казалось, готов был признаться в своем преступлении, но это длилось только мгновение. Самолюбие, стыд, страх преследований со стороны Фульвия заглушили в нем проснувшуюся на миг совесть. Он выпрямился; черты его бледного лица ожесточились, и он равнодушно сказал:

— Это очень утешительно для тех, которые нуждаются в прощении.

Север все заметил. Он поглядел на Торквата с грустью. Действительно, кто несчастнее — предатель или предаваемый? Палач или невинная жертва? Гораздо легче вынести горе, чем быть его причиной. Человек с чистою совестью страдает, но душа его спокойна; человек, делающий зло другим, носит это зло в себе самом. Оно не дает ему покоя ни днем, ни ночью; оно как червь, который точит его постоянно.

— Мы видели все, кроме церкви, где собираются христиане, — покажи ее, — сказал Торкват Диогену.

Диоген, ничего не подозревая, решил провести туда своих попутчиков, но Север остановил его.

— Уже поздно, — сказал он, — нам пора домой. Церковь можно увидеть, когда епископ совершает литургию.

Выходя, Диоген сказал:

— Когда хочешь прийти в церковь, войди в этот коридор и поверни направо. Ты легко узнаешь коридор по изображению на стене. Посмотри, вот Божия Мать с Христом на руках: Ему поклоняются волхвы. Их четыре, а обыкновенно пишут трех.

Все смотрели на фреску, только Север не мог скрыть своей досады. Он понял, что благодаря ей Торкват легко найдет дорогу к церкви. Когда посетители ушли, он сообщил брату о своих подозрениях и прибавил:

— Запомни этого человека; я убежден, что благодаря ему много бед обрушится на нас.

Оба брата опять спустились в катакомбы и аккуратно стерли все метки, оставленные Торкватом. Они догадались, что Торкват сосчитал число коридоров, и решили немедленно изменить дорогу к церкви. Для этого они заделали несколько боковых коридоров и прорыли другие; поперек большого прямого коридора они навалили песку, так что коридор оказался перекрытым. Братья решили предупредить христиан об этих изменениях и о возникшем у них подозрении, уже превратившемся в уверенность.

XIV

Вернемся, однако, к Фабиоле.

Читатели помнят, что мы расстались с Фабиолой после посещения ею Хроматия. Она часто перечитывала неведомые ей изречения и все больше думала о смысле, в них заключающемся. Ей страшно хотелось поговорить с кем-нибудь, высказать кому-нибудь свои мысли и чувства. Но с кем можно было ей поговорить по душам? Гостей принимала она немало, но не была близка ни с кем. Среди ее гостей были очень умные и образованные люди, но они иначе глядели на жизнь, чем она. Одни были заняты только удовольствиями, другие — преследованием своих личных целей; они осмелили бы Фабиолу или сочли бы ее за безумную, если бы узнали, что она серьезно задумывается над двумя-тремя фразами, случайно дошедшими до нее. При этом Фабиола понимала, что в молодые годы хочется веселиться; что матери семейства нельзя не задумываться о выгодном месте для мужа и о том, как лучше пристроить сына; но она не допускала, чтобы можно было думать только об этом и всю жизнь свою ограничить столь узкой сферой. Ей казалось, что, кроме интересов семьи, есть и должны быть другие интересы — интересы нравственные, высшие... Она начинала понимать, что, кроме семьи, можно и необходимо любить друзей, отечество, славу, наконец, всех людей. Она уже знала, что нельзя поставить самое себя в центр всей вселенной и холодно взирать на судьбу и несчастья других людей.

Медленно перебрав всех знакомых, Фабиола не нашла ни одного, кто бы не был почти исключительно занят собою, и в первый раз грустно задумалась о том, что у нее самой нет настоящего, искреннего друга. Она могла обвинять в этом только саму себя. Друзья приобретаются любовью, а кого до сих пор любила Фабиола? Только себя! Она жила в свое удовольствие и, если предпочитала Агнию другим, то больше потому, что кроткая и добрая Агния никому не противоречила и, в силу своей скромности, оставалась всегда в тени.

А Сира? Сиру она начала любить настоящей любовью, ибо она чувствовала, что Сира — невольница, бедная служанка — добрее, преданнее и лучше ее самой во всех отношениях. Фабиола решила показать Сире свою находку, и однажды, когда они остались вдвоем, она вытащила кусок папируса, на котором были написаны смутившие ее изречения.

— Если бы ты знала, как все это мучает меня, — призналась Фабиола.

— Почему? — спросила Сира, скрывая волнение; она при первом взгляде на листок увидела, что за изречения были на нем записаны. — По-моему, это так просто.

— Совсем не просто, — возразила Фабиола, — понимаю, что можно горячо любить мужчину или женщину, которые стоят ниже нас; ведь полюбила же я тебя, хотя ты рабыня, а я патрицианка; пожалуй, соглашусь, что можно обладать редкими добродетелями и простить врагу зло, которое он нам причинил... но за зло заплатить добром! Нет, это уж слишком! Но любить врагов... как хочешь, но это невозможно. Скажу больше: по-моему, это заслуживает презрения. И однако... я не могла презирать тебя, напротив, я полюбила и уважаю тебя, а ты... ты за зло заплатила мне добром. Вот это-то спутало все мои мысли и понятия!..

— Не будем говорить обо мне, я не стою твоих похвал; вспомни только великие примеры великодушия в истории. Разве ты не удивлялась Аристиду, когда он написал, по просьбе врага, собственное имя на раковине, осуждавшей его на изгнание? Разве ты не сочувствовала Кориолану, когда он простил своему отечеству черную неблагодарность? Да и мало ли примеров прощения?..

— Да, но они герои!

— А отчего же нам всем не стараться быть героинями и героями? Едва ли не больше героизма в том, чтобы победить свои дурные страсти и наклонности, чем храбро сражаться в какой-нибудь битве. Ведь и это битва, только нравственная борьба добра со злом. Тебе бы хотелось в порыве гнева отомстить врагу, победи себя, прости ему и отплати за зло добром.

— Да что же это будет за жизнь? Всегда бороться с собою, мучить себя, смирять себя, — и для чего?

— Для исполнения человеческого долга, для спокойствия совести, для исполнения божеского закона. Разве ты думаешь, что жизнь нам дана для удовольствия и наслаждения?

— Я думала это когда-то, но теперь... теперь многое прояснилось для меня. К тому же я заметила, что, гоняясь всю жизнь за удовольствиями и наслаждениями, я почти утратила возможность наслаждаться. Ничто меня не веселит — все приелось. Я любила наряды, пиры, общество. Постепенно все это обратилось в привычку, и я скучаю. Но все-таки от этой скуки еще далеко до желания мучить саму себя.

— Зачем же ты думаешь, что в борьбе с собою человек мучается? Надо крепко держаться известных правил, не отступать от них ни за что на свете; сначала это будет трудно, а потом легко. И ты найдешь истинное счастье во внутреннем спокойствии.

— Если судить по тебе, то ты, наверное, права. Я часто тебе удивляюсь. Ты зависишь от меня и моего отца, ты бедна, находишься далеко от родины и семьи, а между тем твое лицо всегда ясно, ты всегда довольна и кажешься счастливою.

— У каждого свое горе, но я благодарю создавшего меня Бога. Когда я гляжу на других, то вижу, что Он был ко мне милостив,

что судьба моя завидна. У меня есть много причин радоваться. Я живу безбедно, никто не обижает меня. Посмотри, сколько вокруг меня людей гораздо несчастнее! Помнишь ли ту слепую бедную девочку, которая ходила ко мне? Она лишена того, что всего дороже в жизни, — зрения. Ни природа, ни лица близких не веселят ее. Она погружена в вечную, беспросветную ночь. Нет, я счастлива и благодарю Бога.

— Ты благодаришь своего Бога, сравнивая себя с наименее счастливыми созданиями. Это нечестно. Сравни себя... ну... хоть... со мною — что ж, скажешь, ты счастливее меня? — воскликнула Фабиола, улыбаясь.

— Я не считаю себя счастливее всех, да и недостойна этого, наоборот, я благодарю Бога за то, что на мою долю выпало больше счастья, чем я заслуживаю. Но все же я гораздо счастливее тебя.

— Почему? — уже без улыбки спросила Фабиола, одновременно удивленная и раздосадованная.

— Все очень просто. Ты богата патрицианка, но твоя знатность и твое богатство не составили твоего счастья. Ты постоянно скучаешь, и это понятно — ты одинока; никто тебя не любит, и сама ты никого по-настоящему не любишь, а когда же было счастье на земле без любви?..

Фабиола покраснела. Гордость патрицианки проснулась, и она сказала холодно и надменно:

— Я не прошу тебя сожалеть обо мне: каждый сам себе судья. Я не считаю себя несчастной.

— Положим так, — ответила Сира, — но я считаю себя действительно счастливой.

— Кто же любит тебя так горячо? — спросила Фабиола.

— Все, — ответила Сира.

— Когда говорят: все, это значит — никто!

— В твоём обществе — конечно, но не в моем. В твоём кругу каждый живет для себя, не заботясь о других; в моем — каждый живет для ближнего и думает о своем брате. Если один из нас беден, богатый даст ему хлеба; если один болен, за ним будут ухаживать здоровые; если он несчастен, его утешат. Все мы живем, как братья и сестры, ибо таков наш закон.

— Все это прекрасно, — возразила Фабиола, — я должна верить тебе на слово, я не знакома с людьми, о которых ты говоришь. Но мы ушли от предмета нашей беседы. Ты сказала: отчего бы всем нам не быть героями и героинями? Но герои и героини одарены особыми способностями. Весь мир им удивляется, и когда они совершают подвиги, то мир им рукоплещет. К тому же героические времена прошли. Теперь нет уже Тезеев и Геркулесов; теперь нет уже гидр и минотавров, да вред ли они и существовали когда-нибудь. Ведь все это сказки.

— А по-моему, — ответила Сира, — и до сих пор мир полон чудовищ более страшных, чем гидры и минотавры. Разве не страшнее зависть, клевета, ложь, жажда мести, алчность, жестокость? Победить их, подавить в себе порочные наклонности и развить свойства, им противоположные, — тоже подвиг, и за него есть награда — сознание, что ты поступил так, как велит предписанный нам долг.

— Кем? Когда?

— Зачем я буду говорить, кем и когда, — ведь ты недоверчиво улыбаешься или сердешься, когда я рассказываю тебе, как мы живем. Ты не хочешь верить, что человеку указан путь, по которому он должен идти. Строки, которые смутили и удивили тебя, но которых ты все-таки не поняла, взяты из нашего учения. Любить бедных, делать добро ненавидящим нас — это те истины, которые легли в основание нашего братства.

Фабриола не стала продолжать разговор. Ей вдруг захотелось зажмурить глаза, как будто яркий свет ослепил ее.

XV

На Востоке свирепствовали Диоклетиан и Галерий. Приказ беспощадно преследовать христиан до Максимиана. На этот раз с христианами решили покончить раз и навсегда, не оставив ни одного из них на всем великом пространстве Римской империи. Сперва надлежало истребить их учителей, епископов, священников и дьяконов, затем тех христиан, без различия пола и возраста, которые не откажутся от своей веры и не согласятся признать языческих богов. Максимиан решил, что гонения должны начаться одновременно во всех провинциях, чтобы христианам некуда было бежать.

В начале ноября Максимиан созвал совет, на котором окончательно были выработаны меры для полного истребления христианства. Придворные, гражданские и военные начальники присутствовали на совете.

Префект Рима привел с собою сына Корвина, которого он хотел назначить начальником отряда преследователей, составленного из наиболее рьяных врагов христиан. Префекты Сицилии, Галлии, Испании и других областей приехали для получения указаний; множество философов, ученых, ораторов, среди которых был и наш старый знакомый Кальпурний, явились со всех сторон Римской империи и единодушно требовали принятия самых жестоких мер против христиан. Император Максимиан приказал им присутствовать на общем совете.

Обыкновенно резиденция императоров располагалась на Палатинском холме, но Максимиан предпочитал другой дворец, построенный на Целийском холме, в южной части Рима. Дворец был великолепен: Ювенал и другие писатели упоминают о нем с восхищением. С его широких террас был виден весь Рим, пересеченный мостами, дорогами, водопроводами, кладбищами с изящными монументами, вилами, мраморные белые стены которых поблескивали из темной зелени садов и роц. Вдали римская долина обрамлялась с одной стороны синими очертаниями гор, плавные линии которых вырисовывались на лазури неба, а с другой — голубой пеленой моря. И, однако, ни чудесная природа, ни обольстительная красота открывающихся просторов не заставили Максимиана особенно полюбить этот дворец; он был не способен чувствовать красоту великого и прекрасного Божьего мира. Просто дворец отличался роскошью и удобством расположения — он находился вне города.

Максимиан, варвар по происхождению, в молодости — простой солдат, слыл человеком необразованным и стал императором только благодаря мощи своих легионов. Он был одарен необы-

чайной физической силой, отчего его назвали Геркулесом.

Максимиан был скуп для других, расточителен до безумия для себя, отличался крайне порочными наклонностями и жестокостью. Он был огромного роста, плечист, рыжеволос; глаза его беспокойно бегали; грубые черты лица были обезображены выражением злобы и мрачной подозрительности. Один вид его внушал страх и отвращение. Все боялись его, кроме христиан, а христиане не боялись потому, что не боялись смерти.

Итак, в Латеранском дворце, в одной из самых великолепных и вместительных зал, собрался совет и открылось заседание. Император восседал на троне из слоновой кости, украшенном резьбой. Около него полукругом расположились сановники. У дверей стояли часовые, которыми командовал Себастьян. Сам он прислонился к одной из колонн залы и делал вид, что не обращает никакого внимания на происходящее, хотя ни одно слово не ускользнуло от него. Максимиану не дано было знать, что дочь его, Фауста, выйдет замуж за Константина, что Константин станет христианином и что эта самая зала, где теперь замыслили окончательную гибель христиан, превратится в храм, откуда и до сих пор раздается Слово Божие.

Прежде всего заговорили языческие жрецы; они уверяли, что боги разгневаны, что наводнения, землетрясения, вторжения в Римскую империю варваров, появление чумы свидетельствуют об их гневе. Каждый из них объявил, что всеми этими бедствиями римский народ обязан христианам, что христиане навлекли кары богов на всю империю. Оракулы, по словам жрецов, торжественно объявили, что они останутся безмолвны до тех пор, пока назорейское племя не будет истреблено. Дельфийский оракул сказал, что Справедливый запрещает ему говорить.

После жрецов философы и риторы произнесли длинные и туманные речи, из которых Максимиан не понял ни одного слова. В миллионный раз, при громком одобрении присутствующих, христиане обвинялись в самых ужасных преступлениях — что они режут и едят детей, поклоняются ослиной голове, отличаются самыми страшными пороками. Многие сами не верили тому, что говорили, но понимали необходимость такой лжи, чтобы натравить на христиан невежественную массу народа. Один из «ученых» представил свою трактовку истории христианства, спутав при этом Моисея и Аарона, выведших евреев из Египта; Саула с апостолом Павлом, и привел всех в ужас, когда произнес:

— Христиане и теперь покорны своим священникам и хотят, повинувшись им, разрушить империю, уничтожить форум и поднять руку на божественного императора!

Выслушав речь ученого, Максимиан сделал знак — все умолкли, и он произнес:

— Что касается меня, то я ненавижу христиан потому, что они в самом центре моей империи, в Риме, вздумали основать иную власть и не признают меня богом. Они почитают своих епископов и повинуются им беспрекословно. Я не хочу, чтобы в моей империи повиновались кому-либо иному, кроме меня, и потому не потерплю такой вредной секты!

Эти слова были встречены громкими криками восторга.

— Префект, — прибавил Максимиан, — ты обещал мне найти человека, который будет преследовать христиан, забыв о всякой милости и пощаде.

— Вот он! — ответил префект и подвел к трону Корвина, который стал на колени.

Максимиан пристально посмотрел на него и отрывисто сказал:

— Да, я думаю, что он годится для этого дела, и убежден, что он блистательно исполнит возложенное на него поручение.

Обратившись к Корвину, он продолжал:

— Помни, что я требую от тебя точного исполнения моих поручений. Я не хочу слышать об ошибках или неудачах. Когда мне хорошо служат, я хорошо плачу; когда мне служат дурно, я опять-таки плачу очень хорошо. Ступай и помни, что спина твоя заплатит мне за мелкие промахи, а голова — за большие. У ликторов есть розги, есть и топоры.

Максимиан встал и намеревался удалиться, когда взгляд его упал на Фульвию, также присутствовавшего на совете в качестве главного доносчика.

— А, это ты! — воскликнул Максимиан. — Подойди сюда, я хочу сказать тебе два слова.

Фульвий спешно подошел, изобразив на лице улыбку, хотя в душе испытывал неодолимый страх. Он знал, что император не расположен к нему, но никак не мог угадать причины такой неблагоприятности. Заключалась же она в подозрениях Максимиана относительно того, что Фульвий подослан восточным императором Диоклетианом для слежки за Максимианом и сообщений, что тот делает на Западе. Из страха Максимиан принужден был выносить шпиона, но в душе ненавидел его.

— Перестань так сладко улыбаться и лицемерить, — сказал Максимиан Фульвию, — мне нужны не гримасы, а дело. Тебя прислали сюда как редкого сыщика, а я еще не видел твоего мастерства, хотя ты мне стоил немало денег. Теперь охота открывается; христиане — дичь, которую мы будем травить; покажи нам свое искусство. Смотри зорко, или я возьмусь за тебя и позабочусь о том, чтобы навсегда заклеить тебе глаза. Имения уличенных, если я вследствие особых обстоятельств не сочту нужным взять их себе, будут разделены между доносчиками. Ступай...

Все присутствовавшие не сомневались, что «особые обстоятельства» непременно найдутся.

XVI

Когда Фабиола возвратилась из пригорода в Рим, ее посетил Себастьян. Он счел нужным предупредить Фабиолу, что Корвин намеревается предложить ей руку, и для того установил контакт с ее рабыней Афрой. Фабиола презрительно улыбнулась, зная о репутации Корвина, о котором даже ее отец, столь неразборчивый в выборе знакомых, отзывался очень неодобрительно. Она поблагодарила Себастьяна за предостережение и участие.

— Не благодари меня, — сказал Себастьян, — я считаю своим долгом предупредить каждого человека об интригах, которые затеваются против него.

— Ты, вероятно, говоришь о друзьях, — сказала Фабиола, смеясь. — Согласись, что если бы тебе пришлось предупреждать каждого, то вся жизнь твоя прошла бы в оказывании услуг даром.

— Ну и что же? — ответил Себастьян. — Неужели за исполнение долга или за всякий честный поступок надо получать награды?

— Ты шутишь? — сказала Фабиола. — Неужели ты хочешь спасти от беды человека, который к тебе безразличен?

— Конечно, — сказал Себастьян серьезно. — Я сделаю то же самое и для врага. Я считаю это своим долгом.

Фабиола была изумлена и вспомнила изречение, прочитанное ею на клочке папируса. Себастьян высказал то, что не раз говорила ей Сира.

— Ты посещал Восток, — спросила она у Себастьяна, — не там ли ты научился этим правилам? У меня есть рабыня с Востока; я хотела отпустить ее, но она захотела остаться у меня и обладает редким сердцем и добротой. Она часто говорила мне то же самое, что и ты.

— Нет, я не был на Востоке, хотя правила эти пришли к нам оттуда. Еще ребенком, на коленях моей матери, я узнал их.

— Признаюсь, я сама считаю эти правила замечательными, но убеждена, что их нельзя осуществить на деле. Что же касается меня, то я разделяю мнение старого эпикурейского поэта, который сказал: «Жизнь человеческая — пир; я его оставлю, когда буду сыт».

Себастьян покачал головою.

— Нет, по-моему, не так, — сказал он, — жизнь не есть развлечение. Каждый человек, кем бы он ни был, родился для того, чтобы исполнить свой долг. Император и невольник имеют свои обязанности и должны их исполнить. После смерти начинается иная жизнь.

— Ты воин, и я понимаю твою мысль, — сказала Фабиола. — Если ты героически погибнешь на поле битвы, то оставишь славное имя в потомстве, и оно будет жить из века в век; оно не умрет никогда.

— Ты неправильно меня поняла. Конечно, я считаю своим долгом быть готовым к смерти, защищая отечество, если бы оно было в опасности; говоря об иной жизни, я говорил не о славе. Какая бы смерть ни постигла меня, я верю, что она пришла по воле Того, Кого я почитаю.

— И ты покоришься без ропота? И смерть будет тебе отрадна? — спросила Фабиола с улыбкой сомнения.

— По крайней мере я не боюсь смерти, ибо всегда о ней помню. Все мы должны рано или поздно умереть. Надо жить так, чтобы не страшиться смерти.

— О, как слова твои похожи на слова Сиры! — воскликнула Фабиола. — Но вместе с тем, как все это страшно!

В эту минуту дверь распахнулась, и показавшийся на пороге раб сообщил:

— Благородная госпожа, гонец приехал из Байи.

— Извини, Себастьян, — сказала Фабиола. — Пусть он войдет немедленно.

Гонец вошел; он выглядел очень утомленным, одежда его была запыленной. Он подал Фабиоле запечатанный конверт. Фабиола взяла конверт дрожащею рукой и прерывающимся голосом спросила:

— От отца?

— По крайней мере известие о нем, — уклончиво ответил гонец.

Фабиола разорвала пакет, взглянула на бумагу и, вскрикнув, упала на кушетку. Вбежали невольницы, Себастьян быстро удалился.

Фабиолу постигло несчастье — отец ее умер.

Когда Себастьян вышел из дома, он нашел гонца, рассказывающего невольникам о смерти Фабия. До отправления в Азию Фабий провел, по желанию дочери, несколько дней вместе с нею на ее вилле; прощание отца с дочерью было нежным, будто они предчувствовали, что им более не суждено увидеться. Приехав в Байи, Фабий, по обыкновению, тут же бросился в разгул, пока галеру, на которой он должен был отправиться, нагружали в обратный путь. Однажды, выйдя из бани, он почувствовал озноб и через несколько часов внезапно умер. Фабий оставил единственной дочери большое состояние. Его тело должны были перевезти в Остию.

В первый раз Фабиола испытывала настоящее горе; оно показалось ей, незнакомой со страданием, невыносимым. Первые сутки казались ей бесконечными; она находилась в каком-то забытьи, машинально принимала или отталкивала подаваемую ей помощь, не отвечала на вопросы и впала в оцепенение, всегда следующее за сильным потрясением; она не спала, а только дремала, не пила и не ела. Врач не знал, как ее вывести из апатии, и, наконец, решился на сильное средство. Он подошел к ней и громко сказал: «Да, Фабиола, отец твой умер!» Эти жестокие слова потрясли ее и возвратили к жизни. Несчастная девушка, потерявшая единственного человека, которого любила, вскочила, и слезы ручьями хлынули из ее глаз. С этой минуты она стала говорить об отце, вспоминала о его ласках, рассматривала безделушки, которые он когда-то дарил ей, плакала над ними и с нежностью их целовала. Наконец рыдания утомили ее; она впала в забытьи и потом, в первый раз после своего несчастья, тихо заснула. Евфросинья утешала, как могла, свою питомицу; Сира молчала, но молчание ее было исполнено такого сердечного участия, взоры — такой любви и заботы, что Фабиола поняла глубину сердца Сиры. Когда первое чувство горя стихло, Фабиола предалась безотрадным мыслям. «Где теперь отец мой? — думала она. — Куда он скрылся? Просто ли перестал он жить и исчез навсегда? Неужели уничтожение — удел людей? А если правда то, о чем говорит Сира?» Она не могла представить себе, что отец, которого она так любила, не существует, что он безвозвратно и бесследно исчез, как исчезает призрак, что от него остались только одни кости...

Сира угадывала мысли и чувства Фабиолы, но не могла говорить ей о том, чего бы Фабиола не поняла и чему она еще не верила. Сира только молилась, чтобы Бог сжалился над страдающей Фабиолой, просветил ее ум и открыл для нее новый мир — мир любви и веры...

Через несколько недель Фабиола, одетая в глубокий траур, бледная, похудевшая, но все еще прекрасная, посетила Агнию.

... И С М И Р О М Т Ы С Е Ъ Ч А С Е Д И Н Ы

ФЕЛИКС МЕДВЕДЕВ

Мечты и краски художника Ильи КЛЕЙНЕРА

Стою я в соборе Павла и Бориса в Рязани и расписываю лик. Одна моя голова видна в полумраке; сзади — «царские врата», спереди — таинственный полумрак, потрескивают свечи и паникадила, в тишине храма монотонно звучит голос дьяка: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!» (У меня к этому времени отросла большая борода, длинные волосы спускались до плеч. Чтобы пот не заливал глаза, я лоб повязал золотистой тесьмой.) Так вот, задумался я над ликом, забыв о времени. Вдруг ощущаю боковым зрением какое-то движение сбоку от себя. О, Боже! Старушки-богомолки кладут на меня крестные знамения. Подумалось, что праведный мой богомазов труд освящается крестным знамением. Приятно на душе, но и тревожные мысли стали закрадываться. Стою ни жив ни мертв, боюсь пошевелиться. А друзья-товарищи шепчут снизу: «Илья, спу-

скайся. *«Пойдем перекурим»* (последние слова о перекуре слышны только мне, ибо в храме произносить их запрещено).

Бабки же слышат только: *«Илья, спускайся»*.

Медленно, не поворачивая головы, тихо сползаю за придел. Бабки так и повалились на пол. Еще бы! На их глазах новая икона вдруг ожила и тут же исчезла. А я «задами», на четвереньках — к своим хохочущим друзьям на перекур. Так еще при жизни невольно получил освящение крестным знамением. Как говорится, надо отбавлять.

Его имя многим неизвестно. Илья Клейнер? Кто это?

«Сотбис» предлагает его полотно на аукционах.

Последняя выставка его работ в Центральном Доме литераторов длилась всего лишь три часа. Чтобы остаться на большее время, надо выстаивать в полугодовой очереди.

Костяки вряд ли купил бы его работы, если бы не было в них **ничто**.

Недавно один заокеанский покупатель предложил за «Окна перестройки» — большое многофигурное панно — тридцать тысяч долларов. Художник отказался.

Работы Ильи Александровича находятся в разных странах. Один только Карл Влчек из Мюнхена в своей галерее имеет их более полусотни.

Наши музеи пока молчат. Нет денег? Пожалуйста, он подарит. Только чуточку будьте повнимательнее.

Впрочем, тысячи людей могут видеть монументальные работы, в создании которых он принимал участие: мозаичные панно по зданию библиотеки Мединститута в Москве, в Хаммеровском центре международной торговли, в плавательном бассейне Олимпийского

комплекса, в Ташкенте, цветной витраж в Институте океанологии, авторские работы в Подмоскowie, в Торопце, в Сочи...

Широта творческих возможностей Клейнера удивляет: психологический портрет, натюрморты, пейзажи, жанровая живопись, космическая тематика, соцарт, загадочные метаморфозы декоративных панно, «чистая» форма, религиозно-мистические притчи. Он пишет стихи, прозу. Так и осталась неопубликованной его философская диссертация о категории безобразного в искусстве.

Сейчас мастер пытается найти более выразительные пластические приемы, вводя в иллюзорное трехмерное пространство рельефные объемы.

Психологизм, тончайший колористический вкус, удивительная светоносность изображения в сочетании с высоким профессионализмом определяют его живописный мир.

...Родился Илья в 1938 году в городе Рубежное на Украине. Родители — служащие. Жизнь бедная. Небольшая квартира получена семьей лишь после войны. Драники на солидоле — основная еда. Белый хлеб впервые отведал в 1948 году. Близкие друзья родителей советовали отдать Илью и его брата Рафаэля в детский дом, чтобы они не умерли с голоду.

Среднюю школу окончил поздно при весьма драматических обстоятельствах, ибо заболел медушечной флегмоной. Затем — поражение надкостницы. В последующие годы перенес семнадцать операций. Экзамены в школе сдавал на костылях... Больного спас пенициллин, доступный в те годы немногим. Мама в очередной раз срезала свои волосы, продала и на вырученные деньги добывала для сына чудодейственную пле-

сень. Каждая ампула — пятьсот рублей.

К андерграунду он не имел и не имеет никакого отношения, но за две-три работы, написанные в «доперестроечные» времена, его могли бы улепить куда-нибудь за Урал. Впрочем, он там уже побывал. Его действительно туда улепли. Было так. В комнате, которую он снимал у сердобольных людей, с потолка, как некий вызов, смотрела на входящих «Женщина в белом» Пабло Пикассо. Однажды пришли «гости» из местного КГБ. Перевернули дом, искали компромат. Точнее, делали вид, что искали, ибо он смотрел на них с потолка. Илья не знал, что человек, которого он приютил у себя (кстати, ныне известный в Нижнем Новгороде доктор философских наук), — сексот, а «Женщина в белом» — лишь повод для обыска. Илья хотели напугать, сломать как непокорного, как «инакомыслящего». К тому же он был сыном «врага народа». Началась травля. За любовь к стихам Верлена его в печати называли декадентом. Перед ним закрыли двери местного телевидения, редакций. Круг сузился. Началась нервная депрессия.

По совету своего учителя и старшего друга профессора В. М. Блюменфельда Илья убегает в тайгу. Там, в лесной глухомани, рядом с колониями бывших сталинских зеков, он работает воспитателем в детском доме.

Когда наступило либеральное десятилетие Хрущева, он, будучи еще студентом, жадно потянулся к книгам. Но где достать деньги? Осенило! В доме появились Камю, Кафка, Сартр, Бердяев, Соловьев, «История импрессионизма», альбомы с репродукциями Сезанна, Ван Гога, Пикассо. Наполнявшиеся полки насторожили маму. Открывает она альбом Тулуз Лотрека, а на

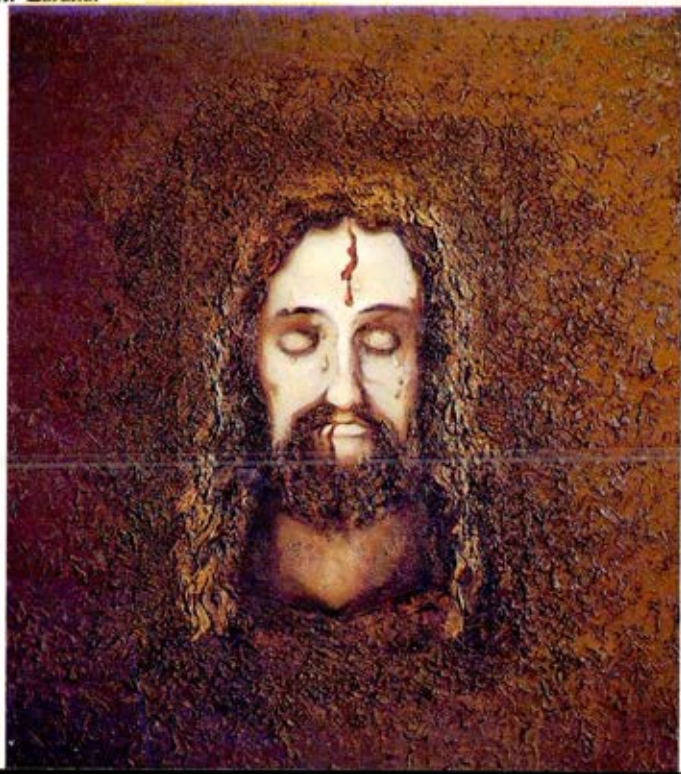
титальном листе надпись: «В день рождения Илье от его друзей». Открывает другую книгу, а там — то же самое. В один год у Ильи вышло по пятнадцати дней рождения. Кто-то из сердобольных друзей поделился с мамой секретом: ее сын сдает кровь на донорском пункте, а на вырученные деньги сам себе дарит книги.

1968 год. Новосибирский академгородок. Попытка инсценировать прозу А. Солженицына. Глухое молчание со стороны официальных кругов. Знакомство с Александром Галичем, участником первого Всесоюзного съезда бардов. Весной этого года был одним из организаторов знаменитой первой посмертной выставки гениального русского художника Павла Филонова, на которой экспонировалось около 300 живописных работ. Тиражом в триста экземпляров издали каталог о жизни и творчестве основоположника «аналитического метода». Каталог сразу же стал бестселлером. Илья публикует статью «Мир Павла Филонова». Теплые слова признательности сестры художника Евдокии Николаевны Глебовой стали ему лучшей наградой. Он побывал у нее в Ленинграде на Невском, где прочел рукописные главы будущей монографии о Павле Филонове. В знак признательности Евдокия Николаевна преподнесла ему в дар одну из работ художника, от которой он отказался, сославшись на слова маэстро: «Все свои работы я завещаю русскому пролетариату».

Почти случайное знакомство с Марком Шагалом в дни единственного приезда в Москву в 1973 году перевернуло всю его жизнь, разделив ее как бы надвое. Посмотрев работы Ильи, Марк Захарович сказал: «Вы художник. Мы оба с вами химики, ибо наша краска вытекает из сердца».

Памяти Шагала.

Иисус Христос.

Дебилдонцы.

Домино в городе.

Сибирские чудаки.

Еврейская свадьба.

Купола.

Ангел над городом.

Фантазия.

Целый вечер провел Илья у Шагала в номере гостиницы «Москва». А потом великий маэстро посетил скромную обитель начинающего живописца. Он пришел с подарком, подарив Клейнеру одну из своих работ.

«В творчестве Ильи Клейнера мне более близки классические темы: материнства, мудрости, чистоты. Здесь, по-моему, художник достигает наибольшей глубины, здесь он приближается к пониманию сущности человека...» Фазиль Искандер.

Классические темы? Вот они: «Пушкин и Натали», «Ночь перед дуэлью», «Достоевский и Неточка», «Портрет матери», «Брат Рафаэль Клейнер»... В них — время, история, людские судьбы.

А в этих: «Страна победившего социализма», «Град обреченный», «Окна России», «Великий архитектор», «Дебилдонцы»? В них — трагедия времени, истории, людских судеб.

Лет пять назад получил заказ на авторское исполнение архитектурно-пространственной композиции в одном из детских парков Подмосковья. Вместе с архитектором А. Фонотовым разработал комплекс малых форм и декоративных композиций. Работа не завершена. Осуществлен лишь замысел — подпорная стена — в рельефе. Почему?

— Я понял, что нельзя вторгаться стальными гусеницами трактора и бульдозера в исторически сложившийся ландшафт, нельзя перерывать подземные ручейки железобетонными гидрологическими сооружениями, нельзя рубить деревья, на которых шумит листва и поют птицы. Я рад, что моя работа не завершена. Я рад, что «мертвая» красота камня и металла не убила живую красоту природы.

ОБРАТНОЙ

убеждены участники «круглого стола», новые

«Круглый стол» предпринимателей. Лет десять назад он был возможен разве что в камерах Лефортова. Сегодня отечественные бизнесмены собрались в редакции нашего журнала...

98

Почему возникла нужда выслушать их и вынести услышанное на суд читателей? Да потому, во-первых, что в альтернативной экономике уже занято очень много наших сограждан и с каждым днем их становится все больше. «С каждым днем» не бойкая метафора. Когда мы позвонили в Госбанк РСФСР, чтобы узнать, сколько в республике зарегистрировано коммерческих банков, нам ответили: «Вчера было 1181. А сегодня — уже 1190». Разговор состоялся в середине июня, а нынче один Бог ведает точное число этих самых банков. Количество совместных предприятий, бирж, число брокеров учета попросту не поддается...

Зато, безусловно, известно, что на начало нынешнего года в стране было 6200 арендных коллективов, а работало в них 3,4 миллиона человек. В промышленности такие предприятия выполняли 7,5

ДОРОГИ

советские предприниматели...

НЕТ

процента общего объема работ. А в кооперативах производилось восемь процентов национального валового продукта; действует 250 тысяч кооперативов, и занято в них 6,3 миллиона человек...

Нет, не случайно: во всей промышленности спад, а там, где взялись хозяйствовать новые предприниматели, подъем. На арендных предприятиях прирост объемов производства составил 3,4 процента, в кооперации годовой товарооборот вырос на 40 миллиардов рублей...

Обговорить на «круглом столе» **все**, что связано с новым предпринимательством, конечно же, было невозможно. Да, впрочем, мы и не ставили такой цели. Потому каких-то проблем вовсе не коснулись, иные лишь чуть задели. Хотелось, например, всерьез поговорить о предпринимательской деятельности комсомола. Как, скажем, сопрягается слово «коммунистиче-

ский» в именовании Союза с почти капиталистической деятельностью предприятий ВЛКСМ? Этот вопрос приберегали для Владимира Римшина, инструктора отдела работающей молодежи ЦК ВЛКСМ, курирующего (замечательное словечко!) предпринимательство. Римшин обещал непременно быть на «круглом столе». И не пришел. И даже не позвонил. Тут скорее комсомольская, чем бизнесменская аккуратность...

И последнее. Мы намеренно не приглашали людей, «раскрученных» прессой и ТВ. Повторяться скучно. К тому же мы оптимистично уверены, что земля наша богата талантами. В том числе и талантливыми бизнесменами, которых мы еще мало знаем...

Итак, за сменовским «круглым столом» собрались:

АНДРЕЙ СТЕРЛИН — кандидат экономических наук, зав. сектором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР.

ОЛЕГ АХМАЛЕТДИНОВ — генеральный директор производственного творческого объединения «Созидатель».

АЛЕКСАНДР СМАГИН — директор юридического центра «Формула».

ВЯЧЕСЛАВ УШАКОВ — директор фирмы «Инициатива».

НАТАЛЬЯ СТУПАКОВА — менеджер объединения «СОЗИДАТЕЛЬ».

ВЛАДИСЛАВ СЕРИКОВ — вице-президент ассоциации международного делового сотрудничества «Кантениум», зам. директора малого предприятия «Вектор-4», член редколлегии «Смены».

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ — специальный корреспондент журнала «Смена».

Ведет «круглый стол» редактор отдела молодежных проблем журнала «Смена» **ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ**.

Шаги и подножки

Сериков: Неверно было бы думать, что вот откроем простор для частной инициативы — и люди сразу станут другим. Ничего подобного! Лодырь останется лодырем, дурак останется дураком. В малые предприятия бездельники не пошли, и лодыри не пошли. Умные люди раньше работали и теперь работают. Только сейчас заняты частным бизнесом. Предпринимательством занялись умные и, что для многих может быть неожиданно, нравственные люди. Такие люди, которые раньше придумывали бригадный подряд. Помогают мне, естественно, старый опыт, связи — телефонная книжка полна номерами нужных людей.

Ахмалетдинов: Да, без старых связей просто нельзя существовать!

Сериков: У руля-то остались те же люди...

Ахмалетдинов: А молодежи очень, очень трудно...

Ведущий: Молодежное предпринимательство или молодежь в предпринимательстве... Что это — некая «боковая ветвь» нашего малого бизнеса или его полнокровная часть? Поразмыслим на эту тему...

Ступакова: Мне кажется, что за молодежным предпринимательством будущее, потому что сколько бы ни говорили: «Молодым везде у нас дорога», — они, когда приходят на государственное предприятие, изначально обречены на «выживание». Там нужно пройти так называемые ступени роста. В частном бизнесе молодым проще: им нечего терять. Правда, у молодых нет и связей. Нет возможностей, пользуясь какими-то знакомствами, достать сырье. Зато они легче воспринимают новое; в большей степени идут на кон-

такт с биржами... Но начать безумно трудно. Я уже два года делю мысль открыть свою косметическую фирму. Не могу. Есть оригинальная технология, есть оборудование под эту технологию, есть помещение — нет сырья. А для производства косметической продукции нужно около тридцати позиций сырья...

Ахмалетдинов: Молодежи надо помочь. Вот у меня есть малые предприятия, где работают только молодые ребята: по два-три человека. Они занимаются технологической разработкой строительных материалов. В течение двух-трех месяцев я плачу им зарплату. Потом они становятся на ноги — и вперед! Им нужно подставить плечо. Чуть-чуть...

Сериков: С кем из предпринимателей ни работаю, всем от тридцати до сорока лет. Всем! Видимо, это возраст бизнеса. Вот у меня сын — 39 лет, доктор наук, профессор — тоже организовал малое предприятие... Потенциальные возможности государственной организации резко падают. Вся толковая молодежь уходит в предпринимательство.

Стерлин: Это естественно. Люди старшего поколения привыкли работать в госструктурах, их не переделаешь. Они прониклись менталитетом государственного предприятия. Потеряли вкус к новому, к инициативе. Привыкли жить под командой. Однако молодежное предпринимательство — это искусственное разделение. Что значит молодежный бизнес? Давайте обратимся к западному опыту. Я знаю статистику по США: успеха добиваются в среднем с третьей попытки организовать свое дело.

Ушаков: Я — с пятой...

Стерлин: Это единичные случаи, когда люди с первой попытки добивались успеха, организовав соб-

ственное дело в 20—25 лет. Это уникальные случаи! Обычно успех приходит к 35—40 годам. То, что мы сейчас пытаемся разделить молодежное предпринимательство и предпринимательство вообще, — это отражение неких политических игр. Деление на молодежный бизнес и не молодежный — очень искусственное. Должна быть предпринимательская среда. И создавать ее необходимо двумя потоками. Государство — сверху — правовыми актами, созданием фондов поддержки, корпорациями развития регионов, «инкубаторным бизнесом»... Без государственной поддержки дело не пойдет. Но другой поток — снизу. Поток инициативных людей, которые, несмотря ни на что — есть поддержка, нет ее — делают свое дело. И вот эти два потока должны встретиться и создать конкурентную предпринимательскую среду. И тогда сами собой отпадут разговоры о молодежном предпринимательстве.

Ушаков: Мне тридцать, а под моим началом работает человек, которому семьдесят четыре, а есть и восемнадцатилетний. Молод я, стар — меня должны принимать как хозяина, руководителя (если я, конечно, таким являюсь). Когда я сяду за стол переговоров, мне не важно, сколько моему партнеру — двадцать или семьдесят. И ему не должно быть важно. Тут проблемы молодежное, не молодежное нет. Предпринимательство и есть предпринимательство.

Ведущий: Так надо ли молодежи облегчать стартовые условия в бизнесе? Дать им какой-то приоритет?

Ступакова: Не надо, это будет неестественный отбор.

Сериков: Не надо...

Ушаков: Не надо...

Сериков: В предпринимательстве никто на возраст не обращает

внимания. Играет роль голова...

Ахметдинов: Голова и руки...

Ушаков: Моя фирма «Инициатива» создавалась безо всяких связей.

Сериков: Но трудности какие придутся испытывать!

Ушаков: Это проблемы руководителя. Не сумеет их преодолеть — он, извините, не предприниматель, а черт знает что...

Сериков: Да как же, если в Моссовет приходится прорываться по три дня!

Ушаков: Вы туда стремились, а я туда не ходил...

Ведущий: И все же с чего начать? Каков первый шаг?

Ахметдинов: ...как шагнешь, тебе тут же подножку!

Стерлин: Любое дело начинается с идеи.

Сериков: Если нет идеи, не надо и начинать...

Стерлин: Все начинается с вопроса: а что я буду делать? В чем деловая возможность, которую я хочу реализовать? Потом я уже думаю, как я это сделаю.

Ушаков: В какой-то момент я понял, что надо учиться не производить, а торговать. Мы этого не умеем. Нет сейчас кризиса производства, есть кризис структуры. Мы производим тапочки, их никто не покупает. Произвести можно все, что хотите... Не все будет продано... Я учился сначала десятками тысяч работать, потом сотнями, потом миллионами, потом десятками миллионов. Шаг за шагом шел рост. Но на каждом этапе главное, на что я обращал внимание, — поиск. Я знал, что я буду не тачать болванку, а работать с людьми. С формулировки своего собственного предложения и начинается предпринимательство. Я везде шел с предложениями. Потом уже создается собственная структура — вот я здесь сижу, говорю, а денежки, извините, капа-

ют, и я вмешиваюсь только как координатор или когда собой происходит. Если у тебя нет идей, а есть только рабочая сила, можешь пойти и предложить ее, только надо знать цену этой своей рабочей силе... Мы до сих пор еще думаем, что государство нам, предпринимателям, чем-то поможет. Это иллюзия! Фирма создавалась мной единолично, и я знал, что действовать надо мне. И только мне. Если ходить с протянутой рукой — разрешите, позвольте, — ничего не получится. Надо создать собственную среду, состояться. Вот когда ты состоялся, ты можешь разговаривать на равных. И если ты состоялся, тебя уже не так просто сломать. А обращаться в Моссовет? Зачем? Не в одном райисполкоме, так в другом регистрируют...

Ахметдинов: Я начинал в 1989 году. Малых предприятий тогда не признавали. Кооператив? Но люди были очень настроены против них: те занимались зачастую спекуляцией, покупали у государства товары и перепродавали их. Стать государственной структурой? Никаких фондов нет и не будет — надо рогом о стену биться! Вот тогда-то я и получил инфаркт... Мне разрешили (вроде из милости) учредить «Созидатель» как общественную организацию. И с самого начала стали навязывать: сделай больницу, помоги детдому... Нет ни копейки денег, и еще с первого дня берут 35 процентов налога. И каждый день копаются в документах: где доход? А откуда он возьмется? Только затраты: кран, погрузчик, компрессор, другое оборудование. Дайте мне хотя бы полгода, чтобы встать на ноги! Я уж не говорю о том, что ни квадратного метра под офис не дал мне учредитель. Я до сих пор снимаю квартиры и плачу по пять тысяч... Недавно

я договорился, что строительные организации отдадут мне отделочные работы по двум подъездам. За это нам выделяют шесть квартир. Мне надо «пропустить» это решение через исполком, я прихожу к председателю, говорю: вот я шесть квартир зарабатываю, три отдаю вам, три — мне. Нет, говорит, одну квартиру вам, пять — исполкому. Он хозяин!

Ведущий: Слава, ты говорил, что начинающий предприниматель должен рассчитывать только на свои силы...

Ушаков: Он должен знать, что его будут бить...

Ведущий: Но когда ты начинал, у тебя была своя команда?

Ушаков: Я отношусь к государству как к еще одной организации. Оно принимает законы? Да. Но для чего в нормальном обществе существует лоббирование? Политиков «покупают». Наши еще «не продаются», потому что цены себе не знают. Но и они дозреют до этого... Государство такая же фирма, как и у меня. И когда оно меня надувает — я буду его надувать. Оно будет со мной судиться — я буду с ним судиться. Вы, Олег Николаевич, говорите: потребовали у вас в исполкоме пять квартир. Так надо было уйти и попробовать пробить то же самое в другом исполкоме. Пора понять: люди, которые противостоят вам, имеют тот же самый личный интерес, только выражен он через государственное прикрытие. Вы с ними равноправные партнеры. Давайте привыкать жить в условиях реального противодействия. А Закон о предпринимательстве... Если он не будет устраивать меня — я буду искать вариант работы, чтобы, не нарушая его, его обходить. И я буду делать все, чтобы новый закон, удовлетворяющий меня, скорее создавался.

Ахметдинов: Мне важны интересы района. Мне выгоднее просто заниматься торговлей, делать бизнес. Но я патриот своего района, я знаю, как у меня соседи живут — в коммунальных квартирах! — поэтому буду заниматься строительством... Кстати, кто ты по образованию?

Ушаков: Физик. Окончил Московский физико-технический институт.

Ведущий: Никакого отношения к предпринимательству не имел?

Ушаков: К предпринимательству имеют отношение все, потому что бизнес — это прежде всего здравый смысл... А знания экономические, юридические — их просто осваиваешь в процессе работы... Начинать совершенно один. Рассчитывал сделать магазин компьютерной техники, а, заработав на этом, выпускать наукоемкую продукцию. Начального капитала у меня было разве что на такси. Пошел в банк, взял кредит. Нелегко было убедить банкиров, что деньги попадут в надежные руки. По лезвию ножа мы шли месяцев девять... Оборот громадный — за прошлый год он составил свыше ста миллионов, — и малейший недоучет спроса, предложения, цен мог привести к банкротству... Сейчас мы этот этап миновали. В фирме работают тридцать человек. Но оборот наш в два раза выше, чем у всей ВДНХ, а людей там шесть тысяч. И площади свыше ста тысяч «квадратов» (у нас всего тысяча)...

Анисимов: Интересно получается: чем сильнее «давят» на предпринимателей госструктуры, тем они — предприниматели — становятся крепче, упорнее и... предприимчивей. Наверное, без такой «школы» бизнесмену не обойтись...

Ступакова: Нашему, советскому, увы, да... Но ведь это проти-

воестественно. Мы более половины времени, сил тратим на «пробивание». Каков же тут КПД? И к чему тогда все разговоры на правительственном уровне о всемерной помощи частному предпринимательству?..

Запад есть Запад, Восток есть Восток?

Стерлин: Я занимаюсь проблемами западного предпринимательства, и то, о чем говорил Слава Ушаков, целиком соответствует нормальной модели. Многие советские предприниматели, насколько я знаю, действуют так же... В наших условиях, очевидно, по-другому и нельзя. Если в США и Западной Европе бизнесмены, начиная, как правило, тратят свои деньги или средства так называемых «ангелов», то есть друзей, знакомых, привлекая капитал на неформальной основе — в США ежегодно таких средств пускается в оборот примерно 50 миллиардов долларов, — то у нас это совершенно не развито. Капитала, кроме как из банковской сферы или от учредителей, у нас не получишь. Но идти к учредителям — значит идти в кабалу. Поэтому то, что сделал Слава, если не единственно возможный, то самый предпринимательский ход...

Ведущий: А вообще заинтересовано ли сегодняшнее правительство, нынешние властные структуры в развитии частного бизнеса?

Ахмалетдинов: Совершенно не заинтересовано! Вот пример: трехпроцентный «абалкинский» налог на фонд заработной платы. А у меня по положению нет такого фонда. Я плачу так, как договорюсь с временным рабочим коллективом... Очень сильная давилка и из-за налога на сверхприбыль за превышение уровня рен-

табельности. Как можно было бы развернуться, если бы не только правительство, но и прочие государственные структуры поддерживали предпринимателей! У нас управленцев всего шестеро, а оборот — заметьте, в строительстве, в производстве! — восемь миллионов ежегодно. Дали бы нам хотя бы площади... Я, скажем, создаю полимербетонные плиты — это облицовочный материал под мрамор, просят его французы, но им нужны большие партии, а я делаю всего сто «квадратов»! Негде развернуться...

-Смагин: Здесь собрались представители малых предприятий. И вот мы слышим сетования, что государство-де не заинтересовано в предпринимательстве, не поддерживает малый бизнес. Вы уже своим существованием сами себя опровергаете! Ведь были же приняты законы, позволяющие начать это дело, — постановление о малых предприятиях, Закон об основах предпринимательства... Вы говорите: с чего я начинал — ни с чего, пошел, взял кредит. А вы попробовали бы на Западе взять кредит просто так...

Ушаков: Конечно, не просто так. Я добился его!

Смагин: Тем не менее кредит вам дали не за «голубые глаза». Уже из этого мы видим, что государство заинтересовано в предпринимательстве, что оно создает условия законодательные, банковские. Тут говорили о налогах... Мы же прекрасно знаем, что малые предприятия имеют в течение первых двух лет льготный период налогообложения...

Ахмалетдинов: А я сразу в кабалу влез. Не дают работать, я до сих пор не могу развернуться...

Смагин: К сожалению, когда вы образовывались, у нас не было еще таких нормативных актов. Вы шли впереди, за это вам честь

и хвала. Но сейчас государство постепенно создает условия. Другое дело, давайте взглянем на нашу экономику, на то, что творится в государстве. Может ли оно поддерживать вас? Может ли выделить какие-то фонды? Может ли осуществлять какие-то программы по поддержке частного предпринимательства? Наверное, нет, потому что государство находится в ужасающем состоянии. И все, что оно может сделать: разрешить вам в законодательном порядке вашу деятельность.

Стерлин: Согласен, что государство в ужасающем положении, но оно само себя поставило в это положение и ничего не делает или делает очень мало, чтобы из него выйти. А выход-то совершенно очевиден! Он в развитии альтернативной негосударственной экономики. А что мешает государству разработать эффективную, реальную программу конверсии? Только оно само... Государство вообще у нас очень «многолико» — одной рукой оно дает, другой отбирает...

Вот мы толкуем, что создаем параллельную экономику. Выходит, часть общества движется по левой стороне дороги, часть — по правой. Западный бизнесмен вообще не понял бы, о чем мы ведем речь... Это же дикость! Ничего не будет, пока государство не создаст всем равные условия, не создаст конкурентную среду. Когда в стране 90 процентов госсобственности, создание конкурентной среды в госсекторе — первейшая задача. Одинаковые правила игры должны быть спущены на всех участников экономического процесса.

Смагин: Вы говорите о равном положении сторон в предпринимательстве. Между тем это относится не только к частным — в противоположность государственным — предприятиям. У нас и в новом

бизнесе есть очень сильные протекционистские фирмы, которые начинают свое дело с нулевыми капиталами, но имеют очень сильные связи наверху. И совершить какие-то сделки, набрать капитал для них гораздо легче. Для них могут даже создаваться особые нормативные акты, что и получилось с «Бутэком». А любое другое малое предприятие, начиная с нуля, ничего этого не имеет.

Ушаков: По поводу того, что одна часть экономики ездит по правой стороне, другая — по левой. Мы разговариваем с вами в мае 1991 года. Еще в начале нынешнего года представители традиционных хозяйственных структур свысока смотрели на нас, новых хозяйственников (и это не только моя точка зрения, мы обсуждали ее с коллегами). А нынче со стороны руководителей государственной экономики идет незаметный процесс присвоения себе собственности. Но от того, что они ее присвоят, они не научатся ею распоряжаться. И вот они начинают искать себе нового хозяина, который сумел бы сдвинуть дело с мертвой точки. Только на этой неделе мне предлагали три серьезных долгосрочных договора. Без помощи новых бизнесменов они не обойдутся: нет опыта, нет желания, да и психология старая...

А если говорить о западных бизнесменах, то когда они приезжают сюда, то работают еще хуже, чем мы. Серьезно говорю! Я им всегда заявляю: буду с вами играть по вашим правилам. В открытую. Не хотите — до свидания. Они пытаются, пользуясь ситуацией, скупить все, что можно. Почему? Доллар намного сильнее, чем рубль... Сейчас конкуренция идет не между советскими предпринимателями, а между нашими и западными, и госструктуры поддерживают охотнее фирмачей. Они готовы —

за одну поездку за рубеж! — всю собственность распродать им.

Стерлин: Мы затронули проблему номенклатурной приватизации. Мы можем любить это или не любить на эмоциональном уровне, но с точки зрения экономики и эффективности это, по-видимому, процесс неизбежный и не самый ужасный. После него в госструктурах начнется конкуренция, они напрямую сталкиваются с конкурирующими независимыми организациями, и их выживаемость зависит только от того, насколько эффективно они сработают.

Смагин: Коль скоро мы приняли законодательство об иностранных инвестициях, решили привлечь инвесторов оттуда, декларируем равенство с зарубежными партнерами — не только как субъектами правоотношений, но и субъектами экономических отношений, — значит, они на равных с вами вступают в конкуренцию...

Ушаков: Но они заведомо выше, потому что у них доллар, а у меня рубль.

Смагин: Вы равны в экономическом и правовом отношении. А учитывать эту вашу слабость государство абсолютно не обязано. Оно, возможно, где-то может вас поддерживать, но ждать, пока ваши коммерческие структуры подрастут, заработают валюту и вложат ее в дело, не обязано.

Сериков: Много бизнесменов наехало в СССР. Много. И когда я с ними говорю, я понимаю только одно: они хотят получить от нас дешевое сырье и ничего больше. Они прямо так и говорят: в СССР нестабильная обстановка, вкладывать деньги в ваше производство нам не выгодно, лучше давайте торговать. Продайте нам лес, металл... Вытягивают последние ресурсы из Советского Союза!

Стерлин: А что вы хотели-то?!

Сериков: Осуждать их действительно нельзя. Надо нам приспособиться к ситуации.

Ахмалетдинов: Мы и приспособляемся. Я предложил создание совместного предприятия. У меня есть кожа, шкуры есть, а перерабатывать не умеем... Или, например, пчелиный яд. Я сейчас в Башкирии расставил ульи, с одного получается полтора грамма, 150 тысяч долларов стоит килограмм. Взамен западники согласны приобрести на эту сумму ширпотреб для реализации на нашем рынке.

Ушаков: Обычная схема трансферта...

Сериков: Да, чтобы были деньги, надо торговать. Но работать бизнесмену нужно, чтобы государство не оскудело. Вот заключили мы договор с агропромышленным объединением одного из районов — там есть завод по переработке овчины. Мы подписали соглашение с Афганистаном, они будут поставлять овчину, мы — шить. Будем работать с пользой для государства. Договорились с совхозом «Истринский» построить кирпичный завод — у них своя глина. На молокозаводе поставим американское оборудование, будем делать мороженое... Вот это производство! Оно как-то благородно выглядит, и заниматься им самому приятно. Конечно, и торговля тоже нужна. Но все западные торговцы хотят получить у нас сырье, и у нашего предприятия есть лицензия на продажу миллиона кубометров леса. Но мне противно этот лес продавать кругляком. Круглым лесом я торговать не буду. Построим линию по производству коттеджей — тогда другое дело. Когда не наносишь ущерба государству и одновременно какую-то отдачу своему коллективу даешь, тогда морально чувствуешь себя нормально.

А когда просят продать за рубеж 80 тысяч тонн арматуры — нет, государство от этого пострадает... Валаются в Волгоградской области 10 тысяч овчин или 25 тысяч тонн горчицы — никому не нужны, вот на них мы ищем покупателя...

Жулик или «двигатель прогресса»...

Анисимов: Сегодня, к сожалению, большинство наших соотечественников смотрят на предпринимателя, так сказать, с прищуром: мол, словчил, неплохо устроился...

Ступакова: Зачастую попросту жуликом считают. Да если бы только обыватели! А то ведь тут и ОБХСС, и прокуратура, и КГБ.

Ведущий: Новый виток в нашем разговоре... Кто же нынешний предприниматель — жулик или «двигатель прогресса»?

Смагин: В сущности, предприниматель не так уж сильно отличается от любого советского человека, потому что все равно механизма защиты прав человека у нас нет. Во-первых, законодательство несовершенно вообще, а в части, касающейся предпринимательства, — особенно. Дыр больше — легче, грубо говоря, посадить. А второе, политическая окраска предпринимательства: выходит совершенно одиозный Указ Президента о том, что органы КГБ, МВД могут без всякой санкции ворваться в офис, опечатать документацию, даже ту, которая является коммерческой тайной. И такие случаи бывали. И защиты от произвола тут нет. С другой стороны, встанем и на позицию государственного деятеля: он знает много примеров, когда некоторые предприниматели, пользуясь несовершенством законодательства, неправомерно обогащаются. Вот один из

них: кооператив АНТ. Из 18 членов его правления восемь уже (по имеющимся у меня неофициальным данным) находятся в Венгрии. Они пользовались межгосударственным соглашением между нашими странами, по которому, если гражданин СССР женился (вышла замуж) на гражданке Венгрии, он мог свои средства в рублях переводить на территорию этой страны, и там происходила их конвертация в доллары. Ему достаточно было только предоставить липовую справку о том, что он продал какую-то супердорогую технику. Так перекачивались сотни тысяч рублей, превращались в доллары, а затем долларové счета выставлялись нашему государству. Как к этому относиться правоохранительным органам?

Ушаков: Предприниматель или жулик? Я отвечаю — хозяин. Всех, кого я брал на работу, я предупреждал: фирма частная по своим принципам и структуре. Такое восприятие стало естественным и среди тех, кто у меня работает, и среди тех, с кем я взаимодействую. Да, я предприниматель, капиталист. Когда меня обозвали дельцом, я сказал: согласен, я буду дельцом. Я не нарушаю законы, это главное.

Ступакова: Вот мы сидим и говорим, а в нашем уголовном кодексе есть статья, которая не позволяет заниматься частнопредпринимательской деятельностью в виде промысла. И в то же время статья первая Закона о предпринимательстве гласит, что разрешаются любые виды деятельности, включая коммерческую и посредническую. Неувязка? Да. Но вынесите этот вопрос на Верховный Совет, им будет не до того, они заняты более «серьезными вопросами». Хотя рано или поздно старая норма отменится. Да уже сейчас суды

в Москве — я знаю такие случаи — не принимают к рассмотрению дело на основании «изменения ситуации». Есть правило в уголовном кодексе, что статья может отпасть, когда она потеряла свое значение...

Стерлин: Фактически Закон о предпринимательстве отменил норму наказания за частное предпринимательство, по которой в прошлом году было осуждено более пятидесяти человек...

Анисимов: У нас много мудрых законов, и в то же время существуют никем не отмененные инструкции двадцатых, тридцатых годов... Как это уживается? И будет ли этот юридический мусор разгребаться?

Смагин: Приведу один пример. В свое время был издан нормативный акт, который запрещал обжаловать действия налоговой инспекции куда-либо, кроме как в вышестоящую инстанцию. Круг замыкался. Арбитражные органы вышли из положения блестяще. Они приняли иск не по мотивации возвращения из бюджета незаконно удержанных средств, а по мотивации возврата из незаконного пользования имущества собственника... Инструкции можно обходить, есть простор для маневра.

Нам нельзя друк без друга...

Анисимов: Давно знаю вас, Владислав Пахомович... Еще в шестидесятые годы вы были первопроходчиком. Интересно, те ваши муки, сомнения, споры схожи с нынешними? Ведь и в ту пору вы были отчасти предпринимателем...

Сериков: Сейчас легче...

Ахмалетдинов: Безусловно,

нынче полегче...

Сериков: Меня признали только в 1989 году. В энциклопедии наконец записали: «бригадный подряд первой в СССР внедрила бригада Серикова». Государству почему-то выгодно было десятки лет как бы не видеть человека, который занимался настоящим предпринимательством... Сейчас, к примеру, начали говорить о контрактной системе. Да ведь у нас в бригаде она уже была: сто рублей в день, если вкальваешь, как надо... Не могли избавиться от бригады, потому что она нужна была. И в то же время не признавали, что мы предприниматели... Сейчас нет такого тотального отторжения, просто трудности формального порядка, много времени теряется на оформление. Бюрократия как существовала, так и существует... Фирмачи удивляются: они решают вопросы тут же в кабинете, сидя рядом с нами, а мы тратим на это по три-четыре месяца... Я думаю, «Смена» могла бы объединить на первый случай хотя бы десяток предпринимателей, чтобы обмениваться, делиться информацией, помогать друг другу...

Ведущий: Будем считать, что начало положено... Но ведь уже есть союзы, ассоциации предпринимателей. Они какую-то помощь оказывают?

Сериков: Огромное количество союзов!..

Ахмалетдинов: ...и ничего они не дают!

Ушаков: Зачем мне этот союз! Мне нужны деловые контакты. Вот создали союз частных собственников. Он на ВДНХ, в павильоне «Центральный», проводит свой месячник, и к нам даже ни разу не зашли... Надо понять простую вещь: предприниматель ориентируется прежде всего на свой **частный** интерес. Во всяком

случае, первоначально. Потом-то он, возможно, начинает удовлетворять интересы и тех, кто с ним работает. А все эти ассоциации — это те же министерства, только под другой крышей. Поэтому для меня они откровенно неинтересны.

Анисимов: Но ведь союзы создаются, чтобы защищать интересы предпринимателей...

Ушаков: Они в первую очередь защищают самих себя.

Стерлин: Полагаю, что союзы сейчас, как правило, не отражают интересы людей, которые их образовывали. На начальном этапе в дирекции союзов хлынули люди, которых привлекают те же фонды, снятые с фирм. Это похоже на кооперативное движение первых двух лет: ребята прежде всего набивают карманы. Это болезнь, которой надо переболеть.

Ушаков: Клубная структура нужна. Союзы воспроизводят то, что было, потому я и отношусь к ним негативно. А мне нужен механизм, который позволял бы развиваться. Клубная система на первое место выводит частный интерес. И когда я существую в клубной структуре, то имею воздействие на принятие решений.

Анисимов: Не кажется ли вам, что сейчас, строя новые структуры, мы тем не менее психологически действуем по старой, накатанной схеме?

Смагин: Психология в первую очередь зависит от уровня культуры как государства, так и его индивидуумов. И психология бывает разная: деловая, правовая, психология чисто людских взаимоотношений... Если говорить о психологии бизнеса, то у нас ее нет. Отсюда все наши беды и проблемы. Мы считаем, что нам должны дать. Точно так же и с правовой культурой. Вот вы, Олег Николаевич, рассказывали, как ударили по вам

«правовые дырки». Интересное дело! Вы нужны району, нужны исполкому, строительство необходимо всем. А учредитель не предоставляет правовых льгот, и вы топчетесь на месте. Ваши проблемы с налогами — это и есть правовая безграмотность. Если создается дело, его надо обеспечить всем юридическим инструментарием.

Иначе получается просто игра... Причем опять-таки игра без правил.

Ахметдинов: Вот что и злит, что и ставит в тупик...

Ведущий: Значит, все же нужны правила — как по отношению к предпринимательству, так и внутри него. И тут без новых структур, думается, не обойтись. Союзы, ассоциации, акционерные общества... Другое дело, как, на каких правовых, социальных, психологических основах будут организовываться эти структуры. Так, может, заглянем в день завтрашний? Хотя предприниматель — человек сугубо реалистический, помечтаем немного...

Прогноз на завтра

Ступакова: А вернее, рассчитаем... Верхам надо отпустить вожжи и дать людям возможность зарабатывать.

Хватит бороться, чтобы не было богатых. Пора, чтобы бедных не было...

Ахметдинов: Экономика не поднимется без малых предприятий. Они необходимы, и они, конечно, выживут.

Стерлин: Что вселяет оптимизм? Деловая среда, несмотря ни на что, становится худо-бедно благоприятной для развития предпринимательства — дефицит всего дает возможность начать практически любое дело и не прогореть. Важно и то, что я называю разре-

женностью экономической среды: в США на 240 миллионов населения зарегистрировано 18 миллионов фирм; у нас на 300 миллионов — 1,1 миллиона предприятий, считая все торговые точки. Разница двадцатикратная! Возможности для того, чтобы встроиться в дело, — потрясающие. И, наконец, меняется психологический настрой общества, бизнесом теперь недовольна лишь небольшая люмпенизированная часть населения...

Ушаков: Я полагаю, что пора от малого бизнеса переходить к крупному. Наша фирма подступила к созданию биржи идей и технологий, задача которой — формирование инфраструктуры внедрения. И мы угадали. Нам многие стали приносить новые разработки — они должны быть опробованы. Второе наше направление связано с инвестиционной политикой. Коммерческие банки сейчас не всегда готовы пойти на финансирование новых фирм. Мы создаем фонд, который, с одной стороны, позволит увеличить наши средства, а с другой — дать деньги для рискованных предприятий... Есть и такой проект: превратить ВДНХ в Российский инновационный парк. Раньше выставка действовала в идеологическом режиме, пусть теперь поработает на рынок...

Смагин: Уверен, нет альтернативы рыночной экономике, многообразию форм собственности, созданию льготного режима для иностранных инвестиций, либерализации коммерческой деятельности... Откат кое-где возможен. Но не в масштабах страны.

Ведущий: И последнее. Мы знаем, как ценилось до революции в деловых кругах честное слово. Играет ли оно такую же роль сегодня — независимо от подписи под

контрактом?

Смагин: Честное слово имеет огромное значение, но пока не в нашей стране, а в странах с нормальной правовой и экономической культурой.

Сериков: Я честному слову не верю. Сейчас, правда, в предпринимательстве много прекрасных людей. Но частенько я вижу по глазам: с этим дела иметь нельзя. Несмотря на все его слова...

Ахметдинов: Без честного слова невозможно работать. Нормальный человек, дав слово, не должен идти на попятную.

Стерлин: Вопрос несколько некорректен. Если ко мне приходит человек, которому я интуитивно не доверяю, я просто не буду иметь с ним дела.

Ушаков: Честное слово дается тем людям, которым ты доверяешь... Наша фирма именно потому сделала такой оборот, что мы всегда стремились выполнять свои обязательства!..

Записал СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ.

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

- Г «Не надеюсь, что письмо будет напечатано»
- Г Хочешь жить — сажай деревья
- Г Большая мечта о маленьком счастье

Г Журнал «Смена» я выписываю давно и по праву считаю его своим другом, советчиком, поэтому и пишу.

Я инвалид I группы. Мои ноги — это коляска, весь мир для меня за окном. Не подумайте только, что я жалуясь, просто мне хочется поделиться болью о таких же людях на колясках, еще более беспомощных...

Мой город Саки в Крыму по праву считается столицей инвалидов, сюда приезжают обрести надежду, полечиться и просто побыть на воздухе больные со всех уголков страны. Здесь мы общаемся друг с другом, делимся своими радостями, бедами, успехами, возможность заехать в любой магазин придает чувство самостоятельности: так хочется хоть в какой-то мере не быть обузой для окружающих, поэтому многие инвалиды и переезжают сюда жить. Но с какой бы теплотой окружающие ни относились к нам, жизнь человека, прикованного к коляске, всегда полна препятствий и безысходности. Нищенские пенсии и крохи компенсации только дают возможность еле-еле существовать, а ведь у многих инвалидов семьи, дети. В нашем городе создано общество инвалидов, которое делает все возможное, чтобы помочь этим людям, но все равно

средств не хватает. Хочу через ваш журнал достучаться до сердец тех людей, кто возглавляет крупные предприятия и кооперативы, и просто до всех тех, кто захочет помочь нам.

Помогите... Ваши перечисления очень нужны для ремонта квартир инвалидов, на покупку и доставку им колясок, на материальную помощь, в больницу можно будет купить дорогие нынче овощи и фрукты.

Наш расчетный счет в банке: 334310, Крым, Саки, ул. Кузнецова, Р/С 0007007—19 в Сакском АПБ МФО 324184.

Правда, пишу эти строки, не надеясь на то, что письмо будет напечатано, ведь и без нас так много сейчас горя и слез.

**От имени инвалидов г. Саки
Е. Г. СИМОНОВА**

От редакции. Письмо ваше, уважаемая Е. Г. Симонова, мы публикуем с надеждой, что у нас еще очень много добрых, отзывчивых к чужому горю людей, которые откликнутся на ваш призыв о помощи. Коллектив «Смены» хочет быть первым в этом благородном деле и перечисляет на ваш расчетный счет 1000 рублей.

Г Мне думается, в недалеком будущем нас ожидает невыразимо мрачная перспектива: голая пустыня на месте одной из прекраснейших стран мира с богатейшими природными запасами,

плодороднейшими землями, невиданно роскошными лесными массивами, изумительнейшей флорой и фауной. Абсолютная нравственная деградация, культурный вакуум, первобытное состояние общества в целом — вот основные причины неотвратимого апокалипсиса.

Нет, «я другой такой страны не знаю», с таким жестоким сладострастием, с упоением беспощадности и безжалостности, зверски уничтожающей саму себя! Это настоящее самопожирание, самоистребление!

В Китае в ранг государственной политики возведено бережное отношение к природе — каждый обязан посадить дерево. Вот это мудрость, вот это истинный патриотизм! И горько, и больно, и мучительно стыдно, когда видишь, что у нас не только о насаждении лесов государство не печется, а, наоборот, хищнически их истребляет. Как будто родная природа — это самый ненавистный враг, с которым надо расправиться самым жестоким, самым варварским способом.

Впрочем, чему удивляться? Ведь нашим девизом всегда было покорение природы: «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее — наша задача». И брали... Да так, что уже ничего скоро не останется, да и нас тоже.

Почему же нам не ввести в ранг государственной политики обязанность каждого гражданина посадить хотя бы одно дерево? Но не так, конечно, как доселе «творили» умные головы: сначала все истребить, а потом на голом месте, там, где раньше буйствовала роскошная, первозданная природа, сажать жалкие лесополосы или уничтожать естественные чудо-реки,

забивать их под землю, а потом прорывать каналы и наполнять их водой. Сизифов труд!

Надо беречь то, что еще сохранилось, и по-настоящему восполнять безмерные утраты — сажать новые деревья везде, по всей стране.

**Т. Ф. РЕПРИЦЕВА,
Львов**

Зовут меня Светлана, фамилию писать не хочу. Прошу совета.

Родилась я в семье, где брак не был оформлен, и потому была нежеланным ребенком. Отец уезжал на заработки, мать начала пить (наверное, поэтому я не переношу спиртного). Узнав об этом, отец ушел, на суде меня (в полтора года) присудили матери, но отец забрал меня прямо из здания суда и три года отсуживал. Потом женился на женщине с двумя детьми. И все... Все кончилось. Ни на минуту я не могла забыть, что не родная. Отец работал, а мачеха была дома. Господи, сколько я вынесла побоев, брани, издевательств от нее! Я ненавидела ее всей душой, сестру и брата тоже. В детстве убежала из дома, старалась приходить позже, когда появлялся отец, но ни разу не пожаловалась ему, и он ничего до сих пор не знает. Все время жила в напряжении, в ожидании издевательств, была как служанка. А издеваться мать умела! Я никогда никому об этом не рассказывала — просто стыдно, но в душе все осталось. Когда я повзроследа, сестре (она старше меня на один год) покупали наряды, а мне так, что попроще. Я росла битой, закомплексованной (к тому же я очень высокая — рост 184 см). Удивляюсь, как я не ожесточилась. В детстве несколько

раз пробовала резать себе вены, пила таблетки и, сколько себя помню, мечтала о смерти — о смерти как избавлении.

Училась хорошо, учителя пророчили мне филфак, но я не смогла дальше жить с матерью и уехала в Находку. Восемь лет работаю в море, научилась курить, стала встречаться с мужчинами. Меня любили и по-настоящему, сильно, но замуж я не зателела, сердце мое голодно.

Не хочу я так жить, а что делать — не знаю. Домой приезжаю, мать теперь бросается на шею, я тоже — из жалости, но в душе гадко. Ничего не простила, но не хочу объясняться, — она уже старая, родные дети ей не помогают. Мне ее жалко, но жить с ней даже рядом не хочу, а в море нельзя всю жизнь работать, это все равно что похоронить себя заживо. Тулик какой-то! Надоели случайные связи, женатые мужики, хочу своего маленького счастья. Начала о смерти думать, да отца жаль. Как же мне жить?

**Светлана,
Владивосток**

Меня огорчает, что ваш журнал поддался общей моде и озаивает то, что сделано при Советской власти, а все, что было при царе, воспевают. Я имею в виду письма об образовании, опубликованные в № 4 этого года. Такое впечатление, что при царе был рай. На самом деле народ тогда жил плохо, бедно, голодно. Я знаю об этом из рассказов бабушки. Она видела свой христианский долг в том, чтобы хоронить нищих, бездомных старух. Сторонила одиннадцать таких странниц. Одна

умерла при мне. Бабушка рассказала, что были у этой женщины муж и дом. Родила она двадцать четыре ребенка, и все умерли во младенчестве. Женщина эта и ее муж работали на табачной фабрике, а хозяин был строгий. Даже за опоздание сразу увольнял. Вот и ходили молодки до последнего дня беременности на работу. Хорошо, коль какая дома родит, хоть помоет ребенка. А если приспичит на работе, то бабы ее спрячут среди мешков с мажоркой, там и родит. На работу ходили с грудными младенцами. Загородят мешками, чтобы мастер не видел, и бегают кормить потихоньку. Помается малыш две-три недели, а то и меньше и умирает. Так вот и сторонила женщина всех детей. А потом первая мировая война, муж умирает от тифа, ее с работы гонят. Осталось ходить по людям... Я помню много подобных судеб, могу их и записать, но есть ли в этом нужда? Многие русские писатели об этом рассказали, но сейчас их не читают: немодно.

**В. В. ГОЛУБОВСКАЯ,
пенсионерка,
Новосибирск**

ВИКТОР МАКУШКИН

Рисунки БОРИСА СОПИНА

КРОСТЫ

«Есть такой рубеж, когда все, что ни случается с человеком, к счастью».

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ

В железнодорожные бараки, или, как называют их местные остряки, в жетто, пришла телеграмма на имя Валентина Саввича Зыкова: «Выезжай сейчас же тчк Мама умерла тчк Десять рублей на билет выслали срочным тчк Братья сестра».

Юная почтальонша Надя, которую родители наделили этим именем потому, что отца величали Константином и получалось обещающе и престижно (здесьшний вытрезвитель буквально забит Александрями Сергеевичами, Михаилами Юрьевичами и Львами Николаевичами!), долго бродила меж куч вычерненного временем и смогом песка, перепрыгивала через вросшие в землю бетонные блоки с торчавшими ржавыми ребрами арматуры, огибала задумчивые лужи едва ли не вишневского мазута. «Жетто», как водится, было за путями. Подальше от узлового фасада с его стремительными диаграммами и яркими лозунгами, неизменно заканчивавшимися словом «эпоха».

Здесь, на задворках некогда могущественной железнодорожной империи, постепенно ушедшей в небытие, ясноглазая Надя искала «д. 5, кв. 16».

«Братья! Сестра. Братья! Сестра. Пятый дом, кругом шестнадцать... Интересно, — рассеянно думала она, менее всего вдаваясь в странноватый текст с рублями и неожиданно щедрым предложением «на», — как выглядит этот Зыков? Наверно, что-то огромное, с жирным животом и красной шеей... Б-р-р! Интересно, смогла бы я с ним или не смогла? Вот так взять и заранее

прикинуть: смогла бы? А потом сличить с натурой. Офигенный прикол!»

Почтальонше Наде, бродившей по новому для нее окраинному микрорайону, было девятнадцать. Ей нравилось считать себя опытной, прожженной и очень западной. Надя курила, при первой возможности пила, старалась не только говорить, но даже думать по сленге. А всех мужчин классифицировала исключительно по тому что упомянутому принципу.

Те, с которыми, по предварительной прикидке, она бы «смогла», были, естественно, хорошими мужчинами. Как правило, не ниже ста восьмидесяти сантиметров, чернявые, пропорционально сложенные. С которыми не смогла — плохими. В основном тяготеющими к нервности, худобе и нечеткому блондизму.

Наде было непонятно, зачем живут на свете такие, с которыми бы она не смогла. В чем смысл, в чем оправдание ничтожного их бытия (Надя говорила: «Какой с них навар?»)?

Вызывали они у нее не снисхождение, не великодушное сочувствие или хотя бы жалость, а самую настоящую ненависть. Ибо, как подсказывали Наде четко сориентированный ум и с детства усвоенный принцип «кто не с нами, тот против нас», плохие мужчины занимали на суше места, которые могли бы занять другие — новые хорошие мужчины. С которыми, как сказано выше, она бы смогла.

Им, хорошим, почтальонша Надя с удовольствием вручала поздравительные телеграммы на цветных бланках, изображающих Москву, солидарность народов или еще что-нибудь красивое и праздничное. А плохим прямо-таки с мстительным удовольствием — сообщения о производственных увечьях родственников, напоминания о необходимости платить долги, ссуду, вести о смертях, кражах, тяжелых операциях, изменах, побоях, катастрофах на транспорте. И так далее.

— Зыков... Зыков... Прикинь, дурында, совсем же офонарела! — неожиданно засмеялась Надя. — Он ведь пацан зелепупый. Зачем взрослому мужику деньги на билет высылать?! Фи-и, как не стремно. Даже интересэйшен пропал!

Однако все оказалось несколько иначе, чем представилось в миг озарения практичной Наде. Даже совсем иначе...

Вот она, дверь шестнадцатой «кв.», косо вросшая в землю и почти не открывающаяся. Словно бы падающая куда-то внутрь.

Впрочем, нет: не дверь вросла — земля вздыбилась у ее черного, давно не крашенного порога. Почва! Уникальная почва «жето». Пропитанная мазутом, начиненная окурками, полиэтиленовыми пробками, мятыми пачками от сигарет без фильтра, обрывками проволоки и резиновых шлангов.

«Фу-у, как воняет, сучара!» — брезгливо вздрагивая плечами, подумала почтальонша Надя.

И верно. Из тайных щелей-пазов как бы падающей внутрь барака двери тянуло несвежими щами, открытыми позавчера рыбными консервами тотального производства, дешевым хозяйственным мылом.

Надя брезгливо раздумывала, как стучать? За что братья? Все грязно, все будто липнет.

Оторванная снизу ручка. Щеколда допоухой лепешечкой в духе первых послевоенных лет и яростных коммуналок. Ножичками, писочками-мочками вырезаны многочисленные инициалы. И короткие, но энергичные словосочетания в духе «бесед по фене». «Нету доли — черт унес». «Ильич-Ильич, взгляни на наше счастье!» «Никому в этом мире не верь: человек человеку — зверь».

А в правом верхнем углу падающей двери довольно свежим химическим карандашом выведен целый куплет. Законченное, можно сказать, стихотворение совсем на другую тему:

*Лагуна полная акул
Чилнок туземца из акации
Два кракадила шелест пальм
И никакой цивилизации.*

Музыка и текст В. Зыкова!

Почталыонша Надя уже весьма раздраженно (непонимание всегда переходило у нее в раздражение) сморщила чистый, не тронутый ни единой складочкой раздумий лоб. Большие, некрасивые уши, которые Надя умело прятала под пышными волосами, резко покраснели. «Что за фигня? — подумала она возмущенно. — Сплошные кроссворды и ребусы по вертикали. Ду... Ладно!»

— Хозяин?! Телеграмма! — резко, как птица в лесополосе, закричала Надя. — Распишитесь!

Откуда-то сверху, будто с самого прижмуренно-серого осеннего неба, послышался курлыкающий голос, лишенный, казалось, не только примет возраста, но отчасти и пола:

— Матуська — помела?! Ну, тощно, хай меня ластлеляют... Оттого, знацит, мотол с вецела так ныл! У-у-у, зысь, ну и зысь... Да здесь я, дощка: поворотись, маленькая! Ссяс скусаюсь...

Надя обернулась, на всякий случай презрительно и оборонно-гордо щуря позолоченные к вискам глаза. С высокой будки-каланчи то ли сходил, то ли сползал тщедушный человечиска, ростом едва ли не с прекрасную Надину ногу. В ковбойке с кокеткой, в кепочке-восьмиклинке, в застегнутом лишь на одну нижнюю пуговицу коверкотовом пиджаке, в спортивном трико с лампасами, очень любимом городскими алкоголиками, все еще представляющими себя по ночам рекордсменами и чемпионами, и в мелких галошах на босу ногу.

— Ну, цё-ё, дощка: матуська? Не томи дусю, маленькая, не томи, кулношенькая...

«Нет, б-р-р!!! — подумала высокая и статная Надя, мельком взглянув в его изможденное, изъеденное годами и хворями лицо. — Ни за что — хоть под пистолетом!»

Валюська Зыков был единственным уродом в весьма обширном и вполне процветающем роду Зыковых. С его многочисленными двоюродно-троюродными ответвлениями. В роду, насчитывающем нескольких инженеров, врача, даже помощника прокурора. А главное — множество просто нормальных, здоровых, естественно вписывающихся в окружающий мир людей.

— Знацит — тощно... — скорбно тряхнул маленькой головенкой Валюська. — Вот поцему мотол так с вецела ныл...

Жизнь Валюльки Зыкова, в сущности, заканчивалась. Отсчитывала последние, совсем уже не густые и не слишком нужные даже ему сроки.

— Тянем лизину, — как бы извиняясь, объяснял себе и соседям Валюлька. — От звонка до звонка.

Ему было под шестьдесят. Отсидев из-за своего неумения жить среди занятых делом людей и преодолеть неистребимое желание любым способом «отключить баську» едва ли не четверть века, он чувствовал себя глубоким стариком. Ибо догнивал изнутри...

Когда почтальонша Надя с тайно-мстительным удовольствием и какой-то стихийной гадливостью подавала ему телеграмму, он спустился от стальной, будто сейф, голубиной будки, к которой упорно и неумело прилаживал чудовищной сложки и вторичный замок. Все более простые запоры каторжно беспокойная и воровливая барачная пацанва вырывала с корнем, систематически уводя у Валюльки Зыкова лучших голубей. А непородистым безжалостно откручивала головы и бросала тут же, на откидном летке железной птичьей богатяновки.

«Ну, цё это, а? — всякий раз удивленно и с робко-стыдливym возмущением бывшего вора думал Валюлька, оглядывая следы ночного погрома, смывая кровь и убирая перья. — Цё за фулиганье? Хузэ немцев! А небось, иссё пионэлы, в солковые галстуки смолкаются... — Жестокость нынешней молодежи возмущала его, вызывая из глубин затухающего существа нерастраченные педагогические потенциалы, имеющиеся, видимо, в каждом человеке. — Это зэ валвалы какие-то, — качая крохотной, будто вовсе не нужной головенкой, уже вслух бормотал Валюлька. — Не, мы тозэ, конесно, не всегда вели себя плавно. Но сёб измываться над зывотными?! А иссё у них, небось, день птис...»

Бормотал и удивленно поглядывал на небольшой игровой городок с железными качелями и песочницей.

Это было единственное сооружение, которое построил добровольно, без конвоя и не из-под палки, за свою писаную вчерне жизнь Валюлька Зыков.

Чистого бескорыстия не было, Валюлька надеялся защитить, обезопасить этим убогим детским раем свою голубятню от подросткового невинного разбоя. Не вышло. Катались, однако крали.

Горькую эту телеграмму он ждал давно. Несколько раз она ему даже снилась. Потому что мать, как и голубей, любил без всякой выгоды и корысти. Как мог. Но — всегда.

И она тоже его любила. Той особой, болезненно вздрагивающей при каждом шорохе любовью-жалостью, которой матери умеют выделять самых никчемных, самых худших и самых постыдных своих сыновей.

Господи! Живой этот, будто вывернутый наизнанку крест пронесла она через всю жизнь. И ни на миг, даже в самые провальные годы, не возникла у нее мысль отказаться от маленького неумемного существа, буквально начиненного всяческими пороками.

Между матерью и Валюлькой — людьми, не похожими друг на

друга фантастически, но в чем-то, однако, тайно родными, — всю жизнь был натянута никому невидимый проводок. Ни в тюрьмах, ни на этапах, ни в веселых малинах не обрывалась эта мистическая связь, по которой Валюська слышал немые крики и звоны буквально за миг до того, как издыхающий человек готов был навсегда превратиться в нем в красноглазого зверя.

Так что ждал, ждал он эту телеграмму. Уже с неделю серой своей шкурой чуял ее неумолимый приход...

«Ну, все, Люба-мамуля! — подумал Валюська, получив братне-сестринский червонец. — Теперь ты у нас самая сясливая: никогда больше не увидишь на белом свете протокольную мою лозу... Сё — отмаялась, маленькая!»

III

На похороны Валюська Зыков едва не опоздал.

Человек, ко всему прочему, еще и неладный, невезучий, он сел именно в тот автобус, который был выпущен на линию как бы в отместку человечеству за его грехи. Или хотя бы в назидание за его несовершенства.

Некогда прекрасная машина, бредившая по ночам далекой родиной, была совершенно растерзана нашими дорогами, нашим ухарским стучанием молотом по болевым узлам.

Когда Валюська прибыл в городок, где два последних года мать жила с младшим сыном Станиславом (помощником прокурора), маленькую женщину, вторую маленькую в семье видных и крупных Зыковых, уже выносили из беседки, по-осеннему черневшей в глубине кущего двора многоэтажного дома. В доме с необычайно узкими дверьми и лестницами беседка служила как бы вынужденным перевалочным пунктом между квартирой усопшего и кладбищем.

Ничего этого не зная, Валюська внутренне заартачился, завозмутился:

«Сёз она не в хате, сто ли, лезала, хай меня ластлеяют?!»

Однако, видя, как бережно несут на руках почти детский гроб его матери и стараюсь поменьше высываться из толпы, тут же презрительно одернул себя:

«Да ладно тебе, цюцело! За цюзой целвонец прикатил, а иссё тепель лансса...»

Последние десять лет, устав наконец блатниться, Валюська Зыков начал крепко себя стесняться. И даже ненавидеть.

В последний раз он вышел на волю сорокапятилетним. Кокетливо огляделся, прошвырнулся привычно-игривой походочкой по старым адресам. И вдруг словно осекся. Как-то совершенно буднично понял, что жизнь в общем-то уже прошла. Что шустрить некуда, нечем и не к кому. Что перекошенные двери открывают ему какие-то отвратительные деды и безобразные старухи. И что они как раз и есть те, к которым он так спешил!

«Все, пlossяюсь я с тобой, мамулька... — думал Валюська, провожая глазами кокетливо убранный гроб (такая выработалась у него странноватая привычка подчеркивать свою непохожесть в этом мире, от которой не мог избавиться даже во время интимных бесед с самим собой). — Не-не, не бойся! Тута я,

а подходить сё лавно не буду: сёб за сыноська-гада налот с тебя не надсмехался...»

В большой толпе Валюську никто из родичей не заметил. Да и поотвыкли они с радостью от его лица. А другие и вовсе не знали. Серееет что-то среди людей маленькое и убогое. Юродивые да колчерукие к таким минутам будто мухи к меду льнут.

Когда родственники и приглашенные поехали двумя автобусами на старое городское кладбище, где могилы роют не бульдозерами, а лопатами, Валюська, побаиваясь, чтобы не выперли его из нанятого родичам транспорта за несуразный вид, сел в рейсовый автобус. И прибыл к погосту почти одновременно со всеми...

Часам к трем, когда процессия, медленно извиваясь меж плотных скоплений могил, дошла наконец до той, которую по звонку Станислава приготовили маме Любе на давно закрытом для широкой публики кладбище, стало задумчиво вечереть. Угасающий день, без того достаточно скорбный, приобрел почти библейскую невозвратность и грусть.

Когда толпа остановилась, Валюську Зыкова подтолкнул сзади острым локтем высокий жилистый мужик и тихо просипел на ухо Зыкову:

— А небось беленькую поднесут... Уже и вкус забыл: беспре-
рывный, курва, антифриз. Как в КамАЗе...

Валюська не ответил. Не до того ему было. Но коричневый мужик, кажется, и не рассчитывал на ответ. Он, видимо, хорошо знал свою истинную цену в толпе. И бубнел как бы сам с собой:

— Родич-то, глянь, какой возле гроба стоит чистый. Ну? Не нам керя, ровня... Вот тот, с золотыми очками, — это который добавляет: прокурор. Сам от него не раз срока разные брал. Сука большого полета! Землю роет, чтобы нашим братом тюряга всегда полная была, чтоб дурсила всегда под рукой имелась... В шестой столовой, слышал, хавка будет. Подгребем? Глядишь, поднесут, не прогонят по траурной лавочке чистые?

Валюська даже не кивнул. Догнали его здесь свои заботы. Вновь забывшись на короткий срок во время переездов, почувствовал он отупляющие боли, которые терзали последние месяцы маленькое тело худшего из Зыковых.

«А вдруг налетят они именно сейчас, именно здесь, на вечерующем этом кладбище, — испугался Валюська. — Что делать-то дальше? Подойти к родичам? Нельзя. Вовсе не подходить — тоже погано: подумают братья с сестрой, что совсем уж дикой шерстью грешная душа поросла. Сдохнешь — словом небранным потом никогда не вспомнят!»

Погрузившись в эти думы, решил Валюська персону свою пока не обнаруживать. Осторожно привстал он на цыпочки, пристально глядел на то значительное и торжественное, что совершалось перед его уже слабыми глазами.

Невесомую, как воробышек, маму Любу коротко проколыхали куда-то над головами. Понял он диковатым своим умом, легко и цепко ориентировавшимся совсем в других измерениях, что сейчас, кажется, начнут заколачивать: поставили на табуретки.

Гроб был украшен богато. Все белело, алело, топорщилось и пенилось кружевами. При жизни было куда скромней!

Каждый час помня, что одарила отечество вором — другие, нормальные, удачливые и благополучные дети словно бы начисто заслонились в ее глазах черными Валюскиными художествами, — мама Люба очень стеснялась, даже избегала людей. Чувствовала себя виноватой перед всеми.

Валюська, конечно, знал об этом.

В молодости, правда, делал вид, будто не знает. Будто он сам по себе. Свободный, как волк. И ни на ком нет его тени! Но с годами ему становилось все понятнее, что лишь материно горе каким-то необъяснимым образом держало его на плаву. Всякий раз, когда готов он был невозвратно перешагнуть красную черту, чтобы лететь вниз, не оглядываясь, начинал где-то звонить беспомощно-жалобный, но незатихающий колокольчик...

«Ну, сё-сё? — неотрывно глядя на маленький острый носик, на седые кудряшки, беспомощно прилипшие к высокому желтому лбу, беззвучно орал Валюська. — Ну, гад... Да... А то! Спокойно... Сёз тепель? Такой вылодился...»

Бывшая библиотекарьша, к которой все примеряли и примеряли сейчас не совсем удачно подогнанную крышку, очень любила читать романы. О сильных и благородных людях. О ярких путешествиях, полных взлетов духа, и удивительных приключениях.

За светлого рыцаря приняла она и Савву Зыкова, гения местной художественной самодеятельности. Он был хорош собой, неподражаемо бацал чечетку и румбу, все время на чем-то или кого-то играл. Но в остальном, как говорится, «пардон». Савва, например, был железно уверен: работает только тот, кто более ничего на этой прекрасной земле не умеет.

Он умел! И поэтому оставшееся от непрофессиональной сцены время полностью посвящал тому, в чем был настоящим профессионалом, — рамсу, очень распространенный в те годы на юге страны карточной игре.

«Любушка! — красиво говорил он маленькой библиотекарьше, из которой сделал для себя некую тихую пристань. — И ты веришь всем этим ничтожествам? Я тебе удивляюсь... Брось, милая, все клевета и черная зависть бездарностей. Они не могут простить мне мой талант и тебя... Будь выше сплетен, чистая, святая моя!»

И она верила.

Даже когда Савву пристукнули за агрессивный коктейль из актерской наглости и хронической неуплаты карточных долгов, продолжала свято считать, что все это ложь, что Савва погиб, защищая от вооруженных бандитов ее и свою честь...

Трое детей маленькой библиотекарьши взяли от красавца Саввы отменный рост, весьма декоративную внешность и какую-то беспокойную, непродуктивную и беспорядочную любовь к музыке. Ни на чем не играя как следует, они интересовались музыкой почти как профессионалы. Скупали пластинки, кассеты, всевозможные проигрывающие и воспроизводящие автоматы. А помощник прокурора к тому же прекрасно чувствовал танцевальный ритм и первым выскакивал «в круг».

Валюське досталось от отца нечто более важное, центровое, потаенное. То, чего, может быть, не осознал в себе сам Савва.

Кое-что взял Валюська и от мамы Любы. В результате мутант получился весьма необычный: этакий уникальный тип русского блатного. Русского вора! Который не столько крал, сколько шумно собирался это делать.

Едва ли не до сорока исхитрился он, шастая по отечественным тюрьмам, чувствовать себя почти что Робин Гудом. Вольным стрелком по чужим и оттого несправедным кошелькам. И очень медленно, мучительно медленно догнала, наконец, Валюську Зыкова суровая мысль о том, что он самый обычный уголовник. А теперь еще и старый! Растерявший здоровье. Удивительно сохранивший полную детскость ума. И причудливо-прихотливо развивший в себе легкую картавость далекой юности в бесконечное болтание «по фене», которое без переводчика трудно было понять...

— Ну, чё, малява, вспрыснем старушку?! — вновь шепнул замолкнувший было мужик, шпыняя его сзади острым, как шлямбур, локтем. — Гляди: поднима-ают! Понесли божью птаху червякам на закуску... Чё воды-то в рот набрал, малява? Растрогался, что ли?

Но маму Любу никто пока не поднимал, не нес. Скорее, наоборот: все накрывали да открывали неудачно сделанную крышку. Прилаживали несколько стыдливо. И готовились забивать.

Вот мелькнуло последний раз почти кукольное личико. Девочка-старушка. Лицо единственного на этой земле человека, который его любил! Неведомо за что.

Застучали тяжелые молотки.

Валюська явственно слышал, как плачет, рыдает что-то болючее и колкое внутри его сгнившего, затухающего существа.

На мгновение почудилось, что рядом с матерью лежит он, так ничего и не понявший на этой земле.

Оба маленькие, похожие. Как небо и земля. Как две половинки целого. Два одинаково несчастных человека, зазря сгубивших единственные свои жизни.

— А бечевку подводят неправильно... — шепнул коричневый. — Чтоб она у их сорвалась! Слышь, малява? Вон та корова в кожаном реглане — прокурорская сеструха, общепитом вертит. Накрала столько, что и под Пасху не приснится! Они крадут, а нас содют...

Валюська машинально кивнул, неотрывно глядя на опускающийся материн гроб.

Гулко, но мягко зашлепала сырая глина.

— Пирожки с чистого кислорода штампует...

Люди кидали и кидали землю. Лопатами, горстями.

— Да разве брательничек своих в обиду даст? Он весь закон для нас с тобой, малява, бережет, для сидяков отпетых...

Валюська вспомнил: по обычаю и ему надо бы горсть сирюю в могилу бросить.

«А для цево?! — подумал с вызовом. — Разве ей луце будет? Сёб себе, себе-е дусю облегчить! А если нету там у меня ницё?! Вот и не надо хитлить, на ночь глядя...»

Люди не расходились, оправляли землю, венки, едва слышно вздыхали о чем-то, думали.

Рядом с помпрокурора Славкой и сестрицей Наташей появился еще один высокий мужик, чем-то сразу заинтересовавший Валюську. Стоял-громоздился без шапки, сумеречно седея под тихой моросью бородой и бачками.

Валюська напрягся, крепко-крепко прижмурил совсем уже слабые глаза. Да ведь это же старший брат Борька! Он на целых два года моложе, а поставь рядом — наверное, гляделся бы дедом.

Валюська не видел Бориса лет двадцать, если не больше. Помнил только, что тот вроде бы доктор. Что по характеру своему менее других склонен прощать Валюське блатные его заскоки. И робко удивился: почему так сразу узнал в густых сумерках брата? Голос крови?..

Когда народ потянулся с кладбища к нанятым автобусам, уже смеркалось. Только чуть белели свежие кресты, что появлялись и появлялись на переполненном, давно закрытом властями кладбище.

Боязнь, что его заметят родичи, в темноте прошла. И Валюська, постепенно отставая от людей, растерянно остановился. Закурил.

«Цё з, однакова, делать? — словно бы всасываясь в непролазную кладбищенскую грязь раскисшими ботинками со спортивным узором, думал он и чувствовал себя почти инопланетянином, попавшим в мир, где его никто не видит. — Нада влоде бы цё-то делать...»

Подождав, пока толпа влезет в автобусы, Валюська, так ничего не решив, побрел к железнодорожным путям и вдоль них к вокзалу.

Он всегда делал именно так в своей угластой, колючей, как спецпровокола, жизни: если не знал, куда прибиться и что предпринять, шел на базар. Или к вокзалу.

IV

Часа в два ночи Валюська Зыков почувствовал, как мать трясет его за плечо. С небывалой для нее силой.

— Ну, цё ты? — виновато, без страха ухмыльнулся ей Валюська. — Все я, ей-богу, узе поблосал. Стальый я, мамулька, негозый. Цё з тепель?

Открыл глаза, оторопело наблюдая на материнском лице седые усы, свисающие к жестким складкам недовольно щерящегося рта.

— Неужто Зыков? Вот это встреча... Живой, значит, курилка? Ветеран тюртруда!

Валюська тряхнул головенкой. Милицейский сержант светил ему в лицо «жучком». Слабый лучик выхватывал грязную лавку с буквами МПС. И часть стены вокзального заутка, в который он мышшино забрался, устав брести по шпалам.

— Зыков-Зыков, — не шибко приветливо подтвердил Валюська. — Ксивы, плавда, с собой нету. Мозыс не смонать: ссикотки боюсь... А тебя, майол, не помню: на моем веку вас дюзэ до фига было. Котолье с погонами...

Привычно вздохнув, сержант тяжело сел рядом.

— Бродяжничаешь? — беззлобно спросил он, присматриваясь

к изможденному огарку, которого видел когда-то непоседливым, словно обезьянка, парнем-зэком, веселившим этапную братию.

— Не. Цистый я: матуську холонить плиеззал.

— Извини, брат... Сколько ж тебе лет, Зыков? И сколько ж прошло, как я вас по этапу сопровождал?!

— Фиг его знает, скока,— безразлично пожал костлявыми плечишками Валюська, даже не представляя, о каком именно этапе толкует сивый от седины сержант, так и не дослужившийся до больших чинов.— Състь цилвонцев мне, без копеек. Это влоде бы знаю. А больсэ, свободы не иметь,— ницё...

Сержант сочувственно улыбнулся. Ему было жалко Валюську.

— Прошла, стало быть, жизнь-жестянка, Зыков?

— Ну... Не глави, майол, дусу!

— Понял. Ладно.

— Луце сказы, цё мне делать? Я с по-людски затла к могилке подхилять должен. Так?

— По-людски, так.

— Ясненько, майол.

— А спать тебе, конечно, негде?

— Конесно. Мне всегда негде. А тут иссё и ты не даес...

Сержант вновь вздохнул.

— КПЗ пустая. Перекантуешься?

— Мозно...

Проснулся Зыков часов в двенадцать. Долго лежал на нарах, чувствуя себя непреодолимо больным и старым.

Пронзенное всяческими недугами, от которых давно бы померли с десятков человек, маленькое его тело казалось сейчас бесконечно огромным. Столько ухитрилось оно вместить в себя боли.

Валюська едва поднялся.

А когда вышел из патриархально-тихой железнодорожной милиции, осенний день вновь начал сереть и медленно гаснуть. Исходя все тем же грустным дождем...

Он медленно шел, почти полз по тихим улицам грязного городишки, который считал своим.

Теперь, когда мать умерла, разве что городок мог помнить его, Валюську Зыкова, не старой развалиной, а разбитным, ловким, совсем другим. И оттого испытывал Валюська к знакомым домишкам железнодорожной окраины небывалую нежность.

«Зайчики вы мои...— лепетал он про себя виновато вздрагивающими губами.— Ну цё з тепель сталое вспоминать? Тепель все — заклучаемся...»

Валюська понимал: его смерть, которая по всем приметам уже где-то рядом, лишь принесет нескольким людям на этой земле тайное облегчение, даже радость.

Однако Валюська по привычке, выработанной за десятилетия блатной жизни, залез в какую-то заборную щель и стал продирается по вязкой глине сквозь мокрые заросли кустарника желтой акации.

Что-то лопнуло, остановилось в его маленьком немытом теле. Лишь привычка с животной выносливостью терпеть лишения и боль вела Валюську Зыкова сквозь кладбищенский бурелом, мимо полусгнивших, давным-давно не посещаемых крестов к материнной могиле.

«Нехай... Фиг с им...— твердил он про себя одно и то же, пытаясь отыскать свежий холмик на огромном и уже вновь сумеречном кладбище.— Пола заклугляца...»

Он бродил невероятно долго! Десятки раз пересекая свои же следы. Он ничего не запомнил, никаких примет. И утюжил грязь, как слепой червь, почти не надеясь на удачу.

А кладбище, в согласии со своим высшим смыслом, молчало.

Кресточки-кресточки-кресточки. Почти уже сгнившие. И окрашенные дешевой половой краской. Жестяные солдатские звездочки, приваренные на толстой проволоке. И мраморные торсы, бюсты, гордые бронзовые барельефы, гранитные стелы.

Но все это никак не относилось к среднему из братьев Зыковых, его устроила бы и общая могила.

V

В густых сумерках, в ровной кладбищенской темноте, обессиленный, совсем было отчаявшийся Валюська едва не наткнулся на братьев и сестру, стоявших у украшенного венками холма. Еле успел «тормознуть лаптем» за кустами соседней сирени, неожиданно услышав родные голоса.

«Вот так да-а...— подумал со стыдом и страхом.— Было б явление цюцела наладу! Вот так да-а...»

Родственники разговаривали тихо. Слова, долетавшие до Валюски, не складывались в целое. Так, нечто отрывочное, едва уяснимое для чужого уха.

— Нет, это самое любопытное, братишечки дорогие,— говорил низкий женский голос.— Именно это и есть самое любопытное...

— Что именно?

— То, что она больше всех любила его!

Едва заметно подрагивающей крохотной лапкой мальчика-старца Валюська напряженно держался за мокрую ветку сирени. Пытался постигнуть не смысл слов, а как бы сами голоса, казавшиеся до судорожных спазм в горле родными. Ничего не осталось для него в этом мире. Только эти едва различимые голоса.

— А что тут любопытного? Изгой... В них всегда есть что-то такое... трогающее самые потаенные струны...

— Ну, да. Столь возвышенная мудрость приходит лишь с годами работы в прокуратуре. Там все ясно.

— А что, у общепита есть свои версии?

— Кончайте межведомственные распри! Тупо... Но что у матери комплекс изгоя — я за... Дабы тебя любили всю жизнь, младшенькие вы мои, надо сперва натворить что-то очень и очень мерзопакостное. Уж такова психика дам. А впрочем, и народов в целом. Народ — это ведь только кажется, будто он — он, народ — она...

— Чуть попроще. Если можно.

— Зачем? И так все ясно... Порядочному человеку просто ничего не остается в этом трижды паскудном мире, кроме нечеткости формулировок и придуманности жизненной позиции... Вот хоть она: если бы она не придумала себе фантастический вариант

бытия, она бы просто не смогла жить... Я не прав, Натаха?!

— Прав, но преувеличиваешь,— возразила сестра.— Это у тебя от чрезвычайно долгого глядения в наши распоротые животы.

— В них не хуже, чем везде. К тому же я гинеколог. Стало быть, зрю не в животы. И стало быть, имею практику именно по части женской психики... Терпи, сестричка: в ней почти все от инстинктов и стада! За кого, судя по мировой классике, обычно выходит вдова убитого? За убийцу, вестимо.

— Это — другое,— неуверенно возразила Натаха.

— Не так уж, как кажется... Кого же она могла любить: процветающего Стасика, что ли, этого розовощекого баловня юриспруденции?! Конечно, она любила истребителя вермута. Ибо любовь есть действие, а не созерцание...

— Ладно, гасите эти протуберанцы досужего ума. Пошли, ребята! — вздохнул Станислав.— Уже совсем темно, прекрасное время для нарушения социалистической законности...

Они еще чуть постояли и стали медленно отходить от могилы, приближаясь к кусту, за которым прятался Валюська.

— Интересно, где он все-таки сейчас? Эзков из Зыковых. Которого всегда столь чутко вычленило из нас слепое мамино сердце... Я бы, черт возьми, хотел знать: где он?

— И я бы хотела.

— Ребята! Братья и сестры! Может, хватит? Кладбище ведь. Смените, Христа ради, пластинку!

— Да брось ты, что за святость при таких чинах?

— А это у них, Натаха, мода нонче такая: профессиональный гуманизм называется. Самая ласковая должность на свете: прокурор... Пройдет, конечно. Но сейчас они валяют дурака именно в этом популярном жанре...

— Ох, и язычки! Фу-фу-фу! Вот она и любила того, у которого чуть покороче...

— Плевать! Только не делай, Стасик, вид, будто ты иного мнения об обезьянке с нашей фамилией, при производстве которой природа случайно бросила в Саввин котелок лишнюю хромому.

Кто-то хмыкнул.

— Братья и сестры! Родственники дорогие!

— Ясно-ясно, мы ведь уже просто идем и все. Не майся... — вновь загудел Борисов бас. — Кстати, презумпция невиновности — это, если по большому счету, вообще не юридический термин, придумано первоадами для оправдания первобрака рождения. Отсюда и жалость: самое заурядное желание исправить собственные ошибки...

— А ты циник, старина.

— Я медик, брат...

Боясь потерять нить родных голосов, Валюська заплетающимися ногами вновь стал месить и толочь кладбищенскую грязь.

— И все-таки где он сейчас, тот, которого она так любила?

— О, бог мой, Натаха! Ты серьезно, что ли?

— Да. Женщинам нужна определенность.

— Сверхясно: просадил похоронный червонец и семьсот семьдесят шестой «лас» выспался в вытрезвителе.

— И все равно я не могу успокоиться: ваши объяснения меня не убедили, мальчики, — призналась Наташа чуть дрожащим от обиды голосом. — Почему — он, почему — его?! Должна же быть какая-то логика в святом чувстве?!

— В том-то и секрет, сестренка, что святое чувство вполне обходится биологией. Увы...

Разговор прекратился. Обогнув кусты сирени, братья и сестра удалялись, едва заметно чернея силуэтами.

Все онемело, оглохло в Валюське от бешено закипающей боли, которая лишь затаилась во время разговора родных людей.

Он катился, скользил, шел юзом по непролазной кладбищенской грязи, по-собачьи чувствуя: даже силуэты — для него в последний раз. Надо подольше не терять, смотреть и помнить!

Достигнув широкой дороги, которую предстояло преодолеть, чтобы выбраться отсюда, братья и сестра остановились.

Замер и Валюська.

— Господи, какая дикая грязь! — воскликнула Наташа. — Ведь такой грязи, наверно, нет нигде в мире. Почему так, мальчики? Почему, муж-чи-ны?! Я просто не смогу ее перейти, у меня уже и без того полные боты...

— Настоящая русская дорога, — слышался приглушенный бас, — это как бы еще одно дополнительное препятствие на пути идущего. По-хорошему, надо бы под лавку залезть и выть от стыда. А мы кичимся: того нет, этого, безработица. Кто не умеет работать, у того и не должно быть безработицы!

— Ну-ну, может быть... Однако, кроме критики, должны же быть и позитивные предложения, товарищи: как советуете перейти? Конкретно.

— Так прямо и советуем: через уникальную дорогу должен быть проложен столь же уникальный мост! Эквивалентно.

Послышались торопливые шаги. Громкое, нетерпеливое чавканье обуви в грязи. Что-то искали, несли. Что-то тяжелое бросали прямо в хлюпающую жижу.

— Доктор! — раздался то ли осуждающий, то ли удивленный голос Станислава. — Ну, ты даешь... Креста на тебе нет, братишечка!

— Как и на тебе... Да не переживай, не переживай: они уже ничьи. Так себе — символы. Не более...

Пуще всего Валюська Зыков боялся застонать. И верно: мог бы испугать до смерти!

Лишь после того, как братья и сестра перешли по невидимому мосту невидимую дорогу и навсегда исчезли в темноте, Валюська буквально рухнул от боли на острые колени и тихо завыл, покачиваясь взад-вперед. Будто вымаливал у кого-то то ли прощение, то ли еще хоть немножко сил.

Малость отдохнув, он вновь поднялся и побрел, стараясь попадать в братне-сестринские следы.

Да, их уже нет. Гнаться бессмысленно и поздно. Но Валюська чутьем, духом, шкурой все еще живого существа понимал: пока двигаешься и дышишь — надо отсюда тикать. Надо дергать отсюда из последних сил! Сюда никогда не опоздаешь...

Вот, наконец, и дорога, остановившая минуту назад Валюських родственников. Широкий поток грязи, текущей на одном

месте. Ни умом ее не объять, ни аршином общим не измерить.

А вот и то, что мостили во тьме через болото братья, дабы перейти вместе с сестрой и — исчезнуть.

Валюська, словно зачарованный, нагнулся: непреодолимое желание потрогать руками, бережно прикоснуться хоть кончиками пальцев к работе родных рук заставило его сделать этот странный, необъяснимый со стороны жест. Что же там, в грязи?

Там были кресты.

Видимо, братья натаскали их сюда из огромной кучи кладбищенского хлама. И, тщательно уложив в два слоя друг подле дружки, за считанные секунды построили тесовый мост. Небывалый, страшный мост! Но эквивалентный, как они решили, общей ситуации...

Раскисший Валюськин ботинок со спортивными завитками и вычуром уже благодарно завис над братской дорогой, когда его владелец вдруг удивленно-растерянно понял, что не может шагнуть. Что-то забрезжило, насмешливо проснулось в нем. Именно в нем! В маленьком, грязном и старом зверьке, обряженном в мальчишеского размера японскую куртку «Чорри».

Проснулось, чтобы замкнуть круг нелепости.

— Не... сё-та не это... — вновь опустившись на корточки, виновато промямлил Валюська Зыков. — Оно, конечно, кто на сё... А посему-то низзя...

Боль в его гнилой, изъеденной всяческими пороками утробе стала глуше: видимо, очень удачной оказалась такая вот скрюченная поза. Бывает. И он, все так же оторопело глядя на распятые в грязи кресты, тотчас уснул.

Старая зэковская привычка, от которой уже не было смысла избавляться: появилась возможность — не теряй! Ешь, спи, кури. Даже если нет на то особой охоты...

«Ссяс я плоснусь... — растерянно-виновато думал Валюська. И вытасю клесты из гязи: пусть они на сухоньком... Или мне клесты плиснились?! Ну, конечно... Мне плиснились клесты...» Валюська по-звериному осторожно лег на бок, подтянул колени к подбородку. Сон затягивал его в себя все глубже, глубже, глубже. Погружал в ослепительные дали, зыби, миражи.

Часы звонили, звонили, звонили...

Карл Карлович Булла и сыновья: Александр и Виктор.

По аналогии с рубрикой «Пора прочесть», возвращающей читателям шедевры прекрасных русских писателей, к этому материалу просится рубрика «Пора посмотреть», потому как представляем мы замечательных фотографов русского прошлого, неизвестных нынешним любителям светописы.

Итак, Карл Булла и его сыновья Александр и Виктор.

Русский вариант американской сказки о чистильщике сапог, ставшем миллионером, повторяет основатель фотографической династии Карл Карлович Булла, выходец из Германии, работавший «мальчиком на побегушках» в петербургской фирме фототоваров, он стал к концу XIX века владельцем фотопавильона в сердце «Северной Пальмиры» — на Невском. Снимал творческую интеллигенцию, важных сановников и даже императорскую фамилию; был пожалован Высочайшим Указом личным дворянством. А сыновей, овдовев, воспитывал «чистильщиками»: они готовили в лаборатории растворы, мыли посуду — за это платил Карл Карлович Александру и Виктору жалованье.

Карл Булла был родоначальником русского фоторепортажа: с деревянной камерой на треноге поспевал он и на пожары, и на спортивные состязания, и в ночлежки, и на рынки. Кадры охотно брали и русские, и заграничные иллюстрированные журналы.

И если Александр продолжил дело отца как мастера павильонной съемки, то Виктор продолжил линию Буллы-репортера. В 1904 году он отправился фотокорреспондентом журнала «Нива» на русско-японскую войну. (Если современная аппаратура весит никак не меньше пуда, представьте, каково ему было в окопах со своей треногой!) Не только

ФОТО- ГРАФЫ ДВОРЯНЕ

уникальную летопись той несчастной для русских войны оставил Виктор Булла, но и вытаскивал раненых с поля боя.

Сыновья на ноги встали, и Карл Булла, женившись вторично, в 1916 году ушел от дел и поселился с супругой-эстонкой на острове Сааремаа. События следующего года навсегда отрезали его от земли, ставшей родиной, и от сыновей. А Александр и Виктор, дети эмигранта, бывшие владельцы своего дела, были обречены, хотя, наверное, пока не догадывались об этом.

Первым поплатился за отцовское дворянство Александр. 1928 год, приговор — 10 лет. Он снимал и в лагерной жизни: на Соловках, на Беломорканале. Интересно, где негативы?

А Виктора не спасло ни то, что он фотографировал Ленина, ни хорошие отношения с Кировым. За ним пришли в ночь на 23 июня 1938 года. И — двадцать лет никаких вестей, пока не сообщили родным о посмертной реабилитации.

Отец же потерял родину, но не свободу и благополучие. Снимал, учил эстонцев искусству светописа. Мирно умер в 1929 году, и за могилой его все годы ухаживали прихожане костела.

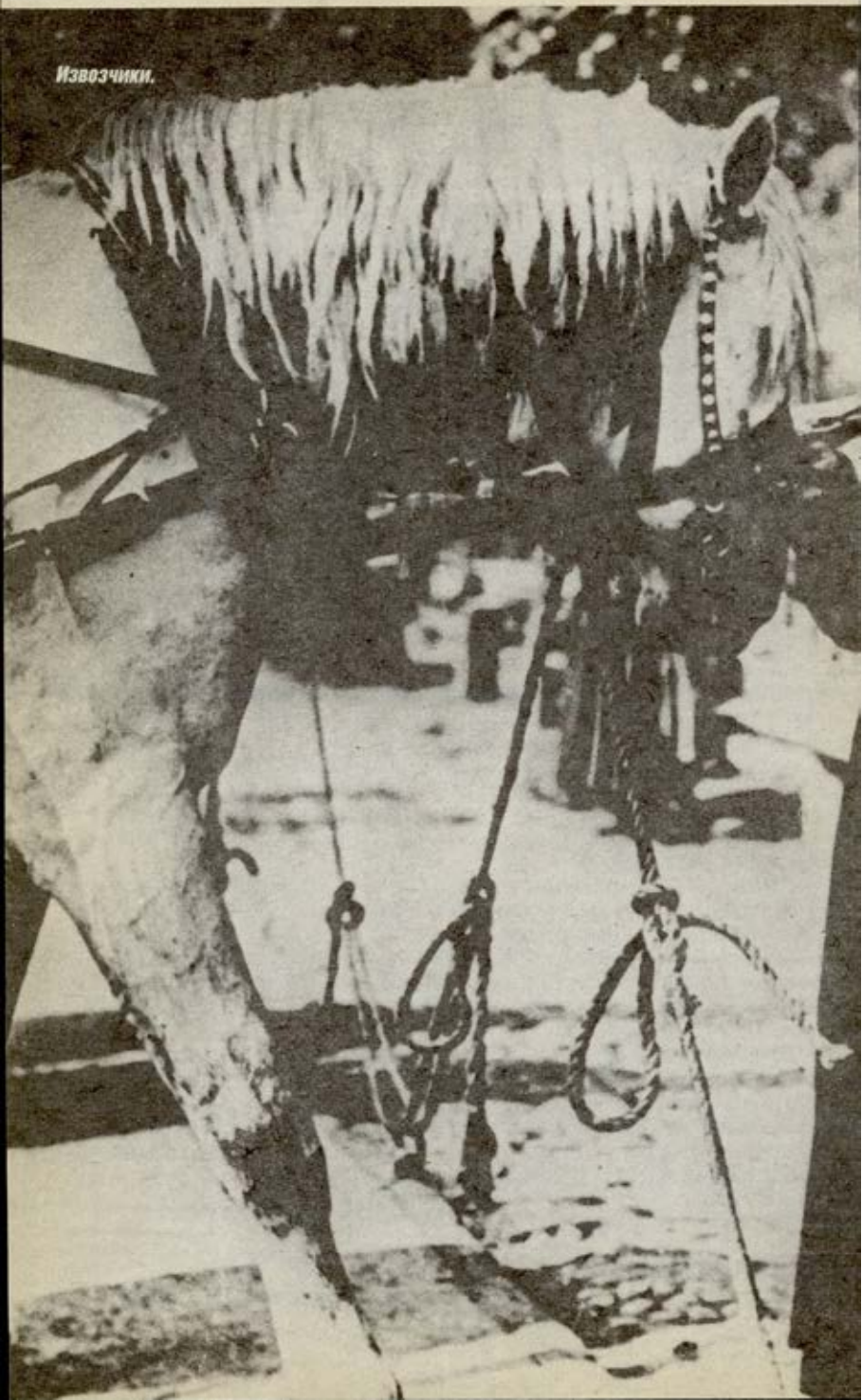
Рукописи не горят — единственное слабое утешение для гонимых и изгнанников. Спустя десятилетия прорываются они к нам, совсем иным светом озаряя жизнь нашу.

...К счастью, негативы тоже не горят.

АЛЬБЕРТ ЛЕХМУС

Фотографии из фонда в/о «Фотоцентр» Союза журналистов СССР

Извозчики.

Председатель Совета министров И. Л. Горемыкин. 1906 г.

Дочь П. А. Столыпина
в бальном платье. (1900 г.)

Ф. И. Шаляпин позирует И. Е. Репину. Куоккала. (1905 г.)

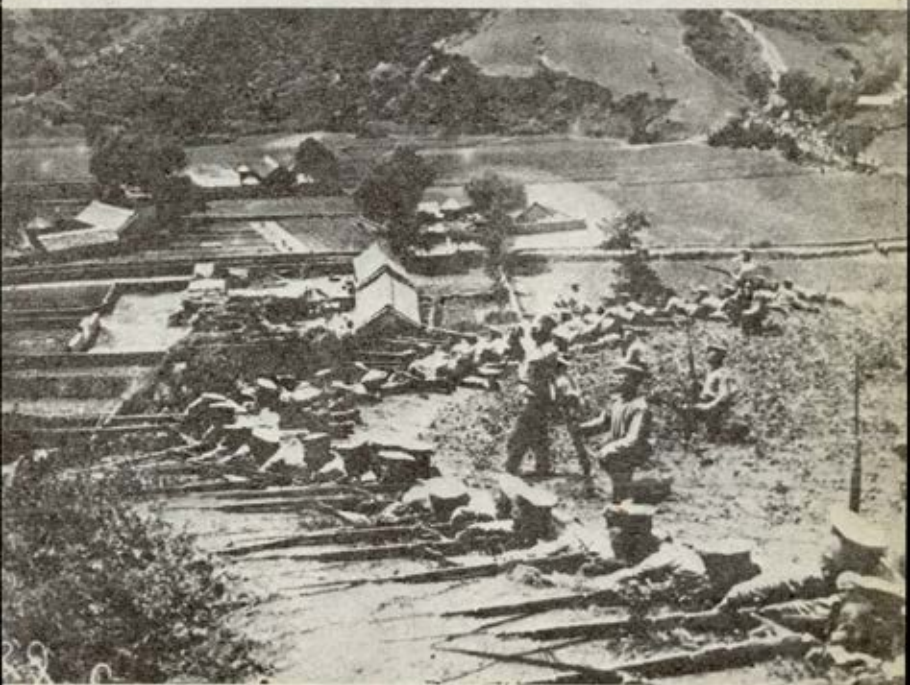
Николай II принимает рапорт во время проводов полков в Маньчжурию на русско-японскую войну. (1904 г.)

Во время атаки. Маньчжурия. 1904 г.

Русско-японская война. Артиллерийский расчет во время боя. (1904—1905 гг.)

Русско-японская война. (1904—1905 гг.)

М. Горький, В. Стасов, И. Репин, Нордман-Северова в саду.

Борцы.

Молочница.

Разносчик газет.

ЖАНАТТАН

ЖАНАТТАН

АЛЕКСАНДР МАРКЕВИЧ

В нашей стране вопреки радио и ТВ водится огромное количество поклонников экспериментального рока. Изощренно-усложненного, накрученного, замороженного, иногда смыкающегося с джазом, а иногда теряющего мелодизм до такой степени, что начинает граничить с антимузыкой, уходящей «в минус». Но в конечном счете минус, помноженный на минус, как известно, дает плюс. Чтобы «врубиться» в нехитрую эту истину, надо уметь слушать и иметь **что** слушать. Западные средства массовой информации тоже не больно-то жалуют авангард, но тут, как говорится, у «матросов нет вопросов»: пресловутая застарелая буржуазность в генах и т. д. В наше диссонансное время мы, видимо, более восприимчивы к «звукам тишины» и грохоту полураспада.

Певец и композитор Питер Гэбриел — один из немногих, кто прошел путь «между двух бездн» до конца. Восемь лет (1966—1974) пения в группе «Genesis», вышедшей из английского движения «андерграунд», который отринул каноны трехминутного шлягера и превратил песенки в многочастные рок-композиции, где использовались элементы симфонизма, вознесли Гэбриела на пик Славы.

К сожалению, два лидера в одной упряжке долго бок о бок не бегают. Гений барабанных дел Фил Коллинз, человек более коммерческого (как показало время) склада, нежели Гэбриел, стал ведущим вокалистом и генератором идей в «Genesis», а Питер хлопнул

дверью и пошел своей дорогой. Целое десятилетие он колдует над ритмами, текстами, саундом и своим голосом. Его вклад в рок-музыку просто не поддается «учету», ибо нет в мире ни одной хорошей группы, которая не приспособила бы для своих нужд детали и болванки из экспериментального хозяйства Гэбриела.

Компактно-устоявшееся реноме нон-конформиста и интеллектуала бежало впереди Гэбриела до 86-го года, когда... он выпустил неожиданный альбом «So», который критики сочли «подставкой», а меломаны с улицы слушали да нахваливали. (Не так давно фирма «Мелодия» осчастливила нас перепечаткой «So», выказав недюжинный вкус. Посмотрим, что скажет купечество. Ваше слово, товарищ Госконцерт!)

Америке вряд ли придется злиться, что ее обвели вокруг пальца. Одна из песен на альбоме «So» ясно это предсказывает: «Bigtime¹. Ym on my way. Ym makin' git» («Успех. Я в пути. Я добиваюсь его»). Эта строчка могла бы так и остаться благим пожеланием либо иронической позой, смысл которой, надо признаться, ускользает от нас. Как бы там ни было, сегодня строчка воплотилась в жизнь: Питер Гэбриел стал поп-звездой в США, что само по себе — я говорю без всяких там «подколок» — делает честь британской песне. Вечно одна и та же история: достигнув вершины, «звезда» разлимонивается и перестает пугаться расставленных успехов ловушек.

В случае с Гэбриелом все со-

¹ Big time — американизм, означающий «успех, игра по-крупному». В наших средствах информации упорно переводится дословно — «большое время». Даже французский журналист не уловил гэбриеловской самоиронии, хотя Гэбриел дает отчетливый парафраз строчки из песни «Битлз»: «The biggest fool forever hits the big time» («Большого успеха всегда добивается самый большой болван»).

всем не так — он возвращается издалека: «культ», «гетто авангарда», африканские ритмы, синтезированные шумы, чирикание, доносящееся из космоса, добрые дела, отличные от благодетелей Нэнси Рейган, короче, окинув взглядом его путь, скажем вот что: смешнецкий интеллигент, чуток мягкотелый и с «тараканами» в голове. «Парень, который забирался на сцену, одетый подсолнухом», — читали мы когда-то. И продолжаем читать повсюду.

Но после выхода «So» он получил прощение. Номер один, равняйся и проч., и проч. Он еще не Фил Коллинз, он еще только учится. Мы слушали, мы снова слышим его голос по радио. С быстрой молнии наши коллеги из журнала «Роллинг Стоун» дали его фотку на обложку: «Триумф Разума! Глупость отступает!» Во всяком случае, из рубрики «Пластинка двух последних недель» нижеследующих слов не вырубить топором: «Успех нового альбома Питера Гэбриела согревает душу. Еще не все потеряно. Разум тоже имеет место в музыкальных радиопрограммах...» Приятно, ей-ей, хоть изредка прочитая что-нибудь хорошее. Это способствует. И пусть будет хуже тем, кого время от времени слушаешь по радио. Когда Питера Гэбриела по радио не крутят...

Пожалуй, «Роллинг Стоун» в одном все-таки прав. Что касается Разума, то его не отнять, что есть, то есть, да-да, мадам. И наш собрат журналист, пораскинув мозгами просто, наверное, хотел подчеркнуть словечком «Разум», что появление Гэбриела на радио дает нам шанс приятно отдохнуть от Фила Коллинза.

Зачем понадобилось Гэбриелу возвращаться в мейн-стрим? Человек он небогатый, о причинах своего возврата к рок-традиции

много не распространялся. Интервью, взятое у Гэбриела за час до начала концерта в Нью-Йорке в 86-м Лораном Шалюмо из **журнала «Рок и Фольк»**, кое-что проясняет в позиции певца.

Лоран Шалюмо. — Через час вам предстоит выступление в битком набитом Мэдисон Сквэр Гардене. Завтра вам придется повторить это дело, и, насколько мне известно, в кассах всех залов, где пройдет ваше американское турне, уже вывешены таблички: «Билеты проданы». Есть ли для вас особый смысл в словах: «концерт в Гардене», «аншлаг в Гардене»?

Питер Гэбриел. — И да, и нет. Это престижный зал. Говорят, быть оцененным в Нью-Йорке — добрый знак. Но как только выходишь на сцену, начинается обыкновенный концерт: где бы вы ни были, выкладываться приходится полностью.

Л. Ш. — Для некоторых английских музыкантов гастролы в Штатах означают парадоксальным образом возвращение к корням, настолько их музыка, их миры, их темы американизированы. Это не ваш случай, но разве, путешествуя и играя здесь, вы не натываетесь, сами того не желая, на «источники вдохновения» на углу улицы, не узнаете их на обочине дороги? Вам не кажется, что вы совершаете паломничество?

П. Г. — Нет. Тема такой вещи, как «Sledgehammer» («Кувалда»), навеяна моей страстью к негритянской soul music 60-х годов, от которых ни следа не осталось сегодня в повседневной жизни. Я всегда считал себя европейским музыкантом и здесь, в Нью-Йорке, проверяю себя: тот ли я, за кого себя выдаю? Эта страна настолько же для меня экзотична, насколько я кажусь таковым ей самой.

Л. Ш. — Вот именно. Чем вы объясняете свалившуюся на вас

огромную популярность после стольких лет вежливого «культа»? **П. Г.**—

Временем. С течением времени люди ко всему привыкают. Нет, я совершенно серьезен и искренне верю, что все дело в нем. И потом очевидно, что «So» более доступен для восприятия, чем предыдущие альбомы. Там я работал над ритмикой и атмосферой ускользящих настроений, а этот — всего лишь сборник песен, поп-песенок: запев, припев и т. д. Однако я прошу вас не думать, будто я избрал традиционную песенную форму, чтобы залезть в хит-парады, или под нажимом студии грамзаписи. Просто после нескольких пластинок чуть-чуть экспериментального характера мне снова захотелось попеть более мелодичные вещи.

Л. Ш.— Каждый ли вечер вы добиаетесь от публики той реакции, на которую рассчитываете? Ваш спектакль требует больших умственных усилий от зрителей, чем те, которые привыкла «совершать» местная публика.

П. Г.— Предъявляя большие требования к публике, я надеюсь на большую отдачу, что устроило бы и публику, и нас. В концерте чередуются «нормальные» песни и чуть менее доходчивые. До сего дня все шло хорошо. Шоу должно быть четко сбалансированным, поскольку публике, как и нам, надо втянуться и ощущать все оттенки наслаждения, перетекающего из песни в песню. Чтобы оценить многообразие музыкальных «климатов».

...В первой части концерта публику разогревает Йуссу Н'Дур, а затем идет строгое, без лишних украшательств шоу, подсвечиваемое через час по чайной ложке прожекторами на колесиках, которые объезжают сцену по кругу. Песни сложные — назовем их так — и простые песенки череду-

ются элегантно и как бы между прочим. Единственное здесь «приложение» к концерту Гэбриела — явление Лорри Андерсон на одну песню, которую они когда-то написали вместе. Лорри Андерсон! Умоляю, не приставайте ко мне с досужими разговорами о былых триумфах кого бы то ни было! Уже давным-давно Лорри Андерсон сдала в утиль те несколько презабавных идей, которые посетили ее в один прекрасный день. В осадок же выпали: словесный треп, пантомима, «балбесы» (ритм-боксы) и показ слайдов, нечто вроде кафе-театра для выпускников факультета социологии... Засада полная!

Л. Ш.— В Нью-Йорке публика не будет принимать в штыки дизайн вашего выступления. Но через несколько дней в провинциальных городках ваше мировоззрение, ваши эксперименты, ваше сценическое поведение, сдастся мне, станут для многих обрядом приобщения к таинству авангарда. Провинциальная публика, уверен, никогда не видела вблизи ни нью-йоркских, ни европейских «опытов». Как вы на это смотрите? Как на вызов? Или как на дополнительную ответственность?

П. Г.— Ну уж только не как на ответственность. Я предлагаю спектакль, все части которого гармонируют между собой так, как мне бы это хотелось видеть самому. Если для людей все будет внове, тем лучше. Они быстрее поймут, что не зря потратили вечер.

Л. Ш.— Как бы то ни было, одной ногой вы крепко стоите на поп-земле, на попсе. Скажите, а не завидуете ли вы иногда свободе таких людей, как Лорри Андерсон, которые выступают, понятно, перед очень небольшой аудиторией, но зато могут позволить себе все

что душе угодно, и даже больше.
П. Г. — Лорри Андерсон очень на меня повлияла. Но я пользуюсь всей полнотой свободы и делаю все, что хочу и что мне в голову приходит, стараясь при этом не капризничать.

Другими словами, меня никто не заставляет делать то, чего я не хочу. Во мне не включается автоцензор при мысли о составителях музыкальных радиопрограмм, да и моя студия грамзаписи никогда не шлет мне никаких ультиматумов.

...Успех Гэбриела в Штатах и в других странах дорогого стоит. Во всяком случае, стоит дороже, чем успехи его бывших компаньонов. Конечно, в свое время у «Genesis» были свои недостатки (в числе прочих мания выпускать диски, которые, хотя и относились к разряду «улетных», своими тактико-техническими данными смахивали на никому не нужные «крылатые ракеты»), но по крайней мере группа еще не напоминала английскую версию «Rush», «Toto» или «Boston». И даже если о Гэбриеле можно говорить только хорошее, невозможно говорить о нем плохо. Немногословный, великодушный, особенно немногословный, когда речь заходит о его великодушии, совестливый, естественный, вежливый, добросовестный и т. д. Ах, если бы все были, как Питер Гэбриел! Мир стал бы менее жестокосердным, ей-ей! Все мы, правда, чуточку засахарились бы, это как пить дать.

Но тут уж извините, мадам. Зато какая безмятежная жисть!

Нет, нам не в чем упрекнуть Питера Гэбриела.

Хотя бы потому, что тот, кто однажды отказался стать Филом Коллинзом, не может быть неклевым чуваком.

НИЧЕЙНЫЕ

О чем думает эта женщина в пустынном поле, что возле деревни Хмдзореск, в километре от границы Азербайджана с Арменией? Позади дом, земля, где она прожила в радостях и заботах столько лет. Впереди — родина предков. Она как бы на ничейной полосе.

* Она — ничейная...

Ей нет хода назад — дом разрушен, в очаге — пепел.

Не ждут ее и в Армении — там свои проблемы, масштаба государственного, и что может положить старая женщина на алтарь новорожденной демократии и суверенитета? Лишь боль свою, слезы и бесприютство...

Воздух пропитан дымом и горечью. Земля, еще вчера такая теплая и родная, холодит тело и душу. И только небо над Арменией и Азербайджаном — над миром всем — одинаково огромно и высоко. Там, прости Боже, места хватит и мусульманам, и православным. Там не спросят, на каком языке говоришь, какая национальность значится в казенной бумаге...

Но она здесь, в этом поле, на злом ветру людского ослепления. И этот немудреный скарб — все, что имеет. Но где расставить стулья, по каким шкафам разложить

белье, куда подключить холодильник?.. К земле, которой она почему-то стала чужой? К небесам, что не имеют границ?

Большая политика — глобальные цели и задачи. Кружатся головы государственных мужей от пьянящего запаха власти. И некуда приклонить головы обездоленным людям. Что же это — снова «щепки летят»?..

Старики и дети... В круговерти нынешнего времени социальных, национальных потрясений самый страшный, безжалостный удар настигает их. Тех, кого мы обязаны защитить. По всем законам. И божьим, и человеческим. Но увы... Мы по-прежнему не созидатели, не личности, а беспощадные борцы — за чистоту, равенство, братство. А где борьба, там и насилие, и боль, и слезы...

Вглядитесь в эту фотографию, ставшую документом истории. Май 1991 года. Граница между Азербайджаном и Арменией. Женщина, потерявшая все.

А может, это мы потеряли — разум, совесть, милосердие?

ВАЛЕРИЙ ЛОКТЕВ

Фото на 2-й стр.
обл. ПЕТРА НОВИКОВА

Пока мы живы, помним о родных —
 Скучаем, беспокоимся о них.
 О, Господи, зачем нам эта память?
 Ведь с ней так трудно и летать, и падать.
 Когда летишь, жалеешь, что без них.
 Когда упал, тревожишься — заплачут.
 Ты кончился, а у твоих родных
 Твое крушение жизнь переиначит...

НИТЬ СУДЬБЫ

Я не ладонь тебе целую —
 Творю судьбу тебе шую.
 Вот линия любви.
 Она,
 Увы, превратностей полна.
 Обрыв на ней.
 Я эту нить
 Навек хочу соединить.

МАТЬ

Я вижу чресла мощные холмов,
 Сосцы курганов, светом налитые...
 Не ты ли соткала меня, не ты ли
 Из крови недр и плоти облаков?!
 Как совершенна винограда гроздь!
 Как женственны и пастбища, и нивы!
 О, как неописуемо красивы
 Глубины неба до и после гроз!
 Я вижу все с огромной высоты,
 Какую людям подарила вечность:
 Резные изумрудные листья,
 Корней подземных золото
 и млечность...
 Ты — яблоня цветущая, а я —
 Измученный хождениями скиталец,
 Пришел, гляжу на твой роскошный
 танец
 И радуюсь встревоженно:
 — Моя!

СЫН

(фантазия)

Любил летать я в небеса,
 Парить над сушей осторожно.

Трепеща
 до последнего
 потроха,
 Время смотрит
 глазами птенца.
 Как рвалась,
 как гремела
 материя!
 Как трещала
 она по швам!
 Сколько было тогда
 потеряно —
 Через все поколение
 шрам.
 Как могла,
 жизнь спасала
 соратников —
 Этой смертной
 игры
 игроков:
 Превратились
 одни
 в солдатиков,
 А кому повезло —
 в сверчков.
 Проволокой
 ключею —
 Вычеркнутая
 строка.

ПОЧТИ УВЕРЕННОСТЬ

Младенца лепет — речь Вселенной.
 Прислушайся тогда к нему,
 Когда он в ауре, нетленный,
 Гудит неведомо Кому.
 По-своему тот лепет связан,
 К малютке присмотришься тогда,
 Когда, пеленками не связан,
 Глядит неведомо Куда.
 Сосок отпущен вождеденный...
 Он божество: он дух, не плоть —
 Ребенок слышит глас Вселенной,
 Поскольку он Вселенной плод.
 Но постепенно речь земная
 Лишит его межзвездных слов.
 Растет малютка, забывая
 Язык бессмертных и богов.
 И лишь в душе таится трепет.
 И на пути земном не раз
 Нас настигает детский лепет,
 Непостижимый, как экстаз.

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ

МАГИЯ

КРАСОТЫ

В подвенечном платье Илзе была прекрасна. Невольно вспомнилось пушкинское: «В ней все гармония, все диво, все выше мира и страстей...»

Воистину ее облик достоин пера Александра Сергеевича! Столь далекий от нынешних стандартов «миссовый» (читайте — «массовой») красоты, он словно воссоздает давно прерванную линию развития образа русской аристократической красавицы — легкий абрис фарфоровой головы; лебединый взлет шеи, покатошь ослепительных плеч и пронзительно пластичные руки, естественные в любом жесте, любом движении...

Илзе Лиела вступила в свою новую жизненную роль — жены всемирно известного скрипача Сергея Стадлера.

Судьба уже уготовила ей к тому времени испытание — быть дочерью выдающегося танцовщика, кумира публики Мариса Лиелы, и сестрой его сына Андриса — восходящей звезды отечественного балета.

Ее тающее, как «льдинка на языке» (по-цветаевски!), имя всегда оказывалось эхом звонких имен: трагично ушедшего (изгнанного!) из балета, а потом и из жизни отца и взлетающего над лучшими сценами мира и всеми превратностями творческой судьбы брата.

Фамилия дала Илзе призвание, выстраданное ею, кстати, скорее вопреки родительскому желанию. Но стала для нее и тяжелым крестом в восхождении на балетный Олимп, порождая сплетни о мифических протекциях, неприязнь завистников и недругов Мариса Эдуардовича.

Легко ли быть тенью знаменитости? Иным такая доля достаточ-

на для оправдания своего земного бытия и даже для упоения жизнью. Бывает, что за этим стоит и неброский подвиг самоотверженного служения — удел жизненной спутницы гения Илзе примеряла к себе все девять серий «Михайло Ломоносова», где сыграла жену главного героя (три партнера сменялись один за другим, а она «старела» лицом и росла душой одна).

Но это в кино. Как справится она с ролью жены в жизни? Способна ли остаться собой, пройдя мимо искушения беззаботной праздности в любой загранице, — стоит только намекнуть боготворящим ее и готовым на все для ее счастья мужу и брату?

Прошло три года, и можно сказать: способна! Ее самобытность не только в царственной внешности (недаром, наверное, годами держали в мимансе на выходах в роли «оперной королевы»), не только в изысканных манерах (наверное, жизнь в доме с атмосферой музея облагораживает), но в сильном и цельном характере (наверное, все же наследственным!).

Ни дня без работы! Не пробиться в балете — сниматься в кино. Не предлагают ролей в театре — готовить их самой по видеозаписям («Видение розы», фокинский шедевр, возрожденный Марисом Лиелой, разучивала в Лондоне, на гастролях, глядя в глазочек видеокамеры за неимением экрана и наушников, и музыка звучала в голове, выплывая из недр памяти).

Чем ее привлекает балет? К одному из трех своих сольных концертов в зале имени Чайковского взяла эпиграфом слова М. Фокина: «Танец может и должен радовать глаз, но должен проникать в душу».

Перед первым ее концертом Ан-

дрис прилетел из Америки за два дня, когда уж и не ждала. С двух репетиций (одна из них — полуночная) — их первый и пока единственный выход в дуэте. Конечно, в «Видении розы»...

Что значит подготовить сольный концерт? Фонограмма, свет, костюмы — все это почти бескорыстно делают люди, любящие ее.

«Такое невозможно нигде в мире, — говорит Илзе. — Только у нас люди могут помогать просто так, просто потому, что хорошо ко мне относятся».

Три концерта — три аншлага! Билеты спрашивают уже в метро. Зал битком, сидят на ступеньках. Море цветов, овации, крики... Два десятка номеров в хореографии М. Фокина, А. Павловой, К. Голейзовского, Л. Якобсона, Б. Эйфмана, В. Васильева, У. Иглинга и других балетмейстеров — огромный диапазон пластических и драматургических возможностей артистки!

А что в театре? Доброжелательные поздравления оперной труппы и никакого намека на реакцию балетного руководства — ни похвалы, ни упрека. Впрочем, она благодарна и за это. Ведь «перекрыть кран» проще простого — не дать репетитора и пианиста, и все.

Но она живет с ощущением, что в жизни ей везет. Везло на учителей (Мария Тимофеевна Семенова сказала о ней, совсем крохе: «Девочка танцевать будет!», и не ошиблась. Наталья Викторовна Золотова, «лепившая» из нее Лиену в училище. Наконец, отец, своей жизнью показывавший, что такое труд балетного артиста). Везло на друзей. Везло на родных. Раньше ей казалось, что большого артиста не может быть без жизненной драмы. Теперь поняла, что несчастье само по себе неплодотворно. Страдания вовсе не закаляют че-

ловека. Главное — его неуспокоенность, жажда жизни. А это дает любовь!

Конечно, есть мечта о своем доме — нам всегда хочется того, чего у нас нет. Как сказал Андрис, «мой дом — вместительный чемодан, большая сумка с костюмами и несессер с лекарствами». Теперь к постоянно гастролирующему брату — постоянно гастролирующий муж. Но чтобы быть вместе, надо оставить призвание. Никто из них не вправе принять такую жертву от другого. Все-таки они не просто семья, где один играет на скрипке, а другая танцует, и понимание этого требует большого мужества и готовности поступиться удобствами... Явят ли они миру еще один образец высоких качеств души и преданности друг другу и своему предназначению? Дай Бог!

А пока я счастлив, что видел ее и говорил с ней! Вглядитесь еще раз в лицо на обложке. Эта женщина живет рядом, в нашей с вами стране. И не хочет от нас уезжать. Когда вам трудно, вспомните об этом...

СТАНИСЛАВ ЛЕСНЕВСКИЙ
Фото ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

Та самая

ТАРУСА

Без предания не обойтись...

Седая легенда донесла весть о том, что в 964 году киевский князь Святослав плыл вверх по Оке, увидел на берегу людей и дома. Князь спросил: «Какой это народ, какого племени?» «То Русь, то Русь», — ответили с берега. Вот будто бы откуда пошло само имя — Таруса.

Первые же достоверные упоминания Тарусы относятся к 1246 году, когда князь Михаил Черни-

говский отдал ее своему сыну князю Юрию. А еще в 1215 году, сообщает летопись, первый епископ Владимирской епархии именовался Суздальским, Владимирским, Юрьевским и Тарусским.

Но времена, когда в Тарусе были свои князья, люди православные, принадлежат истории. Ныне местную власть возглавляет председатель Совета, он же первый секретарь райкома, тоже своего (атеистического!) рода князь.

Особенно в недавние времена. Да и теперь, несмотря на всяческие веяния демократизации, гласности и прочие «плюрализмы», здесь, в общем, нерушима стройная административно-командная система, господствующая пока что — через обкомы, райкомы, комитеты, главки, колхозы и совхозы — на бескрайних территориях России...

Это я говорю даже и не в осуждающем смысле — тянула исправно эта система наш общий воз, только выдохлась, да и груз иной сегодня, время другое, народ терпеть больше не в силах.

В краеведческом музее, да и в городе вам расскажут о новоявленном детище научно-технического прогресса, выросшем в Тарусе за последние годы и сокращенно именуемом всеми ИКИ. Впрочем, ИКИ сразу не бросается в глаза, ИКИ на горе, за березовой рощей... На точном деловом языке ИКИ — это СКБ КП, одно из приборостроительных предприятий Института космических исследований Академии наук СССР. (Есть в Тарусе и филиал академического Института физики, именуемый в обиходе ИФАН.)

Но, как говорится, еще вопрос: это ли Таруса? И, смею сказать, больше: нужна ли была эта научно-производственная галактика именно Тарусе? Не явилось ли ее создание симптомом и предвестием забвения внутреннего смысла, необыкновенной обыкновенности, чарующей простоты Тарусы?..

В чем прелесть, неповторимость, индивидуальность маленького приокского городка? Чем дорог он не только местным жителям, не только тарусянам и калужанам, но и всей России, может быть, даже всему миру, всей мировой культуре?..

Разумеется, Таруса обладает

и целым рядом таких предприятий и учреждений, которые есть в каждом российском райцентре... Есть своя малая техническая цивилизация, есть механическое сердце, без которого современная жизнь останавливается. И можно лишь посетовать на обычную в провинции (и не только в провинции) отсталость, неразвитость материальной базы городка, района.

Но все-таки, думаю, никто не обидится, не будет задет, если сказать, что не этой машинной стороной дорог небольшой городок на Оке, не информационный смысл вкладываем мы в свой вздох, когда видим за поворотом реки, на холме что-то такое родное, деревенское, прижавшееся к берегам, взбегающее на гору: Таруса...

Улицы здесь прежде именовались: Овражная, Широкая, Калужская, Серпуховская, Лесопильная, Огородная... Была Торговая площадь. Нынче все обрело, как водится у нас, революционные имена: Маркса, Энгельса, Ленина, Свердлова, Володарского, Урицкого, Розы Люксембург, Карла Либкнехта, Шмидта, Декабристов...

А вот овраг Пасерка, его не переименовали — огромный, живописный, разламывающий надвое городок, он и поныне остается диковинным, щедрым украшением Тарусы.

Еще десяток-другой шагов — и Ока. На противоположном берегу — тульская земля. Там — невидимое от Тарусы, но совсем недалеко Поленово, знаменитая усадьба, музей прекрасного русского художника, творческое детище семьи Поленовых, где и сегодня наследуется и пестуется красота, что должна спасти мир...

Века пронеслись над Тарусой, века прошли сквозь Тарусу. История ее неотделима от истории России, от судеб всей русской земли.

В «Опавших листьях» у Василия Васильевича Розанова имеется такая картинка (в сокращении): «Много есть прекрасного в России... Но лучше всего в чистый понедельник забирать соленья у Зайцева... Рыжики, грузди, какие-то вроде яблочков, брусника — разложена на тарелках (для пробы). И испанские громадные луковицы. И образцы капусты. И нити белых грибов на косяке двери.

И над дверью большой образ Спаса, с горящей лампадой. Полное православие».

Было все это и в Тарусе...

Центральная площадь Тарусы когда-то называлась Торговой, здесь гнездились множество лавок, шумел базар, а над всем этим многолюдьем возносил свои главы каменный городской собор Петра и Павла, что был воздвигнут в конце XVIII века. Теперь в этом обезглавленном здании с колоннами находится Дом пионеров; в соседней пристройке — картинная галерея. Площадь стала местом официальных торжеств; в центре ее, как и положено, известный памятник; напротив — Доска почета; ближе к реке — мемориал воинов-тарусян: обелиск, портреты героев.

Все как полагается, все в порядке...

И все же без собора Петра и Павла — это не Таруса, не главная площадь города.

Впрочем, уничтожены и другие церкви Тарусы — были же они музыкальными, духовными акцентами приокского ландшафта, высились над крутым берегом Оки, собирали воедино пересеченную, холмистую, прихотливую местность, поднимались над домами, над деревьями — к небу. Вырастали из земли, встречали плывущих по Оке, плыли сами в века.

Но если идти берегом Оки, по-

винуясь тропе, взбираясь на холмы, одолевая овраги, то поднимешься к реставрируемой и уже действующей Воскресенской церкви, возвращенной общине в январе 1989 года. А была здесь пекарня, потом — склад, а потом — заброшенный сарай...

Воскресенская церковь «притянула» к себе еще два дорогих места по соседству. На вершине, над Окой, вечно спящий беззащитный мальчик скульптора Матвеева на могиле художника Борисова-Мусатова, а под горой, на прибрежном холме — Цветаевский камень.

«Я бы хотела лежать на тарусском хлыстовском кладбище, — читаем мы в очерке Марины Цветаевой «Кирилловны», — под кустом бузины, в одной из тех могил с серебряным голубем, где растет самая красная и крупная в тех местах земляника.

Но если это несбыточно, если не только мне там не лежать, но и кладбища того уже нет, я бы хотела, чтобы на одном из тех холмов, которыми Кирилловны шли к нам в Песочное, а мы к ним в Тарусу, поставили с тарусской каменоломни камень:

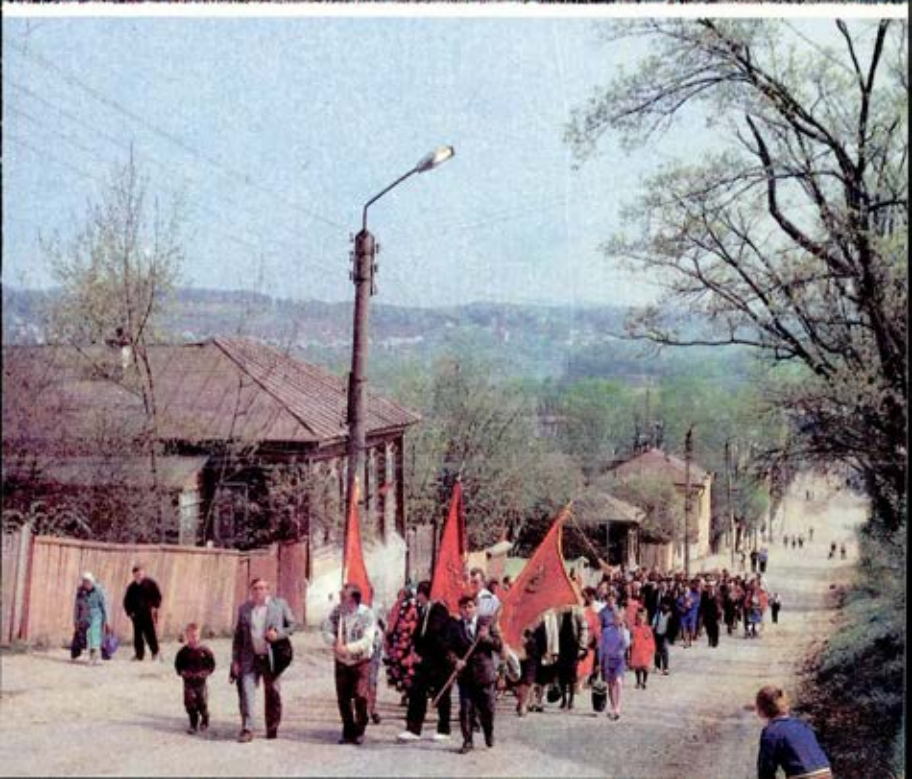
«Здесь хотела бы лежать МАРИНА ЦВЕТАЕВА».

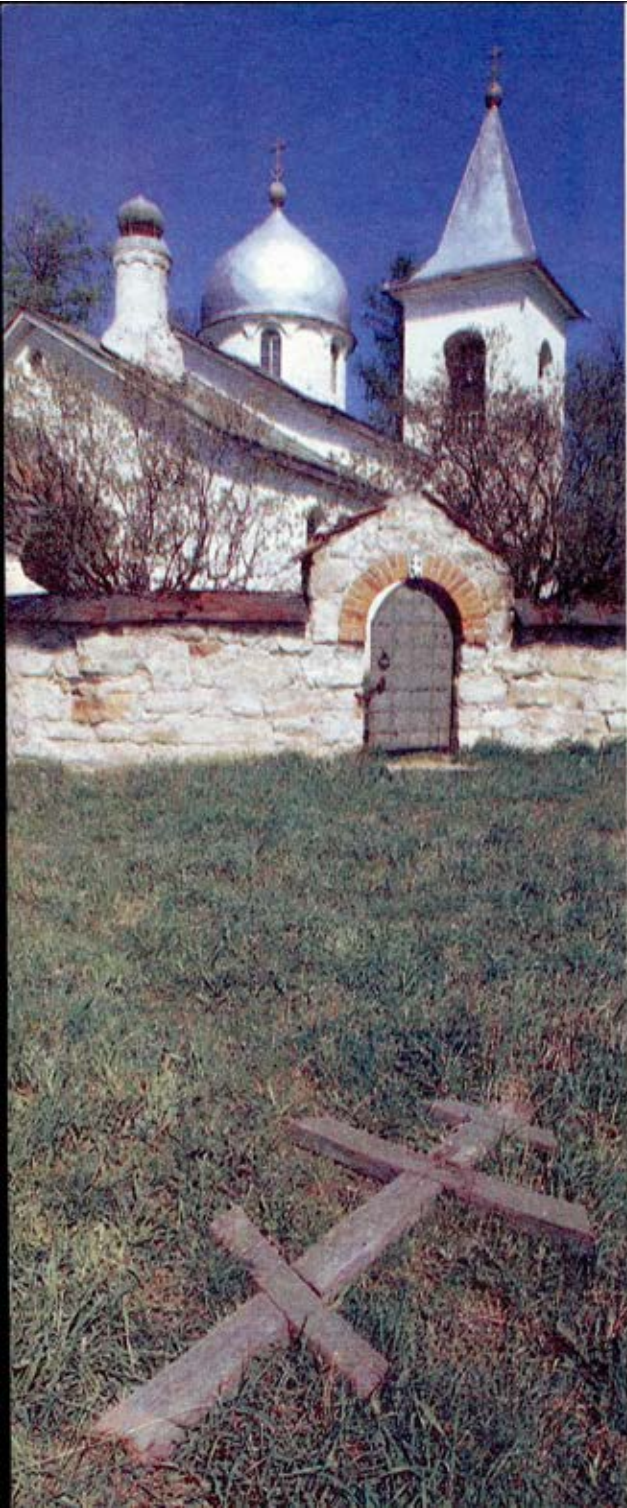
И вот этот камень — с завещанной, заповеданной надписью. И плывут цветаевские строки...

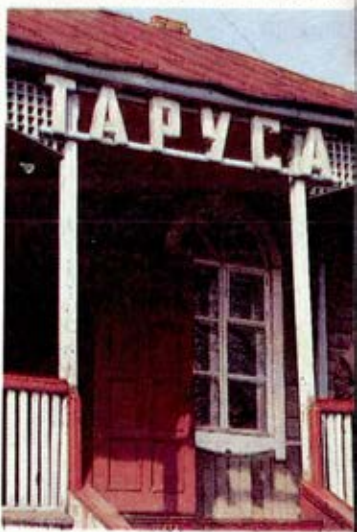
*К Богу идут облака:
Лентой холмы огибая,
Тихая и голубая
Плещет Ока.*

*Детство верни нам, верни
Все разноцветные бусы, —
Маленькой, милой Тарусы
Летние дни...*

Я держу в руках буклет: «Марина Цветаева. Наваянное Тарусой». Это приложение к газете «Тарусский провинциал», которую выпускает «Частный издатель С. Е. Михсенков».

Я представлял себе «частного издателя» как провинциального старичка, но недавно познакомился с ним — это молодой человек, он заведует местным музеем. Приложение к альманаху «Тарусский провинциал» именуется «Курсив», и там впервые опубликована извлеченная из музейного архива «Тарусская летопись», повествующая об истории городка на Оке...

Есть в Тарусе свои летописцы, краеведы, знатоки и хранители этих чудесных мест. Один из старейших — Иван Яковлевич Бодров. На одной из своих книг Паустовский надписал: «Ивану Яковлевичу Бодрову, защитнику и энтузиасту Тарусы от тарусянина...»

Мне кажется, что Бодров был симпатичен Паустовскому своим чувством и пониманием особого дара Тарусы: это дар ландшафта. То, что древние называли «гений места»; особый природно-художнический дар Тарусы, дар быть душой России.

Тайна тарусского пейзажа, вероятно, в его целостности, в сочетании простора и уюта, в особой одухотворенности всех этих мест, наделенных своей «речью», своим обаянием...

«Еще с конца XIX века Таруса стала городом художников, своего рода отечественным Барбизоном. Здесь жили Поленов и тончайший художник Борисов-Мусатов, здесь живут Крымов, Ватагин и многие другие крупные наши художники. Сюда каждое лето приезжает на практику молодежь из московских художественных институтов. За художниками потянулись писатели и ученые, и Таруса сделалась своего рода творческой лабораторией и приютом для людей искусства и науки», — писал Паустовский.

...Есть у Паустовского очерк «Городок на Оке», где зарисован

тарусский пейзаж: «Я живу в одном таком маленьком городке на Оке. Он так мал, что все его улицы выходят или к реке с ее плавными и торжественными поворотами, или в поля, где ветер качает хлеба, или в леса, где по весне буйно цветет между берез и сосен черемуха... С берега Оки во все стороны открываются сияющие дали, близкие и далекие планы лесов — от светлых и серебрищихся под солнцем до загадочных и темных, сохранивших в своей глубине журчанье ручьев и шумящие кроны столетних дубов и сосен».

Этим очерком Паустовского открывается теперь уже знаменитый сборник «Тарусские страницы», вышедший в Калуге в 1961 году. Никогда еще, кажется, провинциальное издание не собирало такого авторского соцветия, созвездия, где были и уже известные тогда современные писатели, и молодые — давно ставшие известными и сегодня считающиеся классиками...

Сегодня раскрываешь оглавление «Тарусских страниц», и сердце щемит от одного только перечня имен: Константин Паустовский, Владимир Корнилов, Аркадий Штейнберг, Булат Окуджава, Юрий Казаков, Борис Балтер, Федор Пудалов, Евгений Винокуров, Наум Коржавин, Николай Панченко, Фрида Вигдорова, Лев Кривенко, Александр Гладков, Николай Оттен, Юрий Трифонов, Давид Самойлов, Петр Семьин, Борис Слуцкий, Андрей Досталь, Владимир Максимов, Галина Корнилова, Ольга Поленова, Владимир Кобликов, Всеволод Иванов, Марина Цветаева, Юрий Крымов, Александр Февральский, Игорь Ильинский, Николай Степанов, Николай Заболоцкий...

Что собрало, что вдохновило «Тарусские страницы»? Конечно, талантливые люди; конечно, ветер

времени, веяние «оттепели». И, безусловно, сам город, как душа книги. «То Русь, то Русь» — Таруса... Чистое (в ту пору), вольное дыхание лесов, полей, лугов, рек срединной, сердечной России. Какая-то особая, наверно, мягкость, одухотворенность жителей приокских краев, которую чувствуют все, кто бывает здесь, кто полюбил эти места.

Дар Тарусы, дар свободы...

Сегодня возобновляется издание сборников «Тарусские страницы». «Строим дом Марины Цветаевой!» — говорят составители. Но это и дом Николая Заболоцкого, дом Константина Паустовского, дом Борисова-Мусатова.

«Тарусские страницы» шелестят об одном...

Еще при жизни поэта Константин Паустовский писал А. К. Гладкову: «Здесь Заболоцкий. Грустный, спокойный, слепнувший человек и, конечно, поэт удивительный. Недавно он читал свои новые стихи, по силе, ясности и внутреннему страстному поэтическому напряжению — это нечто пушкинское, только горечь не пушкинская, а современная».

Кто не помнит уже классических строк Николая Заболоцкого, вдохновленных тарусским вечером на Оке:

*...С утра обремененная работой,
Трудом лесов, заботами полей,
Природа смотрит*

*как бы с неохотой
На нас, неочарованных людей.
И лишь когда*

*за темной чащей леса
Вечерний луч таинственно блеснет,
Обыденности плотная завеса
С ее красот мгновенно упадет.
Вздыхнут леса, опущенные в воду,
И, как бы сквозь*

*прозрачное стекло,
Вся грудь реки
приникнет к небосводу
И загорится влажно и светло.*

Я долго не понимал, почему академики, специалисты в области космических программ избрали именно Тарусу для строительства своего прибороконструкторского филиала. Мне объяснили: «Здесь тогда с экологией было очень хорошо». И появились академические дачи над Окой, садовые участки, и вырубил сосновый бор, украшавший и сберегавший Оку. Стали теснить березовую рощу на горе за Тарусой, появился микрорайон, неухоженный, неряшливый. А под производственную территорию заняли огромное поле по дороге в деревню Пачево (на картах — Пачуево).

Это одно из красивейших мест в окрестностях Тарусы: дорога в Пачево, поле, опушка леса, Пачевская долина, взгорье...

Теперь там снова строят, роют, копают... Кто? Говорят, что «Якут-золото».

В следующем году Таруса и вся страна отметят две вершинные даты, два 100-летия: со дня рождения Константина Паустовского (в мае) и со дня рождения Марины Цветаевой (в октябре). Это хороший повод для создания Тарусского заповедника. Кстати, дом (по улице Розы Люксембург, бывшей Кладбищенской), где предполагается открытие музея Марины Цветаевой, до сих пор напоминает скорее брошенное пепелище, чем объект реставрации. А ведь с Тарусой связана вся замечательная семья Цветаевых — не только Марина Ивановна, но Иван Владимирович, Анастасия Ивановна, так много сделавшие для русской культуры.

В Тарусе ценнейшая по своему собранию картинная галерея (А. Саврасов, Н. Сверчков, В. Поленов, Н. Ярошенко, Н. Крымов, В. Ватагин и другие выдающиеся мастера). Но до сих пор не выпущен каталог, альбом галереи. Есть

идея подготовить общий альбом-каталог: картинной галереи и краеведческого музея. В единую систему музеев Тарусы должны войти также музеи Цветаевой, Заболоцкого, Паустовского (со временем, разумеется).

«Теперь я в Тарусе. В глуши. На пустынном берегу Оки. И отрезан от всего мира. Живу в мире грез и фантазий среди березовых рощ, задремавших в глубоком сне осенних туманов». — писал В. Борисов-Мусатов, испытавший силу волшебного дара Тарусы — погружать в мир красоты и лиризма. Но не разрушаем ли мы сами основы этого таинственного тарусского дара?

Борисов-Мусатов, Паустовский, Ариадна Эфрон, дочь Цветаевой, слили себя с тарусской землей, а Цветаева мечтала слиться с ней. Должно быть такое место, где мы особенно чувствуем присутствие вечной жизни, певуче соединяющей череду людей, птиц, деревьев, вод в единый бессмертный хор. Таруса — такое место. Об этом проникновенно сказала Ариадна Эфрон в своем письме Борису Пастернаку из Тарусы:

«Но в чем же дело? Почему именно река остается неизменной? Почему уже давно не та вода остается той самой рекой? Нет больше никого из живших здесь — никого больше! Ни Вульфова, ни Цветаевых, ни Поленова и Борисова-Мусатова, ни милого Бальмонта, ни милого Балтрушайтиса, ни многих-многих единственных! А река остается — и теперь я смотрю на нее и благодаря ее неизменности вижу, осязаю, пью из того источника, который оказался творческим для мамы. Все это она видела, впервые и на всю жизнь, здесь родились ее стихи, родились, чтобы не умереть. Вот они, рябина и бузина всей ее жизни, горькие ягоды, яркие яго-

ды. Вот и деревья, у которых «жесты трагедий», и река — жизнь, Лета, и все равно жизнь».

Таруса... Та самая Таруса...

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

- ┌ В мини-юбках — мини-образование
- ┌ Нищему — не подам!

■ Выписываю «Смену» третий год, журнал мне нравится, поэтому хочу поделиться с вами своими размышлениями о реформах школы.

Я учусь в 10-м классе (по новому стилю) экспериментальной школы. Эксперимент заключается в том, что школу мы посещаем в своей одежде, для старшеклассников объявлено свободное посещение некоторых уроков, и наконец, существует полная «демократия, гласность и свобода слова». Ну то, что демократию и гласность мы понимаем как синонимы слову «анархия», — это общеизвестно. Про одежду я вообще молчу: самые пестрые цвета тканей, мини-юбки или макси разных фасонов и умопомрачительные просвечивающие свитера — в общем, не школа, а бордель. Со свободным посещением уроков тоже сложно. Из семнадцати учеников класса (тоже эксперимент) на уроке присутствуют в среднем восемь — десять. Ах, какой это урок! Представьте огромный кабинет на сорок два ученика, там сидят с десятков человек: два в одном ряду, три в другом, пять в третьем — все вразброс, кто где. У доски, на кафедре, распинается учитель. Леня на задней парте слушает плейер. Саша с Ваней режутся под партой в «Сто одно». Ира и Юля наводят

марафет, Аня пишет письмо. Аленка с Димой хохочут, играя в «да и нет». Юра? Ну, Юра учится. Комсомолец! А я рисую дружеские шаржи на учителей и один за другим отправляю по классу. Все смеются (кроме Юры). Историчка выгоняет меня из кабинета. Нисколько не огорчаясь, я иду по этажам, которые кишмя кишат «отпускниками». Навстречу попадается известный школьный фарцовщик из 11 «А». Покупаю у него румяна и фотографию Мадонны в рассрочку. Встречаю бывшего «жениха» — идем с ним в соседний видеобар в счет свободного посещения биологии и географии. Потом возвращаемся в школу. Посреди коридора «на всю ивановскую» ругаются директриса и француженка: не поделили ключи от кабинета. Француженка совсем девчонка, директриса визжит: «Перестань хамить, нагалак!» — и швыряет ей ключи. Француженка плачет. Весь 10 «Б» стоит у подоконников, увлеченный зрелищем. Я в состоянии прострации поднимаю ключи (люблю француженку) и кладу их директрисе на голову. «Жених» называет меня дурой, а директриса тащит на экстренный педсовет. Там меня прорабатывают, обзывают и отпускают на геометрию. На геометрии я получаю липовую пятерку за те «знания», что уло-

вила одним ухом в начале четверти. Потом списываю со шпоры тригонометрические формулы для письменного зачета и получаю похвалу за новую пятерку. Мне нежко стыдно, во мне просыпается совесть, и я хочу сказать, что все списала, но Юлька советует не маяться дурью. Звонит звонок — все идут домой.

Я ничего не придумала — это описание одного обычного школьного дня. Вот такие у нас в школе реформы. Собираюсь поступать в университет на юрфах. Правда, с трудом представляю, как это будет выглядеть: за последний год знаний не прибавилось. Так, все поверхностно. Разве это реформа? Разве станем мы умнее в декольте и «пирамидах»? Не туда вы смотрите, взрослые! Не с того начинаете! Я согласна ходить даже в фартуке и посещать все уроки. Я хочу знать и уметь! Моя семья имеет средства нанять для меня репетитора, а другие — кто не может? Как им быть с такими школьными реформами? Нашу систему образования надо переверачивать с самого основания: и начинать не с одежды. Сейчас же принимают любую реформу, наивно гордясь, что выкарабкались из лет застоя. Ну-ну, давайте! Страна всеобщей грамотности! Хоть бы письмо это прочитала директриса!

Яна ЧЕРНИГОРОНСКАЯ,
Омск

Сейчас много говорят и пишут о милосердии, о благотворительности. Конечно, проводятся акции благородные. Но у меня на эти проблемы несколько иной взгляд. Я считаю, что, прежде чем оказывать человеку материальную помощь, надо поинте-

ресоваться, почему он оказался в нищете и готов сесть на шею добрых сограждан. Твердо убежден, что подавляющее большинство малоимущих порождается ленью, пьянством, и уверен — за всю жизнь любой человек способен скопить хотя бы десяток тысяч рублей, чтобы обеспечить добавку к пенсии, если она окажется небольшой. Кстати, и самая маленькая пенсия — свидетельство того, что ее получатель на работе не надрывался.

Я сам познал большую нужду, демобилизовавшись в 1946 году из армии. Мать застал смертельно больной, дом — полуразвалившимся, нехитрая обстановка была описана за неуплату налога. Поступил в автохозяйство слесарем на пятьсот рублей, за которые в то время можно было купить на рынке пять буханок хлеба или полмешка картошки! Ох, как было голодно! Оставался подрабатывать в ночную смену, одновременно поступил в заочный институт. От усталости и недоедания не раз терял сознание.

И как бы там ни было, лет через пять сумел привести в сносный порядок дом, обзавестись одежкой. Но продолжал вкалывать, не считаясь ни с выходящими, ни с отпусками, используя любую возможность подрабатывать. Сначала это вызывалось острой необходимостью, а затем вошло в привычку. Труд для меня стал потребностью. Однажды поехал отдыхать в Сочи, но через неделю вернулся — не вынес безделья.

Сейчас мне восьмой десяток, имею хорошую пенсию, приличный дом, обстановку, машину, сад, крупные сбережения, но продолжаю трудиться. И не из-за жадности — не могу сидеть сложа руки. За всю жизнь не выпил

рюмки спиртного, хотя значительную ее часть провел в рабочих (пьющих!) коллективах. И тоже не из-за жадности — так воспитан в семье. Вся моя родня — убежденные трезвенники.

Недавно я видел старика, просящего милостыню. И подумалось — как он мог дойти до такой низости? Эх, прокрутить бы, как на киноэкране, всю его жизнь, начиная с юности. И наверняка выяснилось бы, что не вкалывал он так, как я, употреблял спиртное, не откладывал хотя бы понемногу на старость. А теперь вот тянет руку за моими деньгами.

Подобных людей очень много. Помню, закончив работу, сажусь я за учебники или бегу в институт на консультацию, а мои коллеги скидываются на бутылку или идут в пивную. Ничего больше их не интересовало. Сколько же каждый из них пропил денег!

Точно так же может обеспечить себе безбедную старость не только мужчина, а и почти любая женщина. Даже у многодетной матери годам к 45—47 все ее отпрыски становятся уже самостоятельными, и она имеет возможность лет десять — пятнадцать поработать на себя, кое-что скопить. Кроме того, помогать ей обязаны не государство, не посторонние люди, а ее дети (добровольно или через суд, если она воспитала их негодяями).

Другое дело — инвалиды. Их, конечно, жаль. Но и они по возможности не должны становиться обузой для общества. Я знаю, многие из них, даже слепые, глухие, безногие, парализованные, кончают институты, защищают диссертации, пишут книги. На худой конец, они могут

брать на дом работу, получая дополнительную добавку к пенсии.

Материальное положение человека (исключая жуликов, взяточников, спекулянтов), как правило, показатель количества и качества общественно полезного труда, произведенного им, а также образа его жизни. Вот почему я без всякого уважения отношусь к так называемым малоимущим. В большинстве своем это человеческий сорняк. Такие люди сами виноваты в своей бедности. Что заслужил, то и получи!

И. В. МАРТЫНОВ,
Иваново

Здравствуйте, уважаемая редакция. Пишет вам Ивченко Татьяна Григорьевна. В № 4 этого года вы опубликовали мое письмо, а затем переслали мне письма, в которых добрые люди дают мне много советов и уже испробованных способов лечения рака. А я хочу от всей души поблагодарить вас, журналистов, за участие, за доброе, человеческое отношение. В наше время только душевное отношение людей друг к другу и может спасти. После операции по-настоящему поняла, что значит встретить в жизни отзывчивых людей. Лежа в больнице, переворачивала всю свою жизнь и оказалось, что, к счастью, встречалось мне больше людей хороших. И теперь меня поддерживают, помогают мне соседи, добрые люди с работы. Большое спасибо всем-всем. Мне иногда плакать хочется от такой благодарности, которую словами не выразишь. Дай бог здоровья и счастья всем, кто меня поддерживает.

ТАТЬЯНА ИВЧЕНКО,
Магадан

Хочу написать о наиболее обделенных детством детях, или, точнее, об их родителях. За тридцать лет жизни пришла к выводу, что очень мало, катастрофически мало родителей, которые понимают, зачем они рожают детей. Нас в семье было двое — я и брат. Я до сих пор с болью вспоминаю, как плакала, закрывшись в ванной комнате, так как за слезы мать была. Была через день или два, возвращаясь с работы в плохом настроении. Она нас с братом дрессировала в полном смысле этого слова. Если бы не отец, я бы впала в какую-нибудь крайность. Я уже тогда часто задумывалась, зачем она нас родила, тем более что родители еле-еле «сводили концы». Когда я стала взрослей, она все чаще повторяла, что замуж я со своим характером никогда не выйду, а если и выйду, то ребенка моего она нянчить не будет — и так от нас устала.

Она и отца держала в тисках. Потом они развелись. Когда отец вырвался от нее, сразу стал хорошо зарабатывать и помогать нам с братом. В институте я вышла замуж и родила. Папа два года отпуск проводил с внучкой и продолжал нам помогать. Он и сейчас помогает и мне, и брату.

Я часто думаю: неужели и я так могу относиться к своей дочери? Я ей ни в чем не отказываю и очень люблю, но и не идеализирую ее. Она хорошо учится, но ленилась и часто хитрит. Но она мой ребенок, и, что бы она в своей жизни ни натворила, — это мой промах, мое упущение. Я все равно буду ее любить и все прощать.

Режет слух, когда на улице, в транспорте родители обзывают

своих детей. Неужели они не понимают, что самолюбие в человеке заложено с рождения? И все это аукнется. И еще я не понимаю, зачем рожать третьего, четвертого, а некоторым и второго, если они не могут его нормально кормить, одевать и, главное, любить. Чтобы потом упрекать всю жизнь его за свои же ошибки? Очень хочется, чтобы каждая женщина, прежде чем рожать, подумала, нужен ли ей и ее мужу ребенок.

Зачем я написала? Мне очень жаль детей, которым ни страна, ни родители не обеспечивают детства. Кругом дискриминация — в школе, во дворе, в пионерлагерях. Дети кругом лишние, они всем мешают, всех раздражают. И они становятся жестокими. Мне кажется, что они мстят взрослым за унижения.

**Н. ДОВБНЯ,
Макеевка**

Мы — шестнадцатилетние Оксана и Юлия — самые рядовые школьницы из самого рядового горняцкого поселка. Учимся в школе. Много читаем, хорошо одеваемся, есть у нас все необходимое. Родители нормальные, заботятся о нас, все позволяют. Хотя пишем-то мы вам как раз по поводу этой самой свободы (наши судьбы похожи, поэтому я, Юлия, буду писать о себе).

У меня очень состоятельные родители, они дают мне много денег, отпускают гулять до полуночи. Раньше, когда отец мне что-то запрещал или начинал воспитывать, я уходила из дома, не разговаривала с ним, но теперь думаю: почему же ты, папочка, не дал мне по шее, не отшлепал за грубые мои слова? Вот эта излишняя любовь и привела к тому, что происхо-

дит со мной сейчас. Я тайно живу с одним мужчиной. Он старше меня на десять лет. Оксана, по моему совету, также ходит к 23-летнему парню. Никто, кроме некоторых наших сверстников, об этом не знает. Я стала женщиной не только физически, но и морально. Часто я реву оттого, что уже не могу запросто, ненакрашенная, побежать в кино на семь часов, ровно в девять вечера быть дома и смотреть телевизор со своими родителями. Я тайком выхожу от «него» и иду домой, трясаюсь, боясь, не заметил ли кто, откуда я вышла. Это дома он такой ласковый, делает все для меня, а на улице он мне чужой. Как моя мать не видит, что я уже ничем не интересуюсь, кроме своей внешности? Я в шестнадцать лет уже не помню своего детства, впрочем, уже в одиннадцать я стала самостоятельной во всем. Мои сверстники относятся ко мне хорошо, я нравлюсь многим парням, но не могу бросить того, с кем живу. И бросить не могу, и мучаюсь. Успокаиваю себя только тем, что уеду из дома, стану, кем мечтаю стать, и забуду его навсегда. Часто задаю себе вопрос: кто виноват в том, что у меня все так сложилось? Не знаю.

Напечатайте мое письмо. Пусть девчонки прочтут и задумаются — детство такое короткое, не надо торопиться, все придет в свое время.

ОКСАНА, ЮЛЯ,
Магаданская обл.

Прожив на свете двадцать лет, я вдруг поняла, что мне нечего вспомнить — юность прошла бездарно. Только и было, что в шестнадцать лет начала

курить, в семнадцать — попробовала наркотики, в восемнадцать — запой, а в девятнадцать — единственный раз в жизни прокатилась на мотоцикле. Нерастроченные силы превратились в желчь, злость и досаду. И любви, взаимной, захватывающей, у меня не было. Остались лишь воспоминания об однодневных знакомствах и несостоявшихся романах.

В моем возрасте положено иметь семью, детей, а меня опять потянуло к тому, чего я, видимо, «не наелась» в достаточной мере, — хочу собираться с компанией в подъезде, глушить пиво и делиться последним «бычком». И найти хорошего мальчика, и кататься с ним на мотоцикле, и ходить в бары, на дискотеки. Рисковать — и выходить сухой из воды. В душе мне еще шестнадцать...

МАРИАННА,
Москва

Я — мать, которая лишилась сразу двух сыновей, и моя душа кровью обливается — сил моих нет все это перенести. Мой младший зарезал старшего брата. Но я младшего, и не только я — все мы, вся родня, не осуждаем. Старший сильно пил, а когда выпивал, был страшным, мы это все на себе испытали. Старшего похоронили, а меньшего осудили на восемь лет усиленного режима. У старшего уже не было семьи, развелась с ним жена, а младший так дружно жил с женой, так любил свою маленькую дочь! Ей еще только три месяца было, а он ей уже колготки покупал. Младший был неразговорчивый, спокойный, но старший так спьяну к нему приставал, что тот не

выдержал... И вот теперь он там, в тюремном аду. Как мне жалко его! Я места себе не нахожу, глядя на его дочку, которая забывает слово «папа». Как мне жить, глядя на невестку — молодую женщину, которая несет тяжкую муку! А он просил на суде: «Не наказывайте меня сурово, я уже и так себя наказал». Его племянник, старший сын убитого брата, ездил к нему на свидание, плакал и говорил: «Дядя Сережа, мне вас жалко, папа сам был виноват». Из заключения он написал нам: «Простите меня все, если можете, он меня довел». И мы верим ему, потому что за неделю до этого у нас дома старший до того отца довел, что тот его чуть не убил, остановила жена меньшего. И так он всех доводил. В общем, куда ни писали, куда ни стучали, просили меру наказания уменьшить — нигде не прислушались к нам.

Неужели нельзя понять: в семье случилась беда, погиб один, а теперь гибнет и другой сын, мучаются его жена и дочка, гибнет мы, родители? Я, мать обоих, не осуждаю своего несчастного младшего сына и прошу милости для него.

С. И. МУЛЬГАНОВА,
г. Лозовая

Я работаю преподавателем русского языка как иностранного на подготовительном факультете для иностранцев Киевского инженерно-строительного института. Поводом к написанию этого письма являются публикации в некоторых газетах и журналах, касающиеся судебных иностранцев, прибывающих на учебу в советские вузы.

Не лучше ли отказаться от этих иностранцев, своих бы

выучить как следует? К сожалению, такая точка зрения находит сейчас все больше сторонников.

Однако мало кто знает, что в Соединенных Штатах Америки в последнее время учится ежегодно около трех миллионов иностранных граждан. Во Франции — около миллиона. В Румынии — около 600 тысяч. А в Советском Союзе — менее 100 тысяч.

В чем же причина такого различия? Неужели в этих странах настолько развита благотворительность? Или там в сфере образования работают бескорыстные интернационалисты?

По-моему, ответ очевиден. Во-первых, наиболее талантливые выпускники остаются работать в США, усиливая, таким образом, «утечку мозгов» из стран «третьего мира». Во-вторых, — пропагандистский эффект. В-третьих (и это самое главное), происходит подготовка будущей правящей элиты развивающихся стран. Образование для жителей такой страны имеет колоссальное значение. Высшее — является гарантией успешной карьеры. Студенты-иностранцы, окончившие университеты в США, занимают высшие должности в родных странах — как в государственной, так и в частно-предпринимательской сферах. Тем самым Соединенные Штаты расширяют сферу своего влияния. Выпускник никогда не забудет страну, где он получил образование, и навсегда сохранит ей благодарность.

К тому же остаются и личные, а иногда и родственные связи в США. Остается приверженность к американскому образу жизни.

С таким выпускником, ведущим переговоры от лица своей фирмы, гораздо легче найти общий язык, а он, в свою очередь, лучше понимает своего американского партнера.

— Но стоит ли тратить такие усилия для подготовки будущей элиты? Конечно, стоит, ибо будущее нашего мира будут определять страны «третьего мира» и их сырьевые ресурсы.

В связи с этим нельзя не задуматься и о том, какие перспективы будут у нашей страны в этой области лет через двадцать. Если будут сохраняться нынешние негативные тенденции в деле обучения иностранных студентов в советских вузах, то перспективы у нас неутешительные.

До сих пор выпускники советских вузов, объединенные, как правило, в ассоциации, играли немалую роль во всех сферах жизни своих стран и способствовали развитию интереса к СССР. Некоторые из них достигли высокого положения. (Например, Перес де Кузьяр, генеральный секретарь ООН, в свое время окончил факультет международных отношений Киевского государственного университета...) Выпускники советских вузов, как правило, советовали своим друзьям и родственникам получить высшее образование в Советском Союзе. Однако теперь к причинам, существенно затруднявшим процесс адаптации иностранного студента, добавились новые: пустые полки в магазинах; переход на другой язык обучения (в результате деклараций о суверенитете и объявлений государственными ряда языков); усиление националистических настроений в ряде мест Советского Союза; сомнение в полити-

ческой стабильности СССР.

Часто можно услышать и недоумение по поводу перехода обучения с русского языка на другой. (Язык какой-либо из республик СССР.)

А некоторые студенты-иностранцы заявляли мне, что если записи в дипломе будут делать не на русском языке, то эти дипломы у них на родине просто не будут принимать во внимание.

Сейчас, при переходе к рыночным отношениям, многие высшие и средние специальные учебные заведения получили возможность самостоятельно заключать соглашения о подготовке квалифицированных специалистов для развивающихся стран за конвертируемую валюту. Часть этих средств поступит в государственную казну в виде налогов. Кроме того, судя по оценкам ученых, в нашей стране уже сложился рынок труда для иностранной рабочей силы: корейцы, вьетнамцы, китайцы, болгары, финны, югославы и т. д. Необходимо давать этим людям хотя бы минимальное знание русского языка.

Не следует забывать и о том, что в нашей стране есть много совместных предприятий, количество которых будет расти, как будет расти и число представительства иностранных фирм и компаний в СССР. Зарубежных бизнесменов тоже надо будет учить русскому языку и русской деловой лексике...

Думать о будущем надо заблаговременно.

С. А. ТАРАТУХИН,
преподаватель русского языка
для иностранцев,
Киев

Я часто задаю себе вопрос «для чего я живу?», но ответа не

нахожу. По сути дела, я не видела жизни, я не сталкивалась с трудностями и многого еще не понимаю. Росла, как тепличное растение, родители оберегали меня, потакали во всем, исполняли мои желания, капризы, баловали, видно, не понимая, что в дальнейшем мне будет трудно устраивать свою судьбу самой, что я растеряюсь и запутаюсь в самой простой и обыкновенной ситуации. Сейчас я нахожусь в местах лишения свободы и только здесь увидела людей вблизи, здесь у меня, на многое раскрылись глаза. Сейчас-то я не подойду к первому встречному, не открою ему свою душу, не узнав, что это за человек, чем дышит, на что способен.

Вы не подумайте, что я вам пишу от одиночества, что я всеми забыта и покинута. У меня есть друзья, которые меня понимают, всячески поддерживают. А я давно не живу, мою жизнь можно назвать существованием: если раньше меня многое интересовало, я любила читать, у меня была цель в жизни, то сейчас, увы, в моей душе пусто, мне порой безразлично все, с каждым днем рушится почва под ногами. Но в отличие от некоторых я не пытаюсь спрятаться в панцирь. И терять веры в людей не хочу.

Ну а теперь о наболевшем, волнующем нас всех. Везде кричат, что поднимается уровень преступности, а чему тут удивляться? Растут цены на продукты, на вещи, на предметы первой необходимости. На зарплату не проживешь и двух недель, о том, чтобы одеться не хуже других, и думать нечего, и людям ничего не остается делать, как решиться на преступление: ведь сейчас идет борьба за выживание и не каждому хочется, купив сто граммов конфет, смотреть на них. Не знаю, как теперь, но раньше судили за

спекуляцию, а ведь это неправильно. Спекулянт или купец — суть одна. Человек достает товар, расходует время, деньги, силы — невыгодно продавать товар за бесценок. Вы извините, я сейчас не читаю газет, телевизор не смотрю, потому что смотреть на беспредел, который царит в стране, просто противно. Мы пытались сделать нашу жизнь лучше, а сделали ее невыносимой, и самое страшное, что мы это понимаем, но не пытаемся исправить свою ошибку, молчим, бездействуем. Система искушает, система карает.

У меня скоро конец срока, и я хочу сказать своим сверстникам, которые еще не совершили ошибки, но уже сделали шаг на кривую дорожку: опомнитесь, сделайте шаг в сторону, не ищите легкой красивой жизни, потому что рано или поздно вы сядете на скамью подсудимых; не заводите друзей «по одежке», не унижайте тех, кто слабее, мягче вас; не считайте добрых людей за дураков и не пользуйтесь этим; не презирайте людей, которые не ходят по барам и дискотекам. В общении с малознакомыми людьми следите за своей речью, наблюдайте за речью собеседника, за его поведением, за его поступками. Эти наблюдения скажут вам о человеке больше, чем вам расскажут другие; имейте собственное мнение, а не подстраивайтесь под чужое, — увидеть человека надо своими глазами. Прислушивайтесь к советам родителей, взрослых, не считайте их мораль устаревшей — они прожили больше нас, и жизненный опыт у них богаче, ведь они, как и мы, были молодыми, совершали ошибки и учились на них. Ну, вот вроде и все, что хотелось высказать.

**Наташа Г.,
19 лет, Днепродзержинск**

РАЙМОНД ЧАНДЛЕР

ГЛУБОК

Рисунки БОРИСА СОПИНА

НИЙ СОНИ

Это случилось в середине октября, примерно за час до полудня — стоял хмурый, пронизанный холодным дождем день. На мне был голубовато-серый костюм, синяя сорочка, подобранные в тон к ней галстук и носовой платок, черные туфли и черные шерстяные носки с голубыми стрелками. Одним словом, я был элегантен, свеж, чисто выбрит, а потому совершенно спокоен и абсолютно не думал о том, какое это производит впечатление. Главное — я выглядел так, как и должен выглядеть хорошо одетый частный детектив, направляющийся с визитом к четырем миллионам долларов.

Огромный холл дома семьи Стернвудов без малого равнялся по высоте солидному двухэтажному зданию. Над дверями красовался цветной витраж, изображающий рыцаря в темных доспехах, спасающего привязанную к дереву даму.

По другую сторону холла, сразу же за массивными застекленными дверями, раскинулся широкий изумрудный газон, ведущий к белому гаражу, перед которым молодой темноволосый шофер в блестящих черных крагах вытирал пыль с «паккарда». За гаражом росло несколько стриженных декоративных деревьев, за ними виднелась большая оранжерея с куполообразной крышей, дальше — опять какие-то деревья, а за всем этим — массивные расплывчатые контуры гор.

В восточной части холла разместилась ажурная, выложенная плитками лестница, она вела на галерею с кованой металлической балюстрадой, украшенную витражом с другой, не менее романтической сценой. Везде, где только возможно, стояли тяжелые массивные стулья с округлыми, обитыми красным плюшем сиденьями. Над огромным камином с кованой модной решеткой красовалась большая картина, написанная маслом. Портрет запечатлел офицера времен мексиканских войн в полном боевом снаряжении. У офицера была черная эспаньолка, черные усы и горящие, как раскаленные угли, глаза. Я подумал, что скорее всего это портрет деда генерала Стернвуда. Вряд ли это мог быть сам генерал, хотя, как я слышал, он был уже в годах (может быть, чересчур в годах для отца двух дочерей, едва насчитывавших по двадцать весен).

Вдруг за моей спиной раздался скрип открывающейся двери. На пороге стояла девушка. На вид ей было не больше двадцати.

Невысокая и хрупкая, она тем не менее производила впечатление достаточно сильной. Девушка приближалась ко мне легким, пружинящим шагом, и я заметил, что ее красивые каштановые волосы пострижены очень коротко, намного короче, чем требовала нынешняя мода. Она оглядела меня с ног до головы темно-серыми глазами, потом подошла ближе и улыбнулась, показав при этом мелкие, острые зубы, белые, как свежий апельсиновый цвет, и блестящие, точно фарфор. Бледное, лишенное красок лицо казалось не очень здоровым.

— А вы высокий! — заявила она.

— Это не моя вина.

От неожиданности у нее округлились глаза. Девушка попыталась собраться с мыслями, но было видно, что это дается ей с трудом.

— И симпатичный,— добавила она наконец.— Могу поспорить, вы об этом знаете!

Я буркнул что-то себе под нос.

— А как вас зовут?

— Рэйли,— ответил я.— Догхаус Рэйли.

— Смешное имя.

Она прикусила губу, откинула назад голову и одарила меня долгим взглядом из-под полуопущенных век. Мне еще предстояло в совершенстве изучить эту игру.

— Вы — профессиональный боксер? — спросила она, заметив наконец, что я не падаю в обморок.

— Честно говоря, нет,— ответил я.— Просто обыкновенный гончий пес.

— Что, что?! — Она со злостью тряхнула головой, и ее волосы, вспыхнули золотистым пламенем в полумраке огромного холла.— Да вы надо мной смеетесь!

— Угу.

— Что такое?

— Ох, перестаньте,— отрезал я.— Вы прекрасно слышали, что я сказал.

— Ничего вы не говорили! Вы только издеваетесь надо мной! — Она поднесла ко рту большой палец и со злостью впиалась в него зубами. Палец был тонкий и хрупкий, почти безупречной формы. Девушка держала его во рту и медленно поворачивала, как ребенок соску.

— Вы очень высокий,— повторила она и неожиданно рассмеялась, а потом мягким, кошачьим движением, почти не отрывая ступни от пола, повернулась ко мне, привстала на цыпочки и, безвольно свесив руки, упала прямо в мои объятия. У нее подогнулись колени, и мне пришлось крепко прижать ее к себе, чтобы она стояла ровно. Когда ее голова оказалась на уровне моей груди, девушка взглянула на меня и снова захихикала.

— Ты парень что надо! — объявила она.— Но я тоже не промах!

Я не успел ответить: дворецкий избрал в высшей степени подходящий момент, чтобы распахнуть застекленные двери и увидеть девицу в моих объятиях.

Однако это, кажется, не произвело на него особого впечатления. Его голубые глаза смотрели на меня бесконечно далеким, отсутствующим взглядом. Кожа у него была гладкая и светлая, а в движениях чувствовалась сила хорошо натренированных мускулов. Он медленно подошел к нам, и в ту же секунду девушка отскочила в сторону, в два прыжка добралась до лестницы, ведущей на галерею, и взбежала по ней, как лань, исчезнув раньше, чем я успел глубоко вздохнуть.

— Генерал хочет видеть вас у себя, господин Марлоу,— бесцветным голосом произнес дворецкий.

Я запрокинул голову и указал рукой на галерею.

— Кто это был?

— Мисс Кармен Стернвуд, сэр.

— Вам следовало бы отучить ее от этого,— заметил я.— Она уже слишком взрослая, чтобы вести себя подобным образом.

Минуя застекленные двери, мы вышли на выложенную плиткой дорожку, которая, огибая газон, вела к гаражу. Шофер за это время успел вывести наружу черный хромированный «лимузин» и теперь мыл его так же старательно, как перед этим «паккард». Дворецкий распахнул дверь, пропустил меня вперед, и мы вступили в оранжерею. Здесь царила почти адская жара: густой, влажный, как в тропиках, воздух тяжело обволакивал легкие, пропитывая их вязким ароматом цветущих орхидей. На стеклянных стенах и потолке оседал пар, и крупные ленивые капли с плеском шлепались на листья экзотических растений. Освещение внутри имело какой-то странный зеленоватый оттенок, как будто пробивалось сквозь стенки гигантского аквариума. Все вокруг было заполнено орхидеями: настоящий лес, сотканный из уродливых мясистых листьев и стеблей, напоминающих пальцы только что обмытого трупа. Резкий цветочный запах действовал одуряюще, словно спиртовые пары под крышкой перегонного куба.

Дворецкий шел вперед, продираясь сквозь джунгли, и изо всех сил пытался уберечь меня от пощечин мокрых листьев. Несколько минут спустя мы очутились посреди небольшой поляны, расположенной в самом центре оранжереи. На красном турецком ковре полустояла инвалидная коляска, в которой сидел старый мужчина, внимательно приглядывающийся к нам пронзительными черными глазами. Все остальное в его лице напоминало посмертную гипсовую маску — бескровные губы, заострившийся нос и запавшие щеки, отмеченные печатью надвигающегося распада. Его длинное, худое тело, несмотря на жару, было укутано пледом. Костлявые руки с синеватыми ногтями неподвижно лежали на коленях, а с голого черепа свисали клочья редких седых волос, напоминающих дикие цветы, ведущие борьбу за существование на вершине бесплодной скалы.

Дворецкий остановился перед коляской и сказал:

— Мистер Марлоу, господин генерал.

Старик не шевельнулся и не издал ни звука, он просто сидел и смотрел на меня. Тогда я тоже присел на краешек мокрого плетеного стула, услужливо подставленного мне дворецким.

Минуту спустя генерал заговорил, и голос его прозвучал так, словно исходил со дна глубокого колодца.

— Принесите бренди, Норрис. С чем вы его предпочитаете?

— В любом виде, — откликнулся я.

Дворецкий исчез за стеной омерзительных листьев, и тогда генерал заговорил опять: казалось, он дрожит над своим голосом, точно безработная герл над последней парой чулок.

— Когда-то я пил бренди с шампанским. Шампанское должно быть холодным, как вода из горного источника, и содержать по крайней мере одну треть бренди... Но, может быть, вы снимете пиджак, господин Марлоу? Здесь жарковато для человека, в жилах которого течет настоящая кровь.

Я встал, сбросил пиджак и вынул носовой платок, чтобы вытереть лицо, шею и ладони: пожалуй, в Сен-Луисе в самый разгар августа и то, должно быть, прохладнее. Потом я опять

уселся и машинально потянулся за сигаретой, однако вовремя удержался. Но генерал заметил этот жест и слабо усмехнулся.

— Вы можете курить, господин Марлоу, я люблю запах табака.

Я закурил и выдохнул в его направлении струю дыма: ноздри генерала шевельнулись, как нос залегшего у норы терьера, а губы раздвинула тень улыбки.

В эту минуту из мокрых джунглей вынырнула фигура дворецкого, катившего перед собой маленький столик. Он смешал для меня бренди с содовой, накрыл салфеткой медное ведро льдом и ушел, бесшумно скользя среди орхидей.

Я отпил небольшой глоток бренди, и генерал, глядя на меня, несколько раз облизнул губы, медленно водя кончиком языка, точно совершал некий магический ритуал.

— Расскажите что-нибудь о себе, господин Марлоу. Думаю, я вправе это знать.

— Разумеется, только мне нечего рассказывать. 33 года, окончил колледж, если обстоятельства того потребуют, все еще в состоянии грамотно говорить по-английски. Правда, при моей профессии нужда в этом бывает не так уж часто... Раньше я работал следователем у окружного прокурора Уайльда. Шеф следственного отдела Берни Олс и сообщил мне, что вы хотите меня видеть. И последнее: я холост по той простой причине, что не выношу жен сотрудников полиции.

— Кроме того, вы немного циник.— Генерал улыбнулся.— Вам не нравилось работать с Уайльдом?

— О, нет. Просто он меня выгнал. За несоблюдение субординации. Это один из наиболее тяжких моих пороков, генерал.

— И моих тоже, мистер Марлоу. Мне нравится ваша откровенность. А что вам известно о моей семье?

— Я слышал, что вы вдовец, имеющий двух молоденьких дочерей. Обе очень красивы, но зато не знают удержу. Одна из них успела трижды побывать замужем, причем последним ее избранником был некий субъект, в прошлом бутлегер, известный под именем Рэсти Ригана. Вот и все, что я знаю, генерал.

— И вам ничего не показалось странным?

— Может быть, лишь история с Риганом. Однако я должен признаться, что подобная связь меня не шокирует.

— Меня, пожалуй, тоже,— усмехнулся генерал.— Я даже любил Рэсти. Он был высоким, крепко сбитым ирландцем из Клонмел. С буйной шевелюрой, грустными глазами и улыбкой, широкой, как приморский бульвар. Но, увидев его впервые, я решил, что он именно тот, кем кажется,— бродяга, которому посчастливилось надеть приличный костюм.

— Думаю, вы очень его любили,— сказал я, отложил в сторону окурки и допил бренди.

— Рэсти был для меня дыханием жизни. Мы проводили вместе много времени; он часами сидел здесь, потел, как мышь, литрами пил бренди и рассказывал мне истории периода ирландской революции. Он был офицером ИРА и в Штаты попал нелегально. Разумеется, это был не слишком удачный брак и, как брак, продержался не дольше месяца. Я открываю вам семейные тайны, мистер Марлоу.

— Вы можете всецело на меня положиться,— заверил я.— Так что же с ним случилось, с этим Риганом?

— Он исчез месяц назад. Внезапно, не сказав никому ни слова. Даже не простившись со мной. Это причинило мне боль, но я прошел хорошую жизненную школу. К тому же я уверен, что рано или поздно получу от него какие-нибудь известия. Однако сейчас меня опять пытаются шантажировать.

— Вы сказали «опять»? — переспросил я.

Он протянул мне коричневый конверт.

— Пока со мной был Рэсти, я мог лишь посочувствовать любому, кто попытался бы меня шантажировать. Но за несколько месяцев до его приезда, то есть месяцев десять назад, я был вынужден уплатить некоему Джо Броуди пять тысяч долларов, чтобы он оставил в покое мою младшую дочь, Кармен.

— О!

— Что вы хотели этим сказать?

— Ничего, — ответил я.

— Я хочу, чтобы вы ознакомились с содержанием этого конверта. И налейте себе еще бренди.

Я взял конверт у него с колен и вернулся к своему стулу, затем вытер руки и внимательно осмотрел письмо. Оно было адресовано генералу Ги Стернвуду, 3765, Альта Бриа Креснт, Западный Голливуд, Калифорния. Адрес написан чернилами, стандартным шрифтом, которым пользуются чертежники. Конверт был вскрыт. Внутри оказалась визитная карточка и три кусочка картона. На шелковой коричневой бумаге золотом было вытеснено: «М-р Артур Гвинн Гейгер», а в левом нижнем углу, петитом: «Редкие книги и роскошные издания». Я перевернул карточку и на обратной стороне прочитал: «Господин генерал, хотя приложенные ниже расписки и не могут быть переданы в суд, так как являясь, как свидетельством долга за азартные игры, мне все-таки кажется, что вы предпочли бы их выкупить. С почтением. А. Г. Гейгер».

Я перевел взгляд на три плотных белых билета. Это были векселя, написанные чернилами и датированные разными числами прошлого месяца, следующего содержания: «Подателю сего, Артуру Гвинну Гейгеру или же его доверенному лицу я обязуюсь выплатить требуемую сумму — тысячу долларов без процентов. Деньги мною получены. Кармен Стернвуд».

Почерк был неразборчивый и нечеткий, со множеством завитков и колечек.

Я смешал себе еще одну порцию бренди с содовой, отпил глоток и отложил конверт в сторону.

— Что вы обо всем этом думаете? — спросил генерал.

— Пока ничего. А кто он такой, этот Артур Гвинн Гейгер?

— Не имею понятия.

— А что сказала Кармен?

— Я ее об этом не спрашивал. И не собираюсь. Если бы я попытался это сделать, она скорее всего начала бы сосать палец и состроила бы мину перепуганного ребенка.

— Я видел ее в холле. Она действительно вела себя именно так, а потом попробовала сесть ко мне на колени.

Выражение, застывшее на лице генерала, не изменилось ни на йоту. Его руки со сплетенными пальцами спокойно лежали поверх пледа, а жара, заставлявшая меня испытывать все ощущения цыпленка, насаженного на вертел, казалось, совершенно на него не действовала.

— Как вы считаете, генерал, вашим дочерям случалось развлекаться вместе?

— Не думаю. Мне кажется, они движутся навстречу гибели абсолютно разными и только им присущими путями. Вивиан порочна, но зато утонченна и интеллигентна, хотя совершенно беспринципна. Кармен же просто ребенок, которому нравится отрывать крылышки мухам. Понятие «мораль» значит для обеих не больше, чем для кошки. Впрочем, для меня тоже. Ни у одного из Стернвудов его не было. Спрашивайте дальше:

— Думаю, они достаточно образованны, а потому знают, что делают.

— Вивиан окончила хорошую, правда, немного снобистскую школу и университет. Кармен, наоборот, перебрала с поддожжны колледжей, предъявлявших к своим учащимся все меньше и меньше требований, в результате чего ее образование закончилось в той же точке, где и начиналось. Я вполне допускаю, что обе познакомились со всеми присущими и доступными человеку пороками. И если в устах отца это звучит довольно зловеще, то лишь потому, господин Марлоу, что мой собственный образ жизни всегда был весьма далек от любых разновидностей викторианского лицемерия. — Он откинул голову на спинку кресла и прикрыл глаза. — Полагаю, мне не стоит вам объяснять, что значит для человека, в пятьдесят пять лет впервые испытавшего радость отцовства, пережить то, что свалилось на меня теперь.

Я отпил очередной глоток и кивнул.

— Так что вы мне посоветуете? — буркнул он неожиданно.

— На вашем месте я бы заплатил.

— Почему?

— С одной стороны, вопрос упирается в сравнительно небольшую сумму, а с другой — грозит серьезными неприятностями. Уверен: за всем этим что-то кроется. Однако не думаю, что такие проблемы способны разбить вам сердце.

— Но у меня есть гордость, господин Марлоу, — холодно заметил генерал.

— Именно на этом кто-то и построил расчет. Это наиболее легкий способ обмануть вас и обобрать. Гейгер мог бы спокойно присвоить сумму, если бы вам не удалось доказать, что он мошенник. Но вместо этого он присылает вам в качестве подарка расписки, упомянув, что они являются свидетельством карточного или рулеточного долга, и тем самым дав вам в руки оружие, даже если бы он, Гейгер, и сохранил чеки. Он хорошо все рассчитал и знает, что получит эти деньги, независимо от того, признаете вы его мошенником или же честным человеком, ссужающим деньги под небольшие проценты. А кто такой Джо Броуди, которому вы уплатили пять тысяч долларов?

— Какой-то картежник. Может быть, владелец казино. Я уже точно не помню, но Норрис, мой дворецкий, должен знать.

— А у ваших дочерей есть собственный капитал, которым они могли бы распоряжаться по своему усмотрению?

— У Вивиан — да, но небольшой. Кармен же, согласно завещанию матери, все еще считается несовершеннолетней. Обе получают от меня в качестве карманных денег довольно крупные суммы.

— Разумеется, я могу убрать из поля вашего зрения Гейгера,

если вы захотите, — сказал я. — Независимо от того, кто он и чем занимается. Однако нам это ничего не даст: оплачивание шантажистов еще никогда и никому ничего не давало. А ваше имя уже попало у них в список источников наживы.

— Ну так что же? — Он пожал худыми, костлявыми плечами, укрытыми красным купальным халатом. — Минуту назад вы советовали мне уплатить, а теперь говорите, что нам это ничего не даст.

— Я только имел в виду, что для вас было бы менее хлопотно приостановить дело и согласиться на какую-нибудь разумную сумму. Вот и все.

— Боюсь, у меня не хватит на это терпения, господин Марлоу. А чему равен ваш гонорар?

— Обычно я получаю 25 долларов в сутки, а также возмещение всех расходов. Разумеется, если мне повезет.

— О'кей. Не так уж и много за то, чтобы избавить человека от злокачественной опухоли. Весьма деликатная операция, и, надеюсь, вы отдаете себе в этом отчет. Хочу верить в то, что вам удастся осуществить ее с минимальным ущербом для пациента.

Я наконец допил бренди и вытер платком губы и лицо. Генерал бросил на меня быстрый взгляд и откинул край пледа.

— Должен ли я договориться с этим типом, конечно, если его требования не превысят границ разумного? — спросил я.

— Да. Все в ваших руках. Я никогда не останавливаюсь на полпути.

— Постараюсь вывести его на чистую воду, — сказал я. — Он подумает, что у него перерезан путь.

— Не сомневайтесь в этом. А теперь прошу меня извинить: я очень устал. — Он протянул руку и нажал на кнопку звонка, вмонтированную в один из подлокотников кресла.

Я встал, снял со спинки плетеного стула свой пиджак и пошел к выходу, пробираясь сквозь заросли орхидей. Открыв дверь, я на минуту задержался на пороге оранжереи, жадно вдыхая свежий октябрьский воздух. Шофер уже не вертелся возле гаража, а ко мне медленно и важно приближался голубоглазый дворецкий, прямой, как гладильная доска. Он остановился и торжественно объявил:

— Миссис Риган хотела бы побеседовать с вами до вашего отъезда, сэр. Что касается денег, то генерал уполномочил меня выдать вам чек на любую разумную сумму.

— Уполномочил вас? Каким же образом?

Он удивленно посмотрел на меня и улыбнулся.

— Ох, понимаю: вы ведь детектив... Говоря проще, генерал нажал на кнопку.

— И вы подписываете чеки вместо генерала?

— Он удостоил меня этой чести.

— В таком случае вам наверняка не грозит быть похороненным за казенный счет. Что же касается денег, они мне пока не нужны. А о чем хочет побеседовать со мной миссис Риган?

— Мне кажется, она неверно поняла цель вашего визита, сэр.

— А кто ей о нем сообщил?

— Окна ее комнат выходят к оранжерее, и она видела, как вы вошли. Я был вынужден сказать, кто вы такой.

— Мне это не нравится, — отрезал я.

— Вы собираетесь учить меня моим обязанностям, сэр?

— Нет, только мне очень хотелось бы знать, в чем они, собственно, заключаются.

С минуту мы молча смотрели друг на друга. Потом он резко отвел взгляд.

3

Я присел на край глубокого мягкого кресла и посмотрел на миссис Риган. Надо сказать, было на что смотреть. Выглядела она так, будто ее одолевали серьезные проблемы. Старшая дочь генерала Стернвуда полулежала в сверхсовременном шезлонге, сбросив туфельки, так что я мог в совершенстве изучить ее ноги, едва прикрытые ажурной паутиной чулок. Впрочем, сильно смахивало на то, что все было продумано заранее: точеные ножки обнажены до колен, а одна и вообще сверх всякой меры. Колени у нее были красивые, не костлявые и не острые, с симпатичными ямочками, и такие же красивые, стройные щиколотки, вполне достойные музыкальной поэмы. Голова миссис Риган покоилась на атласной подушке цвета слоновой кости. У нее были гладкие черные волосы, расчесанные на прямой пробор, и черные горящие глаза. Подбородок красиво очерчен, губы — тоже, хотя их уголки слегка опущены, а нижняя, пожалуй, несколько полновата.

В руке она держала бокал. Отпив солидный глоток, миссис Риган бросила на меня холодный, оценивающий взгляд.

— Значит, вы — частный детектив, — сказала она. — Никогда не думала, что они существуют на самом деле, а не только в романах. Кроме того, я всегда представляла их маленькими, жалкими человечками, подглядывающими в замочные скважины гостиничных номеров.

Я сделал вид, что все это меня не касается, и пропустил намек мимо ушей.

Она поставила бокал на край широкого подлокотника и, проведя рукой по волосам, сверкнула массивным изумрудом.

— Вам понравился мой отец?

— Пожалуй, да.

— Он очень любил Рэсти. Думаю, вы знаете, кто это.

— Угу, — буркнул я.

— Рэсти банален и зауряден, но он никогда не был лжецом. Ему не следовало так исчезать. Это очень расстроило отца, хотя он ничего не говорит. А, может быть, вам сказал.

— Кое-что, — я не стал вдаваться в объяснения.

— Вы не слишком-то многословны, господин Марлоу. Однако отцу очень хочется найти его... По крайней мере, мне так кажется...

С минуту я смотрел на нее с необычайно любезной миной.

— И да, и нет.

— Хм, довольно странный ответ. И вы считаете, вам удастся его разыскать? Что же вы намерены предпринять?

— Когда и каким образом смылся ваш Рэсти?

— Разве отец вам не рассказывал?

Я склонил голову набок и широко улыбнулся. Она покраснела, и в ее темных глазах сверкнула молния.

— Не вижу в этом ничего смешного! К тому же мне не нравятся ваши манеры.

— Я тоже от вас не в восторге, — отрезал я, — и не просил об этой беседе — вы сами мне ее навязали. Меня не смущает ни то, что вы со мной заигрываете, ни то, что ваша утренняя трапеза состоит из бутылки виски. Мне безразлично, что вам не нравятся мои манеры. Действительно, должен признать, они далеки от совершенства. Но я уже достаточно размышлял на эту тему, особенно в долгие зимние вечера. Так что не тратьте даром время, подвергая меня перекрестному допросу.

Она швырнула бокал с такой силой, что часть виски выплеснулась на атласную подушку. Потом мягко соскользнула на пол и остановилась передо мной с раздувающимися ноздрями и сверкающим взглядом. В полоске приоткрывшихся губ хищно блеснули белые зубы.

— Как вы смеете так со мной разговаривать! — прошипела она.

Я продолжал сидеть и спокойно улыбался. Она посмотрела на разлитое виски, присела на краешек шезлонга и подперла ладонью подбородок.

— А вы молодчина! Только мне следовало бы запустить чем-нибудь вам в голову. Я испытываю отвращение к самоуверенным мужчинам. Просто ненавижу их!

— Чего вы боитесь, миссис Риган?

— Я уверена, вы говорили с ним не обо мне. — Ее голос звучал натянуто и все еще хранил нотку раздражения. — Речь шла о Рэсти, не так ли?

— Будет лучше, если вы спросите об этом у него.

— Убирайся! — внезапно выкрикнула она. — Вон отсюда!

Я встал.

— Сядьте, — буркнула она.

Я сел и прищелкнул пальцами.

— Прошу вас, я очень вас прошу. Вы ведь можете отыскать Рэсти, если... если отец этого так хочет.

Я кивнул и спросил:

— Когда он исчез?

— Около месяца назад, вскоре после полудня. Просто сел в свой автомобиль и уехал, не сказав никому ни слова. Потом эта машина была найдена неподалеку отсюда, в одном из частных гаражей.

— Вы сказали «была найдена»?

— Значит, он вам об этом не сказал! — Голос был веселым, словно ей, наконец, удалось меня перехитрить. Впрочем, может быть, так оно и было.

— Ваш отец говорил мне о мистере Ригане. Но он вызывал меня совсем по другой причине. Вы это хотели знать?

— Мне совершенно безразлично, что вы думаете или говорите.

Я встал.

— В таком случае, позволю себе откланяться.

Она промолчала, и я направился к выходу, но, уже стоя на пороге, обернулся: она со злостью закусил губу и смотрела на меня, как капризный щенок, грызущий край ковра. Я вышел на лестницу и спустился в холл, где уже поджидал, держа в руке мою шляпу, неизвестно откуда вынырнувший дворецкий.

— Должно быть, вы ошиблись, милейший, — обратился я к нему. — Миссис Риган вовсе не хотела меня видеть.

Он с достоинством склонил свою седую голову и произнес:
— Весьма сожалею, сэр, но, вероятно, я совершу еще не одну ошибку.

После чего закрыл за мной двери.

4

Резиденция А. Г. Гейгера была большим магазином, расположенным в северной части бульваров, почти рядом с Лас Пальмас. Витрины были забраны внушительного вида решеткой, а окна завешены китайскими бамбуковыми занавесями. Кроме того, там оказалось полно всяческих восточных побрякушек, о ценности которых я не имел ни малейшего представления, поскольку единственной древностью, с которой мне когда-либо доводилось иметь дело, были неоплаченные счета. Входная дверь была отлита из толстого оргстекла, но и сквозь нее я не смог ничего разглядеть — внутри магазина царил полумрак. Справа были ворота, ведущие во двор, слева — сверкающая бижутерией витрина солидной ювелирной фирмы. Ее хозяин как раз стоял на пороге, покачиваясь то на носках, то на пятках, — высокий, почтенных лет седовласый еврей в темном костюме и с бриллиантом в девять карат на руке. Когда я входил в обитель Гейгера, его губы искривила легкая, зато многозначительная усмешка. Я тихо прикрыл за собой дверь и бесшумно ступил на устилавший пол пушистый голубой ковер. В глубине магазина виднелась деревянная перегородка с дверью посередине. В углу за маленьким столиком сидела женщина. Увидев меня, она встала и двинулась навстречу, изгибаясь с грацией, присущей известному пресмыкающемуся. На ней было длинное черное платье, облепившее стройные, точеные бедра, а ее манера передвигаться совершенно не отвечала атмосфере, которая должна царить в книжном магазине. При ближайшем рассмотрении она оказалась платиновой блондинкой с зелеными глазами и основательно покрашенными ресницами. Ее локоны спадали гладкой волной за уши, в которых сверкали крупные клипсы из черного янтаря. Ногти ее были тщательно покрыты серебряным лаком, но, несмотря на все эти достоинства, она, увы, не производила впечатления особо утонченной личности.

— Что вам угодно? — спросила блондинка.

У меня на носу красовались темные очки. Я изменил голос и произнес фальцетом:

— Нет ли у вас случайно «Бен Гура», 1860 года издания*?

Она кисло улыбнулась.

— Первоиздание?

— Нет, — бодро ответил я. — Третье, с типографским дефектом на сто шестнадцатой странице.

— Боюсь, что не смогу вам помочь... у нас на складе нет этой книги.

— Тогда, может быть, есть «Шевалье Одюбон», 1840 года? Разумеется, полное издание.

* «Бен Гур. История Христа» — роман американского писателя, военного деятеля и дипломата Льюиса Уоллеса (1827—1905 гг.) (Здесь и далее прим. переводчика.)

— К сожалению... этого тоже сейчас нет, — промурлыкала она с видимым нетерпением. Улыбка все еще бродила по ее губам, но уже имела такой вид, будто готова в любую минуту сорваться на пол и разбиться вдребезги.

— Но ведь ваша фирма занимается продажей книг?

Она смерила меня твердым, холодным взглядом, приняла глубоко оскорбленный вид и забарабанила крашеными ногтями по одной из витрин.

— А что же это, по-вашему? Грейпфруты?

— О, подобные вещи меня не интересуют! Здесь всего лишь дешевые дубликаты прославленных изданий, подделка, хотя и довольно эффектная. Обычайший ярмарочный товар! О, нет, благодарю вас, нет!

— Понимаю. — Она опять попыталась натянуть улыбку на лицо, расстроенное, как у члена муниципального совета, заболевшего свинкой. — Возможно, вам смог бы помочь мистер Гейгер, но в данную минуту он, к сожалению, отсутствует.

Она все внимательнее приглядывалась ко мне. Зато я уже наверняка знал, что в редких книгах она смыслит не больше, чем, например, в устройстве блошиного цирка.

— А вы не могли бы сказать, когда он вернется?

— Боюсь, не очень скоро.

— Какая жалость! — вздохнул я. — Мне действительно весьма жаль. А потому, с вашего позволения, я присяду в одно из этих красивых кресел и выкурю сигарету. Сегодня у меня выдался свободный день, вот только необходимо обдумать содержание моей будущей лекции по тригонометрии.

— О, понимаю, — сказала она. — Да... в самом деле.

Я поудобнее устроился в кресле и закурил, воспользовавшись лежащей на столике круглой никелированной зажигалкой. Женщина еще несколько минут постояла рядом, закусив губу и с какой-то неопределенной озабоченностью во взгляде, потом кивнула, медленно повернулась и пошла к своему столику. Я закинул ногу на ногу и зевнул. Ее серебряные коготки машинально потянулись к стоящему рядом телефону, но не коснулись его и, опустившись, нетерпеливо забарабанили по краю стола.

Так продолжалось около пяти минут. Внезапно распахнулась входная дверь, и на пороге вырос высокий, лысоватый тип с тростью и длинным носом. Он толкнул дверь, абсолютно игнорируя наличие ручки, промаршировал к столу, положил на него завернутый в плотную бумагу пакет, а затем извлек из кармана солидный бумажник с золотой монограммой и показал что-то блондинке. Она нажала на кнопку, вмонтированную в столешницу, и высокий тип, подойдя к двери в деревянной перегородке, приоткрыл ее ровно настолько, чтобы протиснуться в образовавшуюся щель.

Я докурил сигарету и потянулся за новой. Время ползло, как черепаха. Наконец дверь в деревянной перегородке опять приоткрылась, и высокий тип с тростью под мышкой выскользнул обратно. В руках он держал свежеупакованный сверток, напоминающий по форме толстую книгу. Подойдя к блондинке, он отсчитал какую-то сумму и вышел из магазина. Проходя мимо меня, он бросил в мою сторону быстрый подозрительный взгляд.

Я встал, в знак прощания помахал блондинке шляпой и двинулся за ним. Мы прошли полтора квартала. У светофора на

Хайленд Авеню я остановился около него и дал себя заметить. Сначала он окинул меня довольно рассеянным взглядом, потом — быстро и подозрительно, после чего тут же отвернулся. Мы перешли на противоположную сторону улицы и добрались до следующего перекрестка. И тут он молниеносно свернул за угол. Но, не пройдя и ста шагов, внезапно остановился и достал из внутреннего кармана пиджака кожаный портсигар. При этом он, будто бы нечаянно, уронил коробок со спичками. Поднимая его, обернулся и, убедившись, что я наблюдаю за ним из-за угла, выпрямился так резко, словно его пнули ногой. Он двинулся дальше поспешными, неловкими шагами. Нас разделяла узенькая улица, ограниченная с одной стороны кирпичной стеной, а с другой — тремя летними бунгало.

Тут я его потерял. После нескольких минут бесплодного блуждания вдоль улицы я, наконец, остановился у второго по счету бунгало с романтическим названием «Али-Баба». Это было тихое, уютное местечко с двумя рядами маленьких деревянных павильончиков, наполовину скрытых деревьями. За третьим по счету деревом мелькнуло плечо в ярком, крикливом пиджаке.

В эту минуту ударил гром, и сверкнувшая молния высветила темные напластования скопившихся на юге туч. На землю медленно и важно упали первые тяжелые капли дождя, выбивая в пыли лунки величиной с пятицентовую монету. Воздух был так же неподвижен, как в оранжерее генерала Стернвуда.

Внезапно из-за дерева опять высунулся крикливый пиджак, за ним — длинный нос, глаз и рыжевато-желтые волосы: шляпы на нем не было. Глаз взглянул на меня и исчез, но тут же по другую сторону ствола, словно дятел, высунулся второй. Прошло еще пять минут. Похоже, я его добил: он, видимо, относился к числу людей с не слишком крепкими нервами. Сначала я услышал треск ломающейся спички, затем до меня донеслось посвистывание, и смутная тень перебежала к следующему дереву. Несколько секунд спустя он был уже на дорожке и шел прямо на меня, продолжая насвистывать и помахать тросточкой. Свистун был далеко не виртуозом — похоже, деланная беззаботность давалась ему с трудом. Я задумчиво уставился в небо. Он прошел буквально в десяти футах от места моего укрытия, но больше не удостоил меня взглядом.

Я дождался, пока он исчезнет из виду, не спеша прошелся в направлении «Али-Баба» и раздвинул ветви третьего кипариса. Как и следовало ожидать, там оказалась завернутая в бумагу книга. Я сунул ее под мышку и двинулся обратно. Никто меня не преследовал.

5

Очутившись на бульваре, я первым делом вошел в телефонную будку и отыскал в справочнике домашний адрес Артура Г. Гейгера. Он жил на Лаверн Террас, боковой улице, ответвляющейся от Лорел Кэньон Бульвар. Потом я бросил в таксофон монету и из чистого любопытства набрал его номер: никто не ответил. Тогда я еще раз перелистал телефонную книгу и выписал оттуда адреса нескольких расположенных поблизости книжных магазинов.

Первый, к которому я направился, представлял собой большое

полуподвальное помещение, содержащее разные канцелярские принадлежности, и заполненный книгами первый этаж. Явно не то, что я искал. Я перешел на другую сторону улицы и отправился дальше. Очередное заведение уже больше напоминало магазин — маленький, до самого потолка забитый книгами.

Я протиснулся в глубь магазина, прошел к конторке и наткнулся на невысокую брюнетку, изучающую какой-то юридический труд. Хлопнув по столешнице раскрытым бумажником, я дал ей возможность рассмотреть пристегнутый к его краю значок. Девушка сняла очки, откинулась назад, удобнее устраиваясь на стуле, и молча посмотрела на меня.

— Не могли бы вы оказать мне небольшую услугу? Совсем небольшую?

— В чем дело? — У нее был приятный, чуть хриловатый голос.

— Вам знаком магазин Гейгера? В двух кварталах отсюда.

— Кажется, я проходила мимо пару раз.

— Это книжный магазин, — пояснил я. — Но не такой, как ваш. Впрочем, вероятно, вы и сами знаете.

Она не ответила, только слегка скривила губы.

— Вы знаете Гейгера лично? — продолжал я.

— К сожалению, нет.

— А не могли бы вы хотя бы описать его?

Ее губы скривились чуть сильнее.

— А я должна?

— Разумеется, вы не обязаны. Если не хочется, я не могу вас принудить.

Она взглянула на дверь в глубине магазина и снова откинулась на спинку стула.

— На вашем удостоверении была звезда шерифа?

— Я просто вольный стрелок, а это ничего не значит — дешево центовой сигареты.

— Понимаю. Вы хотите знать, как он выглядит, но предпочитаете не навещать его лично?

— Гейгера нет на месте.

— Но ведь рано или поздно он вернется. В конце концов это его магазин.

— В данную минуту я предпочел бы уклониться от встречи, — сознался я. — Вы знаете что-нибудь о редких изданиях?

— Можете устроить мне экзамен.

— Нет ли у вас «Бен Гура» 1860 года, издание третье с дважды повторяющейся строкой на сто шестнадцатой странице?

Она отодвинула в сторону свой юридический труд, взяла лежащую на краю стола толстую книгу, перевернула несколько страниц, нашла то, что нужно, и внимательно изучила.

— Этого нет ни у кого, — объявила она, не поднимая глаз. — Подобного издания просто не существует.

— Вы совершенно правы.

— К чему вы, собственно говоря, клоните?

— Девушка из магазина Гейгера этого не знала.

Она подняла глаза.

— Вот как? Это уже интереснее.

— Дело в том, что я — частный детектив и, хотя задаю слишком много вопросов, до сих пор узнал не так уж много.

Она выпустила легкое колечко серого дымка и сказала любезным, но совершенно безразличным тоном:

— С виду ему около 40, он среднего роста со склонностью к полноте. Примерно 160 фунтов. Пухлое лицо, усики, как у Чарли Чана*, жирная, в складках, шея. И вообще весь он какой-то мягкий. Одет всегда безукоризненно и никогда не носит шляпы. Привык выставлять себя большим знатоком антикварных изделий, хотя это и не отвечает истине. Ах, да! У него стеклянный левый глаз.

— Отличное описание, — сказал я. — Из вас вышел бы превосходный сыщик.

— Надеюсь, нет, — отрезала она, надевая очки.

Я поблагодарил ее и вышел из магазина. Дождь усилился, и мне пришлось бежать со всех ног, зажав под мышкой завернутую в бумагу книгу. Мой автомобиль был припаркован на одной из боковых улиц, почти напротив магазина Гейгера, и я успел основательно промокнуть, прежде чем забрался под крышу. Очтившись в машине, тщательно вытер пакет носовым платком и не спеша развернул его.

Я не ошибся: тяжелая, в дорогом переплете книга, отпечатанная специальным шрифтом на великолепной атласной бумаге, со множеством цветных иллюстраций. И содержание, и рисунки отличались просто неопишущей непристойностью. Книга была не новой: на картонном вкладыше виднелись бесчисленные даты выдач и возвращений. Томик из разряда специальных изданий с особо утонченной скабрёзностью.

Я опять завернул книгу в бумагу и положил ее на заднее сиденье. Подобная мерзость, открыто процветающая на центральной улице, неоспоримо свидетельствовала, что владелец библиотеки находится под покровительством весьма влиятельных особ.

Итак, я сидел в своем автомобиле, портил легкие табачным дымом, вслушивался в шум падающих капель и думал.

6

Гейгер возник на горизонте только около четырех часов. Пока он выбирался из автомобиля и входил в магазин, я успел рассмотреть его полное лицо и усики а-ля Чарли Чан. Он был в зеленом кожаном плаще, однако с такого расстояния я не мог проверить, действительно ли у него стеклянный глаз. Минуту спустя из магазина вышел симпатичный молодой человек в кожаной куртке и, отогнав машину за угол, вернулся обратно.

Прошел еще час, стемнело, и приглушенные пеленой дождя рекламные вывески постепенно растворились в полумраке улицы. Примерно около половины шестого опять появился высокий парень в кожаной куртке, на этот раз с зонтом под мышкой, и подогнал к центральному входу кремовый двухместный автомобиль. Когда на пороге показался Гейгер, молодой человек раскрыл над ним зонт, затем сложил его снова и подал книготорговцу, уже успевшему сесть за руль. Как только молодой человек исчез за дверь, я тут же включил зажигание и тронулся с места.

* Чарли Чан — детектив-китаец из Гонолулу, герой популярной серии романов американского писателя Эрла дер Биггера (1884—1933).

Дважды или трижды мне удалось различить сквозь сплошную пелену дождя контуры светлого автомобиля, а потом я увидел, что у одного из перекрестков на Лорел Кэньон Драйв он свернул влево, в узкую, извилистую бетонированную улочку. Это и была Лаверн Террас — тесная улица с разбросанными по наклонной плоскости домами, причем все они располагались только по одной стороне и так низко, что их крыши приходились буквально вровень с насыпью шоссе. Окна коттеджей прятались за густым кустарником и живыми изгородями.

Гейгер зажег фары, но я не последовал его примеру. Нажав вместо этого на газ, я обогнал его на повороте, отметил про себя номер дома и остановился у ближайшего перекрестка. Фары кремового автомобиля на мгновение высветили гараж у маленькой виллы, окруженной таким густым хитросплетением жимолости, что ее почти не было видно. Гейгер вышел из гаража и вошел в дом. Как только в окнах виллы вспыхнул свет, я подъехал к ближайшему необитаемому с виду дому, припарковал машину, отпил из бутылки еще один глоток и, запасаюсь терпением, стал ждать.

Надо сказать, это была на редкость тихая улица: мимо проехало всего два автомобиля, медленно, словно бы нехотя, взбиравшихся по склону. И лишь около шести часов сквозь пелену дождя забрезжил какой-то свет. Это были фары машины, остановившейся перед виллой Гейгера. Они тускло светились еще пару минут, потом погасли, дверца автомобиля приоткрылась, и из него вышла женщина. Маленькая, хрупкая, в широкополой фетровой шляпе и прозрачном непромокаемом плаще, она уверенно двинулась сквозь лабиринт живой изгороди прямо к крыльцу виллы. Слабо прозвенел звонок, с треском распахнулась и хлопнулась дверь, и вокруг опять воцарилась тишина.

Я достал из бардачка фонарик, выбрался из машины и подошел к стоящему перед домом Гейгера автомобилю. Это был «паккард» с откидным верхом темно-коричневого цвета. В левой дверце оказалось опущенным ветровое стекло, и я, нацупав водительские права, осветил их фонариком. Они были выписаны на имя мисс Кармен Стернвуд, 3765, Альта Бриа Креснт, Западный Голливуд. Я снова вернулся в машину. Капли дождя стекали мне на колени, виски не согревало, но никто больше не проехал по Лаверн Террас, и ни один, даже самый слабый огонек не появился в окнах дома, возле которого я поставил свой автомобиль. Идеальный уголок для любителя предаваться порочным страстям.

Ровно в двадцать минут восьмого в одном из окон виллы Гейгера, словно молния в летнюю грозу, вспыхнул сног-яркого света, и, прежде чем над ним сомкнулась тьма, раздался острый пронзительный вопль. Я как ошпаренный выскочил из машины.

Однако в услышанном мною крике не было страха — скорее восторг и пьяная, бесшабашная удадь.

Когда я нырнул в проем посреди живой изгороди и добежал до дверей виллы, вокруг снова царил тишина. Вместо кнопки звонка на двери было бронзовое кольцо в львиной пасти. Я протянул руку, коснулся его, и в ту же секунду, словно кто-то дожидался сигнала, внутри дома прогремели три коротких выстрела. За ними последовало что-то вроде долгого хриплого

вздоха, затем — глухой, мягкий стук и, наконец, чьи-то быстро удаляющиеся шаги.

Дверь выходила на узенькую дорожку, зажатую между стеной дома и крутым склоном. С заднего крыльца вели на заросшую улицу деревянные ступени, которые сейчас скрипели под чьими-то ногами. Затем резко взвыл запущенный на полную мощность двигатель, но и этот звук быстро растаял вдали. На мгновение мне показалось, будто послышался шум мотора, но я не был в этом уверен. Дом стоял передо мною тихий и молчаливый. Теперь можно было не спешить: то, что ожидало внутри, наверняка никуда не денется.

Я уселся на край ограды, наклонился к окну и попытался заглянуть внутрь сквозь щель, образовавшуюся в том месте, где сходились шторы, но увидел лишь отблеск лампы, падающий на одну из стен и угол библиотеки. Тогда я вернулся к парадной двери и попробовал высадить ее плечом. Однако это было не слишком разумно: в любом калифорнийском доме имеется одна-единственная несокрушимая вещь — парадная дверь. Я перелез через ограждение и вышиб кусок оконного стекла, прикрыв руку шляпой для защиты от осколков. Теперь мне без труда удалось нащупать шпингалет, удерживавший створки окна, остальное было сущим пустяком — замок уступил, и окно распахнулось. Я вскочил внутрь и раздвинул шторы.

В комнате было два человека, но покойником оказался лишь один.

7

В кресле из тикового дерева на украшенной кистями оранжевой шали я увидел Кармен Стернвуд. Она сидела неподвижно, выпрямившись в позе египетской статуи. Ее подбородок был выдвинут вперед, в полоске приоткрытых губ матово поблескивали зубы, а в глазах с расширенными зрачками зияла пустота. В целом она выглядела так, будто была мертва или спала. Из глубины горла вырывался странный, сдавленный звук, но и лицо ее, и губы оставались совершенно неподвижными.

В ушах красовались длинные нефритовые серьги, стоявшие, вероятно, не одну сотню долларов, но, кроме этого, на ней больше ничего не было.

У нее оказалось красивое, гибкое и упругое тело, словно выточенное из слоновой кости, а кожа блестела в свете лампы, как матовый жемчуг. Ее ноги тоже были хороши, однако я смотрел на них совершенно равнодушно, не испытывая ни смущения, ни вожделения. Для меня она была просто одурманенной наркоманкой.

И такой осталась в моей памяти навсегда.

Я отвернулся и посмотрел на Гейгера. Он лежал на спине на краю китайского ковра. Его орлиный профиль дополнял большой круглый глаз — объектив фотоаппарата, направленный на обнаженную девушку в кресле. Сбоку к столбу была привинчена лампа-вспышка. На ногах у Гейгера красовались мягкие китайские туфли с толстыми войлочными подошвами и черные шелковые пижамные брюки. Его пестрый китайский халат уже успел пропитаться кровью, а стеклянный глаз, блестевший в свете лампы, казался единственным живым существом во всем

доме. Даже неопытному новичку было ясно, что все три выстрела достигли цели — он был мертв.

Теперь я понял, что свет, показавшийся мне блеском летней молнии, на самом деле был вспышкой фотолампы, дикий вопль — криком одурманенной наркотиком девушки, а вот последовавшие за ним выстрелы — делом рук кого-то третьего, пытавшегося изменить ход событий. Кого-то, сбежавшего затем по черной лестнице и вскочившего в машину. Положа руку на сердце я должен сказать, что в глубине души не слишком осуждал подобный образ действий.

На красном лаковом подносе я обнаружил два изящных хрустальных бокала с золотой насечкой, а рядом с ними — пузатый графин с какой-то густой темной жидкостью. Я вынул пробку и принюхался: пахло эфиром и чем-то еще, быть может, лауданумом. Никогда не пробовал ничего подобного, но должен признаться, оно вполне отвечало общей атмосфере, царившей в этом доме.

Я стоял и вслушивался в монотонный шум падающих капель. Наконец я сбросил плащ и принялся перебирать вещи Кармен. Я обнаружил зеленое шерстяное платье типа распашонки с короткими рукавами. Бельем решил не заниматься, но вовсе не по причине врожденной деликатности, просто у меня не было охоты развлекаться, натягивая на нее трусики или застегивая бюстгальтер. Итак, я взял одежду в охапку и вернулся с ней к креслу. Мисс Стернвуд также благоухала эфиром. Девушка по-прежнему издавала странный, пронзительный, вибрирующий звук, а в уголках ее губ появилась пена. Я размахнулся и ударил ее по лицу. Она заморгала и умолкла. И тогда я ударил ее еще раз.

— Ну же, — сказал я весело. — Не капризничай. Будем одеваться.

Кармен вздохнула и выпустила несколько пузырьков воздуха. Я уложил ее прямо на диван, и она, еще немного похихикав, тут же уснула. Тогда я набил себе карманы остатками ее гардероба и пошел полюбоваться на столб. Установленный на нем фотоаппарат был цел и невредим, но пленка, к несчастью, исчезла. Я подумал, что это мог сделать Гейгер до того, как в него стреляли, и осмотрел пол. Увы, безрезультатно. Кассеты с пленкой нигде не было, и такой поворот событий отнюдь не привел меня в восторг.

Я обыскал весь дом и в самом дальнем ящике стола обнаружил небольшую запертую металлическую коробочку. Один из ключиков оказался подходящим. Внутри лежал блокнотик в голубом кожаном переплете, исписанный при помощи кода тем же чертежным шрифтом, что и письмо на имя генерала Стернвуда. Я спрятал блокнотик в карман, старательно обер металлическую коробочку, запер стол, забрал ключи, перекрыл подачу газа в камин и, надев плащ, попытался разбудить Кармен Стернвуд. Однако это оказалось выше моих сил. А потому я надел ей на голову широкополую шляпу, закутал в плащ и отнес в ее собственную машину. После этого вернулся обратно, погасил всюду свет, запер входную дверь, достал из сумочки Кармен ключи и завел «паккард».

Мы тихо спустились в долину, не зажигая фар, и десять минут спустя были уже перед домом Стернвудов. Кармен спала, и оду-

ряющий запах эфира бил мне прямо в лицо. Но я не мог убрать ее голову со своего плеча. Единственное, что мне удалось, — это не позволять ей склониться мне на грудь.

8

Из-за боковых дверей резиденции Стернвудов пробивался приглушенный свет. Я остановил «паккард» у ворот и освободил свои карманы от вещей Кармен. Девушка продолжала посыпать в углу: шляпа залихватски съехала ей на лицо, закрыв нос, а руки безвольно зарылись в складки плаща. Я выбрался из машины и позвонил. Двери распахнулись, и на пороге вырос седовласый дворецкий.

— Добрый вечер, — сказал он любезно, после чего повернулся в сторону «паккарда». Минуту спустя его глаза опять встретились с моими.

— Миссис Риган дома?

— К сожалению, нет, сэр.

— А генерал, вероятно, уже спит?

— Да. Вечерами он обычно засыпает лучше всего.

— А где горничная миссис Риган?

— Матильда? Она здесь, сэр.

— Будет очень хорошо, если вы позовете ее сюда: этим должна заняться женщина. Загляните внутрь автомобиля и поймете, почему.

Он так и сделал, а когда вернулся, произнес:

— Вы правы. Я схожу за Матильдой.

— А Матильда сумеет с этим управиться?

— Мы все умеем, сэр.

— Так я и думал. У вас должен быть богатый опыт. А теперь прощайте. Оставляю ее на ваше попечение.

— Премного вам благодарен. Не хотите вызвать такси?

— Ни в коем случае, — запротестовал я. — И запомните: меня здесь вообще не было.

Он с улыбкой наклонил голову, а я повернулся и зашагал к воротам.

Я шел очень быстро и все же потерял почти полчаса, прежде чем добрался до дома Гейгера. Улица была пуста — ни людей, ни машин, только мой автомобиль, припаркованный у соседней виллы, одинокий и несчастный, как пес без хозяина. Я достал бутылку виски, влил половину того, что в ней оставалось, себе в горло, а потом уселся в машину и закурил сигарету. Выкурив ее примерно до половины, я выбрался наружу и двинулся по направлению к дому Гейгера. Открыл дверь и оказался в тихом, теплом полумраке. Я на ощупь отыскал выключатель и зажег свет.

Первым, что мне бросилось в глаза, была дыра на стене — кто буквально с мясом вырвал две полоски из расшитого цветами китайского шелка. Я двинулся дальше и зажег очередную лампу. У основания столба, где раньше лежало тело Гейгера, кто-то расстелил новый ковер. Что касается трупа, он исчез, как будто прирезился мне во сне.

От этого открытия мне сделалось как-то не по себе, я стиснул зубы и опасливо покосился на стеклянный глаз объектива. Потом еще раз обыскал весь дом. Увы, напрасно: все выглядело так же,

как раньше, но тела Гейгера я не обнаружил нигде. Я опустился на колени и внимательно осмотрел ворс на ковре. Наискось, до самой двери, тянулись две едва заметные параллельные канавки — точно кто-то проехался пятками. Нелегкая работенка: тропы обычно бывают тяжелее, чем разбитые сердца.

Итак, кто же это сделал? Явно не полиция, но и не убийца — слишком быстро ему пришлось смотать удочки. Пока я не мог ответить на все эти вопросы, однако мне было на руку, что кто-то постарался представить Гейгера пропавшим без вести.

Я вышел на улицу, запер за собой дверь и, сев в машину, отправился домой — навстречу горячей ванне, сухой одежде и сильно запоздавшему ужину.

9

Я проснулся с омерзительнейшим привкусом во рту. Вместо завтрака выпил две чашки крепчайшего кофе, а затем принялся штудировать утренние газеты. Ни в одной из них не было ни строчки об Артуре Гвинне Гейгере. Тогда я взялся приводить в порядок свой вымокший накануне плащ, и за этим занятием меня застал телефонный звонок.

— Ну и как у тебя дела? — Берни Олс, старший следователь окружной прокуратуры, говорил тоном человека, который прекрасно высypается и имеет не слишком много долгов.

— Голова трещит с похмелья, — откликнулся я.

— Ай-ай, — рассмеялся он каким-то странным, отсутствующим смешком, а его голос был холоден и безлик, как у любого полицейского. — Ты уже виделся с генералом Стернвудом?

— Угу.

— Ну и как? Удалось что-нибудь выяснить?

— Вчера был чертовски сильный дождь, — брякнул я, как будто это все объясняло.

— Похоже, в этой семейке частенько происходят довольно странные вещи: например, неподалеку от рыбацкой пристани на Лидо только что обнаружен большой «бьюик», принадлежащий одному из ее членов.

Я стиснул трубку с такой силой, что она лишь чудом не раскололась пополам, и затаил дыхание.

— Да, да, — продолжал оживленно Олс. — Прекрасная модель, но совершенно выведенная из строя песком и морской водой. Ага, чуть не забыл: внутри какой-то тип.

— Риган? — спросил я.

— Что такое? Кто? А, ты думаешь об этом экс-бутлегере, которого подцепила старшая из двух девиц и впоследствии сделала своим мужем? Я его никогда не видел. А что он мог делать под водой?

— Ох, не морочь мне голову! Что вообще можно там делать?

— Не знаю, старина. Я как раз собираюсь туда заглянуть и осмотреть все на месте. Хочешь поехать со мной?

— Да.

— Ну так живее собирайся. Жду тебя у своей тихой пристани.

Я побрился, оделся, наскоро перекусил и через час был уже в прокуратуре. На пустом столе в кабинете Олса красовались пресс-папье, комплект дешевых письменных принадлежностей,

а также его шляпа и нога. Олс был блондином среднего роста с кустистыми, выгоревшими на солнце бровями, спокойными глазами и великолепной белозубой улыбкой. Ничем не примечательный парень, но за свою жизнь Берни пришлось застрелить девять человек. Трое из них пытались его убить.

Когда я вошел, он встал, вынул из плоского портсигара дешевую сигарету марки «Антракт», пожевал ее губами и, откинув назад голову, внимательно оглядел меня из-под опущенных век.

— Это не Риган. Я проверил. Риган — парень крепкий и рослый. А что какой-то молокосос.

Я промолчал.

— Почему он смьялся? — спросил Олс. — Ты когда-нибудь над этим задумывался?

— Нет.

— Когда контрабандисту случается жениться на богатой девушке, а потом он вдруг говорит «прощай!» прекрасной даме и миллиону в брачной корзинке, даже такой субъект, как я, поневоле задумается над столь странным фактом. Я просто убежден, что и ты подозреваешь здесь какую-то тайну.

— Угу, — подтвердил я лаконично.

— О'кей, можешь даже замок себе на рот повесить. И без обиды, приятель. — Он вышел из-за стола, шаря у себя в карманах, и протянул руку к шляпе.

— Я не разыскиваю Ригана, — заметил я с нажимом.

Мы спустились в паркинг, отведенный для машин сотрудников полиции, уехали в небольшой голубой автомобиль и выехали за город, время от времени включая сигнальную сирену. Утро выдалось прохладное, воздух был полон различных ароматов, одним словом, хотелось жить и радоваться жизни — разве что накопилось слишком много забот. Как у меня, например.

Дорога в Лидо тянулась вдоль побережья: тридцать миль пути, десять из которых еще в черте города. Олс покрыл их за три четверти часа, а потом резко затормозил, чуть не врезавшись в облупившуюся лепную арку. Прямо перед нами тянулся длинный мол, огражденный балюстрадой из толстых белых досок, а на самом его конце стояла небольшая группка оживленно жестикулировавших людей.

Внизу, под аркой, я увидел полицейского на мотоцикле, тщетно пытавшегося сдержать напор зевак: по обе стороны шоссе ежeminутно парковались все новые и новые автомобили, наполненные жажущими крови вампирами. Олс показал свой значок, и мы поднялись на мол, навстречу одуряющему запаху рыбы, которого не смог заглушить даже шедший всю ночь проливной дождь.

— Там, напротив, на моторной барже, — сказал Олс.

Низкая черная баржа с огромной рулевой рубкой мерно покачивалась на волнах у самого конца мола, а на ее палубе в лучах утреннего солнца тускло поблескивал какой-то предмет. Это был отделанный хромом большой черный автомобиль, корпус которого все еще опутывали цепи. Когда мы неуверенными шагами ступили на палубу, подъемник уже отогнали в сторону, но вокруг «бьюика» продолжали суетиться люди.

Олс поздоровался с полицейским в мундире защитного цвета и сопровождавшим его мужчиной в штатском, и мы приступили

к осмотру машины. Передний бампер у нее был полностью смят, одна из фар разбита, а вторая погнута, но стекло чудом уцелело. В радиаторе была большая вмятина, а лак и хром исцарапаны по всему корпусу. Сиденья вымокли и почернели, зато колеса не пострадали.

Водитель все еще сидел за рулем, гротескно свесив вперед голову. Это был тот самый симпатичный молодой брюнет, которого я видел накануне днем перед гаражом Стернвудов. Теперь у него было голубовато-белое лицо, остекленевшие глаза под набрякшими, полуприкрытыми веками, а распахнутый в крике рот забит песком. На левом виске я заметил большой синяк, резко контрастировавший с обескровленной кожей.

Олс сделал шаг назад, как-то странно закашлялся и поднес к сигарете зажженную спичку.

— Как это случилось?

— Он упал здесь, — начал объяснять полицейский в защитном мундире. — Удар, должно быть, был очень силен. Дождь прекратился тут намного раньше, чем в городе, примерно около девяти вечера. Дерево на изломе сухое — значит, катастрофа произошла, когда дождя уже не было. В этом месте очень глубоко, и потому машина не разбилась. Скорее всего в момент несчастья прилив еще не начался, в противном случае вода прибила бы автомобиль к сваям. Все это позволяет предположить, что наиболее вероятное время аварии — часов десять вечера. Ну, может быть, половина десятого, но никак не раньше. Автомобиль обнаружили подростки, удивившие утром рыбу. Мы вызвали плавучий кран, чтобы его поднять, и увидели внутри труп.

Мужчина в штатском пнул носком ботинка слизкие доски палубы, а Олс, окинув его быстрым взглядом, затаился сигаретой и повернулся ко мне.

— Пьяный? — бросил он, адресуясь куда-то в пространство.

Матрос, вытиравший полотенцем мокрые волосы, подошел к борту и сплюнул так громко, что все разом повернулись к нему.

— Я глотнул порядочно песка, — проворчал он, откашлявшись. — Правда, не так много, как наш приятель за баранкой, однако с меня вполне достаточно.

— Пьяный? — повторил полицейский в мундире. — Очень может быть. Гнать так во время ливня... Пьяный вообще что угодно выкинет.

— Какой там, к черту, пьяный! — отрезал мужчина в штатском. — Ручной тормоз вытянут до половины, а парень получил удар в висок. По мне, это самое обычное убийство.

Олс взглянул на моряка с полотенцем.

— Ну, а вы что об этом думаете?

Тот усмехнулся, явно польщенный.

— Мне кажется, это самоубийство. С первого взгляда видно, что парень пер идеально вдоль мола: даже следы еще остались. Все случилось после дождя. Перед ударом он должен был основательно прибавить газу, иначе не снес бы должежду и приземлился где-нибудь посреди залива на крыше... Перекувырнулся бы пару раз, и все. Отсюда вывод: ехал он очень быстро. А с наполовину вытянутым ручным тормозом это невозможно. Должно быть, ухватился за него, уже падая в воду, и тогда же получил по голове.

— А ты глазастый, старина,— заметил Олс.

В этот момент со стороны пристани подошел невысокий усталый мужчина в очках и с черным чемоданчиком в руке. Он отыскал на палубе относительно чистое место и поставил на него свою ношу, затем снял шляпу, вытер шею и молча устоялся на море, будто не понимая, куда и зачем его привезли.

— Вот ваш пациент, доктор,— обратился к нему Олс.— Упал этой ночью с мола. Между девятью и десятью часами. Это все, что нам пока известно.

Низенький мужчина окинул покойника равнодушным взглядом, потом оцупал его голову, осмотрел синяк на виске, наклонил ее сперва вправо, затем влево и, наконец, потрогал его ребра. После этого он поднял неподвижную мертвую руку, быстро оглядел ногти и, отпустив ее, наблюдал, как она падает. Потом он отошел к своему чемоданчику, достал чистый бланк и принялся заполнять его под копирку.

— Видимая причина смерти: перелом шейных позвонков. Советую вам убрать его из машины, пока он полностью не окостенел, потом это будет занятие не из приятных.

Олс согласно кивнул.

— Когда, по-вашему, наступила смерть, доктор?

— Этого я сказать не могу.

Олс внимательно посмотрел на него, затем вынул изо рта сигарету и подарил ей столь же пронизательный взгляд.

— Рад был с вами познакомиться, доктор. Судебный медик, который не в состоянии установить время смерти в течение первых пяти минут, явление для меня, безусловно, новое.

Низенький человечек пробурчал что-то невразумительное и, должно быть, не слишком приятное, потом спрятал исписанный бланк обратно в чемоданчик и прикрепил ручку к карману пиджака.

— Я смогу ответить на ваш вопрос, если покойник вчера вечером поужинал. И то лишь в том случае, если буду знать, когда он это сделал. И отнюдь не в течение пяти минут.

— А как он заработал синяк? При падении?

Низенький человечек еще раз склонился над трупом.

— Думаю, нет. Это след от удара тупым предметом. Гематома образовалась еще при жизни жертвы.

— Дубинка?

— Возможно.— Врач кивнул, взял чемоданчик и спустился на мол, где под аркой его ждала машина «Скорой помощи».

Олс повернулся ко мне.

— Не стоило сюда приезжать, правда?

Мы опять пересекли мол и уселись в его автомобиль. Олс резко вырулил на шоссе и двинулся обратно в город. Проехав несколько миль, мы вдруг остановились, и Олс ткнул меня пальцем в грудь.

— Ты его узнал?

— Разумеется. Это шофер Стернвудов. Я видел его вчера перед гаражом — он как раз мыл эту машину.

— Я не хочу оказывать на тебя давление, Марлоу, но скажи: этот парень как-нибудь связан с порученным тебе делом?

— Нет. Я даже не знаю его имени.

— Его звали Оуэн Тейлор... Откуда мне это известно? Смешная история. Год назад он разыскивался нами по обвинению

в похищении: хотел сбежать с этой чокнутой дочкой Стернвуда, ну с той, младшей, в Юму. Но сестра их выследила, привезла девчонку обратно, а Оуэна засадили в каталажку. Однако уже на следующий день она позвонила окружному прокурору и потребовала освободить парня. Он, оказывается, собирался жениться на ее сестре и непременно бы это сделал, но девушка превратно истолковала его намерения... Она, видите ли, приняла все это за забавное приключение. Мы освободили молодчика, и, черт меня побери, Стернвуды опять взяли его на работу. Немного позже мы получили рапорт из Вашингтона, куда послали отпечатки его пальцев. Оказывается, шесть лет назад он был осужден властями штата Индиана за попытку вооруженного нападения. Тогда ему удалось отделаться шестью месяцами заключения в тюрьме. Разумеется, мы сообщили обо всем Стернвудам, однако они его не уволили. Что ты думаешь по этому поводу?

— Довольно странная семейка,— заметил я.— А они уже знают о том, что случилось ночью?

— Нет. Я как раз собираюсь туда заехать.

— Я бы на твоём месте оставил старого генерала в покое.

— Почему?

— У него и так хватает проблем, а кроме того, он болен.

— Ты имеешь в виду Ригана?

— Я уже говорил тебе, что не знаю ничего ни о каком Ригане. Я его не ищу, и вообще он не интересует никого, кроме тебя.

Оставшуюся часть пути мы проделали почти молча. Берни высадил меня в Голливуде неподалеку от китайского театра, а сам поехал по направлению к вилле Стернвудов. Я пообедал в баре и перелистал дневные газеты: о Гейгере по-прежнему не было ни слова.

10

Худощавый черноглазый ювелир стоял в дверях своего магазина в той же позе, в какой я видел его накануне, и, когда я входил в соседнюю лавку, подарил мне еще один всезнающий взгляд. Внутри, у Гейгера, также ничего не изменилось: в углу на столике горела уже знакомая мне лампа и та же платиновая блондинка в черном облегающем платье поднялась мне навстречу с вопрошающей улыбкой на лице.

— Чем могу...— начала она, но тут же умолкла. Пальцы с коготками, покрытыми серебряным лаком, дрогнули, а улыбка превратилась в напряженную гримасу.

— Это опять я,— промурлыкал я беззаботно, доставая сигарету.— Мистер Гейгер сегодня досягаем?

— Мне... мне очень жаль, но его снова нет. Да, его нет. Одну секунду... Вы, кажется, хотели...

— То, о чем мы с вами беседовали в прошлый раз,— всего лишь камуфляж,— шепнул я доверительно.— Мне следует быть предельно осторожным... Дело в том, что я располагаю кое-чем, весьма для мистера Гейгера интересным. Он уже давненько за этим охотится.

Серебряные ногти небрежным жестом поправили белокурый локон над маленьким ухом, украшенным клипсой из черного янтара.

— Ах, поставщик,— сказала она.— В таком случае, быть может, вы заглянете завтра? Он должен вернуться.

— Ох, бросьте эту комедию! — отрезал я.— Сам занимаюсь подобными делами и прекрасно все понимаю.

Ее глаза на мгновение превратились в две узенькие изумрудно-зеленые щелочки.

— Он болен? Я мог бы навестить его дома,— продолжал я нетерпеливо.— В конце концов не могу ждать вечно!

— Вы... — Голос застрял у нее в горле, и на мгновение мне показалось, что она вот-вот упадет: все ее тело судорожно подергивалось, а потемневшее лицо как-то опало, будто корка разрезанного воздушного пирога. Однако постепенно блондинка все-таки взяла себя в руки и даже улыбнулась, хотя в ее усмешке сквозило что-то недоброе.— Нет,— сказала она, все так же глубоко дыша.— Это не имеет смысла. Его нет... в городе. Не могли бы вы прийти завтра?

Я открыл рот, собираясь что-то сказать, как вдруг в глубине магазина отворилась маленькая дверь, и на пороге появился высокий темноволосый парень в кожаной куртке. Он был очень бледен и крепко сжимал губы. Увидев меня, молодой человек тут же захлопнул дверь, но сделал это недостаточно быстро, и краем глаза я успел заметить нагроможденные у него за спиной деревянные ящики, доверху наполненные книгами. С ними возился какой-то мужчина, одетый в новенький рабочий комбинезон. Значит, часть гейгеровских запасов срочно перебрасывалась в другое место...

Когда дверь захлопнулась, я опять надел темные очки и потянулся к шляпе.

— Ну, хорошо, загляну к вам завтра утром. Охотно оставил бы свою визитную карточку, но вы же сами знаете, как это бывает...

— Д-да, я вас понимаю.— Она все еще слегка дрожала, со свистом втягивая воздух накрашенными губами.

Я вышел из магазина и двинулся вдоль бульвара, однако, добравшись до угла, повернул и пошел по другой улочке. У служебного входа магазина Гейгера стоял небольшой крытый грузовик с откидным задним бортом, названия фирмы не было. Мужчина в новеньком комбинезоне старательно расставлял на полу ящики с книгами. Я вернулся на бульвар и у первого же перекрестка наткнулся на припаркованное у пожарного гидранта такси. За рулем сидел молодой человек с довольно самонадежной физиономией и читал газету, заполненную кровавыми криминальными историями. Я показал ему долларовую купюру и спросил:

— Согласны вы кое за кем последить?

— Полиция?

— Частный детектив.

Он ухмыльнулся.

— Моя специальность, приятель.— Потом свернул газету и заткнул за зеркальце, а я устроился рядом с ним на переднем сиденье. Мы объехали вокруг магазина Гейгера и остановились на противоположной стороне улицы.

В кузове грузовика красовалась уже дюжина ящиков, когда человек в рабочем комбинезоне поднял задний борт и, закрепив его, уселся за руль.

— Этот, — сказал я таксисту.

Водитель грузовика запустил мотор, окинул взглядом оба конца улочки и быстро двинулся к перекрестку. Здесь он повернул налево, и мы повторили его маневр. У пересечения с Фрэнклин-авеню я попросил шофера держаться как можно ближе к грузовику, однако, к несчастью, ему это не удалось. Я как раз начал выговаривать водителю, не слишком стесняя себя в выражениях, но вдруг заметил, что грузовик сворачивает на север, на Бриттэни Плэйс.

Пока мы туда добрались, от объекта наших преследований не осталось и следа.

Таксист буркнул в мой адрес что-то успокоительное, и мы потащились черепашным шагом, высматривая за каждым кустом злополучный грузовик. Через пару кварталов, на пересечении двух улиц, мы увидели многоквартирный белый дом, фасад которого выходил на Рэндалл Плэйс, а черный ход с подземными гаражами — на Бриттэни Плэйс. Мы как раз поравнялись со зданием, и мой водитель принялся утешать меня, говоря, что грузовик непременно должен быть где-то здесь. Я увидел его у въезда в подземный гараж. Машина стояла, притаившись в полумраке, и задний борт у нее опять был откинут.

Мы объехали вокруг дома, и я вышел у парадного крыльца. В холле не было ни души, не было также и списка жильцов. Но, к счастью для меня, над стоящим у стены деревянным столом красовался длинный ряд почтовых ящиков с написанными на них фамилиями владельцев. Квартиру номер 405 занимал субъект по имени Джозеф Броуди. Субъект по имени Джо Броуди получил от генерала Стернвуда пять тысяч долларов за то, чтобы оставить в покое его маленькую дочурку Кармен и найти вместо нее другую глупенькую девочку. Может быть, это был один и тот же Броуди.

Я медленно прошелся вдоль холла до лестницы, рядом с которой располагалась шахта лифта. Верхняя часть кабины находилась на уровне пола, за клеткой я увидел дверь с надписью «Гаражи». Открыв ее, я спустился по узенькой лесенке в подвал. Дверцы лифта были раздвинуты и заблокированы, а мужчина в новеньком рабочем комбинезоне, бурча что-то себе под нос, вносил внутрь тяжелые ящики. Я остановился рядом и минуту спустя сказал:

— Смотри не перегрузи, приятель: лифт рассчитан всего на полтонны. Куда пойдут эти ящики?

— К Броуди, в 405, — буркнул он. — А вы не иначе как управляющий домом?

— Угу. Солидный куш...

— Книги, черт бы их побрал! Сто фунтов в каждом ящике, а моя спина с трудом выдерживает семьдесят пять.

— Тем более следы за весом, — сказал я и вышел на улицу.

Такси отвезло меня в мою контору.

Моя контора занимала полторы комнаты на седьмом этаже. Мы с соседом разгородили комнату пополам, чтобы у каждого была своя приемная. На двери моей половины висит табличка с моей фамилией. Эту дверь я всегда оставляю открытой, на случай, если какому-нибудь клиенту взбрдет в голову меня дожидаться.

И сегодня такой клиент нашелся.

На ней был коричневый в крапинку твидовый костюм, спортивная рубашка с узеньким галстуком, а также шитые на заказ спортивные туфли.

Чулки — такие же тонкие и прозрачные, как вчера, однако ноги открыты не так сильно. Блестящие иссиня-черные волосы прикрывала коричневая шляпа а-ля Робин Гуд, стоившая по меньшей мере пятьдесят долларов и выглядевшая при этом настолько простенькой и лишенной всякой вычурности, словно ее можно было смастерить одной рукой из листка промокательной бумаги.

— Ну, наконец-то вы проснулись, — сказала она. — А я уже заподозрила, что вы, пожалуй, работаете в постели, как Марсель Пруст.

— А это кто? — Я сунул в рот сигарету и внимательно посмотрел на свою гостью. Она казалась усталой и бледной, однако производила впечатление человека, умеющего держать себя в руках.

— Французский писатель, большой знаток дегенератов. Вы не могли о нем не слышать.

— Тю-тю-тю. Перейдем-ка лучше в мой будуар.

Она встала.

— Вчера мы не слишком-то прихлipsis друг другу по вкусу. Вероятно, я была не очень любезна.

— Мы оба были не очень любезны, — заметил я, подошел к двери, ведущей в мой кабинет, и распахнул ее, давая гостье дорогу.

— Я все утро пыталась к вам дозвониться. Звонила и сюда, и на квартиру... — сказала она, усаживаясь на предназначенный для клиентов стул.

— Это из-за Оуэна?

Она неожиданно посерьезнела.

— Бедняга. Так вы уже все знаете?

— Один полицейский захватил меня в Лидо: думал, что я могу быть как-то замешан в этом деле. Но, как выяснилось, он осведомлен куда лучше, чем я. Например, знает, что Оуэн хотел жениться на вашей сестре... когда-то.

— Это далеко не так глупо, как вы думаете. Он любил ее, а это редкое явление в нашем кругу.

— Но он сидел в тюрьме.

Она пожала плечами.

— Парень попал в дурное общество, и ему не повезло.

Она сняла правую перчатку и впилась зубами в указательный палец, не спуская с меня спокойных, внимательных глаз.

— Я пришла сюда не для того, чтобы беседовать с вами об Оуэне. Надеюсь, вы уже созрели для ответа и можете сказать, чего хотел от вас мой отец?

— Я не вправе отвечать без его позволения.

— Речь шла о Кармен?

— Не могу сказать даже этого. — Я кончил набивать трубку и поднес к ней спичку.

С минуту она молча наблюдала, как я закуриваю, затем достала из открытой сумочки плотный белый конверт и бросила его на стол.

— Быть может, вы на всякий случай ознакомитесь с его содержимым?

Я поднял конверт. Адрес был напечатан на машинке: «Миссис Вивиан Риган, 3765, Альта Бриа Креснт. Западный Голливуд». Письмо пришло по пневмопочте, а отправлено было согласно штемпелю в восемь пятнадцать утра. Я открыл конверт и достал маленькую глянцевую фотографию: Кармен с нефритовыми серьгами в ушах, сидящая в костюме Евы в кресле из тикового дерева в доме у Гейгера. На этом снимке глаза ее казались еще более безумными, чем на самом деле. На обратной стороне карточки не было ничего. Я вложил ее обратно в конверт.

— Сколько они хотят?

— Пять тысяч. За негатив и остальные снимки. Все должно быть улажено сегодня же вечером, в противном случае они угрожают передать фотографию в редакцию газеты, специализирующейся на подобных публикациях.

— А каким образом они изложили вам свои требования?

— Через полчаса, после того как пришло письмо, мне позвонила какая-то женщина.

— В сфере скандалов в данную минуту царит застой, а потому любая информация подобного рода тщательно рассматривается. Что еще за этим кроется?

— А за этим должно что-то крыться? — спросила она.

— Разумеется, — откликнулся я.

Теперь она казалась немного растерянной.

— К сожалению, вы правы. Эта женщина добавила, что дело касается омерзительного преступления, и будет очень хорошо, если я приму меры, иначе беседовать с маленькой сестренкой придется только через тюремную решетку.

— Чудесно, — заметил я. — И что же это за преступление?

— Не знаю.

— Где сейчас Кармен?

— Дома. Ночью ей неожиданно стало плохо. Кажется, она все еще в постели.

— А она куда-нибудь выходила ночью?

— Нет. Меня, правда, не было дома, но прислуга утверждает, что Кармен все время была у себя. А я ездила в Лас-Олиндас, играла в рулетку у Эдди Марса в казино «Под кипарисами». Просадила все до нитки.

— Значит, вы любите рулетку.

Она закинула ногу на ногу и закурила новую сигарету.

— Да, люблю. Все Стернвуды без ума от азартных игр, где можно проигрывать. Например, рулетка или брак с женщиной, который вдруг исчезает неизвестно куда, или, наконец, конные скачки с препятствиями в возрасте пятидесяти восьми лет, когда можно вылететь из седла и остаться до конца своих дней калеккой. Стернвуды богаты, у них есть деньги. Но все, что они могут на них купить, — это море несчастий.

— А что Оуэн делал сегодня ночью в вашей машине?

— Он взял ее без разрешения. Мы, правда, всегда позволяли ему пользоваться автомобилем по выходным, но в эту ночь выходного у него не было. — Она вдруг скривилась. — Вы думаете, что...

— Что ему было известно о существовании этого снимка? Откуда я могу знать? Но подобную возможность исключить нельзя. А вам удастся получить пять тысяч наличными?

— Без разговора с отцом — нет. Я могу лишь их одолжить. Например, у Эдди Марса.

— В таком случае попытайтесь. Может быть, вам придется поторопиться.

Она откинулась на стуле, перебросив руку через спинку.

— А как насчет того, чтобы известить полицию?

— Неплохая мысль. Но вы этого не сделаете.

— Не сделаю?

— Нет. Прежде всего подумайте об отце и сестре: вы и не подозреваете, до чего может докопаться полиция. Вдруг она обнаружит что-нибудь такое, что вам уже не удастся сохранить в тайне?

— А вы ничем не можете помочь?

— Думаю, что могу, однако сейчас не вправе раскрывать перед вами карты.

— Вы начинаете мне нравиться, — заявила она неожиданно. — Должно быть, потому, что верите в чудеса...

Она встала, защелкнула сумочку и отодвинула стул.

— Я раздобуду эти пять тысяч. Эдди Марс не может отказать своей постоянной клиентке. К тому же имеется еще одна причина, по которой он вынужден быть со мной особо любезен. Вы, должно быть, этого не знаете. Рэсти сбежал, прихватив с собой светловолосую жену Эдди. Его красавицу женушку.

Я молчал, а она, внимательно глядя на меня, добавила:

— Вижу, вас это не занимает?

— Конечно, это кое-какая зацепка... если бы я его искал. Надеюсь, вы не думаете, что он тоже замешан в историю с вашей сестрой?

— Рэсти... Рэсти не был шантажистом. А даже если бы он им и был, то наверняка не польстился бы на какие-то гроши. У него всегда имелось при себе тысяч пятнадцать наличными; он говорил, что эти деньги на беспутство. Рэсти никогда не унизился бы до таких мелочей. — Она взяла конверт и сделала шаг по направлению к двери.

— Я буду поддерживать с вами связь, — сказал я. — Если вы захотите что-либо мне сообщить, прошу оставить информацию у телефонистки в доме, где я снимаю квартиру.

Мы вместе подошли к двери, и тут, постукивая белым конвертом о мизинец, она произнесла:

— Вы по-прежнему считаете себя не вправе рассказать мне о разговоре с отцом?..

— Сначала я должен спросить у него разрешения.

Она снова вынула из конверта снимок и медленно поднесла его к глазам.

— А у нее прелестное тело, вы не находите?

— Угу.

Она легко наклонилась ко мне.

— Вам следует увидеть и мое.

— А это можно как-нибудь устроить?

Она расхохоталась, шагнула за порог, но вдруг опять обернулась и холодно добавила:

— Вы наиболее бесчувственный и хладнокровный змей, како-

го я когда-либо встречала, Марлоу. Или, может быть, я могу звать вас Филом?

— Ну, разумеется.

— Тогда говорите мне: Вивриан.

— Премного вам благодарен, миссис Риган.

— Ох, чтоб вас черти взяли, мистер Марлоу!

Больше она уже не оборачивалась.

12

Прошедший недавно дождь смыл пыль с деревьев, растущих в окрестностях Лаверн Террас, и листва сияла первозданной чистотой. Лучи холодного, послеполюденного солнца равнодушно освещали вершину холма и ряд сбегających вниз ступеней, по которым спускался убийца, выпустив в темноте три роковые пули. На улочке, проложенной чуть ниже Лаверн Террас, стояло всего два дома — может быть, кто-то из их обитателей слышал вчера эти выстрелы. А может быть, и нет.

Перед особняком Гейгера в полном смысле слова не происходило ничего. Живая изгородь застыла спокойным зеленым строем, а все еще мокрая черепица весело поблескивала каплями солнечного дождя. Я медленно и уныло ехал вдоль улицы.

Вдруг что-то шевельнулось в окружающих дом кустах. Из-за буйной путаницы растений выскользнула женщина в зелено-белом клетчатом плаще и маленькой комичной шляпке на пушистых белокурых волосах. Глядя широко раскрытыми глазами на автомобиль, она замерла на мгновение, затем резко повернулась и отскочила назад, исчезнув из моего поля зрения. Это была Кармен Стернвуд, собственной персоной.

Я добрался до конца улицы, припарковал машину и вернулся обратно к дому. Увидев меня, девушка медленно поднесла руку ко рту, и острые, мелкие зубки впились в хорошенький белый пальчик. Под глазами у нее залегли фиолетовые тени, а само лицо казалось бледным и измученным. Девушка слабо улыбнулась.

— Хэлло,— сказала она тонким ломающимся голоском.— Что?.. — И вернулась к своему большому пальцу.

— Вы меня не помните? — спросил я.— Догхаус Рэйли, человек, который вырос чересчур высоким. Ну как, вспомнили?

Она кивнула, и по ее лицу скользнула тень мимолетной улыбки.

— Попробуем войти вместе,— предложил я.— У меня есть ключи. Здорово?

— Что-о?

Я повернул в замке ключ и, открыв дверь, втолкнул девушку внутрь. Мы стояли и молча приглядывались друг к другу. Девушка пыталась сохранить на лице улыбку, однако была слишком измучена для подобных усилий. Я не спускал с нее глаз: улыбка ушла, как вода в песок, взгляд стал тупым и бессмысленным, а кожа казалась неестественно бледной и неприятно шершавой. Покрытый белым налетом язык медленно облизывал бескровные губы — смазливая, плохо воспитанная и довольно глупая девчонка, стремительно катившаяся вниз и не встречающая на этом пути никакого сопротивления. К дьяволу всех этих богачей! Они не вызывали у меня ничего, кроме отвращения. Я достал сигарету, отодвинул в сторону несколько лежавших на столе книг и осторожно присел на его край. Потом закурил и,

выпустив облачко дыма, погрузился в молчаливое созерцание белого пальца и острых зубок, на время прекратив всякую иную деятельность. Кармен стояла передо мной, точно провинившаяся школьница перед взыскательным оком строгого наставника.

— Что вы здесь делаете? — спросил я наконец.

Вместо ответа она принялась нервно тереть ткань плаща.

— Как много вы помните из случившегося сегодня ночью?

— Помню? О чем? Сегодня ночью я неважно себя чувствовала и не выходила из дома.

— Как же, не выходили, черт вас возьми!

На мгновение ее зрачки расширились, сверкнули огнем, однако тут же погасли.

— До того, как я отвез вас домой, вы были здесь. Сидели тут, в этом самом кресле, на этой оранжевой шали. И вы прекрасно все помните.

Ее шея медленно покрывалась румянцем, и я удивился, что она не утратила еще способности краснеть.

— Так это... были... вы...

— Да, я. Что вы все-таки помните?

— Вы из полиции?.. — спросила она неуверенно.

— Нет. Я друг вашего отца.

— Значит, вы не полицейский?

— Нет.

Она выдавила из себя легкий вздох.

— Чего вы хотите?

— Кто убил Гейгера?

Ее плечи начали вздрагивать, однако лицо оставалось неподвижно-спокойным.

— Кто еще... знает?

— О Гейгере? Мне пока не известно. Во всяком случае, не полиция, иначе бы она уже здесь похозяйничала. Может быть, Джо Броуди...

Девушка буквально заскулила:

— Джо Броуди?..

Теперь мы оба молчали, я тербил свою сигарету, а она продолжала нервно грызть палец.

— Боже мой, нечего разыгрывать из себя оскорбленную невинность, — сказал я наконец. — Броуди его застрелил?

— Застрелил? Кого?

— Господи Иисусе!

— Да, — сказала Кармен торжественно. — Джо это сделал.

— Почему?

— Я не знаю. — Девушка покачала головой, будто хотела убедить себя в правдивости собственных слов.

— А вы часто виделись с ним в последнее время?

— Может быть, раз или два. Я его ненавижу.

— Значит, вам известно, где он живет.

— Да.

— И вы его так-таки ни капельки не любите?

— Я его ненавижу!

— В таком случае вы были бы рады, окажись он замешанным в эту историю?

— Вас зовут совсем не Рэйли, — заявила она неожиданно. — Вы Филип Марлоу, частный детектив. Мне сказала об этом Вив, и я видела вашу визитную карточку. — Кармен лучезарно улыб-

нулась, будто находила мое общество необычайно приятным.

— А вы должны кое-что помнить, раз вернулись сюда за снимком,— заметил я.— Вы не могли попасть внутрь, правда?

У нее начал вздрагивать подбородок, и я почувствовал, что меня призывают вступить на тропу войны.

— Фотография пропала,— пояснил я.— Вчера ночью, до того, как отвезти вас домой, я обшарил здесь каждый угол. Скорее всего ее взял Броуди. Надеюсь, вы не обманули меня, рассказывая о нем?

Она усердно помотала головой.

— Ладно,— сказал я.— Не думайте больше об этом. И не говорите никому, где были минувшей ночью и сегодня. Даже Вивиан. Забудьте о том, что вы были здесь, и предоставьте все Рэйли.

— Но ведь ваше имя совсем не...— начала было она и вдруг умолкла, энергично мотнув головой, как бы соглашаясь с моими словами.— К сожалению, мне уже пора домой,— добавила она таким тоном, словно мы сидели где-нибудь на tea-partу*.

— Ну, разумеется, мисс Стернвуд,— ответил я, однако не тронулся с места.

Кармен взялась за ручку, но вдруг где-то совсем рядом раздался нарастающий гул мотора. Девушка вопросительно глянула на меня, но я лишь пожал плечами. Автомобиль остановился перед домом, и ее лицо исказила гримаса страха. Мы услышали чьи-то шаги, и минуту спустя прозвенел звонок. Кармен, не отрываясь, смотрела на меня через плечо, а ее рука по-прежнему судорожно сжимала дверную ручку. Звонок звенел и звенел, а потом вдруг умолк. Кто-то вставил ключ в замочную скважину. Кармен отскочила от двери и замерла — как раз вовремя, потому что секунду спустя она распахнулась настежь. В холл быстро вошел какой-то мужчина и, увидев нас, остановился как вкопанный.

13

Он стоял в несколько картинной позе, одной рукой опираясь о дверь, а в другой держа серую шляпу и время от времени легонько ударяя ею о бедро. Вообще он производил впечатление человека крутого, хотя никак не походил на отпетого головореза, скорее напоминал хорошо натренированного и закаленного любителя верховой езды. Однако это был вовсе не поклонник конного спорта, а Эдди Марс собственной персоной.

Пришелец закрыл за собой дверь и сунул руку во внутренний карман плаща, мизинец его, однако, остался снаружи, светлым пятном выделяясь на фоне темной ткани.

— Прошу простить мое неожиданное вторжение,— обратился ко мне Эдди,— но на мой звонок никто не подошел к двери. Мистер Гейгер дома?

— К сожалению, нет,— ответил я.— Мы тоже не знаем, где он. Дверь была открыта, и потому мы вошли.

Он кивнул и краем шляпы коснулся подбородка.

— Должно быть, вы друзья мистера Гейгера?

— Скорее, деловые знакомые. Мы заглянули сюда за книгой.

* Званный чай (англ.).

— За книгой? В самом деле? — Он произнес это быстро и довольно хитрым тоном, как будто был прекрасно осведомлен, какого рода книгами торгует Гейгер.

— Ну, мы побежали, — сказал я и взял девушку под руку, однако Кармен продолжала внимательно разглядывать Эдди Марса: он ей явно понравился.

— Что передать мистеру Гейгеру, когда он вернется? — любезно осведомился Эдди.

— Спасибо, но мы бы не хотели вас утруждать.

— Очень жаль, — заметил он. Его серые глаза многозначительно блеснули, а когда я подошел ближе, собираясь открыть дверь, их взгляд стал неожиданно твердым. — Девчонка может выметаться, но с вами, приятель, я хотел бы перекинуться еще парой слов.

Я выпустил руку Кармен и посмотрел на него с нескрываемым изумлением.

— Не испытывайте моего терпения, приятель, в автомобиле перед домом поджидают два парня, которые привыкли в точности исполнять мои приказы.

Кармен издала какой-то нечленораздельный звук и, распахнув дверь, выбежала наружу. Цокот ее каблучков быстро таял в отдалении, осыпаясь по склону холма.

— Что, черт возьми... — начал я.

— Кончайте молоть чепуху, — вздохнул Эдди Марс. — Что-то здесь не в порядке, и я собираюсь проверить, что именно. А если вам пришла охота заполучить несколько граммов свинца, попробуйте мне помешать!

— Ох, ох, — сказал я, — какой крутой парень.

— Только в меру необходимости, приятель. — Эдди Марс медленно обошел комнату, наморщив лоб и не обращая на меня никакого внимания. Обойдя вокруг стола, он остановился перед темным столбом с вмонтированной в него линзой фотоаппарата, как бы в раздумье пошевелил носком ботинка ковер и вдруг буквально уткнулся носом в пол. Секунду спустя он издал короткий, нечленораздельный возглас и вскопил на ноги. Его рука скользнула в карман плаща, и в следующее мгновение в ней появился черный «люгер»*.

— Кровь, — сказал он. — Здесь, на полу, под ковром, масса крови.

— В самом деле? — спросил я, разыгрывая искреннее изумление.

Он уселся в кресло за столом и придвинул к себе телефон.

— Думаю, нам следует вызвать полицию.

— Разумеется. Почему бы и нет?

У него сузились зрачки: теперь передо мной сидел хладнокровный убийца в великолепно сшитом костюме и с «люгером» в руке. Он явно не пришел в восторг от моего согласия.

— Черт побери, приятель, а кто ты, собственно говоря, такой?

— Частный детектив, моя фамилия Марлоу.

— Никогда не слышал. А что это за девушка?

— Моя клиентка. Гейгер пытался накинуть на нее петлю Шантажником. Вот мы и пришли сюда побеседовать с ним на эту

* немецкий автоматический девятимиллиметровый револьвер.

тему, однако не застали дома. Дверь не была заперта, и мы решили подождать внутри. Разве я вам этого не говорил?

— А это очень удобно, — заметил он. — Я имею в виду открытую дверь. Особенно если у вас нет ключа...

— Разумеется. А у вас он откуда взялся?

— Этот дом принадлежит мне, а Гейгер его снимает. Вы удовлетворены?

— Милые у вас знакомые, — буркнул я.

— Я принимаю их такими, какие они есть. Всякие ко мне приходят. — Он посмотрел на «люгер», затем пожал плечами и спрятал его под плащ.

— А я вас прекрасно знаю, мистер Марс. Так же, как и ваш клуб «Под кипарисами» в Лас-Олиндас. Крутые игры для сильных людей. Местная полиция у вас в кармане, да и в Лос-Анджелесе все тоже густо смазано. Словом, круговая порука. Гейгер также подвизался в делах, где необходима защита перед лицом закона. Думаю, время от времени вы помогали ему своими связями, тем более что он был вашим нанимателем...

Побелевшие губы застыли в каменной гримасе.

— В какой же отрасли подвизался Гейгер?

— Издавал и распространял порнографическую литературу.

— Видно, кто-то наконец до него добрался, — сказал он мягко. — Вам кое-что на этот счет известно, не отпирайтесь. Сегодня он не появился в магазине, его служащие ничего не знают. Звонки сюда тоже ничего не дали, потому-то я и пришел. Хотел лично проверить, в чем дело, и обнаружил кровь на полу, под ковром. А кроме того, вас и эту девушку.

— Грубоватая работа, — заметил я, — хотя при соответствующей публике вы без труда подадите всю сцену. Но только кое-чего вы все-таки не заметили. А именно: кто-то вывез сегодня книги из его магазина, чудесные книжечки, которые он так охотно раздавал читателям.

Эдди нетерпеливо прищелкнул пальцами.

— Я должен был об этом подумать, приятель. А ты, похоже, прекрасно во всем ориентируешься, не так ли? Что же, по-твоему, произошло?

— Я убежден, что Гейгера застрелили. Так же, как и в том, что это его кровь. А спешная перевозка книг объясняет, почему на какое-то время исчез его труп: кто-то перенимает дело и хочет иметь фору, чтобы спокойно все организовать.

— Такими методами этот кто-то далеко не уедет, — хмуро заметил Эдди.

— Что я слышу?! Кто это говорит? Вы? С вашей парой головорезов там, в автомобиле? Мы живем в огромном городе, Эдди! В последнее время здесь объявилось немало крутых ребят. Дело ясное... преступность в больших агломерациях...

— Чертовски много болтаешь, — перебил меня Эдди. — Слишком много. — Он дважды свистнул сквозь зубы, и я услышал, как где-то хлопнула дверца автомобиля, а потом зашелестели по гравию чьи-то бегущие ноги. Марс опять извлек на свет божий свой «люгер» и нацелился мне в грудь. — Открой им дверь!

— Можешь сам ее открыть, Эдди! Кто ты, черт возьми, такой, чтобы отдавать мне приказы? Лучше веди себя полюбезнее, и тогда я, быть может, помогу тебе выбраться из всего этого дерьма.

Он медленно выпрямился и, обойдя вокруг стола, направился к двери, не спуская с меня глаз. В комнату ввалилось двое мужчин, и оба с ходу сунули руки под пиджаки. Один из них, судя по всему, в прошлом был профессиональным боксером. Второй оказался худым блондином с невзрачным лицом и близко посаженными бесцветными глазками.

— Обыщите этого парня,— обратился к ним Эдди Марс.— Нет ли при нем пушки?

Блондин достал пистолет с коротким дулом и взял меня на мушку, в то время как боксер самым тщательным образом обшаривал мои карманы. Я вертелся перед ним, точно усталая красotka, примеряющая у портнихи новое вечернее платье.

— У него нет оружия,— буркнул верзила.

— Тогда погляди, что это за фрукт.

Боксер сунул руку во внутренний карман моего пиджака и вытащил оттуда бумажник, после чего на несколько минут углубился в изучение его содержимого.

— Его зовут Филип Марлоу, и он снимает квартиру в Хобарт Армз на Фрэнклин-авеню. Лицензия частного детектива и удостоверение, выданное отделом по борьбе с преступностью. Это все. Просто легавый.— Он слегка потрепал меня по щеке и отвернулся.

— Можете идти,— распорядился Эдди Марс.

Оба телохранителя вышли, закрыв за собой дверь. Я слышал, как они уселись в свой автомобиль и опять запустили мотор, готовые в любую минуту рвануться с места.

— Ну давайте валяйте дальше,— сказал Эдди Марс. Кончики его бровей сошлись над переносицей, образовав крышу-навесик.

— Я не намерен выбалтывать все, однако кое-что все-таки собираюсь сказать. Ликвидировать Гейгера только для того, чтобы перенять его дело, не слишком умный поступок. Я вовсе не уверен, что именно так все и было. Зато убежден, что человек, занявшийся книгами, великолепно ориентируется в обстановке. Так же, как и в том, что смазливая блондинка из гейгеровского магазина еле жива от страха, сам уж не знаю почему. Кроме того, догадываюсь, кто именно перевез со склада книги.

— И кто же?

— А это уже относится к той части дела, о которой я не хочу болтать. Как вы знаете, у меня есть клиентка.

Эдди Марс нахмурился еще больше.

— Да...

— Надеюсь, вам известно, кто эта девушка?

— Кто вывез из магазина книги, приятель?

— Не такой уж я «душа нараспашку», Эдди. Да и почему, собственно говоря, должен им быть?

Он положил «люгер» на стол и хлопнул по нему ладонью.

— А вот почему,— сказал он.— К тому же для вас дельце вполне могло бы окупиться.

— Это уже лучше. Оставьте в покое свою игрушку, звон монет всегда нравился мне куда больше. И за сколько же вы намерены меня перекупить?

— Это зависит от того, на что вы способны.

— А что вы хотели бы мне поручить?

Он ударил кулаком по столу.

— Послушай-ка, приятель! Я задаю тебе вопрос, а ты отвеча-

ещь мне другим. Так мы никуда не доберемся. Я хочу знать, где Гейгер, по сугубо личным причинам. Мне никогда не нравился его бизнес, и я никогда его не покрывал. Обстоятельства сложились так, что этот дом принадлежит мне, и в данную минуту это отнюдь не приводит меня в восторг. Я прекрасно понимаю, что информация, которой вы располагаете, еще не стала общеизвестной, в противном случае дом уже роился бы от слетевшихся на эту помойку легавых. Или же у вас попросту нет ничего на продажу. Сдается мне, что вам самому не помешало бы прикрыть, мой милый. А потому выкладывайте, да поживее!

— Вы совершенно правы, — сказал я. — Если с Гейгером действительно что-то случилось, я должен немедленно сообщить в полицию обо всем, что мне известно. Тогда вся история выйдет наружу, и мне уже нечего будет продавать. А потому я собираюсь — разумеется, с вашего любезного разрешения — попросту отсюда смыться.

Лицо у него побледнело, а я как ни в чем не бывало спросил:

— Кстати, как там поживает миссис Марс?

— Выметайся! Мне наплевать, куда ты сейчас пойдешь и чем собираешься заняться. Однако на прощание я дам тебе хороший совет: не впутывай меня в свои делишки, иначе пожалеешь, что твоя фамилия, к примеру, не Мэрфи и ты не живешь где-нибудь в Лимерике.

Я подошел к двери, открыл ее и обернулся, чтобы еще раз на него посмотреть. Эдди Марс не спускал с меня взгляда, в его глазах я прочел смертельную ненависть.

Я вышел из дома, продрался сквозь заросли живой изгороди и двинулся вверх по склону холма, туда, где оставил свою машину. Спокойно вырулил на шоссе и так же спокойно съехал вниз. Никто в меня не стрелял и никто за мной не следил. Так, без всяких происшествий, я вернулся в Голливуд.

14

Мои часы показывали без пяти минут пять, когда я остановился у входа в доходный дом на Рэндалл Плейс. В нескольких окнах уже горел свет, и где-то в наступающих сумерках глухо мурлыкало одинокое радио. Я поднялся на третий этаж и уныло побрел по длинному коридору, пол которого устилал зеленый ковер, а стены были отделаны под слоновью кость. На панели рядом с квартирой номер 405 виднелась маленькая кнопка кремового цвета. Я нажал на нее и принялся ждать, однако прошло, как мне показалось, довольно много времени, прежде чем дверь бесшумно приоткрылась примерно на ширину ступни; во всем этом было что-то весьма подозрительное. Открыл мне длинноногий, широкоплечий мужчина с темными, глубоко посаженными глазами, холодно глядящими со смуглого, лишенного выражения лица. Его волосы выглядели так, будто были сделаны из стальной проволоки, растущей где-то на затылке, благодаря чему открытый смуглый лоб казался необычайно высоким и на первый, не слишком внимательный, взгляд придавал ему вид мыслителя. Длинные бронзовые пальцы придерживали створку двери. Он молчал.

— Гейгер? — сказал я вопросительно.

На лице у мужчины не дрогнул ни один мускул. Потом

откуда-то из неведомых глубин вынырнула рука с сигаретой, он молча сунул ее в рот и выпустил небольшое облачко дыма. А еще через минуту до меня дошел холодный, размеренный голос, бесстрастный, как у дилера в казино.

— Что вы сказали?

— Гейгер. Артур Гвинн Гейгер. Тип, занимающийся продажей книг.

Казалось, мужчина старательно взвешивает каждое мое слово. Он перевел взгляд на кончик своей сигареты, а его вторая рука, которая придерживала дверь, внезапно исчезла из поля моего зрения, судя по движениям его плеча, она поспешно проделывала какие-то манипуляции.

— Я не знаю никого, кто носил бы это имя,— сказал он наконец.— Он что, живет где-нибудь поблизости?

Я рассмеялся, и ему это не понравилось.

— Вы Джо Броуди? — спросил я.

Бронзовое лицо превратилось в камень.

— Ну и что с того? Тебе что-нибудь нужно, братец, или просто ищешь приключений?

— Значит, вы Джо Броуди,— уточнил я.— И вы не знаете никого по фамилии Гейгер. Это очень смешно.

— В самом деле? Может быть. У тебя довольно своеобразное чувство юмора, однако я попросил бы продемонстрировать его где-нибудь в другом месте.

Я послал ему мечтательную улыбку.

— У тебя есть книги, Джо. А у меня — список клиентов. Нам бы следовало это обсудить.

Броуди не спускал глаз с моего лица. Внезапно у него за спиной раздался слабый, неясный звон. Он быстро оглянулся через плечо и открыл дверь немного шире.

— Почему бы и нет... Если, по-твоему, из этого что-нибудь получится,— сказал он холодно и отодвинулся, давая мне пройти. Я вошел.

Это была довольно симпатичная, хорошо обставленная, но не слишком забитая мебелью комната. Броуди щелкнул замком и подошел к высокому дубовому столу, на котором я увидел небольшую шкатулку из кедрового дерева с позолоченными петлями. Броуди взял ее и сел в стоящее между двумя дверями кресло.

— Закуришь? — спросил он сквозь зубы и, прежде чем я успел ответить, бросил мне одну штуку.

Я поймал ее на лету, и в ту же секунду Броуди прицелился прямо мне в нос. В руке у него был черный пистолет, из тех, какие часто применяет полиция, довольно крупного калибра. К сожалению, у меня пока не было контраргумента.

— Ловко сработано, правда? — осведомился он.— Будь так любезен и встань на минуту. А теперь пройди пару шагов вперед. И можешь глотнуть немного воздуха.

— Но, но,— буркнул я, ни на дюйм не двинувшись с места.— В этом городе так много пистолетов и так мало здравого рассудка. За последний час ты уже второй человек, вообразивший, будто он ухватил Господа Бога за бороду, лишь на том основании, что держит в руке пушку. Не глупи, Джо, отложи ее в сторону.

Он нахмурился и выставил вперед подбородок. Во взгляде его была решимость.

— Того парня зовут Эдди Марс,— добавил я.— Слышал о нем когда-нибудь?

— Нет.— Он по-прежнему целился в меня из пистолета.

— Если он когда-нибудь дознается, где ты был минувшей дождливой ночью, то попросту тебя уничтожит, как ликвидируют фальшивый чек.

— А что может значить моя особа для Эдди Марса? — холодно осведомился Броуди. Однако пистолет положил на колени.

— Весьма не много. Думаю, ты не оставишь следа в его памяти.

В течение нескольких минут мы молча смотрели друг на друга, и я не устаивал взглядом остроносую черную туфельку, прятывшуюся под плюшевой портьерой, закрывавшей дверь слева от меня.

Теперь Броуди заговорил совершенно спокойно.

— Прошу вас, поймите меня правильно: я вовсе не профессиональный головорез, а просто осторожный человек. Откуда мне, черт возьми, знать, что вы там замышляете? Вы вполне можете оказаться наемным убийцей.

— Однако ты не слишком осмотрителен,— перебил я.— Затею с книгами Гейгера никак не назовешь осторожной.

Он откинулся в кресле, скрестил свои длинные ноги и потрогал лежавший на коленях пистолет.

— Не воображайте, что в случае необходимости я не пущу эту игрушку в дело. Итак, что вы хотите мне сообщить?

— Для начала позволь своей подружке в остроносых туфельках выйти из-за портьеры. Она измучится, пытаясь так долго сдерживать дыхание.

Броуди крикнул, не отрывая взгляда от моего живота:

— Иди сюда, Агнес!

Занавес откинулся, и перед нами предстала зеленоглазая, покачивающая бедрами платиновая блондинка из магазина Гейгера. На меня она смотрела с плохо скрытой злобой: ноздри у нее вздрагивали, глаза налились мрачным огнем, и вообще она казалась весьма несчастной.

— Черт возьми, я сразу же поняла, что вы принесете нам беду,— буркнула она.— Я предупредила Джо, чтобы он соблюдал осторожность!

— Кончай эту болтовню! — перебил ее Броуди.— Джо и так ведет себя достаточно осторожно. Зажги лучше свет, чтобы я видел, куда всадить пулю, если мне придется ненароком ликвидировать этого типа.

Блондинка включила большой торшер с квадратным абажуром и упала в кресло. Я сунул в рот сигарету и с наслаждением выпустил клуб дыма.

— Список клиентов зашифрован. Я еще не подобрал к нему ключа, но могу сказать, что в нем около пятисот фамилий. А у вас здесь имеется двенадцать ящиков книг — по крайней мере о стольких мне известно. В них должно оказаться самое меньшее пятьсот экземпляров. На руках у клиентов их сейчас наверняка куда больше, однако, соблюдая осторожность, мы предположим, что их также около пяти сотен. Весьма солидный

актив. Ваша подружка прекрасно в этом ориентируется. Если за чтение брать с каждого клиента только по одному доллару — что еще вполне терпимо, потому как подобный товар сегодня в цене, — и то дело принесет деньги, которые быстро превысят первоначальный капитал. А капиталом Гейгера, как я думаю, в данную минуту владеете именно вы. Из-за такой суммы можно застрелить человека.

— Он чокнулся, этот проклятый яйцеголовый! — взвизгнула блондинка.

Броуди проворчал со злостью, оскалив зубы:

— Заткнись! Держи-ка лучше язык на привязи!

— Разумеется, это бизнес не для простаков, — продолжал я проникновенно. — Здесь нужен человек ловкий, такой, как, например, вы, Броуди. Человек, умеющий внушить доверие, человек со вкусом и тактом. Вы ведь отдаете себе отчет, что люди, раскошеливающиеся на подобного рода возбуждающие средства, обычно бывают нервными, точно старые девы, которые вечно не в состоянии найти дорогу в туалет. Лично я расцениваю шантаж, практикуемый в качестве побочного заработка, как большую ошибку. А потому вам лучше от него отказаться, перейдя на исключительно легальный бизнес и продолжая тянуть денежки из своей библиотеки.

— А вы забавный тип, — перебил меня Броуди. — И кто же, по-вашему, хозяин этого чудесного промысла?

— Вы, — ответил я. — То есть я хотел сказать: «почти».

— Вот это да! — Блондинка чуть не упала с кресла. — Вы сидите здесь и рассказываете нам, будто Гейгер занимался такими вещами да притом на одной из главных улиц города! Да вы просто спятили!

Я ей подмигнул.

— Ну, конечно, рассказываю. Каждый человек в нашей стране прекрасно осведомлен о существовании подобного бизнеса. Если порномагазин процветает, то как раз на главной улице. Это выгодно и удобно для любого копа.

— Господи Иисусе! — взвизгнула блондинка. — Какого черта ты позволяешь этому хаму сидеть здесь и осыпать меня оскорблениями?! И это когда у тебя в руке пистолет, а у него только окурок в пасти?!

— Меня это забавляет, — буркнул Броуди. — Парень неплохо мыслит. А ты закрой рот и больше его не разевай, не то мне придется его тебе захлопнуть. — Он погрозил ей пистолетом.

Блондинка, отвернувшись к стене, судорожно хватала воздух, то ли от страха, то ли от возмущения, а Броуди уставился на меня и жестко спросил:

— И как же я овладел этим чудесным предприятием?

— Прибрали Гейгера, чтобы заполучить все. Вчера ночью, во время дождя. Погодка была для стрельбы лучше не придумаешь. Беда только, что вы были не один, когда его прихлопнули. Либо вы этого не заметили, — что я считаю весьма маловероятным, — либо вам море по колено. Хотя, с другой стороны, редкие предусмотрительность и хладнокровие — вынуть из фотоаппарата пленку, а потом вернуться, чтобы спрятать труп Гейгера. Вы хотели иметь фору, чтобы забрать из магазина все книги, прежде чем полиция обнаружит убийство.

— Великолепно,— заметил Броуди, брезгливо скривив губы. Пистолет у него на коленях беспокойно шевельнулся.— Развлекаетесь криминальными загадками, маэстро? Ваше счастье, что не я пристрелил Гейгера!

— И тем не менее к ответу притянут именно вас,— возразил я тоном живейшего участия.— Ведь вы могли распорядиться его убить.

Голос Броуди упал до шепота.

— Думаете, им удастся приклеить мне это дело?

— Разумеется.

— Каким же образом?

— Существует человек, который даст в полиции именно такие показания. Ведь я же говорил вам, что там присутствовал свидетель. Так что лучше не задирайтесь со мной, Джо.

Тут его, наконец, прорвало.

— Эта проклятая, свихнувшаяся на мужчинах девка! — рывкнул он.— Она вполне на такое способна. Черт возьми! Именно она.

Я поудобней устроился на диване и широко улыбнулся.

— Прекрасно. Я так и думал, что ее фотография в костюме Евы находится у вас.

— Вы, кажется, считаете меня идиотом.— Глаза Броуди превратились в две узенькие щелки.

— Скорее обыкновенным шантажистом. Отдайте мне снимки.

— Какие снимки?

Я покачал головой.

— Вы поставили на плохую карту, Джо. Разыгрывая оскорбленную невинность, вы ничего не добьетесь. Либо вы побывали там прошлой ночью сами, либо получили фотографии от того, кто там был. Это вы велели своей приятельнице запугать миссис Риган, угрожая сообщить об убийстве в полицию. Бросьте отпираться и прислушайтесь к доводам рассудка.

— Я должен получить немного денег,— сказал Броуди и посмотрел на свое белокуро-зеленоглазое счастье.

— Никаких монеток, мой милый,— решительно ответил я.

— Как вы об этом узнали?

Вместо ответа я достал бумажник и показал ему свое удостоверение.

— Я следил за Гейгером по поручению моего клиента и потому вчера ночью оказался неподалеку от его дома. Услышав выстрелы, я пробрался внутрь и успел оценить все остальное.

— И вы держали язык за зубами?

Я спрятал бумажник в карман.

— Да. По крайней мере до настоящего момента. Так получу я эти снимки или нет?

— А что с книгами? — спросил Броуди.— Как вы напали на след?

— Ехал за ними сюда от самого магазина. У меня даже есть свидетель.

— Этот проклятый недоносок?

— Какой еще недоносок?

— Ублюдок, работающий в магазине. Он смылся, как только отъехал грузовик, и Агнес не знает, где он отсиживается.

— Вот и прекрасно, — заметил я с улыбкой. — Честно говоря, эта проблема немного меня беспокоила. А кто-нибудь из вас уже бывал на квартире у Гейгера? До вчерашней ночи?

— Никогда, — поспешно отрезал Броуди. — Значит, она утверждает, что это я его застрелил?

— Когда я наконец получу снимки, может быть, мне удастся втолковать ей, что она заблуждается. Девчонка была не вполне трезва.

Броуди вздохнул.

— Она меня смертельно ненавидит: когда-то я выставил ее за дверь. Конечно, она мне заплатила, но все равно я никак не мог этого сделать — такие психопатки не для меня. — Он удобнее устроился в кресле. — Ну хорошо, а как все-таки насчет скромной суммы? Сейчас я гол как сокол, а мы с Агнес должны как-то преодолеть полосу невезения.

— Не за деньги моей клиентки.

— Но послушайте...

— Отдайте фотографии, Броуди.

— К черту! — буркнул он. — Ваша взяла!

Он встал и спрятал пистолет во внутренний карман, а левой рукой начал шарить за подкладкой плаща, при этом его лицо искривила досадливая гримаса. И тут, точно гром с ясного неба, над нашими головами взорвался дверной звонок.

15

Звонок надрывался, не переставая. Наконец он умолк, сменившись быстрым, нетерпеливым стуком. Броуди сунул правую руку в карман, куда перед этим спрятал свой пистолет, а левой открыл дверь. Секунду спустя Кармен Стернвуд толкнула его обратно в комнату, воспользовавшись для этого маленьким револьвером, нацеленным прямо в его стиснутые губы. Броуди попятился с выражением панического ужаса на лице, а Кармен захлопнула дверь и, не обращая внимания ни на меня, ни на Агнес, продолжала медленно наступать на него, сощутив глаза и высунув кончик языка.

— Отдай мои фотографии, Джо! — сказала она глухо.

Броуди проглотил слюну и попытался выдавить из себя улыбку.

— Ну, конечно же, малютка, конечно.

— Ты застрелил Гейгера, — продолжала Кармен. — Я это видела. Отдай мне фотографии.

— Послушай, детка, послушай хоть минутку...

Блондинка попыталась укусить меня за щиколотку, и я был вынужден легонько стукнуть ее пистолетом по голове. Она сползла на пол к моим ногам и намертво оплела их руками, в результате чего я грохнулся на диван.

Тем временем Броуди сделал попытку перехватить маленький револьвер, находившийся так близко от его лица. Но это ему не удалось: раздался резкий, неожиданный и не слишком громкий выстрел — и пуля угодила в стекло венецианского окна. Броуди взвыл, как раненый зверь, и, рухнув на пол, дернул Кармен за ноги. Она упала, как подкошенная, а маленький револьверчик отлетел в противоположный угол комнаты. Броуди привстал на колени и сунул руку в карман.

На этот раз я ударил Агнес по голове, уже не стесняя себя излишней деликатностью, и вскочил с дивана. Броуди покосился на меня краем глаза, но я показал ему пистолет.

— Мой Бог, — простонал он. — Ведь вы же не допустите, чтобы она меня убила!

Я подошел к нему и, ткнув пистолетом в живот, вытащил кольт из его бокового кармана. Завладев всей выставленной напоказ в этой комнате коллекцией оружия, я протянул по направлению к Броуди руку:

— Давай.

Он кивнул, облизывая губы, вытащил откуда-то из-под полы пиджака плотный конверт и подал его мне: там оказались негатив и пять отпечатанных с него копий.

— Вы уверены, что это все?

Он опять кивнул. Я спрятал конверт во внутренний карман пиджака и повернулся. Агнес сидела на диване и приводила в порядок прическу. Ее глаза, полные дикой ненависти, буквально пожирали Кармен, а та танцующим шагом, шипя и хихикая, подходила ко мне с протянутой рукой. В уголках ее губ показалась пена, а острые белые зубки прикусили кончик языка.

— Могу я теперь их получить? — спросила она.

— Будет лучше, если пока они лежат у меня. А вам сейчас нужно пойти домой.

— Домой?

— Прошу вас вернуться домой и дождаться меня, — сказал я успокаивающим тоном.

Она подняла большой палец, кивнула и проскользнула мимо. Но, прежде чем выйти, коснулась ладонью моей щеки.

— Вы позаботитесь о Кармен, правда? — проворковала она.

— Само собой разумеется.

— А вы очень милый.

— Ох, то, что вы видели, — это еще пустяки, — откликнулся я. — На правом бедре у меня вытатуирована танцовщица с острова Бали.

У нее округлились глаза. Погрозив мне пальцем, она прошептала:

— Я могу забрать свой револьвер?

— Не сейчас. Я верну его вам позже.

Неожиданно она закинула руки мне на шею и поцеловала в губы.

— Вы мне нравитесь. Вы очень нравитесь малютке Кармен.

Потом быстро перебежала через холл, легкая и веселая, как певчий дрозд, помахала мне со ступенек рукой и скрылась из поля моего зрения.

Мне же не оставалось ничего иного, как вернуться в квартиру Броуди.

Я вынул из кармана оружие Кармен. Это был револьвер 22-го калибра с рукояткой, инкрустированной перламутром и украшенной овальной серебряной пластинкой с выгравированной на ней надписью: «Кармен от Оуэна». Положительно эта девушка могла обольстить любого.

Я спрятал оружие обратно в карман и уселся рядом с Броуди.

— Ну что, довольны? — прошипел он.

— Пока да. Почему вы пытались шантажировать миссис Риган, а не генерала?

— Один раз я его уже выжал — шесть или семь месяцев назад. Мне казалось, что теперь он придет в ярость и сообщит в полицию.

— А откуда вы знали, что миссис Риган ничего ему не скажет?

С минуту он молчал, собираясь с мыслями, продолжал курить и по-прежнему не спускал с меня глаз, потом спросил:

— Вы хорошо ее знаете?

— Виделся с ней максимум раза два, а вы, должно быть, изучили ее куда лучше, если рискнули пойти на шантаж.

— Она выезжает, ведет светский образ жизни. Полагаю, у нее на совести немало сомнительных историй, которые она не горит желанием доводить до сведения генерала. К тому же я убежден, что сумма в пять тысяч долларов для нее пустяки.

— Не совсем так, — возразил я. — Однако оставим эту тему. Вы крепко сели на мель, а?

— Получаю пару центов в месяц и пробую кое-как свести концы с концами.

— А каким образом вы зарабатываете на жизнь?

— Страховкой, служу в страховом агентстве.

— Дела пойдут лучше, когда вы займетесь новым бизнесом.

Книги сейчас находятся у вас на квартире?

Броуди скрипнул зубами и махнул рукой.

— Нет, черт возьми! Я отдал их на хранение.

— Вы обратились к услугам фирмы, занимающейся хранением вещей, чтобы их немедленно отсюда вывезли?

— Разумеется. Я не хотел транспортировать их прямо из магазина Гейгера.

— Ловко! — заметил я почти с восхищением. — А больше у вас дома нет ничего... гм, предосудительного?

— Чего вы хотите? — воинственно сверкнул глазами Броуди.

— Как вы получили эти снимки?

— Послушайте: вы получили что хотели, и притом весьма дешево. Virtuозно сработано. А теперь отправляйтесь лучше к своему расчудесному клиенту и не впутывайте меня в эту историю. Я знать ничего не знаю ни о каких снимках, правда, Агнес?

Блондинка разлепила веки и окинула его не слишком одобряющим взглядом.

— Еще ни разу в жизни мне не попался мужчина, который был бы в состоянии держать марку от начала и до конца. Никогда.

— Мы должны сообща придумать какую-нибудь историю, — сказал я. — Например, с Кармен. Ее здесь вообще не было, и это очень важно. Не было. Вам явился призрак.

Броуди иронически усмехнулся.

— Если тебе так хочется, приятель, ну и если... — Тут он протянул руку и выразительно пошевелил пальцами.

Я кивнул.

— Посмотрим. Быть может, вы и получите какое-нибудь

скромное вознаграждение. Но не рассчитывайте на тысячи. А теперь скажите: откуда у вас эти снимки?

— Мне всучил их какой-то тип.

— Ага. Какой-то тип, случайно проходивший мимо, которого вы никогда раньше не видели и, конечно же, не смогли бы узнать!

Броуди зевнул.

— Это выпало у него из кармана, — сказал он, многозначительно подмигивая.

— Уже лучше. Как насчет алиби на ту ночь, а, покерная твоя голова?

— Я провел ее здесь. С Агнес... Ладно, крошка?

— Джо, ты снова сочиняешь сказки, которые не могут вызвать у меня ничего, кроме досады и огорчения.

Он уставился на меня, широко раскрыв глаза и так же широко разинув рот с прилипшей к губе сигаретой.

— Воображаешь себя ловкачом, приятель, а на самом деле ты стопроцентный кретин и глупец. Даже если и не понюхаешь в Сен-Квентин газовой камеры, тебя все равно ожидает великое множество долгих, унылых и одиноких лет.

Приклеившаяся к губе сигарета дрогнула, и пепел просыпался прямо на пиджак.

— Подумать только, каким умником ты себя считаешь!

— Закрой дверь с той стороны, — неожиданно буркнул он. — Хватит с меня этой забавы. Двигай отсюда. Проваливай.

— Вот и прекрасно. — Я встал, подошел к дубовому столу и, вынув из карманов оба пистолета, положил их по разные стороны пресс-папье, потом поднял с пола перед диваном свою шляпу и пошел к двери.

Броуди крикнул мне вдогонку:

— Эй!

Я обернулся. Сигарета подскочила у него во рту, как чертик на пружине.

— Между нами все о'кей? Не так ли?

— Почему же нет? Ведь мы живем в свободной стране: если вам так захотелось в тюрьму, имеете на это полное право. Разумеется, при условии, что являетесь гражданином Соединенных Штатов. А вы являетесь?

Он молча смотрел на меня, мусоля губами сигарету. Светло-лодая Агнес тоже повернулась в мою сторону. В их глазах я читал смесь продувной хитрости, сомнения и бессильной злобы — нелепый коктейль. Агнес резко вскинула руки с серебряными ногтями и нетерпеливо отбросила волосы со лба.

— Но ведь ты же не пойдешь в полицию, старина? — глухо произнес Броуди. — Во всяком случае, пока работаешь на семейство Стернвудов. Слишком много я о них знаю. Ты получил свои снимки — и давай на том прикроем дело. Можешь отправляться к своему благодетелю и продать ему плоды сенсационного разоблачения!

— Лучше решайтесь, — посоветовал я. — Вы велели мне убираться, а, когда я уже стоял на пороге, позвали обратно. Я вернулся и вот теперь должен снова уйти. Так чего вы, собственно говоря, хотите?

— У вас ведь ничего против меня не имеется, правда?

— Только два малюсеньких убийства. Две небольшие перемены в вашем окружении.

Он так и подскочил, а светловолосая Агнес издала сдавленное, звериное рычание и спрятала голову между диванными подушками.

Броуди облизнул пересохшие губы.

— Присаживайтесь, старина, может быть, у меня еще что-нибудь для вас найдется. Что означает этот намек на два убийства?

Я прислонился к двери.

— Где вы были вчера около половины восьмого вечера, Джо?

Губы Броуди гневно шевельнулись, но глаза уперлись в пол. — Наблюдал за одним типом, владельцем чудесного предприятия — Гейгером. Я подумал, что ему не помешал бы компаньон, и хотел разноухать его связи. Он должен был иметь надежных покровителей, иначе дело не велось бы так открыто. Но эти акулы не посещали его на дому. Одни бабы.

— Вы наблюдали не слишком внимательно, — заметил я. — И что же дальше?

— Минувшей ночью я был неподалеку от виллы Гейгера. Дождь лил как из ведра, и я не много смог разглядеть. Прямо перед домом стоял какой-то автомобиль, а чуть дальше, выше по склону, — второй. Поэтому я и предпочел остаться на улице. Напротив меня был припаркован большой «бьюик». Спустя какое-то время я перешел на противоположную сторону улицы и заглянул в машину. «Бьюик» был зарегистрирован на имя Вивиан Риган. Поскольку ничего интересного не происходило, я решил убраться восвояси. Все. — Он взмахнул рукой и впился глазами в мое лицо.

— Это уже похоже на правду, — согласился я. — А знаете, где сейчас этот «бьюик»?

— Откуда?

— В гараже шерифа. Сегодня около полудня его обнаружили неподалеку от рыбацкого мола в Лидо, на глубине примерно в сто с лишним футов. В машине оказался покойник. Его сперва оглушили, а затем спустили автомобиль с мола, предварительно включив ручной газ.

Броуди тяжело задыхался, постукивая одной ногой о пол.

— Мой Бог! Неужели вы хотите пришить мне это дело? — спросил он хрипло.

— Почему же? Ведь вы сами сказали, что машина стояла перед домом Гейгера. Миссис Риган вчера не пользовалась «бьюиком», ее шофер, молодой человек по имени Оуэн Тейлор, взял автомобиль без разрешения и поехал побеседовать с Гейгером. Он был помешан на Кармен, и ему совсем не нравилось, какие штучки проделывал с нею этот тип. Парень вошел в дом через черный ход с помощью отмычки. В руке он держал пистолет и, увидя, как Гейгер фотографирует обнаженную Кармен, выстрелил, Гейгер упал, а Оуэн выбежал на улицу, прихватив с собой негатив. Вы следили за ним, догнали и отняли пленку. Как же иначе вы могли бы получить эти снимки?

Броуди снова облизал пересохшие губы.

— Да, но это не доказывает, что я его убил. Я действительно слышал выстрелы и видел убийцу, сбегавшего по ступенькам и вскочившего в «бьюик». Он мчался на запад, по направлению к Сансет, я последовал за ним. За Беверли Хиллз он съехал с шоссе и остановился. Тогда я догнал его и разыграл из себя

полицейского. У парня был пистолет, но нервы его подвели, и мне пришлось его нокаутировать. Потом я обыскал его одежду и выяснил, кто он такой. Кассету с пленкой взял из чистого любопытства. Я как раз подумывал, что все это может значить, когда он вдруг очнулся и выпшвырнул меня из машины. Глазом моргнуть не успел, как он исчез, и больше я его не видел.

— А откуда вы знаете, что застрелили именно Гейгера? — спросил я грубовато.

Броуди пожал плечами.

— Я так думаю, но могу и ошибаться. Когда проявил пленку и увидел, что на ней, был в этом почти уверен, а когда Гейгер не пришел сегодня утром в магазин и не отвечал на телефонные звонки, все встало на свои места. Тогда меня и осенило, что это недурной повод связаться со Стернвудами и, получив немного денег на дорогу, на какое-то время исчезнуть.

Я кивнул.

— Звучит довольно убедительно. Может быть, вы и в самом деле не принимали участия в том убийстве. А где вы спрятали труп Гейгера?

Он поднял брови и расхохотался.

— Та-та-та, что вы еще придумали! Неужели вообразили, что я вернулся бы туда и стал возиться с телом, зная, что в любую минуту из-за угла может показаться целая колонна «джипов», набитых копами? О, нет, приятель! Не такой уж я дурак.

— Но ведь кто-то же спрятал тело, — возразил я.

Броуди опять пожал плечами. Улыбка по-прежнему не сходила с его лица, и я видел, что он мне не верит. Пока он присматривался ко мне, у входной двери опять раздался звонок.

— Ну вот, опять она, — буркнул глухо Броуди.

— Даже если и так, — утешил его я, — на сей раз при ней нет оружия. Надеюсь, у вас не имеется других приятельниц?

— Хватит с меня и одной, — проворчал он. — Я уже сыт по горло этой игрой в жмурки.

Он промаршировал к столу, взял кольт и, держа его дулом вниз, подошел к двери. Взялся левой рукой за ручку, повернул ее, слегка приоткрыл дверь и наклонился к образовавшейся щели.

— Броуди? — раздался чей-то голос.

Что ответил Джо, я не расслышал, поскольку тут же глухо разорвалось два выстрела, — должно быть, стреляли с очень близкого расстояния. Броуди мягко сполз вдоль двери, которая с треском захлопнулась под тяжестью его тела. Его ноги заскользили по полу, отпихивая в сторону ковер, пальцы выпустили дверную ручку, и безвольная рука тяжело ударилась о стену. Он упал лицом вниз и больше уже не шевелился.

Я одним прыжком пересек комнату и, оттолкнув тело, выскочил наружу. Какая-то женщина выглянула из-за приоткрывшейся двери соседней квартиры и молча указала мне на лестницу.

Я помчался вниз, догоняя шелестящие где-то впереди шаги, и в тот самый момент, когда, наконец, ворвался в холл, дверь бесшумно захлопнулась прямо у меня перед носом. Я толкнул дверь и очутился на улице.

Высокий человек, без шляпы и в кожаном пиджаке, бежал вдоль мостовой, петляя между припаркованными автомобилями.

Внезапно он обернулся, и перед глазами у меня вырос ослепительный столб пламени: два тяжелых разрыва громыхнули почти рядом, ковырнув оштукатуренную стену. Человек продолжал бежать и, миновав еще два автомобиля, неожиданно исчез.

Зато рядом появился какой-то тип и крикнул:

— Что здесь происходит?

— Перестрелка, — ответил я.

— О Боже! — воскликнул он и молниеносно скрылся за дверью.

Я быстро добрался до своей машины, сел в нее и запустил мотор, после чего, уже не торопясь, двинулся вдоль улицы. Все припаркованные по обе стороны от проезжей части автомобили стояли с выключенными двигателями. Мне показалось, будто я слышу чьи-то шаги, однако полной уверенности не было. Так я миновал два квартала и, развернувшись у перекрестка, поехал назад. Внезапно откуда-то с тротуара донесся приглушенный свист. Затем шаги. Я затормозил, вышел и, проскользнув между двумя другими машинами, укрылся за ними. Потом достал из кармана маленький револьверчик Кармен и принялся ждать.

Шаги становились все громче, а насвистывание — все радостнее. Наконец, минуту спустя в просвете между автомобилями показался кожаный пиджак. Я шагнул вперед и спросил:

— Простите, у вас не найдется закурить?

Молодой человек повернулся ко мне, одновременно запустив правую руку в верхний карман пиджака. Его глаза блестели в свете фонаря — влажные и темные, напоминающие по форме миндалины, а бледное, с правильными чертами лицо обрамляли густые, волной спадающие на лоб иссиня-черные волосы. Красивый парень, ничего не скажешь. Парень из магазина Гейгера.

Он стоял и молча меня разглядывал, а я держал маленький револьвер, прижимая его к ноге дулом вниз.

— Должно быть, ты души не чаял в своем сокровище.

— Отцепись, — предложил он миролюбиво. Стоял совершенно спокойно, зажатый между припаркованным автомобилем и высоким, в несколько футов забором.

Внезапно где-то в конце улицы завывла полицейская сирена. Услышав этот звук, парень нервно дернул головой, и в ту же минуту дуло моего револьвера уперлось в его кожаный пиджак.

— Я или копы?

Он снова дернул головой.

— А кто ты такой?

— Приятель Гейгера.

— С дороги, сукин сын!

— У этого револьвера очень малый калибр, детка, и тем не менее я могу проделать в тебе такую дырку, что ты будешь в состоянии подняться не раньше чем через три месяца. Однако, если выкарабкаешься, сможешь без посторонней помощи дотопать до чудесной газовой камеры в Сен-Квентин.

Он грязно выругался и попытался засунуть руку глубже в карман, но я крепче прижал дуло револьвера к его животу. Парень с судорожным вздохом бессильно опустил руку и ссутулил широкие плечи.

— Что тебе нужно? — прошептал он.

Я без всяких церемоний обшарил его пиджак и вытащил из кармана пистолет.

— Садись в машину, дружок, и крути баранку. Вести будешь ты, малыш.

Он втиснулся на место водителя, а я уселся рядом, спрятал револьвер Кармен в карман и посмотрел в заднее стекло. Вой сирен с каждой секундой становился все громче.

— Двигайся,— приказал я.

Парень вырулил на проезжую часть, и мы поехали вниз по улице.

— Домой,— заявил я тоном, не терпящим возражений.— На Лаверн Террас.

Его красивые губы дрогнули, однако он послушно направил машину на запад, в сторону Фрэнклин-авеню.

— Ты наивный дурачок,— сказал я.— И тебя ничего не стоит вычислить. Кстати, как тебя зовут?

— Карл Лундгрэн,— ответил он лишенным всяких интонаций голосом.

— Так вот: ты застрелил не того, кого следовало. Джо Броуди не убивал твоего любовника.

17

Серебряный полумесяц едва пробивался сквозь тучи, и его слабые, блеклые лучи были не в силах рассеять мрак, окутывавший кроны деревьев на Лаверн Террас. Из расположенного у подножия холма особняка доносилась оживленная болтовня радио. Молодой человек заглушил мотор и, не снимая рук с руля, сидел, уставившись прямо перед собой ничего не видящими глазами.

— Есть кто-нибудь в доме, сынок? — спросил я.

— Сам должен знать,— буркнул он.

— Откуда?

— А иди ты!..

— Подобная манера выражаться уже многим стоила искусственной челюсти,— заметил я.

Вместо ответа он скупно усмехнулся, продемонстрировав мне, без сомнения, собственные зубы, а затем пинком распахнул дверцу и выбрался наружу.

— Ну ладно,— сказал я.— У тебя ведь имеется ключ. Пошли.

— Кто тебе сказал, что он у меня есть?

— Не делай из меня дурака, сынок. У тебя же здесь симпатичная маленькая холостяцкая комнатка. Правда, твой приятель выгонял тебя оттуда, когда предвиделся визит дамы... Вообще этот Гейгер был как Цезарь: мужем для женщин и женой для мужчин. У меня нюх на членов этого благочестивого братства.

Я целился в него из револьвера, однако это не помешало ему броситься на меня и нанести удар в подбородок. Я успел отскочить, но все-таки довольно ощутимо почувствовал тяжесть его кулака. Молодчик вложил в этот удар всю силу своей ненависти.

Я бросил ему под ноги револьвер и крикнул:

— Это тебе нужно?

Он молниеносно нагнулся, и в ту же секунду я ударил его ребром ладони по шее. Он опрокинулся на бок, все еще пытаясь дотянуться до оружия, однако оно лежало слишком далеко. Я подхватил револьвер и забросил его внутрь автомобиля. Парень, стоя на четвереньках, кашлял и тряс головой.

— Как, ты не хочешь помериться со мной силами? — поддел его я. — Боишься потерять в весе?

Он налетел на меня со скоростью стрелы, выпущенной из лука, и попытался обхватить мои колени. Я отскочил в сторону, ухватил его руками за шею и по всем правилам искусства зажал его голову левым локтем. Сначала молодчик пробовал меня лягнуть, хотя и без особого успеха, однако руки у него оставались свободными, позволяя наносить мне град беспорядочных ударов. Пришлось усилить хватку: левой рукой я обхватил правую, приподнял бедро, и на мгновение мы неподвижно застыли в этой позе. С каждой секундой я все сильнее сдавливал ему горло, пока его ноги не начали судорожно скрести землю, а дыхание — глхнуть и слабеть. Я продержал его так около минуты, пока обмякшее тело тяжело упало в мои объятия. Тогда я ослабил хватку, в результате чего парень безжизненно вытянулся у моих ног, вернулся к своему автомобилю, взял пару наручников и, выкрутив ему руки за спину, защелкнул на них металлические браслеты. После этого подхватил молодчика под мышки и затащил за живую изгородь, чтобы тело нельзя было заметить с улицы, а сам уселся за руль и отвел машину дальше вверх по Лаверн Террас.

Когда я вернулся, парень все еще был без сознания. Я отпер дверь, втащил его в холл и снова защелкнул замок. Постепенно его дыхание выровнялось и стало более глубоким, а когда я включил свет, он заморгал глазами.

Я наклонился над ним и сказал:

— Лежи спокойно, не то получишь еще столько же, а может быть, и больше. Просто лежи тихо и сдерживай дыхание. Сдерживай его так долго, как только сможешь, пока не почувствуешь, что лицо у тебя почернело, а глаза вылазят из орбит и ты должен во что бы то ни стало глотнуть воздуха...

— Иди ты... — сказал он со вздохом, тихо и почти ласково.

— Не хорохорься, парень. Рано или поздно ты все равно расколешься и расскажешь обо всем, что нас интересует, а то, до чего нам нет дела, оставишь при себе.

— Иди ты...

— Повтори еще разок — я уложу тебя баиньки.

У него задрожали губы, и я оставил его там, на полу, с руками, скованными за спиной, щекой, прижатой к ковру, и звериной ненавистью в блестящих глазах, а сам зажег еще одну лампу, вышел в коридорчик, расположенный позади гостиной, и толкнул дверь, ведущую в комнату напротив. Навстречу мне качнулся зыбкий полумрак, а в ноздри ударил тяжелый аромат сандалового дерева. На небольшом латунном подносе, на комодке, лежали две горки пепла от сожженных курительных палочек, а две высокие черные свечи в тяжелых бронзовых подсвечниках, стоящие по обе стороны кровати на темных резных стульях с прямыми спинками, наполняли комнату таинственным, приглушенным светом.

На кровати лежал труп Гейгера. Две полоски, вырванные из обтягивавшего стену китайского шелка, расшитого цветами, скрещивались у него на груди, образуя Андреевский крест, и прикрывали окровавленную ткань халата, а ниже я увидел неподвижные, застывшие ноги в черных атласных штанах. На них по-прежнему красовались китайские туфли с толстыми войлочными подошвами. Скрещенные руки лежали на груди поверх

двух полосок шелка. Тонкие бескровные губы кривила сардоническая усмешка, а усики а-ля Чарли Чан производили впечатление чего-то невыразимо пошлого и гротескного. Широкий мясистый нос поражал своей невероятной бледностью, а из-под полуприкрытых век щурился и подмигивал мне в блеске свечей стеклянный глаз.

Я не стал его трогать и даже не подошел ближе: и кретину было ясно, что он холоден, как лед, и окостенел, как доска. Я вышел, закрыл за собой дверь, вернулся обратно в гостиную и посмотрел на лежащего у моих ног парня.

— Ты не хотел бы сесть, сынок?

Вместо ответа он закрыл глаза и сделал вид, что ему ужасно хочется спать. Тогда я подошел к столу, взял уже знакомый мне телефонный аппарат цвета спелой сливы и, не торопясь, набрал номер Берни Олса.

— Это Марлоу,— сказал я.— Не нашли ли твои ребята сегодня утром у Оуэна Тейлора пистолет?

Я услышал, как он закашлялся и старался совладать со своим голосом, чтобы не выдать удивления.

— Ответ получишь завтра утром, полистав раздел полицейской хроники.

— Если его обнаружили, то в нем недоставало трех патронов, правда?

— Откуда, черт возьми, это тебе известно?

— А ты приезжай на Лавери Террас, номер 7244, и я покажу тебе, куда девались пули.

— Так просто?

— Вот именно.

— Тогда выгляни в окно и увидишь, как мы выезжаем из-за угла,— сказал Олс и добавил: — Надеюсь, в этот раз ты вел себя более осмотрительно, чем обычно.

— Боюсь, что осмотрительно — не слишком подходящее слово,— откликнулся я.

18

Олс стоял рядом со мной и разглядывал сидящего на диване парня.

— Вы признаетесь в том, что застрелили Брудди?

Вместо ответа парень произнес бархатным голосом свое любимое ругательство.

Олс вздохнул и повернулся ко мне.

— А он и не должен признаваться,— сказал я.— У меня в кармане лежит его пистолет.

— О Боже! — снова вздохнул Берни.— Какая жалость, что я не получаю по доллару всякий раз, когда кто-нибудь подобным образом докладывает мне о совершенном преступлении. Странновато, не так ли?

— Не вижу ничего странного.

— Зато я вижу,— заявил Олс и отвернулся.— Я позвонил Уайльду, сейчас мы поедем туда и прихватим с собой этого ублюдка. Он сядет ко мне, а ты поедешь сзади — на тот случай, если он вдруг попытается мне врезаться. Идем,— брезгливо обратился он к парню, беря его под руку, однако стараясь при этом держаться как можно дальше.

Я погасил свет и вышел вслед за ними на крыльцо. Мы сели в свои машины, и я поехал за Берни, стараясь не отставать от задних фар машины Олса. Ехал и от души надеялся, что это мое последнее посещение Лавери Террас.

Таггарт Уайльд, окружной прокурор, обитал на углу Четвертой Авеню и сквера Лафайета, в белом каменном доме, огромном, как трамвайное депо, с массивными красными воротами-аркой, за которыми раскинулось несколько акров великолепно ухоженного газона.

Перед особняком стояло два автомобиля: большой черный лимузин и полицейский джип, водитель которого, лениво развалясь на сиденье, курил сигарету. Олс подошел к полицейскому и сказал ему что-то на ухо, после чего тот взял под наблюдение сидящего в соседней машине парня.

Мы поднялись на крыльцо и позвонили. Двери открыл подтянутый, аккуратно подстриженный мужчина, который проводил нас через холл и большую темную гостиную в еще один холл, где постучал в какую-то дверь, затем распахнул ее настежь и отошел в сторону, давая нам дорогу. Мы стояли посреди просторного кабинета со стенами, обшитыми деревом, и огромным, до пола, окном, выходящим в окутанный сумерками сад. Запахи из сада смешивались с ароматом хорошей сигары.

Таггарт Уайльд, полный мужчина средних лет с бледно-голубыми глазами, сидел за столом. Перед ним стояла чашка черного кофе, а длинные, холеные пальцы сжимали мундштук сигары.

Рядом в синем кожаном кресле сидел мужчина с резкими, острыми чертами лица и холодными глазами, худой, как бильярдный кий, и отталкивающий, словно хозяин ломбарда. На нем был великолепно отутюженный коричневый костюм, а в галстуке красовалась черная жемчужина. Длинные, тонкие пальцы выдавали интеллектуала, и вообще он производил впечатление человека, готового принять любой вызов.

— Добрый вечер, Кронджегер. Это Филип Марлоу — частный детектив. Впутался в недурную авантюру, — сказав это, Берни улынулся.

Кронджегер посмотрел на меня без всякого интереса и едва заметно кивнул.

— Садитесь, Марлоу. Я постараюсь уладить это дело с капитаном Кронджегером, но вы должны понимать, что все это не просто. Теперь мы живем в большом городе, — вежливо произнес Уайльд.

Я уселся и закурил, а Олс тем временем снова повернулся к Кронджегеру.

— Что вам удалось выяснить насчет убийства на Рэндалл Плэйс?

Кронджегер с хрустом согнул большой палец и сказал, не поднимая глаз:

— Один труп с двумя пулями и два пистолета, из которых никто не стрелял. Внизу какая-то блондинка пыталась уехать на чужой машине, в то время как ее собственная, той же марки, стояла рядом. Она вела себя крайне подозрительно, и потому мои люди задержали ее. Во время допроса у нее развязался язык. Оказывается, она была на квартире у Броуди в тот момент, когда он получил эти пули, хотя и утверждает, что не видела убийцы.

— Это все? — спросил Олс.

Кронджегер приподнял брови.

— С тех пор не прошло и часа. Чего вы ожидали?

— Ну, хотя бы описание преступника.

— Высокий молодой человек в кожаном пиджаке или куртке... если, конечно, это можно назвать приметам.

— Он сидит у меня в машине. В наручниках. Марлоу уладил за вас эти мелочи. А вот его пистолет. — Берни вынул оружие из кармана и положил его на край стола. Кронджегер смотрел на пистолет, не прикасаясь к нему.

Уайльд кашлянул, откинулся на спинку кресла и затянулся сигарой. Потом наклонился, чтобы отпить глоток кофе из стоящей перед ним чашки, после чего достал из кармана смокинга шелковый носовой платок, прикоснулся им к губам и спрятал обратно.

— В игру входят еще два убийства, — заметил Олс, ущипнув себя за подбородок.

Капитан Кронджегер резко выпрямился, а его хмурые глаза сверкнули, как два стальных клинка.

Между тем Олс продолжал:

— Вы слышали о машине, которую подняли сегодня утром со дна в порту с мертвым парнем внутри?

Кронджегер отрицательно покачал головой, а его лицо сохраняло все то же хмурое, напряженное выражение.

— Убитый служил шофером в одном весьма богатом семействе, — пояснил Олс. — Их шантажировали из-за проделок одной из дочерей. Прокурор Уайльд порекомендовал этой семье господина Марлоу, и тот всерьез взялся за дело.

— Я преклоняюсь перед частными детективами, которые всерьез берутся за подобные дела, — буркнул Кронджегер. — Такая чертовская скромность вам отнюдь не к лицу.

— В самом деле? — спросил Олс. — А я вовсе и не собирался быть излишне скромным: не так уж часто мне представляется случай проявить это качество по отношению к городской полиции.

У Кронджегера побелели ноздри. С минуту в комнате было настолько тихо, что мы слышали, как он со свистом выдыхает воздух.

— Не вам учить моих людей тому, как они должны исполнять свои обязанности, наглец!

— О! Это мы еще увидим, — откликнулся Олс. — Шофер, сорвавшийся с мола у Лидо, о котором я вам говорил, вчера ночью застрелил человека. На вашей территории, капитан. Человека по фамилии Гейгер, хозяина лавочки с порнографической литературой, помещавшейся на одной из главных улиц Голливуда. Гейгер жил вдвоем с красавчиком, который сидит сейчас в моем автомобиле. То есть, я хотел сказать, сожительствовал, чтобы вам совсем все было ясно.

Кронджегер внимательно посмотрел на Олса.

— Похоже, это дело обещает перерасти в довольно мерзкий скандал, — заметил он.

— По опыту знаю, что этим заканчивается большинство полицейских расследований, — буркнул Олс и повернул ко мне свои нахмуренные брови. — Ну, Марлоу, вам слово. Расскажите, как все произошло.

Я рассказал. Однако опустил две детали, хотя и сам не знаю почему: появление Кармен на квартире Броуди и послеобеденный визит Эдди Марса на виллу Гейгера.

Капитан Кронджегер ни на секунду не спускал с меня глаз. Когда я закончил, он долго молчал. Молчал и Уайльд, изредка выпуская к потолку колечки голубоватого дыма. Что касается Берни, то он с интересом разглядывал свой большой палец.

Наконец капитан Кронджегер откинулся в кресло, положил ногу на ногу и обхватил длинными нервными пальцами колено. Его худое лицо исказила мрачная гримаса.

— Значит, ваш геройский подвиг заключался в сохранении молчания, в результате чего красавчик Гейгера обрел возможность совершить сегодня вечером еще одно убийство?

— Выходит, так, — признался я. — Вообще я оказался в довольно трудной ситуации. Конечно, кое-что упустил, но ведь прежде всего я должен был думать о защите интересов моей клиентки, а кроме того, не мог предвидеть, что этот парень будет стрелять в Броуди.

— Ну, разумеется, господин Марлоу, предвидеть подобные вещи может исключительно полиция, — иронически заметил Кронджегер. — Если бы мы немедленно узнали о смерти Гейгера, книги из его магазина никогда не попали бы на квартиру Броуди, а щенок не выследил бы его и не застрелил. А впрочем, дни Броуди и так уже были сочтены: все они кончают одинаково. Однако жизнь остается жизнью.

— Угу, — согласился я. — Но лучше скажите это своим людям, когда они в очередной раз пристрелят где-нибудь посреди улицы жалкого воришку, удирающего с украденным тощим кошельком.

Уайльд с размаху ударил ладонями по краю стола.

— Хватит, — сказал он. — Почему вы, Марлоу, так уверены, что именно Тейлор застрелил Гейгера? Даже если оружие, из которого он был убит, лежало в кармане или в автомобиле Тейлора, отсюда еще не следует, что последний действительно является убийцей. Пистолет мог быть подброшен, например, Броуди, который и совершил это преступление.

— Физически такая ситуация возможна, но с точки зрения психологии абсолютно неправдоподобна, — возразил я. — Слишком уж много здесь случайных совпадений и нет никаких разумных мотивов. Я разговаривал с Броуди довольно долго: это мелкий шантажист, но никак не убийца. Зато у Тейлора были к тому все основания: его толкнула на этот шаг фотография, компрометирующая Кармен Стернвуд.

Прокурор Уайльд кашлянул и пристально посмотрел на капитана Кронджегера.

— Что это за история с перепрятыванием трупа? — спросил Уайльд. — Не вижу в подобных действиях ни малейшего смысла.

— Скорее всего это дело рук того молодчика, — заметил я, — хотя он ничего мне об этом не говорил. Броуди не переступал порога дома Гейгера после того, как тот был убит, а парень, должно быть, вернулся, пока я отвозил домой Кармен Стернвуд. Будучи тем, кем он есть, красавчик боялся полиции, а потому решил на время спрятать труп. Судя по следам на ковре, он выволок тело через парадную дверь и оставил его в гараже, после чего упаковал свои пожитки и был таков. И лишь поздно

ночью, когда труп уже начал остывать, молодчика замучили угрызения совести: ведь он, если можно так выразиться, не исполнил христианского долга по отношению к своему возлюбленному. Тогда он вернулся, втащил труп обратно в дом и уложил на кровать. Разумеется, все это лишь мои предположения.

Уайльд согласно кивнул.

— Сегодня утром он как ни в чем не бывало отправился в магазин, но при этом не забывал держать ушки на макушке, и когда Броуди распорядился перевезти к себе книги, парень постарался узнать, куда именно их должны доставить. Тогда же он пришел к выводу, что этот человек застрелил Гейгера, желая заполучить его дело, а может быть, знал о Броуди и его подруге куда больше, чем те предполагали. А вы как думаете, Олс?

— Это мы выясним, — откликнулся Берни. — Но сомневаюсь, что таким образом удастся разрешить проблемы капитана Кронджегера. Ему не дает покоя факт, что о событиях, происшедших минувшей ночью, он узнал лишь сейчас.

— Я уж как-нибудь это переживу, — кисло заметил Кронджегер.

— В таком случае покажите нам свои экспонаты, Марлоу, — сказал Уайльд, стряхивая пепел с сигары.

Я исполнил его просьбу и вывернул карманы: три векселя in blanco, визитная карточка Гейгера, адресованная генералу Стернвуду, фотографии Кармен и голубой блокнотик с записанными при помощи шифра фамилиями и адресами. Ключи Гейгера я еще раньше передал Олсу.

Уайльд осмотрел все это, не вынимая изо рта сигары. Олс тоже закурил, а капитан Кронджегер, облокотившись о стол, смотрел на вещи, которые я передавал прокурору.

Наконец Уайльд ткнул пальцем в три векселя, подписанные Кармен.

— Я думаю, это были лишь пробные шары: если бы генерал Стернвуд выкупил векселя, это послужило бы доказательством, что он опасается чего-то намного худшего. И тогда Гейгер затянул бы болты уже по-настоящему. А вам известно, чего боится генерал?

Я отрицательно покачал головой.

— Надеюсь, вы рассказали нам все, включая детали?

— Я опустил лишь несколько мелочей сугубо личного характера, которые не хотел бы разглашать и в дальнейшем, господин прокурор.

— Почему? — спокойно осведомился Уайльд.

— Потому что мой клиент имеет право на защиту перед лицом любой власти, вплоть до суда присяжных. К тому же у меня есть лицензия, позволяющая заниматься ремеслом частного детектива, а мне кажется, понятие «частный» имеет вполне определенное значение. Голливудская полиция расследует сейчас два убийства, причем оба уже, по сути дела, раскрыты: и тут, и там известен как убийца, так и мотив. В руках полиции находится и орудие преступления... Но что касается шантажа, его обстоятельства должны сохраняться в тайне до тех пор, пока в это дело замешаны определенные лица.

— Мы в восторге от мысли, что можем воздать хвалу господину частному детективу за его поистине беспримерный подвиг, — сухо заметил Кронджегер.

— Хочу вам кое-что показать,— предложил я, вышел на улицу и взял из своего автомобиля книгу, унаследованную у одного из незадачливых клиентов Гейгера.

Вернувшись в дом, я положил книгу на стол перед Уайльдом и развернул бумагу, в которую она была упакована.

Уайльд осматривал книгу с каменным лицом, затем закрыл и подтолкнул к Кронджегеру. Тот перевернул несколько страниц и почти тут же захлопнул: на щеках у него расцвели багровые пятна.

— Гляньте на формуляр с записями на внутренней стороне обложки,— посоветовал я.

Капитан опять раскрыл книгу и неохотно спросил:

— Ну и что с того?

— В случае необходимости я покажу под присягой, что этот шедевр родом из магазина Гейгера; блондинка по имени Агнес также будет вынуждена сознаться. Каждому мало-мальски разумному человеку должно быть ясно, что магазин служил прикрытием для совершенно иной деятельности. Голливудская полиция, закрывая глаза на существование подобного бизнеса, не могла не руководствоваться вескими мотивами, и я осмелюсь предположить, что суд присяжных захочет узнать, какими именно.

Прокурор усмехнулся.

— Суды присяжных действительно задают иногда щекотливые вопросы.

Капитан Кронджегер вскочил, будто его подбросило пружиной, и нахлобучил шляпу.

— Я здесь один против троих,— буркнул он.— Я возглавляю отдел по расследованию убийств, и то, что Гейгер занимался порнолитературой,— не мое дело, но если газеты начнут копать в грязном белье, это бросит тень и на нас. Так чего же вы, собственно говоря, хотите?

— Я хочу передать вам арестованного. Попрошу вас выйти со мной,— спокойно ответил Олс.

Кронджегер бросил на него довольно диковатый взгляд и вышел из комнаты. Олс двинулся следом. Когда дверь наконец закрылась, Уайльд забарабанил пальцами по краю стола и впился в меня своими бледно-голубыми глазами.

— Вы должны понимать, что чувствует полицейский, когда его вынуждают замять подобное дело. Может быть, вам придется дать показания... даже с занесением в протокол. И все-таки, думаю, мне удастся разделить эти два убийства и не впутывать сюда генерала Стернвуда. Кстати, вы понимаете, почему я до сих пор не оттащил вас за ухо?

— Нет. Честно говоря, ожидал, что вы оторвете мне оба.

— А сколько вы на всем этом зарабатываете?

— Двадцать пять долларов в сутки плюс расходы.

— То есть на сегодня вы имеете пятьдесят долларов да еще какие-то гроши на бензин.

— Что-то около того.

— И за такую сумму вы готовы взвалить на себя ответственность за нарушение половины установленных в этой стране законов?

— Разумеется, мне этого совсем не хочется. Но как, черт возьми, я мог еще поступить? Взялся за это дело, потому что

зарабатываю на жизнь, продавая то, что могу продать. Природа подарила мне немножко отваги и сообразительности, и я готов бороться до конца, невзирая на последствия, чтобы отстоять интересы своего клиента. То, что я столько выложил сегодня вечером, не спрашивая позволения у генерала, резко противоречит моим принципам.

— Вы должны учитывать возможность того, что капитан Кронджегер попытается лишить вас лицензии,— проворчал Уайльд.— Вы сказали, что хотите сохранить в тайне несколько деталей личного характера. Они имеют большое значение?

— Моя миссия еще не окончена,— повторил я и посмотрел ему прямо в глаза.

В ответ Уайльд усмехнулся широкой, открытой улыбкой ирландца.

— Я хотел бы кое-что вам сказать, приятель. Дело в том, что мой отец был близким другом генерала Стернвуда, и до сих пор я делал все, что только допускает честь моего мундира, а может быть, даже и больше, чтобы уберечь генерала от ненужных забот. Но дальше это уже становится невозможным, поскольку его дочери рано или поздно все равно впутаются во что-нибудь такое, чего уже не удастся замять или скрыть, особенно этот белокурый ангелочек. Их бы не следовало никуда пускать без присмотра, и мне придется сказать об этом генералу, потому что, на мой взгляд, он понятия не имеет, что творится сегодня на свете. И есть еще одна деталь, которую я хотел бы с вами обсудить, пользуясь тем, что мы беседуем с глазу на глаз. Ставлю доллар против канадского цента, что генерал опасается, как бы его зять, этот бывший бутлегер, не оказался каким-либо образом замешан в эту историю, и, наняв вас, хочет получить доказательства обратного. А что вы об этом думаете?

— То, что я слышал о Ригане, не дает оснований считать его способным пойти на шантаж. Ведь у него было здесь пуховое гнездышко, и тем не менее он его оставил.

— Насколько мягок был этот пух,— заметил Уайльд,— не можем знать ни вы, ни я. Риган относился к типу мужчин, предпочитающих вещи потверже. Кстати, генерал говорил вам, что разыскивает его?

— Кажется, он был очень к нему привязан, и его огорчило, что зять не счел нужным проститься с ним.

Прокурор откинулся на спинку кресла и наморщил лоб.

— Понятно,— сказал он изменившимся голосом, и его рука потянулась к красующимся на столе реквизитам. Уайльд отложил в сторону голубой блокнотик Гейгера, а остальные вещественные доказательства придвинул ко мне.— Можете взять их обратно,— пояснил он.— Меня все это не интересует.

Было почти одиннадцать, когда я отогнал на стоянку машину и подошел к дому на Хобарт Армз. Входные двери запирались в десять, и потому мне пришлось воспользоваться своим ключом. В пустом квадратном холле сидел какой-то мужчина. Увидев меня, он сунул за кадку с пальмой вечернюю газету и ткнул в землю изжеванный окурочок. Потом встал, помахал мне шляпой и сказал:

— Шеф хотел бы с тобой побеседовать, старина. А потому лучше оставь своих городских приятелей.

Я стоял, спокойно разглядывая его перебитый нос и лопухообразное ухо.

— Что ему нужно?

— А тебе какое дело? Держи свой нос подальше — и тогда все будет о'кей. — Его рука беспокойно шарилась в окрестностях внутреннего кармана расстегнутого плаща.

— От меня воняет полицией, — сказал я. — И вообще я чересчур устал, чтобы есть, говорить или думать. Но если ты воображаешь, что я почувствую себя менее усталым, выслушивая приказания Эдди Марса, то постарайся вытащить пушку раньше, чем я припечатаю тебе второе ухо.

— Чушь! У тебя нет при себе оружия. — Он нагло уставился на меня, стянув над переносицей густые темные брови, и презрительно скривил уголки губ.

— Вчера, мой дорогой Лэнни, это было вчера. Я не всегда бегаю голый.

Он протестующе замахал рукой.

— О'кей, приятель, твоя взяла. Я не получал указаний раскрыть кому-нибудь череп. Ты сам все от него услышишь.

— Чем позже, тем лучше, — буркнул я, а боксер направился к дверям, распахнул их и вышел, не оглядываясь. Я вызвал лифт и поднялся на свой этаж. Дома я достал из кармана револьверчик Кармен, старательно почистил, смазал маслом и, завернув в кусочек фланели, запер на ключ в одном из ящиков стола. Покончив со всем этим, налил себе виски. В этот момент раздался телефонный звонок.

— Сегодня вы ведете себя на редкость нагло, — произнес на другом конце провода голос Эдди Марса.

— Большой, нахальный, стремительный и весь оцетинившийся. Чем могу быть вам полезен?

— Там полно полицейских, ну, вы понимаете где. Уж не впутали ли вы и меня в эту историю?

— А почему бы и не впутать?

— Потому что я помогаю тем, кто помогает мне, приятель. И весьма нелюбезен с теми, кто мне мешает.

— Если вы прислушаетесь, то услышите, как у меня стучат зубы.

Он сухо рассмеялся.

— Так как же: впутали вы меня или нет?

— Нет. Хотя, черт меня побери, сам не понимаю почему. Пожалуй, из-за того, что дело и без вашего участия уже достаточно запутано.

— Благодарю вас. И кто же его застрелил?

— Вы прочтете об этом в утренних газетах... быть может.

— Я предпочел бы узнать все немедленно.

— Его убил человек, о котором вы никогда не слышали.

Попрошу вас этим удовольствоваться.

— В таком случае, может быть, когда-нибудь я тоже окажу вам услугу.

— Тогда повесьте трубку и позвольте мне наконец лечь в постель.

Он опять рассмеялся.

— Вы ведь ищете Рэсти Ригана, правда?

— Похоже, так думает целая куча людей, однако они ошибаются.

— И тем не менее, если бы вам вздумалось его разыскивать, я могу подкинуть кое-какие идеи. Загляните ко мне, буду рад вас видеть.

— Может быть.

— Тогда до этого «может быть». — В трубке что-то щелкнуло.

Я продолжал сидеть и прижимать ее к уху — весь во власти холодного бешенства. Потом набрал номер Стернвудов.

— Резиденция генерала Стернвуда, — раздался вежливый голос дворецкого.

— Это Марлоу. Вы меня еще помните? Мы познакомились сто лет назад, а может быть, только вчера.

— Да, господин Марлоу. Разумеется, я вас прекрасно помню.

— Миссис Риган дома?

— Да, по крайней мере мне так кажется. Не могли бы вы...

Я не дал ему договорить, мои намерения внезапно изменились.

— Нет. Я хотел бы только попросить вас кое-что ей передать. Скажите, что снимки находятся у меня. До единого. И что все о'кей.

— Так... так... — Мне показалось, будто его голос слегка дрогнул. — Снимки у вас... все снимки... и все в порядке... Хорошо, сэр... С вашего позволения... примите мою сердечную благодарность.

Пять минут спустя телефон зазвонил снова. Я не спеша допил виски и вышел на кухню, а телефону позволил продолжать свои трели, продолжавшиеся — с небольшими перерывами — до половины первого ночи. Я погасил свет, распахнул окно, накрыл телефон газетой и улегся в постель. Семейство Стернвудов уже сидело у меня в печенках.

20

Капитан Грегори, шеф отдела по розыску пропавших лиц, долго разглядывал мою визитную карточку, потом кашлянул и, повернувшись на 180° в своем вращающемся кресле, засмотрелся в окно на плоскую крышу здания суда, расположенного за каких-нибудь полквартала отсюда. Это был крупный мужчина с усталыми глазами и медлительными движениями ночного сторожа. Голос у него был ровный, бесцветный, и не чувствовалось в нем ни малейшей заинтересованности.

— Значит, вы частный детектив, — сказал он, не оборачиваясь и по-прежнему глядя в окно. — Чем могу быть вам полезен?

— Я работаю на генерала Ги Стернвуда, 3765, Альта Бриа Креснт, Западный Голливуд.

— Каким делом вы заняты?

— Не совсем тем, что вы, но надеюсь на вашу помощь.

— В чем же именно?

— Генерал Стернвуд — очень богатый человек. К тому же старый друг отца прокурора нашего округа. Так что раз уж он нанял меня в качестве мальчика на побегушках, то вовсе не за тем, чтобы бросить тень на полицию. Это просто услуги-люкс, которые он может себе позволить.

— А откуда вы взяли, будто я занимаюсь чем-то, связанным с именем генерала Стернвуда?

На этот раз я промолчал. Капитан Грегори медленно и тяжело повернулся вместе со своим креслом и хмуро посмотрел на меня.

— Я не хотел бы отнимать у вас время, капитан,— сказал я и чуть передвинул стул, на котором сидел.

Он снял телефонную трубку и буркнул:

— Дайте мне Олса из окружной прокуратуры. Олс?.. Эл Грегори из Центрального бюро комиссариата. У меня здесь сидит некий Филип Марлоу. Из визитной карточки, которую он мне вручил, следует, что этот человек является частным детективом. Он хотел бы получить от меня кое-какую информацию... Да? Как он выглядит?.. Все, спасибо.

Окончив разговор, капитан откинулся в кресле.

— И что же вы хотели бы узнать?

— Только одно — продвинулось ли дело вперед.

— Вы имеете в виду Ригана?

— Разумеется.

— А вы с ним знакомы?

— Никогда его не видел. Слышал только, что это довольно симпатичный ирландец, лет около тридцати, который когда-то занимался бутлегерством, а потом женился на старшей из дочерей генерала Стернвуда, однако этот брак оказался не слишком удачным. Кроме того, я располагаю информацией, что примерно с месяц назад он исчез.

— Пусть Стернвуд поблагодарит за это судьбу, вместо того чтобы искать иголку в стоге сена.

— Но генерал привязан к Ригану, подобные вещи еще случаются на свете. Когда человек стар и болен, он часто чувствует себя одиноким, а Риган проводил немало времени в его обществе.

— А вы считаете, что можете справиться с задачей лучше нас?

— Что касается поисков Ригана, пожалуй, нет. Но существует еще одна проблема: таинственный шантаж. Я хотел быть уверенным, что Ригаи сюда не замешан, а убедиться в этом будет намного легче, если я буду знать, где он сейчас.

— Мой дорогой, я бы охотно вам помог, но, к сожалению, сам ничего не знаю. Похоже, этот человек уничтожил за собой все следы.

— Разве это возможно, принимая во внимание совершенство организации, представителем которой вы являетесь? — спросил я.

— Увы, так... по крайней мере на какое-то время.— Он нажал на вмонтированную в край стола кнопку, и из-за боковой двери показалась женщина средних лет.— Принесите материалы по делу Теренса Ригана, Эбба.

Дверь закрылась, и в течение нескольких минут мы с Грегори молча разглядывали друг друга. Потом на пороге опять появилась женщина и положила перед капитаном зеленую папку. Грегори поблагодарил ее кивком головы, водрузил на нос очки в массивной роговой оправе и начал медленно листать находившиеся в папке документы. Я нетерпеливо мял между пальцами сигарету.

— Он исчез шестнадцатого сентября,— сказал наконец Грегори.— Примечательно, что в этот день у шофера Стернвудов был

выходной, и потому никто не видел, как Риган выезжал на своей машине из гаража. Известно лишь, что это было далеко за полдень. Четыре дня спустя мы обнаружили его автомобиль в одном из гаражей неподалеку от Сансет Тауэрс. Владелец гаража обратился в отдел, занимающийся поисками пропавших автомобилей, и сообщил, что на его участке стоит чужая машина. Это место называется Каза де Оро, и с ним связано обстоятельство, о котором сейчас я, к сожалению, не имею права вам рассказать. Мы так и не смогли установить, кто пригнал туда автомобиль, — отпечатки пальцев отсутствовали начисто. Впрочем, это дело связано еще с одним, о котором я расскажу вам немного позже...

— Полагаю, здесь замешана жена Эдди Марса, чье имя также фигурирует в списке пропавших, — сказал я.

Он посмотрел на меня с изумлением.

— В общем, да. Мы опросили владельцев бунгало и установили, что в течение какого-то времени она действительно там жила и исчезла примерно тогда же, что и Риган, может быть, дня на два позже. До этого она несколько раз показывалась в обществе мужчины, похожего по описанию на Ригана, но всякая идентификация, к сожалению, была невозможна.

Эдди Марс и его жена уже давно не жили вместе, однако поддерживали приятельские отношения, по крайней мере так утверждает Эдди. Здесь возможны различные варианты. Как я слышал, у Ригана всегда имелось при себе около пятнадцати тысяч долларов наличными. Это уйма денег, однако Риган производил впечатление человека, способного преспокойно извлечь их из кармана, невзирая на то, смотрит кто-нибудь на него в данную минуту или нет. Деньги не играли в его жизни особой роли. Его жена утверждает, что Риган не принял от старого генерала ни единого цента, а довольствовался домом и «паккардом», который она подарила ему после свадьбы. Как, по-вашему, это типично для бывшего бутлегера, сумевшего сделать столь выгодную партию?

— Честно говоря, не очень, — сознался я.

— Вот видите... таким образом, мы имеем дело с типом, который исчез с пятнадцатью тысячами долларов в брючном кармане, о чем всем было прекрасно известно. Что ж, это, конечно, не состояние, но все-таки деньги, и немалые... Вывод напрашивается сам собой: кто-то хотел обчистить Ригана, но зашел чересчур далеко, так что в итоге был вынужден затащить его в пустыню и посадить среди кактусов. Только все это, на мой взгляд, было отнюдь не просто: Риган имел при себе оружие и в совершенстве им владел. Он не дал бы обычному бандиту подстрелить себя, как цыпленка. То, что его автомобиль обнаружили в этом гараже, подтверждает версию, согласно которой его убийца знал о романе Ригана с женой Эдди Марса.

— У вас есть какие-нибудь фотографии? — спросил я.

— Его — да, ее — нет. И я нахожу это довольно странным. Впрочем, в этом деле много странных деталей... Вот. — Он бросил мне через стол глянцевого снимок. Типичное ирландское лицо, скорее грустное, чем веселое, спокойное и сосредоточенное, а не дерзкое, лицо человека решительного и привыкшего к риску. Я вернул фотографию обратно, не сомневаясь, что узнаю его, если когда-нибудь увижу.

Капитан Грегори выбил из трубки пепел, затем наполнил ее снова и утрамбовал табак большим пальцем. Он прикурил, глубоко затянулся и, выпустив к потолку несколько клубов дыма, заговорил опять:

— Разумеется, кое-кто мог знать, что жена Эдди Марса симпатизировала Ригану. Самому Эдди это могло быть и не известно, но, на удивление, он как раз все знал, хотя и не проявлял особого беспокойства. Мы наблюдали за ним не один день, и довольно внимательно. Конечно, Эдди не стал бы стрелять в Ригана из ревности — это было бы слишком весомой уликой.

— Все зависит от того, насколько он хитер и ловок, — заметил я. — Быть может, он ведет двойную игру.

Капитан Грегори отрицательно покачал головой.

— Если он достаточно ловок, чтобы крутить свою подпольную рулетку, то и слишком умен, чтобы пойти на такой шаг. Ревность для такого типа не мотив. Люди, подвизающиеся в той же области, что он, как правило, обладают недюжинными способностями к бизнесу: делают лишь то, что им выгодно, совершенно исключая из игры какие бы то ни было личные чувства. Нет, я решительно отвергаю подобную возможность. Но если я ошибаюсь и вы в состоянии это доказать, готов съесть свою шляпу.

— А какой возможности вы не исключаете?

— Участия в деле жены Марса и самого Ригана. Она блондинка, но могла легко изменить цвет волос, к тому же, ее машину так и не обнаружили — значит, скорее всего они сбежали вместе. Уже объявлен розыск и разосланы письма с описанием примет пропавших, однако прошло еще слишком мало времени, чтобы это могло принести какие-нибудь плоды. Скорее всего они живут где-нибудь далеко отсюда и под чужими именами, но в один прекрасный день деньги у них кончатся, и они будут вынуждены вернуться на круги своя.

— А чем занималась жена Эдди до того, как вышла за него замуж?

— Пела в кабаре.

— Вы не могли бы разыскать какие-нибудь старые афиши с ее фотографией?

— К сожалению, нет. У Эдди наверняка имеется парочка, однако он в этом не признается — хочет, чтобы ее оставили в покое.

— Вы не найдете ни его, ни ее, — сказал я. — Океан слишком близко.

— Мое обещание насчет шляпы на завтрак остается в силе. Мы его найдем, хотя поиски могут растянуться на год или два...

— Не знаю, проживет ли генерал Стернвуд так долго, — заметил я.

21

Теперь я употребил все силы на то, чтобы держаться как можно дальше от Стернвудов. Вернувшись к себе в контору, сел в удобное вращающееся кресло и попытался расслабиться.

Я достал из стола бутылку, выпил за свое здоровье и предался блаженному ничегонеделанию.

Настало время подвести итоги. Рэсти Риган бросил кучу денег и красавицу жену ради того, чтобы отправиться куда-то с блондинкой, о которой ничего толком не было известно, кроме того,

что она жена темного дельца по имени Эдди Марс. Риган внезапно исчез, никого не предупредив, и тому могло быть несколько причин.

Пункт второй. Гейгер был мертв, и Кармен должна была заменить его другой темной личностью, новым архангелом порока, который доставлял бы ей разного рода экзотические наслаждения и погружался вместе с ней в экстаз. Не думаю, чтобы это стоило ей больших усилий, и я от души надеялся, что очередной вымогатель проявит по отношению к ней больше мягкости.

Пункт третий. Миссис Риган была близко знакома с Эдди Марсом, а потому могла без всяких проблем одолжить у него любую сумму. Кроме того, Эдди Марса и миссис Риган связывало еще одно обстоятельство: исчезнувший Рэсти. Он был мужем Вивиан, а женщина, с которой сбежал Рэсти, — женой Эдди.

Пункт четвертый. Карл Лундгрэн, молоденький убийца, с весьма ограниченным словарным запасом, мог считаться обезвреженным надолго, даже если бы суд присяжных и не усадил его на стул в газовой камере. Агнес Лозель также находилась в эту минуту за решеткой, охраняемая, как главный свидетель обвинения. Но как только Лундгрэн подаст прошение о помиловании либо признает свою вину, необходимость в показаниях Агнес сразу же отпадет. Суд и городские власти не станут больше заниматься магазином Гейгера, а кроме этого, ее не в чем обвинить.

В итоге подобные рассуждения завели меня в глухой тупик. Главным моим достижением было то, что я скрыл от полиции убийство, не сообщив о нем в течение первых же двадцати четырех часов, однако, к счастью для меня, лицензия детектива все еще лежала в моем кармане. Лучшее, что можно сделать в подобной ситуации, — это выпить еще один стаканчик и вымыть таким образом из головы всю накопившуюся там грязь.

Но вместо этого я сделал кое-что другое: позвонил Эдди Марсу и заявил, что намерен сегодня же приехать в Лас-Олиндас, чтобы с ним побеседовать. Необычайно разумный шаг.

Около десяти вечера я отправился в Лас-Олиндас. Казино находилось на самой окраине города, в особняке, бывшем некогда резиденцией человека по фамилии де Казенс, а в более поздние времена превращенном в отель.

Я припарковал машину на улице и двинулся по мокрой, усыпанной гравием дорожке, ведущей к парадному крыльцу. Портю в двубортной livрее впустил меня в огромный полутемный холл. Я отдал ему плащ и шляпу, а сам остался ждать, прислушиваясь к музыке и слитному гулу голосов, доносящихся из-за массивных двойных дверей. Навстречу мне по лестнице спускался блондин, которого я видел вчера вместе с Эдди Марсом и экс-боксером на вилле Гейгера. Заметив меня, он криво усмехнулся и проводил в кабинет шефа.

Эдди с улыбкой пожал мне руку и указал на запертую дверь.

— В моем казино крутится разный народ, но что касается кассы — тут порядок железный, — пояснил он с оживлением. — Местная полиция присутствует здесь каждое утро, когда я ее вскрываю: такой у нас уговор.

— Вы говорили, что имеете для меня какую-то информацию, — перебил я. — В чем она заключается?

— К чему такая спешка? Лучше присядьте и что-нибудь выпейте.

— Собственно, я никуда и не тороплюсь, но нам, пожалуй, не о чем беседовать, кроме как о делах.

— Я предложу вам напиток, который не может не понравиться, — заявил Эдди. Он наполнил две рюмки, мы выпили и понимающе переглянулись.

— Вы уже когда-нибудь бывали здесь? — спросил Эдди.

— Только во времена сухого закона.

— Вам не мешало бы заглянуть сегодня в игорный зал: там как раз находится одна из ваших знакомых. Играет по-крупной — я слышал, фортуна ей улыбается. Это Вивиан Риган, настоящая чума для моего казино. Проигрывая, она ведет себя, как сумасшедшая, в итоге я сижу над полным бумажником расписок, которых мне никто не оплатит даже по минимальным расценкам. Ведь у нее нет собственных денег, за исключением карманных, да и те получены от генерала, а в конце концов никому не известно, что именно сказано в его завещании. Когда же она выигрывает, то забирает в свой прелестный домик мои кровные денежки.

— Да, но ведь на следующую ночь они опять возвращаются к вам, — заметил я.

— Какая-то часть, безусловно, однако в итоге в должниках и проигравших оказываюсь я, а не она.

Он посмотрел на меня так выразительно, как будто все это имело ко мне самое непосредственное отношение, а я задумался, почему он так со мной разоткровенничался.

— Пожалуй, теперь можно заглянуть в игорный зал и полюбоваться на ваше предприятие. — Я приподнялся с кресла.

— Вот и отлично, прошу вас, — откликнулся он, указывая на дверь, расположенную рядом с той, снабженной цифровым замком. — Здесь вы пройдете в зал.

— Я предпочел бы вход для простых смертных.

— Разумеется, если вам этого хочется. Тем не менее мы ведь остаемся друзьями?

— А как же! — подхватил я. Потом встал, и мы пожали друг другу руки.

— Быть может, в будущем я действительно смогу оказать вам услугу, а пока вы уже и так все знаете от капитана Грегори.

— Значит, его вы тоже купили?

— Ну, дела обстоят далеко не так скверно. Мы с ним просто приятели.

Я смотрел на него еще с минуту, после чего направился к двери, через которую сюда вошел. Уже открыв ее, я обернулся.

— Скажите, вы посылали для слезки за мной серый «плиз-мут»?

У него расширились зрачки, как будто мои слова его обеспокоили.

— Нет, черт возьми! Зачем мне это нужно?

— Я тоже не смог этого объяснить, — сказал я и вышел.

Маленький мексиканский оркестр был явно утомлен исполнением приглушенных румб, под которые все равно никто не

танцевал. Один из музыкантов украдкой потирал кончики пальцев, как будто они у него затекли, одновременно поднося к губам сигарету, а четверо других, точно по команде, разом доставали из-под стульев стаканы и, отпив глоток, блестя глазами, облизывали губы.

У расположенной напротив входа стены стояло три стола, соединенных бронзовым ограждением, которое одновременно отделяло крупье от игроков. Игра шла за всеми тремя, однако основная масса людей столпилась у среднего, где я заметил черноволосую головку Вивиан Риган. Я подошел к бару в углу зала и взял себе рюмку бакарди. Стоявший напротив бармен с интересом наблюдал за группой хорошо одетых гостей у среднего стола.

— Выиграла сегодня кучу денег, — заметил он. — Вон та высокая брюнетка.

— Кто она? — спросил я.

— Не знаю, как ее зовут, но она бывает здесь очень часто.

— Да вы просто не хотите этого узнать, — уточнил я.

— Это не входит в мои обязанности, сэр, — ответил он спокойно. — В данную минуту она осталась без компании — кавалер напился, и его пришлось отнести в машину.

— Я отвезу ее домой.

— Чертовку отвезете, — предупредил он. — Во всяком случае, желаю удачи.

В эту минуту группа людей, окружавшая средний стол, расплывлась, и двое мужчин, одетые в вечерние костюмы, двинулись по направлению к двери. В образовавшемся просвете я увидел шею Вивиан и ее обнаженные плечи, на ней было глубоко декольтированное платье из темно-зеленого бархата, пожалуй, чересчур открытое даже для казино. Мужчины повернули к бару и заказали две порции виски с содовой. Один из них был явно навеселе и как раз вытирал раскрасневшееся лицо носовым платком не первой свежести. Шелковые лампасы на его брюках были так широки, что мне невольно вспомнилась полоса движения на городской автостраде.

— Парень, ну и везение! В жизни ничего подобного не видел, — заявил он пискливо. — Восемь выигрышей подряд, и притом все на «красное». Вот это игра, приятель, больше нам такой не видать!

— У меня просто мурашки бегают, — подхватил второй. — Поставить разом все тысячи. Здесь и речи не может быть о проигрыше!

Оба сунули носы в свои рюмки, опрокинули их одним глотком и двинулись прочь.

— Ну и умники, — заявил бармен, растягивая слоги. — Полоса везения! В Гаване я как-то видел одну старую бабу с лошадиной мордой...

Шум за средним столом внезапно усилился, и прорвавшийся сквозь него голос с резким иностранным акцентом спокойно произнес:

— Я буду весьма признателен, если мадам минутку подождет. Банк сорван. Мистер Марс сейчас будет здесь.

Я поставил рюмку на стойку и двинулся туда, где шла игра. Маленький мексиканский оркестр громко заиграл танго, однако никто не танцевал и явно не собирался этого делать. Я протис-

нулся сквозь толпу людей в смокингах и вечерних туалетах, деловых костюмах и даже спортивных куртках и пробился к среднему столу. Именно здесь была остановлена игра: два крупье стояли плечом к плечу, глядя на Вивиан Риган.

Со своего места я видел, что у нее дрожат ресницы, а лицо приобрело неестественно бледный оттенок. Она сидела как раз в центре, прямо напротив колеса рулетки, а перед ней лежала кучка денег и фишек. Солидный куш. Холодно и высокомерно, хотя и с оттенком нервозности, она обратилась к крупье:

— Хотела бы я знать, что это за дрянная забегаловка! Возьмитесь за работу и запустите наконец колесо, вы... жалкие воришки. Я собираюсь поставить еще раз. Вы очень ловко загребаете чужие денежки, зато, когда приходит ваш черед раскошелиться, начинаете хныкать!

Вместо ответа крупье усмехнулся холодной и любезной улыбкой человека, который видел уже не одну тысячу выигрывавших и не один миллион проигравших.

— В данную минуту банк не может принять вашу ставку, мадам. Перед вами свыше шестнадцати тысяч долларов.

— Но ведь это же ваши деньги,— с издевкой протянула Вивиан.— Неужели вы не хотите получить их обратно?

Стоявший рядом мужчина попытался было что-то ей объяснить, однако она, резко повернувшись, послала по его адресу несколько таких слов, что он, покраснев как рак, поспешно ретировался. В эту минуту в глубине зала открылась дверь, и на пороге появился Эдди Марс с приклеенной к губам равнодушной улыбкой и руками, засунутыми в карманы смокинга. Вообще он производил впечатление весьма довольного собой господина. Подойдя к крупье, он остановился у среднего стола и спросил спокойно, но уже менее любезно, чем его дилер:

239

— Что-нибудь случилось, миссис Риган?

Она молниеносно повернулась к нему, но не ответила на вопрос.

— Если вы не хотите продолжать игру,— спокойно заметил Эдди,— позвольте мне поручить кому-нибудь проводить вас домой.

Вивиан громко расхохоталась.

— Еще одна игра, Эдди,— сказала она горько.— Все на «красное». Я люблю этот цвет — цвет крови.

Эдди Марс криво усмехнулся и, кивнув, запустил руку во внутренний карман смокинга. Он достал большой бумажник из крокодиловой кожи с позолоченными краями и подтолкнул его через стол к крупье.

— Поддержите ставку на любую сумму. Если никто из присутствующих не возражает, колесо рулетки будет пущено исключительно для вас.— Он поклонился в сторону Вивиан.

Само собой разумеется, возражающих не нашлось, и Вивиан Риган, нагнувшись, в каком-то иступлении передвинула весь свой выигрыш в направлении красного цвета.

Крупье не спеша склонился над столом, пересчитал ее деньги и фишки, уложил их кучками возле своей лопатки, а потом открыл бумажник Эдди Марса и вынул из него две пачки тысячедолларовых купюр. Он надорвал на одной из них упаковку, отсчитал шесть банкнот и добавил их к нераспечатанной пачке, четыре оставшихся спрятал в бумажник и отложил его

в сторону так небрежно, будто это была коробка спичек.

Губы Вивиан приоткрылись, и в свете люстры матово блеснула полоска зубов. Шарик лениво катился по кругу, перескакивая цвета и номера, казалось, прошла целая вечность, прежде чем он наконец остановился. Колесо рулетки постепенно сбавляло темп.

— Выигрыш пал на «красное», — сухо сказал крупье.

Маленький шарик из слоновой кости лежал в одной из ячеек красного поля, обозначенной номером 25, буквально за два деления от zero. Вивиан Риган откинула назад голову и торжествующе рассмеялась. Крупье поднял лопатку, передвинул через стол пачку тысячедолларовых купюр и, присовокупив их к поставленной сумме, убрал все это с игрового поля.

Эдди Марс с усмешкой спрятал в карман бумажник и, повернувшись, вышел из зала через дверь, скрытую в обшивке. Несколько десятков зевак, следивших затаив дыхание за происходящим, облегченно вздохнули и направились к бару. Я двинулся вслед за ними и был уже на пороге, когда Вивиан Риган, собрав свой выигрыш, поднялась со стула. Я вышел в холл и, взяв у девушки-гардеробщицы шляпу и плащ, положил на подносик четверть доллара чаевых, а потом направился к выходу. Нигде не было заметно и проблеска света: я мог еще с трудом различить ближайшую группу кипарисов, остальные тонули во мраке. Когда мои глаза начали различать контуры дома, неожиданное обстоятельство заставило меня остановиться: совсем близко кто-то закашлялся.

Я сделал несколько шагов по мягкой, влажной траве. Человек закашлялся снова, а потом заглушил кашель, прижав к губам носовой платок или, может быть, край рукава. Я подкрался еще ближе и проскользнул мимо него. В эту минуту человек обернулся, и вместо лица я увидел темное пятно: на нем была маска.

Я притаился и стал ждать.

23

Через несколько минут на невидимой дорожке зашелестели легкие женские шаги. Мужчина, стоявший впереди меня, резко наклонился, как будто опирался о темноту. Женщину я рассмотреть не мог — видел только неясный, расплывчатый силуэт, однако ее манера дерзко вскидывать голову показала мне знакомой. Тем временем мужчина быстро двинулся к ней, и в течение нескольких секунд их фигуры смутно маячили в тумане. На какое-то мгновение воцарилась мертвая тишина, а затем грубый мужской голос произнес:

— Это пистолет, мадам. Так что тихо, в тумане слышен каждый шорох. Отдайте сумочку!

Женщина не проронила ни звука. Я шагнул вперед и увидел ключья тумана, клубящиеся над шляпой мужчины. Женщина не двигалась с места; ее дыхание участилось и стало немного хриплым, напомнив мне царапанье напильника, трущегося о мягкую древесину.

— Это должно быть здесь, — заметил мужчина.

Я услышал сухой щелчок открываемого замка, потом он повернулся и прошел мимо дерева, за которым я прятался. Когда мужчина был на расстоянии нескольких шагов от меня, он довольно хохотнул, и этот смех оживил мою память. Я вынул из

кармана трубку и ухватил ее так, как будто держал пистолет.

— Как дела, Лэнни? — спросил я тихо.

Мужчина замер и начал медленно поднимать руки.

— Не стой, Лэнни, я ведь тебя об этом не просил. И вообще, не двигайся, иначе я тебя застрелю. Положи сумочку на землю. Медленно и осторожно.

Пока Лэнни наклонялся, я, прыгнув сзади, схватил его за шею. Он выпрямился, тяжело дыша, в руках у него ничего не было.

— Ну, может быть, ты скажешь, что я не могу с этим смириться? — спросил я, вытаскивая у него из кармана пистолет. — Ваша братия неизменно одаривает меня своим арсеналом, я так им перегружен, что уже сгибаюсь под этой тяжестью. А теперь проваливай! Топай своей дорогой, Лэнни! И без обиды. Не болтай об этом повсюду, и я тоже буду молчать. Согласен?

— О'кей, — откликнулся он и растворился в тумане. С минуту в отдалении еще были слышны его шаги, а потом все стихло. Я поднял сумочку, заглянул внутрь и двинулся по направлению к тропинке. Женщина по-прежнему не шевелилась, придерживая у шеи серый мех, на ее пальце тускло поблескивал перстень.

— Чистая работа, Марлоу. Вы получили повышение и теперь состоите в моей личной охране? — Ее голос звучал хрипловато и натянуто.

— Похоже на то, — откликнулся я. — Вот ваша сумочка, возьмите. У вас здесь машина?

— Я приехала не одна. А вы что тут делаете?

— Эдди Марс хотел со мной побеседовать.

— Я не знала, что вы знакомы. Проводите меня до гаража, — бросила она. — Я должна разыскать свой эскорт.

Мы пошли вдоль дорожки, обогнули угол дома и, миновав освещенный фасад, обнаружили залитое светом двух мощных прожекторов подворье перед конюшнями. При нашем появлении сторож в коричневой livрее поднялся со своего стула и подошел к нам.

— Скажите, мой спутник все еще пьян? — любезно осведомилась Вивиан.

— Боюсь, что да, мадам. Я укрыл его пледом и опустил стекло. Думаю, все будет в порядке, ему просто необходимо пропаться.

Мы подошли к большому «кадиллаку», и сторож распахнул заднюю дверцу. На сиденье перед нами лежал заботливо укутанный по самую шею мужчина и преспокойно храпел.

— Вы позволите представить вам Лэрри Кобба? — спросила Вивиан. — Мистер Кобб, господин Марлоу.

Я кашлянул.

— Мистер Кобб — это как раз и есть мой эскорт, — пояснила она. — Милейший человек, он исполняет все мои капризы. Вы непременно должны полюбоваться на него в трезвом виде. Кстати, я тоже.

— Ха! — сказал я.

— Я даже подумывала выйти за него замуж, — продолжала она высоким, звенящим голосом. — Я была в депрессии, и ничего более забавного не приходило мне в голову. У всех бывают такие периоды. Вы ведь сами знаете: слишком много денег... яхта, дом на Лонг Айленд, летняя резиденция в Ньюпорте, весенняя — на Бермудах...

— Ха! — сказал я снова. — А найдется кто-нибудь, кто отвезет его домой?

Она нахмурилась, а сторож в ливрее закусил нижнюю губу.

— Не говорите больше «ха!». Это слишком вульгарно. Разумеется, он содержит целый штат прислуги.

— Где же, черт возьми, хоть один из этих безупречных шоферов? — Я уже начал терять терпение.

— Сегодня вечером он приехал один, — поспешил объяснить охранник. — Я могу позвонить к нему домой и попросить, чтобы за ним кого-нибудь прислали.

— Это было бы просто великолепно, — сказала Вивиан. — Так вы о нем позаботитесь? Я бы очень не хотела, чтобы мистер Кобб умер так... с открытым ртом. Со стороны могло бы показаться, что он умер от жажды.

— Прошу меня простить, мадам, но если только его понюхать, подобные предположения отпадут сами собой, — заметил человек в ливрее.

Вивиан опустила руку в сумочку, достала пачку банкнот и подала ему.

— Уверена, вы как следует им займетесь.

— Иисусе, — пробормотал сторож, выгнув глаза. — Конечно, я сделаю все, что положено, мадам.

— Моя фамилия Риган, — пропела она сладко. — Миссис Риган. Вероятно, мы с вами еще встретимся. Вы ведь здесь недавно?

— Да, мадам. — Его руки проделывали странные манипуляции с полученными деньгами.

— Вам тут непременно понравится, — сказала она и взяла меня под руку. — Мы поедем вашим автомобилем, господин Марлоу.

— Я оставил его снаружи, на улице.

— Это не страшно.

Она крепче стиснула мой локоть и вдруг начала дрожать. Очутившись внутри автомобиля, она немного успокоилась. Я поехал вниз вдоль выходящей среди деревьев дороги. Вела она к де Казенс Бульвар — главной улице Лас-Олиндас. Наконец, мы увидели открытый бар.

— Вам неплохо чего-нибудь выпить, — заметил я и остановился у обочины. — Порция кофе с капелькой виски должна поставить вас на ноги.

Я распахнул перед ней дверцу, и Вивиан выбралась наружу, мазнув меня по щеке волосами. Мы вошли в бар. Я купил у стойки бутылку виски и отнес за один из столиков.

— Два кофе, — сказал я кельнеру. — Черных, крепких и заваренных в нынешнем году.

— Но вы не можете распивать здесь виски, — возразил официант.

Вивиан Риган достала из сумочки пачку сигарет, твердо, по мужски, вытряхнула несколько штук и протянула мне.

— Правила запрещают распивать здесь спиртные напитки, — повторил кельнер.

Не обращая на него ни малейшего внимания, я зажег сигареты для Вивиан и себя, и тогда он, налив нам две чашки кофе из потускневшего никелированного кофейника, опять взглянул на бутылку, пробормотал что-то сквозь зубы и устало произнес:

— Ну ладно, я отвернусь, когда вы будете наливать.
— Сердце у меня к горлу подкатывается, — объявил я, откупоривая бутылку и вливая солидную порцию в кофе. — Власть закона и правил в нашем штате необычайно велика и довольно оригинальна. Во времена запрета на торговлю спиртными напитками заведение Эдди Марса было ночным клубом. И каждую ночь в холле двое полицейских следили за тем, чтобы клиенты не принесли собственного виски, а покупали его в баре.

Кельнер резко отвернулся от окна, прошел за стойку и дальше в служебное помещение, отделенное от зала перегородкой с маленьким окошком. Мы выпили наш крепленый кофе, и я глянул на отражающееся в зеркале лицо Вивиан. Оно было напряженным, бледным, алые губы пересохли и потрескались.

Я расплатился, и мы вышли на улицу, сопровождаемые неприязненным взглядом официанта.

24

На этот раз в холле было пусто: за пальмами, растущими в больших деревянных кадках, меня не поджидали никакие гангстеры, и никто не спешил отдавать мне приказы. Я поднялся лифтом на свой этаж и пошел на звук приглушенного дверью радио. Очувтившись у себя в квартире, я не стал зажигать свет, а прошел прямо в маленькую кухню, но тут инстинктивно почувствовал что-то неладное. Я остановился и принюхался: воздух был наполнен ароматом терпких, одуряюще-приторных духов.

Я прислушался, однако не услышал ничего — даже малейшего шороха. Тогда я нацупал рукой выключатель и зажег свет.

Моя постель была разостлана, и неожиданно оттуда донесся смех. На подушке как ни в чем не бывало покоилась чья-то белокурая голова, ниже мягко круглились два обнаженных плеча, а руки, служившие их продолжением, сплелись под затылком. Кармен Стернвуд лежала в моей постели и смеялась. Волна белокурых волос была старательно уложена на подушке, темно-серые глаза смотрели на меня с характерным для них выражением — они были пусты, как два зияющих пистолетных дула. Девушка смеялась, и ее мелкие, острые зубки блестели в полумраке.

— А правда, я хорошенькая?

— Как пьяный негр в воскресную ночь, — буркнул я и склонился над стоящей на маленьком столике шахматной доской. Это была задача «мат в шесть ходов», и я никак не мог ее решить, как, впрочем, и большинство других своих проблем. От нечего делать я взял коня и переставил его на другое поле. Хихиканье в постели не прекращалось, и этот звук напомнил мне попискивание крыс за деревянной обшивкой старого дома.

— Спорю, ты не угадаешь, как я сюда попала.

— А я спорю, что угадаю. Ты пролезла в замочную скважину, как Питер Пэн.

— А кто это такой?

— Один тип, которого я когда-то встретил в игорном доме.

Она захихикала.

— Ты — миленький, знаешь?

Кармен убрала из-за головы правую руку и принялась сосать пальчик, глядя на меня круглыми бесстыжими глазами.

— А я совсем голая,— объявила она, увидев, что я кончил курить и смотрю на нее.

Я смахнул с нижней губы приставшую табачную крошку.

— Потрясающее зрелище. Жаль только, что я уже все это видел когда-то. Помнишь? Я тот самый тип, который вечно попадает на твоём пути, когда ты разгуливаешь в чем мать родила.

На этот раз она смеялась чуть дольше.

— А теперь скажи мне, как ты сюда попала,— потребовал я.

— Управляющий меня впустил: я показала ему твою визитную карточку, которую стащила у Вивиан. Сказала, что ты вызвал меня к себе домой и я должна тебя дожидаться. Разумеется, я вела себя очень... очень таинственно.

— Прекрасно,— откликнулся я.— Вот такие у нас управляющие. Ну, а теперь, раз я уже знаю, как ты здесь очутилась, может быть, скажешь, как собираешься отсюда выйти?

— О, еще нет. Это будет не скоро... Мне здесь очень нравится, ну и ты такой миленький...

— Послушай. Не вынуждай меня, чтобы я опять тебя одевал. Я страшно устал. Разумеется, по достоинству оцениваю все, что ты мне предлагаешь, однако это слишком много, чтобы я мог принять. Догхаус Рейли никогда не поступил бы так со своим другом, а я твой друг и не могу воспользоваться твоей доверчивостью. Мы должны остаться приятелями, а этот путь не ведет к установлению дружеских отношений. Теперь ты можешь одеться?

Она завертела головой.

— Послушай,— продолжал я,— ты просто хочешь мне показать, какой умеешь быть невежливой. Но это совершенно излишне, я и так знаю. Ведь я тот самый тип, который нашел...

— Выключи свет,— хихикнула она.

Я швырнул на пол окурки и раздавил его каблуком, а потом достал из кармана носовой платок, вытер им вспотевшие ладони и предпринял еще одну попытку.

— Это вовсе не из-за соседей,— начал я.— То, что здесь происходит, никого не касается. В таких домах, как этот, всегда можно встретить немало заблудших овец. Одной больше или меньше — дом от этого не рухнет. Но для меня это вопрос профессиональной чести. Ты понимаешь, что такое профессиональная честь? Я работаю для твоего отца, Кармен. Он очень больной, очень слабый и нуждается в помощи. Он мне доверяет, и я не могу его обмануть. Кармен, очень тебя прошу, оденься!

— Тебя зовут вовсе не Догхаус Рейли,— заявила она.— Твое имя — Филип Марлоу. Меня не проведешь.

Я перевел глаза на шахматную доску и понял, что неудачно поставил коня. Тогда я передвинул его на старое место и взглянул на Кармен. Она лежала тихо — бледное лицо на фоне подушек и огромные темные глаза, пустые, как колодцы во время засухи. Одна из ее маленьких ручек нервно комкала одеяло, и это подсказало мне, что в глубине ее души поднимаются смутные ростки недоверия.

— Я пойду на кухню, приготовлю себе что-нибудь выпить. А ты хочешь?

— Ага.— Темные, полные тайны глаза смотрели на меня цепко и пристально.

— Если успеешь одеться к моему возвращению, получишь свою порцию, о'кей?

Кармен ничего не ответила, но ее губы приоткрылись, и из-за стиснутых зубов вырвался какой-то странный звук: не то шипение, не то свист. Я вышел на кухню и смешал виски с содовой, две порции. Когда я вернулся в комнату, Кармен подскочила на постели, сбросила с себя одеяло и протянула руку.

— Давай!

— Только после того, как ты оденешься. Пока не оденешься, я ничего тебе не дам.

Я поставил виски на столик рядом с шахматной доской, сел и закурил.

— Одевайся, Кармен. Я не буду на тебя смотреть.

Я отвернулся и вдруг опять услышал странное шипение, резкое и пронзительное. Это вынудило меня взглянуть на девушку. Она сидела по-прежнему нагая, опираясь руками о матрац; губы у нее были полуоткрыты, а лицо напоминало маску из слоновой кости. Свистящий звук продолжал вырываться из ее горла. На дне глаз, пустых, как всегда, таилось нечто, никогда не виденное мною в женском взгляде. Наконец, губы шевельнулись, медленно и осторожно, будто кто-то дергал за веревочки марионетку. Кармен прошипела мне в лицо грязное ругательство.

Это не слишком меня огорчило. Мне было безразлично, как она меня назовет... Но эта комната была местом, где я жил, в чем заключалось понятие «мой дом». Здесь было собрано все, что мне принадлежало, все, что имело со мной какую-то связь, все мое прошлое, все, что заменяло мне семью.

И я не мог больше выносить ее присутствия. Банальное ругательство просто довело этот факт до моего сознания.

— Даю тебе три минуты, — сказал я спокойно, — на то, чтобы ты оделась и выметалась отсюда на все четыре стороны. Если же ты этого не сделаешь, я вышвырну тебя силой... Лучше поторопись!

Кармен соскочила на пол и подхватила свою одежду, лежавшую рядом с кроватью. Я стоял и смотрел, как она одевается. Через две минуты она была готова.

Кармен стояла у постели, прижимая зеленую сумочку к отделанному мехом жакету, а на голове красовалась хорошенькая зеленая шляпка, немного съехавшая набок. Она быстро прошла к двери, распахнула ее и выскочила наружу, не сказав ни слова, даже не оглянувшись.

Секунду спустя до меня донесся шум спускавшегося лифта.

25

На следующее утро опять шел дождь — мелкий, серый дождь, растянувшийся над городом дымчатую, хрустальную завесу. Я проснулся усталый и разбитый, с чувством глубочайшей антипатии ко всему семейству Стернвудов. Поднявшись, отправился первым делом на кухню и выпил две чашки крепчайшего черного кофе. Похмелье может наступать не только как следствие неумеренной выпивки, меня тошнило от женщин.

Я побрился, причесался, оделся, спустился вниз и выглянул на улицу. На противоположной стороне, футях в ста от меня, стоял серый «плимут». Тот самый, который вчера за мной увязался

и о котором я расспрашивал Эдди Марса. Быть может, в нем сидел какой-нибудь полицейский, пожелавший в часы досуга развлечься слежкой за моей персоной, или свой же брат-детектив, получивший задание за умеренную плату сунуть нос не в свое дело, или, может быть, наконец, сам епископ Бермудский, которому пришлось не по вкусу моя ночная жизнь.

Я отошел от двери, спустился к гаражам, сел в машину и проехал мимо серого автомобиля. Сидел в нем одинокий, невзрачный человек; когда я с ним поравнялся, он нажал на стартер. Все указывало на то, что в дождливую погоду ему работалось куда лучше, чем обычно. Он буквально сидел у меня на хвосте, однако ни разу не подъехал настолько близко, чтобы я мог заблокировать ему дорогу. Я двинулся вдоль бульвара и припарковал машину неподалеку от своей конторы. Вышел и направился к воротам, высоко подняв воротник плаща и нагнув на лоб шляпу. Серый автомобиль остановился напротив, у пожарного гидранта. Я дошел до перекрестка, перешел на противоположную сторону улицы и прогулочным шагом двинулся к «плимуту». Тот не тронулся с места, и никто из него не вышел. Тогда я распахнул дверцу.

За рулем, втиснутый в угол, сидел невысокий, светлоглазый мужчина. Я стоял и смотрел на него, чувствуя, как дождь барабанит по моей спине. Его глаза блестели, а руки нервно постукивали по рулю.

— Решайтесь наконец, — сказал я.

Он глотнул слюну, и папироса дернулась в сжатых губах.

— Мне кажется, я вас не знаю, — ответил он тихим, напряженным голосом.

— Филип Марлоу, к вашим услугам. Я — тот самый парень, за которым вы в течение нескольких дней пытаетесь следить.

— Я ни за кем не слежу.

— Значит, во всем виновата ваша колымага. — Я кивнул в сторону автомобиля. — Должно быть, вы не в состоянии с ней справиться. Впрочем, можете делать все, что вам заблагорассудится, а я, пожалуй, схожу позавтракать: амальсиновый сок, яичница с беконом, булочки, мед, три или четыре чашки кофе... Ага! И зубочистка. Потом пойду в свою контору, которая находится на седьмом этаже в соседнем здании. Если к тому моменту, когда я вернусь, что-то будет по-прежнему лежать у вас на сердце, решайтесь и приходите. А я тем временем почищу свой пулемет.

Он остался в машине и растерянно хлопал глазами.

Двадцать минут спустя ко мне в дверь постучалась уборщица, и я получил счастливую возможность распечатать плотный конверт, адресованный на мое имя красивым, старомодным почерком. Внутри лежали короткое официальное извещение и чек на пятьсот долларов, выставленный на имя Филипа Марлоу и подписанный по доверенности генерала Ги де Брисея Стеривуда его дворецким Винсентом Норрисом. День и в самом деле начинался великолепно. Я как раз заполнял банковский ордер, когда прозвучавший у двери звонок дал понять, что кто-то хочет меня видеть. На пороге стоял маленький человек из «плимута».

Я придержал дверь, а он осторожно проскользнул внутрь, как будто боялся, что я вот-вот дам ему пинка. Мы уселись друг против друга, по разные стороны письменного стола. Он и в са-

мом деле был очень маленького роста, всего каких-нибудь пять футов и 3 дюйма, не больше. Глазки чуткие и блестящие, он все время пытался придать им как можно более твердое выражение, однако выглядел столь же грозно, как устрица в раскрытой раковине. Одет был в двубортный темно-серый костюм, чересчур широкий в плечах и с уродливыми большими лацканами. Из кармана пиджака виднелся краешек носового платка, покрытый дождевыми пятнами.

— Быть может, вы меня знаете, — начал он. — Мое имя Гарри Джонс.

Я ответил, что не знаю, и придвинул к нему портсигар. Маленькие чистые пальцы молниеносно ухватили сигарету, точно форель муху. Он прикурил от лежавшей на столе зажигалки и взмахнул рукой.

— Мне все известно, — объявил он неожиданно. — Немало перевидал таких парней и им подобных! Я ведь и сам немного промышлял бутлегерством. Это превосходный бизнес, старина: ездешь себе в автомобиле с пистолетом у ляжки и целым арсеналом за поясом. Случалось, по пути мы укладывали по несколько ребят... Славное дельце.

— Просто потрясающее, — откликнулся я.

Он удобнее устроился в кресле, сложил маленькие губки в такое же маленькое рыльце и выпустил к потолку клуб дыма.

— Может быть, вы мне не верите?

— Может быть, да, а может быть, и нет. А возможно, я еще просто не успел поломать себе голову над тем, говорите вы правду или лжете. Но зачем мне все это рассказывать? На что вы рассчитываете?

— Ни на что, — буркнул он насмешливо.

— Но вы следите за мной уже несколько дней, — продолжал я. — Как мальчишка, который хочет подцепить себе девчонку, да никак не решится. Может быть, вы занимаетесь распространением страховых полисов? Или знаете типа по имени Джо Броуди? Здесь существует еще много других «может быть» по той простой причине, что у человека моей профессии всегда куча дел на шее.

У него отвисла челюсть, а глаза буквально вылезли из орбит.

— Боже! Откуда вам это известно? — простонал он.

— Я ясновидящий, а теперь выкладывайте, зачем вы сюда пришли, я не могу сидеть так целый день.

Блестящие глазки исчезли под прищуренными веками. В комнате воцарилось молчание, только дождь барабанил по крыше соседнего дома. Наконец сидевший напротив меня человек тяжело поднял веки и глубокомысленно изрек:

— Я пытался с вами связаться. У меня имеется кое-что на продажу... совсем недорого — за две сотни. Почему вы упомянули Броуди?

Я взял со стола какой-то конверт, распечатал его и ознакомился с содержимым. Речь шла о полугодовых заочных курсах по изучению дактилоскопии и подобных ей профессиональных премудростях. Я бросил письмо в корзинку для бумаг и опять посмотрел на маленького человечка.

— Прошу вас не торопиться с выводами, я просто рассуждаю. Вы не из полиции и не принадлежите к банде Эдди Марса. И я не знаю больше никого, кроме приятелей Джо Броуди, кто мог бы так живо интересоваться моей персоной.

— Мой Бог!— вздохнул он, облизывая пересохшие губы. При упоминании об Эдди Марсе лицо у него стало белым, как бумага, рот открылся, а сигарета повисла, будто приклеилась к губам.— Да вы просто блефуете,— сказал он наконец с улыбочкой, из числа тех, какие можно встретить под дверью дантиста.

— Ну, ясное дело, блефую,— подтвердил я и распечатал следующее письмо. На сей раз мне предлагали ежедневную доставку информационного бюллетеня прямехонько из пещеры льва, то есть из Вашингтона.— Надеюсь, Агнес уже на свободе?

— Да-а. Это она меня сюда прислала. Она вас интересуется?

— Ну, разумеется, такая обольстительная блондинка...

— Чушь. У вас было там дельце... в ту ночь, когда убрали Броуди. Он должен был знать что-то важное о Стернвудах, в противном случае не стал бы рисковать с этими снимками.

— Ага. Значит, ему было что-то известно. Что именно?

— То, что стоит двести долларов.

Я бросил в корзинку для бумаг еще несколько рекламных проспектов и закурил очередную сигарету.

— Мы должны отсюда уехать,— продолжал он.— Агнес — славная девушка и не может отвечать за Гейгера и его книги. Вы ведь знаете, что женщинам сейчас и так нелегко живется.

— Она для вас чересчур велика,— заметил я.— Расплющит и задавит.

— Это не слишком удачная шутка,— объявил он тоном, исполненным такого достоинства, что я устался на него с разинутым ртом.

— Вы правы,— согласился я.— Последнее время меня окружало исключительно дурное общество. Может быть, кончим болтовню и перейдем к делу? Что вы можете предложить за эти деньги?

— А вы заплатите?

— Это будет зависеть...

— От того, поможет ли вам информация разыскать Рэсти Ригана?

— Я не занимаюсь его поисками.

— Чушь!

— В таком случае выкладывайте. Я плачу за все, что мне пригодится. Только предупреждаю: в моем кругу за две сотни можно купить целую энциклопедию!

— Ригана убрали по приказу Эдди Марса,— объявил он и расселся в кресле с такой миной, будто его только что избрали вице-президентом.

Я указал рукой на дверь.

— Не намерен с вами спорить — следует беречь кислород. Иди своей дорогой, малыш.

— Я не шучу,— сказал он.

— Идите-ка отсюда и оставьте меня в покое. Я очень занят.

— О нет, так у нас ничего не выйдет!— Он явно нервничал.—

Я пришел сюда, чтобы выложить все начистоту, и так и сделаю. Я был лично знаком с Рэсти. Это был симпатичный парень, я всегда его любил. Он увивался вокруг певички из кабаре, выступавшей под псевдонимом Мона Грант. Потом она сменила фамилию на Марс. Рэсти очень переживал и с горя женился на богатой красотке, которая ночи напролет таскается по разным забегаловкам, будто у нее дома кровати нет. Вы ее прекрасно

знаете: высокая брюнетка, могла бы выиграть не один конкурс красоты, но из числа тех, кто слишком уж давит на мужчину. Вспыльчивый Рэсти не мог с ней ужиться, хотя вполне сумел бы освоиться с кассой ее отца, не так ли? То есть, я хочу сказать, именно так следовало смотреть на это дело... Но только Риган оказался престранным типом: никогда не думал так, как другие, и всегда искал чего-нибудь новенького. Сдается мне, ему было наплевать на эти деньги.

— Ну вот он и сбежал, — перебил я.

— Может быть, он и собирался это сделать. С той девушкой, Моной. Она не жила с Эдди, потому что не любила его делишки, особенно подпольные — шантаж, угон автомобилей, укрывание головорезов с востока и все такое. Ходили слухи, что однажды ночью Риган предупредил Марса, что если тот когда-нибудь попытается втянуть Мону в одну из своих криминальных афер, то будет иметь дело с ним, Рэсти.

— Большая часть того, что вы мне здесь рассказываете, содержится в официальных документах. Это не стоит платы, Гарри, — заметил я.

— А я как раз перехожу к тому, чего нет в документах. Риган начал впадать в ярость. Я видел его каждый день пополудни, как он сидел в ресторанчике Варди, уставясь взглядом в стенку, и накачивался ирландским виски. В разговоры он особенно не вступал. Давал мне иногда пристроить в заклад какие-нибудь вещи.

— Разве он не занимался страховкой?

— О, это был только камуфляж, хотя, думаю, если бы его прижали к стене, он торговал бы и страховыми полисами. Дело в том, что начиная примерно с середины сентября я уже не встречал больше Ригана. Говоря по правде, не сразу обратил на это внимание. Вы же знаете, как у нас бывает: пока человек на месте — вы его видите, а с глаз долой — из сердца вон. Я настоялся, услышав, как кто-то полусхутом упомянул, что жена Эдди Марса сбежала с Рэсти Риганом, а Эдди — хоть бы что, ведет себя так, точно сам кого-то в дураках оставил. Я поделился этим с Джо Броуди, ну а Джо — это был ловкач...

— Как сотня чертей, — подтвердил я.

— Ну, может быть, он и не был таким пронырой, как копы, однако как раз сидел без денег, а потому и начал вынюхивать, не удастся ли напасть на след воркующих голубков. Тогда он мог бы рассчитывать на двойную плату: от Эдди Марса и от жены Ригана. Джо отлично знал эту семейку.

— Она стоила пять тысяч, — заметил я. — Именно столько он намеревался у них выудить.

— В самом деле? — Гарри Джонс был явно расстроен. — Агнес должна была бы мне об этом сказать. Ох, уж эти женщины, вечно что-нибудь скрывают! Ну так вот, мы вместе с Джо каждый день вылизывали все газеты, но так ничего и не нашли, а потому решили, что старый Стернвуд хочет замять дело. А через несколько дней я встретил у Варди Лаша Канино. Вы его знаете?

Я отрицательно покачал головой.

— Время от времени он подрабатывал у Эдди Марса. Канино мог пристрелить человека в перерыве между двумя стаканами виски. Но когда он не нужен Эдди, то держится в стороне и не

живет в Лос-Анджелесе. Разумеется, это необязательно должно что-нибудь означать. Быть может, они напали на след Ригана, и Марс притаился у себя в норе, выжидая удобный момент, а может, все было абсолютно иначе. Как бы там ни было, я рассказал об этом Джо, и он начал следить за Канино. Ну вот, Джо проследил за ним до самой виллы Стернвудов. Тот припарковал машину неподалеку от особняка, и вскоре туда же подъехал другой автомобиль с какой-то женщиной внутри. Они обменялись несколькими словами, и Джо показалось, будто она передала что-то Канино, вроде бы деньги. Это была жена Ригана. Таким образом, она была знакома с Канино, а тот работал на Эдди Марса. Теперь Джо окончательно уверился, что Канино знает что-то о Ригане и пробует потрясти девицу с пользой для своего кармана. Но тут Канино, к сожалению, исчез, и Джо потерял его след. Конец первого действия.

— А как он выглядит, этот Канино?

— Невысокий, крепко сбитый шатен, кареглазый, носит только коричневые костюмы и шляпу. Даже замшевый плащ у него — и тот коричневый, как и автомобиль, в котором он ездит. Синьор Канино помешан на коричневом цвете.

— Перейдем лучше ко второму действию, — предложил я.

— Без денег — конец представлению.

— Это не стоит для меня двух сотен. Миссис Риган вышла замуж за бутлегера, с которым познакомилась в баре. Впрочем, у нее было полно подобных знакомств. Знала она и Эдди Марса. Если с Риганом что-нибудь случилось, Эдди лучше всех мог помочь ей в таком деле, а поручил бы его скорее всего Канино. И это все, что вам известно?

— Вы заплатите мне двести долларов, если я скажу, где сейчас находится жена Эдди Марса? — спокойно спросил маленький человечек.

На этот раз он угодил в десятку. Я подался вперед так резко, что лишь чудом не сломал подлокотник.

— Даже в том случае, если она оказалась там одна, — тихо и как-то зловеще продолжал Гарри Джонс. — Даже если она не сбежала с Риганом, а сидела взаперти, в сорока милях от Лос-Анджелеса, чтобы полиция сочла ее исчезнувшей вместе с ним? За это вы заплатили бы двести долларов, господин сыщик?

Я провел языком по губам. Они были сухие и солоноватые.

— Пожалуй, заплатил бы, — согласился я. — Где?

— Агнес ее разыскала, — пояснил он хмуро. — По чистой случайности. Видела, как та ехала, и ей удалось подобраться к самому дому. Агнес и расскажет вам, где это, как только получит деньги.

— Вы могли бы даром выложить все это полиции, Гарри. У них как раз имеется сейчас несколько весьма способных исповедников. А если прикончат вас, останется еще Агнес.

— Если вы предоставите им подобную возможность, то убедитесь, что меня не так уж легко сломить, — пригрозил он.

— Должно быть, в Агнес и в самом деле есть что-то, чего я не разглядел, — заметил я.

— Я пришел сюда не для того, чтобы заниматься вымогательством. Я просто хотел побеседовать о двух сотнях. Это окончательная цена. Я пришел, потому что рассчитывал получить эти деньги. А может быть, и нет. Но в обоих случаях это должна

быть честная сделка. А вы начинаете пугать меня полицией.

— Хорошо, вы получите эту сумму за свою информацию. Но прежде я должен сам взять деньги в банке.

Он поднялся и кивнул.

— О'кей. Будет лучше, если мы дождемся темноты, опасно путаться под ногами у таких субъектов, как Эдди Марс. Хотя, с другой стороны, всем нужно как-то жить. В делах последнее время застой... Приходите-ка в мою контору в Санта-Монике, Фулвайдер Билдинг, Западный бульвар, дом номер 428. Вы принесете деньги, а я провожу вас к Агнес.

— А вы не могли бы просто дать мне ее адрес? Ведь я с ней знаком.

— Нет, я дал ей слово.— Он застегнул плащ, надел шляпу, еще раз кивнул мне на прощание и вышел. Эхо его шагов медленно гасло в пустом коридоре.

Я спустился в банк, перевел на свой счет пятисотдолларовый чек генерала и тут же снял две сотни на текущие расходы. Потом вернулся к себе и, усевшись в свое вращающееся кресло, задумался над тем, о чем мне только что поведал Гарри Джонс.

26

Дождь кончился где-то около семи, дав короткую передышку редким прохожим. Резиновые подошвы моих ботинок скользили на мокром асфальте, когда я сворачивал к зданию, в котором нес свою нелегкую службу Джонс.

Когда я открыл дверь, где-то сзади мигнул одинокий проблеск света — лампа возле выкрашенного когда-то золотистой краской лифта. Под стеной холла на вытертом резиновом коврике красовалась потускневшая плевательница, в которую редко кто попадал. На горчичного цвета панели висела застекленная полочка с образцами искусственных зубов, похожая на коробочку с предохранителями в подъезде. Я стряхнул намокшую шляпу и посмотрел на список нанимателей. Номера с фамилиями и номерами анонимы: множество пустых помещений или множество съемщиков, пожелавших остаться неизвестными. Дантисты, работающие с обезболиванием, подозрительные сыскные агентства, маленькие учреждения-банкроты, корчащиеся в жалкой агонии, заочные курсы, обещающие в короткий срок сделать из вас железнодорожного служащего, радиотехника или кинодраматурга, — одним словом, подозрительное заведение. Дом, где аромат застарелых окурков мог считаться самым приятным запахом.

В лифте на складном стульчике одиноко дремал престарелый лифтер. Он спал с открытым ртом, а его испещренные апоплексическими прожилками щеки в тусклом, болезненном свете казались щеками мертвеца. Одет он был в голубую униформу, и мне почему-то подумалось, что он чувствует себя в ней столь же уютно, как лошадь в стойле конюшни. Его костюм дополняли серые брюки с обтрепанными манжетами, белые хлопчатобумажные носки и черные полуботинки. Он спал на стуле, возбуждая жалость, и тщетно ожидал клиентов. Я на цыпочках проскользнул мимо и, ведомый едва ощутимым сквозняком, отыскал пожарную лестницу. Лестничная клетка не убиралась месяцами. Здесь спали и обедали какие-то бродяги, оставившие многочисленные следы своего пребывания.

Симпатичный домик.

Задыхаясь от вони, я вышел в холл четвертого этажа, такой же, как и внизу, украшенный грязной плевательницей, водруженной на вытертый коврик, те же горчичного цвета панели и вездесущая атмосфера подозрительного бизнеса. Я свернул за угол. Темную дверь из матового стекла украшала табличка «Л. Д. Уолгрин — страховое агентство», дальше виднелась еще одна темная дверь и, наконец, третья, за которой мне удалось рассмотреть слабый проблеск света. Над темной дверью красовалась надпись «Вход», а над освещенной была открыта маленькая форточка, и я услышал острый птичий голосок Гарри Джонса:

— Канино? Кажется, я уже встречал вас где-то, синьор Канино... Да, да, наверняка.

Это заставило меня замереть на месте. Потом раздался другой голос, низкий и мурлыкающий, напоминающий своим звучанием шум работающей маленькой динамо-машины.

— Думаю, случай у тебя был... — В его тоне мне послышалась легкая угроза.

Кто-то переставил с места на место стул, затем до меня донеслись чьи-то шаги, и форточка внезапно захлопнулась. За стеклом я увидел какую-то тень, однако она тут же исчезла.

Тогда я вернулся к первой двери, с фамилией Уолгрин, и попытался осторожно ее приоткрыть, но, увы, она была заперта на ключ. Впрочем, это не помешало ей слегка податься у меня под рукой. Я вынул бумажник и достал из-за обложки водительских прав тонкую, твердую целлулоидную пластинку. Воровское орудие, на которое закон не додумался наложить запрет.

Я натянул перчатки, оперся на дверь, с силой потянул ручку на себя и всадил целлулоидную пластинку в зазор между створкой и фрамугой. Потом осторожно передвинул ее вверх, к видневшейся у замка широкой щели, после чего раздался сухой треск, напоминающий звук раскалывающейся льдины. Я замер. Внутри ничего не происходило. Тогда я повернул ручку, бесшумно отворил дверь и проскользнул внутрь.

Прямо передо мной был светлый прямоугольник незашторенного окна, сбоку стоял стол, а на нем — накрытая чехлом пишущая машинка. Потом я увидел дверь, соединяющую эту комнату с соседней. Она не была заперта, и я прошел туда. Дождь неожиданно усилился, гулко забарабанив в закрытые окна, и я воспользовался этим шумом, чтобы незаметно пересечь комнату. Из-за очередной двери просачивалась тоненькая полоска света; пока все шло хорошо. Как кот, выслеживающий добычу, я, крадучись, подобрался к той стороне двери, где она крепилась петлями к косяку, и приложил глаз к щели, однако ничего не увидел.

Мурлыкающий голос говорил теперь вполне любезно:

— Ну, разумеется, один тип может сидеть у себя в колымге и следить за тем, что делает другой, если уж ему так нравится. Твоя ошибка в том, что ты пошел за этим шпиком, — Эдди таких вещей не любит. Сыщик сказал ему, что за ним увязался какой-то парень в сером «плимуте», и Эдди, конечно, захотел узнать, кто и зачем это делал.

Гарри Джонс тихонько рассмеялся.

— А ему что за печаль?

— Не твое дело.

— Но ты ведь уже знаешь, зачем я ходил к тому сыщику, я тебе сказал. Речь шла о девчонке Джо Броуди. Она надеялась, что шпик подкинёт ей немного монет. У меня нет ни гроша.

— Монет? А за что? Сыщики не платят за красивые глаза.

— Этому денежки легко достались — у него богатые друзья. — Гарри Джонс опять рассмеялся. Тихим, уверенным смехом.

— Перестань болтать глупости, малый! — На этот раз в мурлыкающем голосе что-то захрустело, точно песок внутри подшпника.

— Ладно, ладно. Ты знаешь, что Броуди прибрал чокнутый щенок из лавочки Гейгера. Он чисто сработал, но, к несчастью, в тот вечер там крутился Марлоу...

— Старая история, малый. Он уже рассказал об этом полиции.

— Да, но не все. Броуди пытался заработать на снимке малятки Стернвуд, а Марлоу об этом пронюхал. И вот, пока они пререкались, на квартиру к Броуди заявила сама девчонка с пушкой в руке. Она стреляла в Джо, но промахнулась, только разбила окно. Сыщик не сказал об этом ни слова полиции. И Агнес тоже. Она рассчитывает получить за молчание.

— И все это не имеет никакого отношения к Эдди?

— А какаг здесь может быть связь?

— Где сей ас Агнес?

— Не твое дело.

— Скажешь, скажешь, малый. Если не здесь, то в таком месте, где у всех парней развязываются языки.

— Сейчас она моя девушка, Канино, и я не намерен втягивать ее в эту грязь.

— Насколько мне известно, белобрысая девчонка была дойной коровой для Гейгера. Я должен обсудить это с Эдди. Кстати, сколько тебе удалось вытянуть из твоего сыщика?

— Двести.

— И они уже у тебя?

Гарри Джонс рассмеялся.

— Я увижусь с ним завтра и надеюсь, что получу их.

— Где Агнес?

— Послушай...

— Где Агнес?

Молчание.

— Глянь сюда, малыш.

— Я уже это видел, — сказал Гарри Джонс. Его голос с трудом пробивался сквозь стиснутые зубы. — Видел, и не раз. Валяй, спусти курок, посмотрим, что это тебе даст.

— Зато ты наденешь дубовый плащик.

Молчание.

— Где Агнес?

Гарри Джонс вздохнул.

— Ну ладно, — сказал он устало. — Она в доме номер 28 по Корт Стрит. Квартира 301. Сдается, я самый обычный трус. О'кей. Но ради чего сворачивать себе шею?

— Разумеется, не стоит. Ты умный парень. А теперь мы вместе отправимся к ней и побеседуем. Если она расскажет все, как ты представил, можешь доить своего сыщика, сколько тебе заблагорассудится, мы мешать не станем. Ну как, малыш, зла не держишь?

— Нет, — откликнулся Гарри Джонс. — Нисколько.

— Вот и прекрасно. Надо это обмыть. У тебя есть посудина? Мурлыкающий голос был фальшивым, как накладные ресницы кинозвезды, и скользким, точно арбузная корка. Я слышал стук выдвигаемого ящика. Что-то зазвенело. Скрипнул стул. Потом за стеной прошлестели чьи-то шаги, и наконец раздалось долгожданное бульканье.

— Ни пуха ни пера,— промурлыкал Канино.

— За удачу,— тихо откликнулся Гарри Джонс.

В ту же секунду я услышал короткий, острый кашель, а вслед за ним хрипение. Потом до меня донесся стук, как будто уронили стакан. Я невольно подался вперед и стиснул пальцами полы плаща.

Голос за стеной заботливо промурлыкал:

— Надеюсь, ты не заболел от одного глотка, приятель? А, впрочем...

Гарри Джонс ничего не ответил. В течение нескольких секунд я слышал его тяжелое, хриплое дыхание, но потом все поглотила тишина. И опять заскрипел стул.

— Чао, малыш,— сказал Канино.

Шаги, щелчок выключателя — и свет в щели погас. Пауза. Потом открылась какая-то дверь и тут же тихо закрылась. Шаги удалялись, неторопливые, уверенные.

Я рванул дверь на себя и замер на пороге, вглядываясь в темноту. В нескольких шагах от меня тускло поблескивал угол стола, а за ним в кресле маячила безвольно поникшая фигура. В воздухе висел тяжелый, удушливый запах, напоминающий терпкие, концентрированные духи. Я прошел к двери, выходящей в коридор, и прислушался: лифт уже останавливался внизу.

254 Тогда я нащупал выключатель и зажег свет. Гарри Джонс смотрел на меня из-за стола широко раскрытыми, остекленевшими глазами, а его посиневшее лицо искадила жуткая гримаса. Маленькая темноволосая голова склонилась набок. Только спинка кресла удерживала тело в сидячем положении.

Откуда-то издалека доносилось слабое позвякивание трамваев, приглушенное бесчисленными стенами. На столе стояла откупоренная коричневая бутылка с виски, а возле нее — стакан Гарри Джонса. Второй исчез.

Я наклонился над бутылкой и принюхался: кроме запаха виски, здесь чувствовался и другой, едва уловимый запах горького миндаля. В агонии Гарри Джонса вырвало на пиджак. Цианистый калий.

Я осторожно обошел вокруг стола и взял лежавшую на деревянной подставке телефонную книгу. Потом отложил ее в сторону, отодвинул телефон подальше от трупа и набрал номер справочной. На другом конце провода отозвался чей-то голос.

— Пожалуйста, назовите мне номер телефона по Корт Стрит, 28, квартира 301.

— Подождите минутку. Номер телефона: Уэнтворт 2528. Установлен в здании Глендоувер Апартаментс.

Я поблагодарил и набрал этот номер. Сигнал вызова успел прозвучать трижды, прежде чем подняли трубку. Сначала мне в ухо громыхнуло радио, потом его слегка прикрутили, и низкий мужской голос произнес:

— Алло.

— Агнес на месте?

— Здесь нет никакой Агнес, приятель. Какой номер вы набираете?

Я повторил номер, который продиктовала мне справочная.

— Номер верный, а вот с девицей что-то неладно. Тебя часом не надули? — Говоривший расхохотался.

Я повесил трубку, снова взял телефонный справочник и отыскал в нем номер управляющего домом Агнес. Перед глазами у меня стояла немая сцена: синьор Канино, мчащийся сквозь дождь на очередное randevu со смертью.

— Глендоувер Апартаментс. Управляющий Шифф у телефона.

— Уоллис из отдела регистрации. Прописана ли у вас некая Агнес Лозель?

— А с кем я разговариваю?

Я повторил.

— Если вы оставите мне свой номер, я вам перезвоню.

— Хватит этой комедии, — заворчал я. — У меня нет времени. Проживает она у вас или нет?

— Нет, не проживает. — Голос стал жестким, как сухая хлебная корка.

— А прописана ли в вашей ночлежке высокая блондинка с зелеными глазами?

— Но это вовсе не ночлежка...

— Кончайте болтать! — рявкнул я тоном обозленного полицейского. — Если вам так хочется, я сейчас пришлю сержанта, чтобы он как следует все перетряхнул. Знаю я эти ваши доходные дома на Банкер Хилл, милейший. Особенно те, где в каждой квартире телефон, указанный в городском справочнике.

— Но ведь я хочу вам помочь, — начал оправдываться управляющий. — Не стоит так беспокоиться. Разумеется, здесь есть несколько блондинок. Где же их нет? Однако я не интересовался цветом их глаз. Ваша блондинка живет одна?

— Одна или с низеньким субъектом — ростом этак футов пять, живые черные глаза, одет в двубортный серый костюм и серый твидовый плащ, шляпу носит тоже серую. Согласно полученной информации, женщина занимает квартиру под номером 301, но там на мой звонок ответил какой-то не в меру веселый тип.

— Ничего удивительного: по указанному вами адресу проживает пара торговцев автомобилями.

— Благодарю вас, придется разбираться на месте.

— Но вы можете сделать это... гм... деликатно? Вы заглянете прямо ко мне?

— Буду вам очень обязан, мистер Шифф, — сказал я и повесил трубку.

— Ты перехитрил его, Гарри, — сказал я громко и удивился тому, каким чужим мне показался собственный голос. — Обвел его вокруг пальца и, не дрогнув, выпил свою порцию яда. Ты умер, отравленный, как крыса, и тем не менее для меня ты никогда не будешь крысой, Гарри.

Мне пришлось его обыскать — омерзительное занятие! Однако в его карманах я не нашел ничего стоящего.

Я выключил свет, и в ту секунду, когда уже стоял на пороге, неожиданно зазвонил телефон. Я слушал его, чувствуя, как у меня твердеют мышцы вокруг рта. Вернулся обратно, опять зажег лампу и снял трубку.

— Слушаю.

Откликнулся женский голос. Ее голос.

— Вы не могли бы позвать Гарри?

— Его сейчас нет, Агнес.

С минуту она молчала, потом спросила:

— Кто это говорит?

— Марлоу — соринка в вашем прелестном глазу.

— Где Гарри? — Ее тон стал более резким.

— Я пришел сюда, чтобы уплатить ему две сотни за кое-какую информацию. Предложение остается в силе, и деньги при мне. Где вы сейчас находитесь?

— А он вам не сказал?

— Нет.

— Думаю, будет лучше, если вы спросите у него. Где он?

— Я не могу ничего у него спросить. Вам знаком человек по имени Канино?

Я услышал ее вздох так отчетливо, будто она сидела рядом.

— Нужны вам эти две сотни или нет?

— Я... они мне просто необходимы.

— Тогда все о'кей. Скажите только, где мне их вам передать.

— Я... — Ее голос внезапно оборвался, а минуту спустя окатил меня волной нарастающей паники: — Где Гарри?

— Он струсил и смылся, а мне необходимо с вами встретиться... Место не имеет значения. Деньги при мне.

— Я не верю, что Гарри сбежал. Это ловушка!

— Глупости! Я уже давно мог бы заставить Гарри дать мне ваш адрес, но у меня не было на то особых причин. А вот Канино его разыскал и взял за горло, потому он и смылся. Я хочу жить спокойно, вы хотите жить спокойно, и Гарри тоже этого хотел. Это все. Надеюсь, детка, ты не вообразила, что я работаю на Эдди Марса?

— Н-нет... я так не думаю. Могу встретиться с вами через полчаса. У входа на паркинг возле Буллоукс Уилшир, восточное крыло.

— Прекрасно, — откликнулся я и повесил трубку.

Аромат горького миндаля медленно вползал в мои ноздри, мешаясь с запахом рвоты. Маленький мертвый человечек спокойно сидел в своем кресле, ничего уже не боясь и ничего больше не ожидая.

27

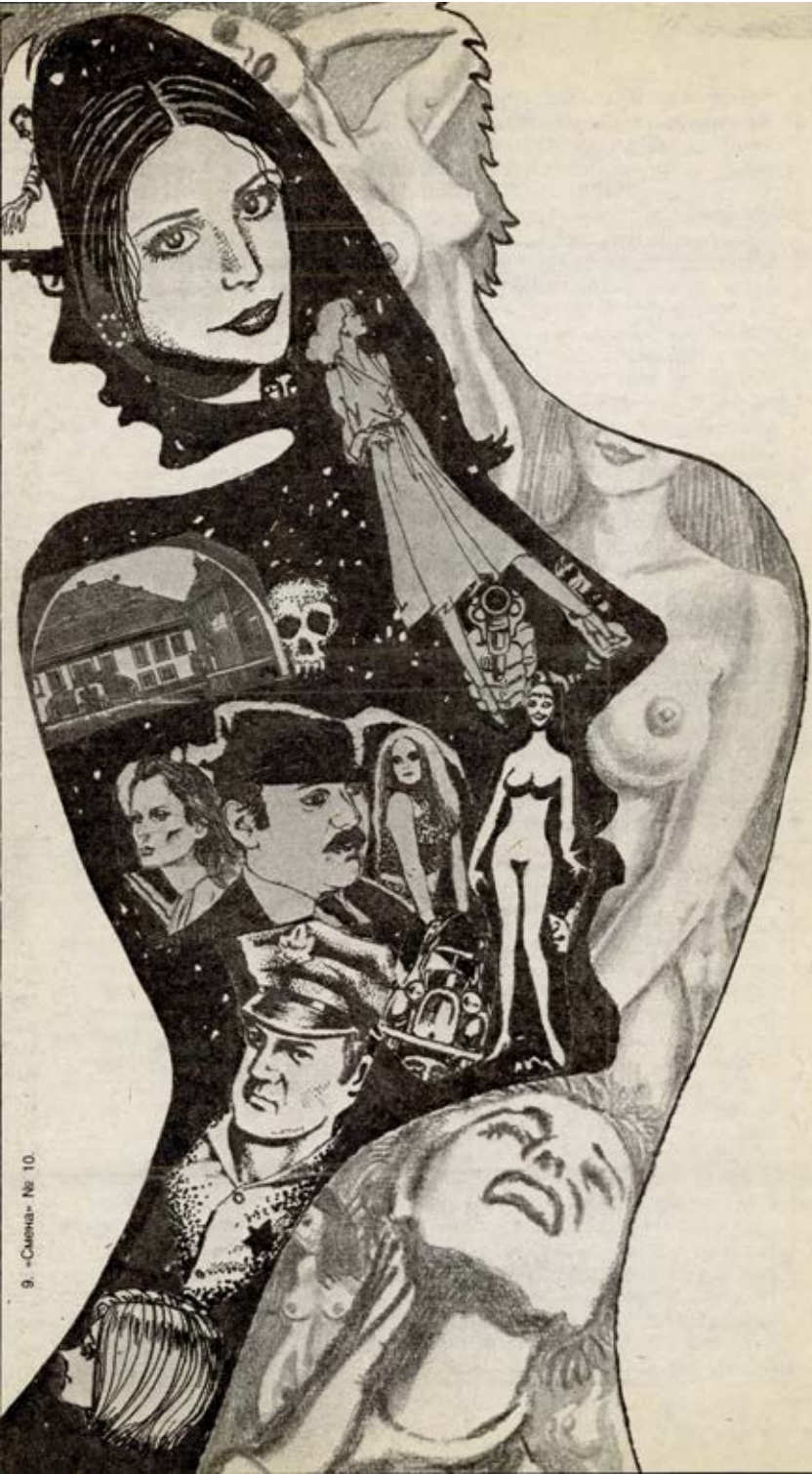
— Дайте мне деньги.

Ее голос с трудом пробивался сквозь урчание мотора серого «плимута» и монотонную канонаду барабаниющего по крыше дождя. Она протянула руку в черной перчатке, и я вложил в нее банкноты. Она пересчитала их в слабом свете, падающем с приборной доски, а потом, щелкнув замком сумочки, испустила глубокий, медленный вздох и наклонилась ко мне.

— Я уезжаю, сыщик. Это деньги на дорогу. Один Бог знает, как они были мне нужны. Так что случилось с Гарри?

— Я ведь уже сказал: он смылся, потому что Канино за ним следил. Забудь о нем. Я заплатил и жду обещанную информацию.

— И ты ее получишь. Так вот, в прошлое воскресенье мы

с Джо ехали по бульвару. Было уже довольно поздно, и на перекрестках царил суший балаган. Неожиданно мы обогнали коричневый двухместный автомобиль: за рулем я увидела женщину, а рядом сидел невысокий шатен. С этой блондинкой, женой Эдди Марса, я уже когда-то встречалась. Ее сопровождал Канино. Оба они относятся к числу людей, которых просто невозможно не узнать... Джо следил за ними, держась не позади, а впереди их автомобиля. Очевидно, Канино в качестве охранника вывез ее подышать свежим воздухом. Примерно в миле к востоку от Реалито дорога сворачивает к взгорьям. На юге расположены апельсиновые плантации, а на севере — фабрика по производству цианистого калия и разных ядовитых веществ. Местность там унылая и голая, как задворки в аду. Возле самого шоссе находятся небольшой гараж и мастерская по окраске автомобилей, владельцем которых является некий Арт Хак. Скорее всего гараж этот служит для перепрятывания краденых автомобилей. За гаражом и мастерской стоит бревенчатый дом. Вокруг довольно пустынно, а до фабрики, производящей ядовитые вещества, добрых две мили. Именно там ее держат. Джо пришлось свернуть, но мы видели, как они поехали в сторону мастерской. На всякий случай мы прождали еще с полчаса, наблюдая за проезжающими мимо машинами, однако коричневой среди них не было. Когда совсем стемнело, Джо подкрался ближе, чтобы осмотреться. Дом был освещен, внутри играло радио, а у крыльца стоял только один автомобиль: коричневый. Наша догадка подтвердилась.

В течение некоторого времени мы сидели молча, вслушиваясь в шуршание шин по мокрому асфальту.

— С тех пор они могли сменить район, — сказал я наконец, — но что же, вы продали мне ту информацию, какой располагали. А вы уверены, что это действительно была она?

— Если вы хоть раз ее увидите, то уже никогда не забудете. А теперь прощай, сыщик, и пожелай мне удачи. Пока что мне не слишком везло.

— Чертовски не везло, — откликнулся я и, не оборачиваясь, пошел через улицу к своему автомобилю.

Серый «плимут» рванулся с места, набирая скорость, и скрылся за углом. Потом умолк в отдалении шум мотора, а вместе с ним исчезла с моего горизонта и златокудрая Агнес, умчавшаяся навстречу новой жизни. Трое мужчин заплатились головой — Гейгер, Броуди и Гарри Джонс, — а Агнес летела вперед сквозь дождь, с моими двумя сотнями в сумочке, свободная от всяких подозрений. Я тоже сел в автомобиль, нажал на стартер и отправился в центр немного перекусить: ведь мне предстояла сорокамильная поездка под проливным дождем.

Пообедав, я поехал в сторону Пасадены. Город кончился, и теперь я очутился среди апельсиновых плантаций. Пронизанная дождем темнота не могла скрыть безупречные контуры апельсиновых деревьев, уносившихся в ночь, точно спицы гигантского колеса. Встречные машины пролетали мимо, с шумом разбрызгивая тучи водяной пыли. Автострада тянулась через небольшой поселок, состоящий из нескольких складов, каких-то домишек и подъездных железнодорожных путей. Плантации заметно поредели, дорога круто пошла вверх, воздух сделался более холодным, а темнеющие на севере взгорья все четче

вырисовывались на горизонте, и с их вершин мне навстречу дул резкий, пронизывающий ветер. Наконец я увидел два желтых, тускло поблескивавших в темноте фонаря и светящуюся неоновую надпись: «Добро пожаловать в Реалито!»

Я ехал вперед, минуя разбросанные вдоль широких улиц деревянные особняки, какой-то комплекс магазинов, полутемный бар, пару стоящих перед кинотеатром машин, темное здание банка и, наконец, группу людей, уставившихся на банковские часы, как будто это было что-то и в самом деле достойное внимания.

Всем распорядился случай. Примерно в миле за Реалито дорога круто свернула, дождь ослепил меня, и, не успев сориентироваться, я с разгону налетел на бетонный бордюр. Переднее колесо со свистом село. Машина продолжала двигаться по инерции, и в итоге я пробил также правую заднюю шину. Ничего не поделаешь, я остановил автомобиль у обочины, вышел и зажег электрический фонарик. Два колеса полетели к чертям, в запасе же у меня было всего одно. Из передней шины злорадно торчала головка большого гвоздя. Вообще гвоздями была усыпана вся обочина: кто-то пытался смести их с проезжей части, но сделал это недостаточно аккуратно.

Я погасил фонарь и в течение некоторого времени стоял, вдыхая сырость и глядя на желтый огонь, горящий у края шоссе. Казалось, источник этого странного света находится под стеклянной крышей, а крыша эта могла принадлежать только мастерской, хозяина которой звали Арт Хак. Я уткнулся подбородком в воротник плаща и шагнул вперед, однако тут же вернулся к автомобилю, вынул из потайного ящичка документы и положил их в карман. Потом наклонился к колесам, где у меня был еще один тайник. В нем лежали два пистолета. Один был собственностью Лэнни, второй — моей. Я взял пистолет Лэнни, опустил его во внутренний карман пиджака и двинулся в направлении гаража.

Он находился примерно в полумиле от шоссе и был обращен к нему глухой стеной. Я включил фонарик и прочел: «АРТ ХАК. РЕМОНТ И ПОКРАСКА АВТОМОБИЛЕЙ». Я забарабанил в деревянные двери рукояткой своего фонаря. На минуту воцарилась гнетущая тишина. Свет внутри погас, и я стоял, дрожа под дождем и слизывая с губ тяжелые капли. Чей-то грубый голос буркнул:

— Чего надо?

— Пожалуйста, откройте! Я повредил на дороге две шины, а у меня всего одно запасное колесо. Мне необходима помощь.

— Сожалею, но мастерская уже закрыта. До Реалито отсюда не больше мили, попробуйте там...

Мне это не понравилось, я удвоил свои усилия. И тогда раздался другой голос, мурлыкающий, точно работающая за стеной маленькая динамо-машина. Я просто обожал этот голос.

— Да это ловкач. Открой ему, Арт.

Скрипнул засов, и одна створка дверей распахнулась. С минуты луч моего фонарика освещал чье-то худое лицо, потом что-то сверкнуло, и неожиданный удар вышиб его у меня из рук. Я увидел нацеленный на меня пистолет, нагнулся и поднял фонарь с земли.

— Убери это чудо, малыш,— заявил грубоватый голос.— Верный способ заработать шишку.

Я погасил фонарь и выпрямился. В глубине гаража кто-то включил освещение, и я увидел стоящего на пороге высокого мужчину в комбинезоне. Он отступил на шаг, не переставая целиться в меня из пистолета.

— Войди и закрой дверь, приятель. А мы посмотрим, что нам с тобой делать.

Я вошел в гараж и закрыл за собой дверь. Рассматривал худого мужчину, не глядя пока на второго, стоявшего в тени у станка. Воздух в мастерской имел странный сладковатый привкус, и мне было тяжело дышать. Всюду чувствовался запах быстросохнущего лака.

— У тебя что, не все дома?! — выругал меня худой.— Сегодня очистили банк в Реалито!

— Прошу прощения.— Мне вспомнились люди, глазеющие под проливным дождем на банк.— Не знал об этом. Я здесь проездом...

— Ну да,— продолжал он ворчливо.— Говорят, это пара каких-то сопляков, и вроде бы их уже поймали где-то на взгорьях.

— Лучшей ночи для ограбления не придумаешь,— поддакнул я.— Думаю, это они рассыпали на шоссе гвозди. Пара воткнулась мне в шины. Сдается, немножко работы вам не повредит...

— А тебе еще никто не дал в зубы? — осведомился худой.

— Не с твоим весом, приятель.

— Оставь эту болтовню, Арт,— промурлыкал голос из темноты.— У парня проблемы, а ты в конце концов хозяин мастерской.

— Спасибо,— откликнулся я.

— Ладно,— согласился мужчина в комбинезоне и спрятал пистолет в карман.

Удушливый запах лака напомнил мне болезненный аромат эфира. В конце зала стоял отремонтированный лимузин, на его крыле тускло поблескивал краскопульт.

Только теперь я взглянул на стоявшего у станка мужчину. Он был небольшого роста, зато мускулистый и широкоплечий, с холодным, бесстрастным лицом и такими же холодными, не знающими жалости глазами. На нем был коричневый замшевый плащ и сдвинутая набекрень коричневая шляпа. Он медленно опустил темные глаза и принялся, один за другим изучать свои ногти, причем делал это столь тщательно, будто рекламировал в ролике выполненный по всем правилам маникюр.

— Два колеса? — спросил он.— Это и в самом деле досадно. Я думал, гвозди уже убрали.

— Меня занесло на повороте, а они были рассыпаны у самой обочины.

— Вы здесь проездом?

— Да, направляюсь в Лос-Анджелес. Это далеко отсюда?

— Сорок миль. Но в такую погоду может показаться больше.

А откуда вы едете?

— Из Санта-Роза.

— Неблизкий путь. Через Тахо и Лоун Пайн?

— Нет. Через Рино и Карсон Сити.

— Все равно далеко.— Его губы искривила мимолетная и фальшивая усмешечка.

— А разве это запрещено законом? — осведомился я.

— Что? Ах, нет! Не думайте, что нам нравится совать нос не в свое дело, это все из-за нападения на банк. Возьми ключ и смени ему шины, Арт.

— Я занят, — заворчал худой, — у меня еще масса работы. Ты же знаешь, мне нужно закончить покраску. К тому же идет дождь, разве ты не видишь?

Мужчина в коричневом любезно заметил:

— Сегодня слишком сыро для хорошей покраски. Возьмись-ка лучше за работу, Арт.

Арт подошел к стене, снял с вешалки непромокаемый плащ, накиннул его поверх прорезиненного комбинезона и надел на голову зюйдвестку. Потом собрал инструменты и вынес на улицу домкрат.

Человек в коричневом закрыл дверь и быстро отступил назад к станку. Теперь мы были один на один, и я от души надеялся, что он не знает, кто я такой. Он подарил мне еще один мимолетный взгляд.

— Могу поспорить, вам необходимо что-нибудь хлебнуть. В такую погоду неплохо промочить горло.

С этими словами он взял стоявшую позади бутылку и поставил ее на край станка рядом с двумя стаканами. Налил их до половины и один протянул мне. Я подошел, переставляя ноги, как автомат, и механически взял у него стакан; на лице у меня еще сохранялись следы дождя. В воздухе висел тяжелый запах краски.

Я осторожно понюхал свой стакан: вполне нормальный запах. И тем не менее я подождал, пока он отошьет глоток, прежде чем выпить самому. Я медленно потягивал виски, нет, цианистого калия в нем не было. Опорожнив стакан, я отставил его в сторону и сделал шаг назад.

Минуты растягивались в бесконечность. Наконец снаружи зашелестели чьи-то шаги, и сильный толчок распахнул двери гаража. Луч света выхватил из темноты потоки дождя, высекая из них фонтаны серебряных искр. Затем Арт резким движением вкатил внутрь два колеса, пинком захлопнул двери и в ярости уставился на меня.

— Хорошенькое же место вы нашли для паркования! — рявкнул он.

Мужчина в коричневом расхохотался и, вынув из кармана столбик мелочи в упаковке, начал подбрасывать его на ладони.

— Поменьше болтай, — посоветовал он сухо. — Лучше приведи в порядок шины.

— А чем я, по-твоему, занят?

— Нечего устраивать вокруг этого столько шума.

Я стоял, глядя на Канино, подбрасывавшего на ладони столбик монет. Затаенное напряжение на мгновение покинуло меня. Я повернул голову в сторону механика, снимавшего со стеллажа наполненную воздухом камеру.

Должно быть, они были великолепно сыгранным дуэтом, потому что я не заметил никакого сигнала или жеста, даже мимолетного обмена взглядами. Просто механик, держа в руках тугую камеру, повернулся, быстро шагнул вперед и с размаху опустил ее мне на голову и плечи. Потом навалился на меня сзади. Тугое резиновое кольцо сдавило грудь, намертво прижало руки к бо-

кам. Кисти мои были свободны, но я не мог дотянуться до кармана с пистолетом.

Тем временем человек в коричневом костюме подходил ко мне танцующим шагом, зажав в кулаке столбик монет. Он подкрадывался бесшумно, с каменным лицом. Я наклонился, пытаюсь оторвать от земли Арта.

Кулак, нафаршированный металлом, просвистел над моими связанными руками, точно камень, рассекающий тучу пыли. Перед глазами вспыхнули тысячи искр, однако я все еще был в сознании. Он повторил удар, и на этот раз я уже не ощутил ничего, только ослепительный свет в моем мозгу разгорелся еще ярче, пока внезапно не перерос в сплошной столб боли. Еще с минуту я падал в темноту, а потом были уже только пустота, рев урагана и грохот выворачиваемых с корнем могучих деревьев.

28

Она сидела у торшера — женщина, окруженная призрачным серебристым ореолом. Какой-то другой, пронзительно-острый свет падал на мое лицо, так что я вынужден был зажмуриться и разглядывал ее из-под полуопущенных век. Это была блондинка, с волосами настолько светлыми, что казалось, будто на голове у нее сверкает серебряный шлем. На ней было зеленое платье ручной вязки с широким белым воротником, а на полу у ее ног стояла блестящая дорожная сумка с металлическими уголками. Женщина курила, а у ее локтя вспыхивал разноцветными искрами высокий, наполненный янтарной жидкостью бокал.

Я осторожно приподнял голову — больно, но могло быть и хуже. Руки у меня оказались скованными наручниками, к которым крепился шнур, опутывавший мои ноги, а второй его конец был привязан к ножкам тахты, на которой я лежал. Все это дошло до моего сознания в ту минуту, когда я попытался шевельнуться.

Решив на будущее воздержаться от резких движений, я широко открыл глаза и сказал:

— Добрый вечер.

Женщина послала мне отрешенный взгляд, как будто снисходила с заоблачных высот; ее глаза напоминали два синих горных озера.

— Как вы себя чувствуете? — Холодный, серебристый голос в совершенстве гармонировал с ее волосами, однако было в нем что-то жестяное, металлическое, точно позвякивание колокольчика у двери кукольного домика. Должно быть, я совсем рехнулся, если на ум мне начали приходить такие мысли.

— Великолепно, — ответил я. — Вот только кто-то сбросил мне на голову тяжеленную цистерну.

— А вы чего ждали, господин Марлоу? Букета орхидей?

— Нет, обыкновенного соснового ящика. Без бронзовых или серебряных ручек. И можете не утруждать себя, развешивая мой прах над лазурными водами океана. Я предпочитаю отправиться к червям. Кстати, вам известно, что черви двуполю и один червь может полюбить другого?

— Вы бредите, — сказала она, внимательно глядя на меня.

— Вас очень затруднит, если я попрошу убрать свет?

Она встала, подошла к стене за тахтой. Свет погас, и я облегченно вздохнул.

— Вообще-то я не считаю вас таким уж опасным.

Она была выше среднего роста, изящная и стройная, но не худая.

— Значит, вам известно, как меня зовут?

— Вы спали сном праведника, и было вполне достаточно времени, чтобы обыскать ваши карманы. Ребята сделали все честь по чести, разве что забыли вас набальзамировать. Вы — сыщик...

— И это единственное обстоятельство, которое пришлось не по вкусу вашим друзьям?

Женщина молчала. От ее сигареты медленно поднималась к потолку струйка дыма, и она разогнула ее рукой. Кисти у нее были маленькие, изящные — не какие-нибудь садовые грабли, как у большинства современных женщин.

— Какой час? — спросил я.

— Семнадцать минут шестнадцатого. У вас назначено свидание?

— А что здесь удивительного? Мы находимся в этом доме, рядом с гаражом Арта Хака?

— Да.

— А чем заняты ребята? Роят могилу?

— Они куда-то ушли.

— Думаете, они оставили нас одних?

Женщина медленно повернула голову.

— Вы не выглядите таким уж грозным, — повторила она, улыбаясь.

— Мне казалось, вы здесь такая же пленница, как я.

Она не удивилась, скорее это ее позабавило.

— Почему вы так считаете?

— Я знаю, кто вы.

Синие глаза неожиданно польхнули каскадом искр, холодных и колючих, как блеск на острие стилета. Женщина сжала губы.

— Боюсь, что обстоятельства складываются не в вашу пользу. А я ненавижу, когда убивают.

— И вы — жена Эдди Марса? Какой позор!

Это не пришлось ей по вкусу, и она внимательно посмотрела на меня.

— Если вы не в состоянии снять мои браслеты — чего я, впрочем, не советовал бы вам делать, — то, может быть, хотя бы уступите мне каплю этого чудесного напитка?

Она взяла стакан: пузырьки всплывали на поверхность и лопались, как несбывшиеся надежды. Потом она склонилась надо мной, и я ощутил у себя на лице ее дыхание — нежное, как глаза испуганной лани. Я отпил глоток, и несколько капель, пролившись, защекотали мне шею. Когда она отняла стакан от моих губ, кровь быстрее побежала у меня по жилам.

— Ваше лицо выглядит, как борцовский ковер, — заметила женщина.

— Так используйте его наилучшим образом. Оно недолго будет пригодным даже для этой цели.

Она внезапно отвернулась и прислушалась: я видел, как на какое-то мгновение на лице у нее проступила меловая бледность. В наступившей тишине был слышен только шум барабанищего

по крыше и стенам дождя. Потом она пересекла комнату и встала боком ко мне, глядя в пол.

— Зачем вы явились сюда и сунули голову в петлю? — спросила она спокойно. — Ведь Эдди не причинил вам никакого вреда... Вы прекрасно знаете, если бы я не пряталась, полиция была бы уверена, что это он убил Ригана.

— Потому что так оно и было, — заметил я.

Она не шевельнулась и не переменяла позы. Воспользовавшись возникшей паузой, я обвел глазами комнату. Две расположенные рядом двери, одна из которых полуоткрыта. Ковер в красную и коричневую клетку, голубые портьеры на окнах, обои, разрисованные ярко-зелеными соснами. Веселая, но разностильная обстановка.

— Эдди не сделал ему ничего плохого, — сказала она мягко. — Я уже в течение многих месяцев не виделась с Рэсти. Эдди не такой.

— Но вы ушли от Эдди, отлучили его от стола и ложа. Ваши соседи опознали Рэсти по фотографии.

— Ложь, — заявила она холодно. — А, кроме того, это не ваше дело.

— Напротив, меня наняли расследовать эту историю.

— Эдди не такой.

— Ну, разумеется, он совершенно не похож на остальную компанию.

— Пока существуют на свете люди, желающие играть в азартные игры, будут существовать и места, где они смогут играть.

— Вы сами себя обманываете. Стоит хоть раз преступить закон, как ты уже навсегда остаешься по другую сторону баррикады. По-вашему, он занимается лишь азартными играми, я же думаю, что Эдди массово распространяет порнографическую литературу, не гнушается шантажом, торгует краденными автомобилями, а также является убийцей, перепоручающим другим выполнение грязной работы и раздающим взятки скорумпированному полицейским. Словом, не брезгает ничем, что сулит ему выгоду и откуда можно вытянуть деньги. Так что не нужно рассказывать мне трогательные истории о джентльменах-вломщиках. Они существуют лишь на экране!

— Он не убийца. — Она судорожно сдвинула брови.

— Самолечно — нет, ведь у него есть Канино. Только сегодня вечером этот милый парнишка убил по его приказу человека — маленького, беззащитного человечка, который всего лишь хотел помочь кое-кому бежать.

Она вымученно рассмеялась.

— Ладно, — продолжал я, — можете мне не верить. Если Эдди и в самом деле такая великодушная и благородная личность, я охотно с ним побеседую.

Она откинула назад голову и в течение нескольких минут стояла, задумавшись, точно принимая какое-то решение.

— Мне казалось, эти платиновые волосы уже не в моде... — Я говорил и говорил, лишь бы не было этой раздражающей тишины.

— Какой же вы недогадливый! Ведь это парик. Я ношу его, пока не отросли мои собственные волосы. — Женщина сняла свой «шлем», и я увидел, что она острижена под мальчика. Потом она надела его обратно.

— Кто это сделал?

В ее глазах мелькнул испуг.

— Никто. Я сама. А почему...

— Вот именно. Почему?

— Я хотела доказать Эдди, что готова исполнить его просьбу и скрыться. Чтобы ему не нужно было меня прятать и охранять. Я не могла его подвести: ведь я люблю его.

— О Боже! — воскликнул я. — И именно потому мы сейчас с вами наедине, здесь, в этой комнате!

Она повернула руки ладонями вверх и внимательно их осмотрела, а потом неожиданно встала и вышла. Минуту спустя она вернулась, держа в руке кухонный нож, наклонилась надо мной и перерезала шнур.

— Ключ от наручников у Канино, — шепнула она. — Больше я уже ничем не могу вам помочь.

— А я уже было подумал, что Эдди и в самом деле не убийца.

Она быстро отошла к своему креслу у торшера, села в него и закрыла лицо руками. Я спустил ноги на пол и встал. От неудобной, сковывающей позы у меня затекло все тело, и теперь я раскачивался из стороны в сторону, точно китайский болванчик, а напряженные до предела нервы дрожали каждым своим волокном.

— Сдается мне, вы хотите, чтобы я ушел, — сказал я.

Она кивнула, не отрывая рук от лица.

— Было бы лучше, если бы вы отправились вместе со мной, разумеется, если вам дорога жизнь.

— Не теряйте даром времени. Канино может вернуться в любую минуту.

— Зажгите мне, пожалуйста, сигарету.

Я стоял вплотную к ней, касаясь ее колен. Женщина вскочила и внезапно покачнулась.

— Эй, Серебряная Головка, — сказал я мягко.

Она отступила за кресло и взяла со стола пачку сигарет, потом достала одну из них и резким движением вложила мне в губы. У нее дрожали руки. Щелкнула маленькая, обтянутая зеленой кожей зажигалка, и пламя лизнуло кончик сигареты. Я глубоко затянулся, глядя в бездонные, синие озера.

— Маленькая пташка по имени Гарри Джонс навела меня на ваш след. Маленькая пташка, порхавшая по коктейль-барам и собиравшая крохи сведений о бегах на ипподроме. А также другую информацию. Эта пташка узнала о синьоре Канино. Потом Гарри Джонс и его подружка каким-то образом дознались, где вас искать. Он явился ко мне, чтобы продать эти сведения. Я получил его информацию, но Канино получил его самого. И теперь бедная пташка мертва, перышки ее взъерошены, головка свесилась набок, а на клювике — капля крови. Это дело рук Канино. Но Эдди Марс никогда бы ничего подобного не допустил, а, Серебряная Головка? Он ведь не убийца, а лишь отдает приказы.

— Убирайся отсюда! — крикнула она хрипло. — Живо убирайся! — Ее рука судорожно стиснула зеленую зажигалку, косточки пальцев побелели.

— Но Канино не знает, что мне известно о маленькой пташке. Он только видел, что я крутился поблизости.

Внезапно женщина начала смеяться, громко, почти истериче-

ски. Приступы судорожного, неукротимого смеха сотрясали ее тело. Должно быть, в моих словах было что-то для нее неожиданное, противоречащее известным ей фактам. Я начал опасаться, что зашел чересчур далеко и она никогда не перестанет смеяться.

— Как это все смешно... — выдавила она, судорожно хватая ртом воздух. — Страшно смешно, потому что вы знаете... я все еще его люблю. Женщина... — Она снова зашлась в приступе истерического хохота.

— Идем, — сказал я. — Быстро!

Вместо ответа она отступила на несколько шагов. Ее лицо приняло решительное выражение.

— Вон отсюда, ты... Прошу вас, уходите. Вы можете добраться пешком до Реалито. Вам удастся. А тогда поддержите свой язык на привязи хотя бы час или два. Вы меня этим очень обжете.

— Идемте, — повторил я. — У вас есть при себе какое-нибудь оружие, Серебряная Головка?

— Вы же знаете, что я никуда не пойду. Умоляю вас, уходите отсюда, не теряйте времени!

— Значит, вы хотите остаться здесь, а мне позволите бежать? Хотите дожидаться возвращения этого выродка и сказать ему: ах, как мне жаль? Негодяю, которому убить человека все равно что прихлопнуть муху. Вы пойдете со мной, Серебряная Головка!

— Нет.

— Ну, подумайте, — убеждал я, — допустим, ваш муж все-таки убил Рэсти Ригана. Или же это сделал Канино без ведома Эдди. Только допустим. Сколько же вам позволят прожить после того, как вы поможете мне бежать?

— Я не боюсь Канино. Я все еще жена его хозяина.

— Да у вашего Эдди штаны полны от страха, — буркнул я. — Когда-нибудь, в будущем, Канино расправится с ним, как кот с канарейкой, и при этом даже глазом не моргнет. Как странно, что такая женщина, как вы, до безумия любит подобного человека, этого жалкого труса!

— Вон отсюда! — Она чуть не бросилась на меня.

— Ладно, будь по-вашему. — Я повернулся и вышел через открытую дверь в темный холл.

Она пролетела мимо и распахнула входную дверь. С минуту стояла на крыльце, прислушиваясь и вглядываясь во влажную темень, а потом отступила, давая мне пройти.

— Прощайте, — сказала она еле слышно. — Желаю вам удачи во всем, кроме одного: Эдди не убивал Рэсти Ригана. Вероятно, вы найдете Рэсти целым и невредимым, но, разумеется, лишь тогда, когда ему будет на руку, чтобы его нашли.

Я обнял ее и всем телом прижал к стене. Мои губы коснулись ее лица, и я заговорил:

— Нам некуда спешить, Серебряная Головка. Ведь все это продумано до мельчайших подробностей, застегнуто на все пуговицы и, может быть, даже отретпетировано с точностью до секунды — как радиорепортаж. А потому я не вижу никакого смысла торопиться. Лучше поцелуй меня, Серебряная Головка.

Ее лицо под моими губами было холодно, как лед. Она подняла руки, обвила ими мою шею и крепко поцеловала. Прикосновение ее губ походило на поцелуй Снежной Королевы.

Я шагнул в темноту, и дверь бесшумно закрылась у меня за спиной. Капли дождя хлестали меня по лицу, но они не были так холодны, как ее губы.

В гараже рядом с домом было темно; я пересек подъездную аллею, мокрый газон и вышел на шоссе. Плащ на мне был расстегнут: наручники не позволяли его застегнуть, и тяжелые, намокшие полы ударили меня по ногам, точно крылья большой усталой птицы. Свою машину я нашел там же, где оставил: оба колеса были заменены, а сама она приведена в полную боевую готовность. Я сел за руль, вытянулся в кресле и отогнул коврик, маскирующий тайник. Взял оставленный там пистолет, спрятал его под плащ и двинулся обратно к дому. Мир вокруг был до смешного узок, темен, ограничен и сумрачен — наш маленький интимный мирок, мой и Канино.

Не успел я проделать и половины пути, как едва не напоролся на огни прожекторов выскочившего с шоссе на боковую дорогу автомобиля. Я прыгнул в какую-то канаву и пригнулся. Машина пролетела мимо, не сбавляя скорости. Я поднял голову и услышал скрежет колес, сворачивающих на усыпанный гравием подъездную аллею. Минуту спустя мотор заглох, фары погасли, дверца с треском захлопнулась.

Я вернулся на газон и побрел по мокрой траве. Между мною и домом стоял автомобиль — не слишком надежное, но все-таки прикрытие, а спрятанный так глубоко, как только позволяли наручники, пистолет обнадёживающе согревал мне сердце. Автомобиль был темный, пустой и теплый, в радиаторе уютно булькала вода. Я подкрался ближе и осторожно заглянул внутрь. Ключики оказались на месте — Канино был чертовски самоуверен. Я обошел машину и бесшумно двинулся вдоль подъездной аллеи. Подобравшись к окну, прислушался: все было тихо, почти изысканно — без ненужного шума и бесед на повышенных тонах. Вероятно, Канино заворчал на нее, а она ответила, что позволила мне уйти, так как я обещал забыть об Эдди и всей компании. Разумеется, Канино доверял мне ничуть не больше, чем я ему, поэтому они не могли долго оставаться в доме. Надо было дожидаться, пока они выйдут.

Я бросился к автомобилю и нащупал на распределительной доске стартер. Разогретый мотор завелся немедленно. Он работал тихо, размеренно. Я выбрался наружу и растянулся на земле у задних колес.

Должен сознаться, меня всего трясло, однако это был верный способ выманить Канино из дома — автомобиль был ему просто необходим.

Минуту спустя я увидел, как одно из неосвещенных окон начинает медленно открываться. Огонь полыхнул внезапно — оглушающий рев трех быстро произведенных выстрелов. Зазвело разбитое стекло, и я издал раздражающий вопль смертельно раненного человека. Постепенно мой крик перешел в предсмертный стон, сменившийся невнятным бульканьем тихо струящейся крови. Все это увенчал прерывистый вздох. Первоклассная работа, я остался доволен. Канино — тоже, и даже очень, потому что я услышал его смех, громкий, радостный и совсем не ворчливый.

На мгновение воцарилась тишина, нарушаемая только шумом дождя, барабанившего по крыше автомобиля. Потом открылась дверь — черная дыра посреди темноты, — и оттуда осторожно выскользнула какая-то фигура с чем-то белым, обвившимся вокруг шеи. Я узнал воротник ее платья. Следом за ней шагало Канино. Зрелище было настолько дикое, что мне вдруг захотелось смеяться.

Женщина продолжала спускаться по ступенькам, и теперь я уже мог рассмотреть ее бледное, застывшее лицо. Она направлялась к автомобилю — живой щит для милейшего синьора Канино, на тот случай, если я еще не совсем превратился в труп. Потом я услышал ее голос, мертвый и беззвучный, с трудом протискаившийся между сжатых губ:

— Я ничего не вижу, Лэш. Окна запотели.

Он зарычал, и тело женщины, дернувшись, подалось вперед, как будто кто-то ткнул ее в спину дулом пистолета. Она медленно подошла к погруженному во мрак автомобилю, и я увидел притаившегося сзади Канино. Вдруг женщина замерла и вскрикнула. Высокий, звенящий крик, пронизавший меня на вылет.

— Я его вижу! Через окно! Он сидит за рулем. Лэш!

Канино клюнул, как лосось на приманку. Он грубо отпихнул ее в сторону и прыгнул к машине, выбросив вперед руку. Еще три вспышки прорезали темноту. Снова раздался звон разбитого стекла, однако двигатель продолжал работать. Одна из пуль просвистела в дюйме от меня и задела стоявшее рядом дерево.

Канино прислушивался в темноте, его лицо маячило передо мной расплывчатым серым пятном.

— Готово? — спросил я.

Он резко повернулся в мою сторону. Возможно, было бы куда приличнее и благороднее позволить ему выстрелить еще раз или два, как было некогда принято среди джентльменов старой, доброй школы, но его оружие по-прежнему оставалось нацеленным в мою сторону, и я не мог больше выжидать, а потому прижал к ребрам свой кольт и четырежды выстрелил в темноту. Он так и упал, вытянувшись во весь рост, с широкими ладонями, прижатыми к телу, без единого стога, зарывшись лицом в мокрую траву.

Я обошел лежащего на земле Канино, наклонился и поднял оружие.

— Я боялась... боялась, что вы все-таки вернетесь, — сказала она печально, как будто разговаривала сама с собой.

— У нас с ним было назначено свидание при луне. Ведь я же говорил вам, что все здесь заранее запланировано и продумано до мельчайших деталей. — Я затрясся в приступе идиотского смеха.

Она склонилась над трупом, но минуту спустя выпрямилась, держа в руке маленький ключик на тонкой цепочке.

— Вы непременно должны были его убить? — спросила она с горечью.

Мой смех оборвался так же резко, как и начался. Женщина подошла ко мне и отперла наручники.

— Да, — сказала она мягко, — я думаю, вы не могли поступить иначе.

И вот настал новый день. Капитан Грегори из Отдела розыску пропавших лиц сидел, уставившись в окно, и разглядывал плоскую крышу здания Верховного Суда, чистую и обновленную после дождя. Наконец он шевельнулся в своем вращающемся кресле, набил табаком трубку, утрамбовал его большим пальцем и внимательно посмотрел на меня.

— Ну что ж, вы снова очутились в скверной ситуации.

— О, вы уже об этом слышали?

— Парень, я целыми днями просиживаю здесь штаны, и кое-кому, вероятно, кажется, что в голове у меня абсолютно пусто. Однако вы бы очень удивились, если бы знали, как много всякой всячины доходит до моих ушей. Что ж, вы правильно сделали, убрав в конце концов этого Канино, но боюсь, что люди из Отдела по борьбе с убийствами не приколют вам за это на грудь медаль.

— За последнее время мне успели приписать уже Бог весть сколько убийств, однако мое «участие» в них было весьма скромным, — заметил я.

Он снисходительно усмехнулся.

— Я полицейский, всего лишь обыкновенный полицейский. В меру порядочный. Настолько, насколько этого можно требовать от человека, живущего в мире, где порядочность вышла из моды. Именно поэтому я и вызвал вас сегодня утром. Поверьте: ничто бы так не порадовало моих глаз, как зрелище великолепно откормленного и прекрасно одетого дельца, ломающего свои холеные ногти в каменоломнях Фолсон, рядом с жалким ворышкой из нищего квартала, схваченным на месте первого же преступления и навсегда вышвырнутым за борт нормальной жизни. Но оба мы уже слишком стары, чтобы поверить, будто это когда-нибудь исполнится. Во всяком случае, не здесь, не в этом городе, да и вообще нигде по всей территории великих, прекрасных и зеленых Соединенных Штатов. Так уж устроено наше государство.

Я ничего не ответил. Он опустил голову, выдохнул облачко дыма и с интересом осмотрел чубук своей трубки.

— Однако это вовсе не значит, — продолжал он, — что я думаю, будто Эдди Марс убрал Ригана или хотя бы имел повод это сделать. Просто мне кажется, он знает что-то обо всей этой истории и рано или поздно пустит пар. Спрятать свою жену в Реалито было сущим ребячеством, однако подобная выходка вполне под стать типу, вообразившему себя умнее других. Он побывал у меня вчера вечером, после беседы с прокурором, и во всем сознался. Сказал, что был знаком с Канино и время от времени пользовался его услугами, однако понятия не имел о его делишках и не хочет быть в это замешан. Он не знает ни Гарри Джонса, ни Джо Броуди, Гейгера знает, но клянется, что не подозревал о его бизнесе. Впрочем, мне кажется, вы тоже все это слышали.

— Разумеется.

— Должен признать, — продолжал Грегори, — что там, в Реалито, вы превосходно разыграли всю сцену. И правильно делаете, что сейчас не пытаетесь ничего затушевать. У нас существует каталог неидентифицированных пуль, и если бы в один

прекрасный день вы еще раз воспользовались своим кольцом, ваша песенка была бы спета.

— Да, я и в самом деле ловко все провернул,— признал я, глядя на него с иронией.

— Что будет с девушкой? — спросил он, не поднимая глаз.

— Не знаю. Ее не стали задерживать. Мы подписали три разных протокола: для Уайльда, для шерифа и для Отдела по борьбе с убийствами. Потом ее отпустили. Больше я ее не видел и не надеюсь увидеть когда-нибудь впредь.

— Говорят, это славная девчонка, из тех, что не любят участвовать в грязных играх. — Капитан Грегори вздохнул и взъерошил редкие усики. — Я хотел бы еще кое-что вам сказать. Вы тоже славный парень, однако играете чересчур круто. Если вы и в самом деле хотите помочь Стернвудам, вот вам мой совет: лучше оставьте их в покое.

Я встал, улыбнулся ему и направился к двери. Уже держась за ручку, услышал, как он кашлянул и сухо произнес:

— Вам по-прежнему кажется, будто вы сумеете разыскать Ригана?

— Нет, я не думаю, что мне удастся его найти. И пробовать не стану. Вы удовлетворены?

Он кивнул, а потом пожал плечами.

— И сам не знаю, какого дьявола все это сказал. Желаю удачи, Марлоу. Мои двери всегда для вас открыты.

— Спасибо, капитан.

Я вышел на улицу, сел в автомобиль и отправился домой, на Хобарт Армз. Там сбросил плащ и, растянувшись на постели, уставился в потолок, прислушиваясь к отголоскам уличного движения и разглядывая солнечные лучи, медленно переползающие с места на место у меня над головой. Я пытался заснуть, но сон не приходил.

Неожиданно раздался телефонный звонок. Звонил Норрис, дворецкий Стернвудов.

— Это господин Марлоу? Прошу прощения, что позволяю себе беспокоить вас дома. Генерал хотел бы встретиться с вами сегодня, господин Марлоу, если это не нарушает ваших планов.

— Я буду у вас примерно через полчаса. Как он себя чувствует?

— Лежит в постели, но сегодня ему лучше, сэр.

— Посмотрим, что будет, когда он меня увидит,— сказал я и повесил трубку.

Двадцать минут спустя я стоял перед виллой Стернвудов. Горничная проводила меня в холл и исчезла, пообещав, что сейчас появится Норрис. Холл выглядел так же, как в тот момент, когда я очутился здесь впервые: портрет, висящий над камином, по-прежнему сверлил меня горячими черными глазами, а рыцарь на витраже пытался отвязать от дерева обнаженную даму.

Через пару секунд на пороге появился Норрис. Он тоже ничуть не изменился. Голубые глаза смотрели сдержанно и холодно, гладкая розовая кожа казалась здоровой и свежей, а двигался он так, словно был по крайней мере на двадцать лет моложе, чем в действительности. Из нас двоих я куда больше ощущал течение времени.

Мы поднялись по лестнице и добрались до массивных старин-

ных дверей, напоминающих церковные. Норрис осторожно их приоткрыл, и я очутился на краю чего-то, выглядевшего, как ковер длиной в четверть мили. Я прошел по нему к огромной кровати под балдахином, похожей на ту, в которой умер Генрих VIII.

Генерал Стернвуд полусидел в постели, опираясь на подушки. Его бескровные пальцы судорожно сжимали край простыни — на фоне ее белизны они казались серыми. Однако в глубине его черных глаз по-прежнему тлел огонь, хотя лицо было уже лицом покойника.

— Садитесь, господин Марлоу, — сказал он усталым и каким-то деревянным голосом.

Я придвинул к постели стул и сел. Все окна были зашторены, сквозь плотные маркизы не пробивался ни единый лучик света. В воздухе висел сладковатый запах старости.

— Господин Марлоу, я, кажется, не просил вас заниматься поисками моего зятя.

— Но ведь вы меня наняли.

— Да, но об этом я вас не просил. Вы взяли на себя слишком много. Если я чего-нибудь хочу, то привык говорить об этом вслух.

Я ничего не ответил.

— Я заплатил вам, — продолжал он холодно, — впрочем, деньги здесь не имеют значения. Вы злоупотребили моим доверием.

— И вы позвали меня сюда, чтобы констатировать этот факт?

— Кажется, замечание вас задело.

Я отрицательно покачал головой.

— У вас большое преимущество передо мной, генерал, и я не хочу вас его лишать. Вы можете высказать мне все, что вам только будет угодно, я не обижусь и не стану держать на вас зла. И еще хочу предложить вам принять обратно свои деньги. Для вас это не имеет значения, однако для меня очень важно.

— Почему?

— Потому что я отказываюсь принять плату за поручение, которого не смог выполнить к полному удовлетворению нанимателя. Все.

— И часто вам попадают такие дела?

— Время от времени. Как любому сыщику.

— Почему вы обратились к капитану Грегори?

Я откинулся на спинку стула и перебросил через нее руку. У меня не было ответа на его вопрос.

— Мне не хочется сознаваться, что во всей этой истории я не был с вами до конца откровенен. Когда в день нашей первой встречи я выходил после разговора с вами из оранжереи, за мной послала миссис Риган. У меня сложилось впечатление, будто она уверена, что вы наняли меня для поисков ее мужа, и, похоже, это не привело ее в восторг. Во время беседы у нее случайно вырвалось, что «они» нашли автомобиль Ригана в одном из окрестных гаражей. Это «они» могло означать только полицию, а следовательно, полиция было кое-что известно. В таком случае дело подлежало компетенции Отдела по розыску пропавших лиц. Разумеется, я не знал, вы ли сообщили им об исчезновении Ригана, или это сделал кто-нибудь другой. Но я хорошо изучил копов и знаю, что они до многого докопаются, особенно если зарегистрировано имя владельца. Я решил сходить в полицию.

В правильности подобного шага меня убедила позиция прокурора Уайльда в ту ночь, когда в его доме обсуждалось дело Гейгера. Несколько минут я провел с ним один на один, и тогда он спросил меня, поручали ли вы мне заниматься поисками Ригана. Я ответил, что в разговоре со мной вы упоминали, что охотно узнали бы, где он и как его дела. Услышав это, прокурор поджал губы, и на лице у него появилось довольно странное выражение. Отсюда я сделал вывод, что, говоря о «поисках Ригана», он имеет в виду приведение в действие всего гигантского полицейского механизма. А потому в разговоре с капитаном Грегори я старался не сказать ничего такого, что уже не было ему известно.

— То есть вы оставили капитана в убеждении, что я поручил вам разыскать Рэсти?

— Вообще-то да, — признался я, — но лишь после того, как убедился, что ему и так известны обстоятельства дела.

Генерал прикрыл глаза.

— Вы находите это этичным?

— Да. Я так считаю.

— Быть может, я не так вас понял, — сказал он медленно.

— Весьма возможно, — откликнулся я. — Начальник Отдела по розыску пропавших лиц не любит болтать. Капитан Грегори — исключительно умный и осторожный человек, который вначале пытался разыгрывать из себя осла. Кроме того, прошу не забывать, что вы не запрещали обращаться за информацией к капитану Грегори.

— Вам было бы трудно что-нибудь запретить, — сказал он со слабой усмешкой.

— Что же я сделал такого, что пришлось вам не по вкусу? Ваш дворецкий Норрис считал, что после смерти Гейгера делу конец, однако я придерживаюсь противоположного мнения. Гейгеровский бизнес вызывал у меня омерзение. Но я не Шерлок Холмс и не Фило Вэнс*: никогда не надеюсь обнаружить какие-либо следы там, где уже успела поработать полиция. Я выхожу из игры: меня предупредили, что люди из полиции находят мои методы чересчур решительными. А потому я считаю, что должен вернуть вам деньги.

Он усмехнулся.

— Вы говорите глупости. Я заплачу вам тысячу долларов, если вы разыщете Ригана, господин Марлоу. Он вовсе не обязан ко мне возвращаться, и вы можете не говорить мне, где он. Человек имеет полное право жить так, как ему хочется. Я не виню его ни в том, что он ушел от нас, даже не простившись, ни в том, что он не смог ужиться с моей дочерью. Но я хотел бы знать, как у него дела, независимо от того, где он сейчас находится. Хочу иметь сведения из первых рук, и если ему нужны деньги или еще что-нибудь, пусть он их получит. Надеюсь, я выразился достаточно ясно?

— Да, господин генерал.

* Частный сыщик, герой серии детективных романов американского писателя Уилларда Хантингтона Райта (1888—1939), писавшего под псевдонимом Ван Дайн.

Он сделал минутную паузу, как будто собирался с силами. Казалось, в нем угасает последняя искра жизни.

Должно быть, я старый сентиментальный осел, — сказал он тихо. — И военному это совсем не к лицу. Но только я привязался к этому парню. Он казался мне таким... порядочным... Что же, на будущее мне следует быть более осторожным в своих суждениях о людях. Но сделайте это для меня, Марлоу, найдите его!

— Попытаюсь, генерал, — ответил я.

31

Я стоял на ступеньках и смотрел на газоны, подстриженные деревья и цветочные поля. Внезапно я увидел Кармен, одиноко сидящую на каменной скамье, маленькую и растерянную. Я спустился по выложенной красным кирпичом дорожке, перепрыгивающей с террасы на террасу, и был уже почти возле девушки, когда она услышала мои шаги и буквально подскочила на скамье.

— Скучаете? — осведомился я.

Она улыбнулась мягко, почти несмело.

— Вы уже на меня не сердитесь?

— Я думал, это вы на меня обижены.

Хихикнув, она подняла пальчик, и стоило мне только услышать этот смех, как я мгновенно утратил к ней всякую симпатию. Я молча осмотрелся по сторонам. Футах в тридцати от меня к дереву был прикреплен щит, в котором торчало несколько стрел. Еще три или четыре лежали рядом с Кармен на каменной скамье.

— Для людей, владеющих такой массой денег, и вы, и ваша сестра имеете на редкость мало развлечений. Вам нравится стрелять из лука? — спросил я.

— Угу.

— Это мне кое о чем напомнило. Возвращаю вам вашу тяжелую артиллерию. Я вычистил его и зарядил, но на будущее прошу послушаться моего совета и не стрелять в людей, пока не научитесь по-настоящему. О'кей?

Кармен побледнела и вынула палец изо рта. Судя по блеску ее глаз, моя идея явно пришлась ей по вкусу.

— Хорошо. Научите меня стрелять.

— Здесь? Это запрещено законом.

Девушка подошла ко мне вплотную и, оплетя пальцами ствол, вынула револьвер у меня из руки. Потом каким-то вороватым движением поспешно сунула оружие в карман и быстро огляделась по сторонам.

— Я знаю где, — шепнула она тоном заговорщика. — Там, дальше, у старых нефтяных выработок. — Девушка махнула рукой за склон. — Так вы меня научите?

— Хорошо. Но я попрошу вас вернуть мне револьвер. Сперва я должен убедиться, что там можно стрелять.

Она рассмеялась, состроила какую-то гримаску и вороватым жестом отдала мне оружие, как будто вручала ключ от своей спальни. Мы сели в машину и поехали в сторону взгорий.

— Где Вивиан? — спросил я.

— Еще не встала. — Она опять хихикнула.

Десять минут спустя мы были на месте.

— Теперь сюда.— Она высунулась в окошко и указала на узкую, хорошо укатанную дорогу. Я огляделся по сторонам и увидел с полдюжины старых, бездействующих насосов и несколько брошенных буровых скважин. Тут же сгрудились в беспорядке пустые цистерны из-под нефти, красовался штабель ржавых труб и стоял накренившийся набор прицепа. Вокруг виднелись лужицы затхлой, покрытой нефтяными пятнами воды.

— Когда-нибудь в будущем все это превратится в парк? — спросил я.

Она посмотрела на меня исподлобья и кивнула.

— Давно пора, а то здесь такая вонь, что можно отравить стадо козлов. Это место вы имели в виду?

— Угу. Вам тут нравится?

— Просто чудесно.

Я остановил машину у накренившегося прицепа, и мы выбрались наружу. Место было безлюдное, как церковный двор. Эвкалиптовые деревья казались пыльными, несмотря на прошедший недавно дождь. Сломанная ветка упала в одну из луж, и мертвые, кожистые листья тихо шевелились в воде. Я заглянул в насосную. Там лежала куча старого хлама. Снаружи к стене было прислонено большое деревянное колесо.

— Дайте сюда.— Девушка повелительным жестом протянула ко мне руку.

Я вынул из кармана револьвер и положил его ей на ладонь. Потом поднял с земли какую-то ржавую банку.

— Будьте осторожны,— предупредил я,— в барабане пять патронов. Сейчас я поставлю банку вон там. Видите? Не начинайте стрелять, пока я не вернусь, ладно?

— О'кей,— хихикнула Кармен.

Я снова обошел нефтяное болото и поместил банку в центре колеса. Получилась отличная мишень. Если она промахнется по банке — в чем я был совершенно уверен,— то уж в колесо наверняка попадет. Однако Кармен не собиралась попадать в колесо. Когда я повернул обратно, огибая трясину, и был уже в нескольких шагах от девушки, она показала мне в хищной улыбке свои маленькие острые зубки, подняла револьвер и... начала шипеть. Я замер на месте, чувствуя за спиной неподвижную зловонную трясину.

— Стой спокойно, ты, паршивый с... — прошипела она.

Дуло револьвера было нацелено прямо мне в грудь, Кармен держала его с уверенностью профессионала. С каждой минутой ее шипение становилось все громче, напоминая свист рассерженной змеи. Она походила на маленького злобного зверька.

Я расхохотался и сделал пару шагов вперед. Маленький палец с такой силой нажимал на курок, что даже побелел от напряжения, я был буквально в шести футах от нее, когда началась стрельба.

Кармен била без промаха. В барабане оставался всего один патрон, когда я подскочил к ней вплотную. Я не хотел, чтобы последний выстрел пришелся мне в лицо, и потому отклонил голову в сторону. Девушка казалась абсолютно спокойной и, тщательно прицелившись, в последний раз нажала на курок. Я почувствовал слабое тепло от сожженного пороха.

— Боже праведный, я и не подозревал, что вы такая хитрая! Рука, сжимавшая разряженный револьвер, внезапно начала

дрожать. Оружие упало на землю. Ее всю трясло. Маленькое, съжившееся личико изменилось до неузнаваемости. Кармен запрокинула голову, на губах показалась пена. Дыхание со свистом вырывалось сквозь стиснутые зубы. Она начала раскачиваться из стороны в сторону.

Я успел подхватить ее на руки. Девушка была без сознания. Я разжал ей челюсти, всунул между зубами свернутый носовой платок, дотащил до машины и уложил на заднем сиденье. Потом вернулся за револьвером, подобрал его и спрятал в карман, после чего уселся в автомобиль и поехал вверх по склону.

Кармен лежала сзади, неподвижная и безвольная. На полпути к дому она неожиданно села и широко раскрыла глаза.

— Что случилось?

— Ничего. А почему вы спрашиваете?

— Ох, что-то непременно должно было произойти! Потому что я вся мокрая.

— Вполне нормальная реакция, — заметил я.

Она бросила на меня быстрый, недоверчивый взгляд, скривила губы в жалком подобии улыбки и заскулила, как побитая собака.

32

Горничная с лошадиным лицом и большими печальными глазами проводила меня в просторную комнату на первом этаже, где с окон свисали длинные занавеси цвета слоновой кости, а на полу раскинулся белый ковер. Будуар кинозвезды, соблазнительный и манящий, фальшивый, как деревянная нога. Когда я вошел, в комнате никого не было.

Ждать мне пришлось довольно долго, но вот, наконец, дверь распахнулась и на пороге появилась Вивиан в легком жемчужно-сером пеньюаре, зтороченном белым мехом, струистом, точно морская волна. Она подошла ко мне бесшумным, танцующим шагом и присела на край шезлонга. В уголке ее губ торчала сигарета, а длинные ногти были окрашены в медно-красный цвет.

— А вы все-таки мерзкий тип, — сказала она спокойно. — Бесчувственный и на редкость жестокий. Сегодня ночью вы убили человека. Прощу не спрашивать, откуда мне это известно. А теперь вы явились сюда и так напугали мою сестренку, что с ней случился припадок.

Я молча смотрел на нее и видел, что она уже начинает беспокоиться. Вивиан пересела с шезлонга в кресло и оперлась головой о белую подушку, лежавшую на его спинке.

— Я вас не понимаю, — продолжала она ледяным тоном. — Скажите же, наконец, хоть что-нибудь, Бога ради.

— Как она себя чувствует?

— Ох, думаю, уже лучше. Она сразу же уснула. Что вы с ней сделали?

— Да, собственно, ничего. Я встретил ее в саду, когда выходил от вашего отца, она стреляла из лука по укрепленному на дереве щиту. Я собирался отдать маленький револьвер, который когда-то подарил ей Оуэн Тейлор. Он был при ней в тот вечер, когда застрелили Джо Броуди.

Огромные черные глаза Стернвудов полыхнули огнем, однако, тут же погасли.

— Кармен была очень рада, что получила назад свой револьверчик. Она попросила меня научить ее стрелять и выбрала для этой цели старые нефтяные выработки на склоне горы, те, что когда-то принесли вашей семье состояние. Мы отправились туда. Это оказалось пустынное место с омерзительной, зловонной трясинной, полное ржавого лома и бездействующих насосов. Сдается мне, когда-то вы тоже там побывали. Жуткое место.

— Да, вы правы. — Теперь ее голос стал тихим, словно угасшим.

— Мы вышли из машины, и я установил в качестве мишени пустую банку, чтобы было куда целиться. И вот тогда у нее начался приступ эпилепсии.

— Да, с Кармен это иногда бывает.

— Вам знаком человек по имени Канино?

— Кажется, я когда-то слышала это имя.

— Один из подручных Эдди Марса. Грозный тип, как говорят. Впрочем, я скорее употребил бы здесь прошедшее время — был. Если бы не помощь одной очаровательной леди, я сейчас находился бы на его месте — в городском морге.

— Похоже, что женщины... — Она побледнела и умолкла на полуслове. — Мне сейчас не до шуток.

— Я и не шучу. А если вам кажется, что я выражаюсь чересчур запутанно, — такое уж это дело. Однако все его детали на удивление сходятся: Гейгер и его маленькие, наглые шантажики, Броуди и снимки, Эдди Марс и рулетка, Канино и женщина, с которой не сбежал Рэсти. Все это связано между собой и притом очень тесно.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Могу изложить подробнее. Гейгер держал в кулаке вашу сестру. Он получил от нее несколько долговых расписок, при помощи которых пытался, если можно так выразиться, «поджентльменски» шантажировать вашего отца. За спиной у Гейгера стоял Эдди Марс, для которого тот был чем-то вроде ширмы. Ваш отец, вместо того чтобы заплатить, обратился ко мне, из чего можно было легко заключить, что он не боится. Именно это Эдди и хотел узнать. У него есть на вас какой-то крючок, и он решил проверить, нельзя ли им воспользоваться и в отношении генерала. Если бы его расчет оправдался, он мог бы в короткий срок сколотить большие деньги, если же нет — пришлось бы дожидаться, пока вы получите свою часть наследства, а до тех пор удовольствоваться тем, что вы проигрываете в рулетку. Гейгер был застрелен у себя дома Оуэном Тейлором, который имел несчастье влюбиться в вашу маленькую, глупую сестренку. Разумеется, для Эдди все это не имело никакого значения: его ставка в затейной игре была куда выше, чем могли допускать Гейгер, или Броуди, или еще кто-нибудь. Ваш муж исчез. Эдди прекрасно знал, что ни для кого не была тайной их взаимная антипатия с Риганом. Поэтому он спрятал свою жену в Реалито и послал туда в качестве охраны Канино. Для непосвященных же все выглядело так, будто она сбежала с Рэсти. Эдди позаботился даже о том, чтобы отогнать машину Ригана в гараж дома, где жила Мона. Он хотел вы-

играть миллион или что-то около того. Я вас утомир?

— До предела! Боже, как вы мне надоели!

— Очень жаль. Но я не стал бы тратить время лишь затем, чтобы доказать вам свою сообразительность. Ваш отец предложил мне сегодня утром тысячу долларов и поручил разыскать Ригана. Для меня это большие деньги, но, к сожалению, я не могу исполнить его просьбу.

— Она открыла рот и судорожно глотнула воздух.

— Дайте мне сигарету, — сказала она глухо. — Почему вы не можете этого сделать? — Жилка на шее начала учащенно пульсировать.

Я подал ей сигарету и поднес к ней зажженную спичку. Виван глубоко затянулась, резко выпустила дым и забыла о сигарете. Больше не сделала ни единой затяжки.

— Ну, если даже Отдел по розыску пропавших лиц не в состоянии его найти... К тому же это вовсе не так просто... Не думаю, чтобы мне оказалось по плечу то, что не вышло у них.

— Ах, так... — В ее тоне я почувствовал явное облегчение.

— Люди из Отдела по розыску пропавших лиц считают, что Риган попросту исчез и замел за собой следы. Они не верят, что его убрал Эдди Марс.

— А кто утверждает, будто его... убрали?

— Сейчас мы дойдем и до этого.

На какое-то мгновение она утратила власть над собой, и ее черты исказила произвольная гримаса, а губы раскрылись в немом крике. Но только на мгновение.

Я достал из кармана маленький револьверчик Кармен и осторожно, с подчеркнутой заботливостью, положил его на обтянутые жемчужным шелком колени. Прюделав это, я отступил назад и, наклонив голову набок, стал любоваться делом своих рук, точно декоратор витрин, оценивающий, насколько изящно обернут шарф вокруг шеи манекена. Она не шелохнулась и не издала ни звука, только глаза ее медленно, дюйм за дюймом, опускались вниз, пока не остановились на револьвере.

— Он разряжен, — сказал я. — Она расстреляла все патроны. Очаровательнейшее создание ваша сестренка, не правда ли? Однако, к несчастью, я зарядил револьвер холостыми патронами. — Я гаденько ухмыльнулся. — Предвидел, что она сделает, если только будет возможность.

Ее голос был глухим и сдавленным, точно поднимался со дна колодца.

— Вы страшный человек, — прошептала она, — страшный.

— Угу. Но вы ее старшая сестра. Что вы намерены теперь предпринять?

— Вы ведь не можете доказать...

— Чего именно?

— Того, что она в вас стреляла. Вы же сами сказали, что были там одни... возле скважин. Вы не сможете подтвердить ни слова из того, что здесь говорили.

— В самом деле, — я усмехнулся. — Не стану даже пытаться. Но только думаю, что в прошлый раз патроны в маленьком револьвере были настоящие. Я имею в виду тот день, когда пропал Риган. Было уже далеко за полдень, и Кармен поехала с ним туда, к старым нефтяным выработкам, чтобы учиться стрелять. Он поставил где-нибудь старую пустую банку и велел

ей целиться. Но Кармен не стала целиться в банку. Она направила револьвер на вашего мужа и застрелила его — так же, как хотела сегодня застрелить меня, по той же самой причине.

Она шевельнулась, и револьвер соскользнул у нее с колен. Ее голос перешел в еле слышный шепот.

— Кармен!.. Боже мой, Кармен!.. Но почему?!

— Я и в самом деле должен вам объяснить, почему она в меня стреляла?

— Да... Боюсь, без этого не обойтись.

— Когда позавчера я вернулся домой, то обнаружил ее у себя в спальне: Кармен солгала управляющему, будто бы я велел ей меня дожидаться. Она лежала в моей постели в чем мать родила, и мне пришлось силой выставить ее за дверь. Подозреваю, что и Риган когда-то был вынужден проделать то же самое. А этого нельзя позволять с Кармен.

Вивиан пыталась облизнуть пересохшие губы. Ее руки медленно поднялись вверх, а пальцы судорожно стиснули меховую оторочку. Она рванула воротник, освобождая горло.

— Деньги, — прохрипела она, — вы хотите получить деньги!..

— И сколько же это, по-вашему, стоит? — спросил я с иронией.

— Пятнадцать тысяч?..

— Кругленькая сумма. Это был бы самый крупный из полученных мной до сих пор гонораров. Как раз столько лежало в кармане у Ригана в тот день, когда его убили. И столько же получил Канино за то, что ликвидировал труп. Но Эдди рассчитывает когда-нибудь получить больше, правда?

— Ты... подонок... — прохрипела она.

— Ну, конечно. Я попросту хитрый проныра, обдывающий свои темные делишки. Я настолько алчен и корыстолюбив, что за двадцать пять долларов в сутки плюс покрытие расходов копаюсь в чужом грязном белье и распутываю все, что мне только удастся распутать. Все это за двадцать пять долларов в сутки... А, может быть, еще и ради того, чтобы уберечь искалеченного, стоящего одной ногой в могиле, но все еще гордого мужчину от мысли, что в жилах его детей течет отравленная, проклятая кровь. В итоге я оказался подонком. О'кей. Я получил от вашего отца пятьсот долларов, за поиски Рэсти Ригана мог бы получить еще тысячу. А теперь вы предлагаете мне пятнадцать. Выстрел в яблоко! За такие деньги я могу купить себе дом, автомобиль и четыре костюма в придачу. Я мог бы даже отправиться на курорт. Все это чудесно. Но за что, собственно говоря, вы хотите мне заплатить?

Она сидела неподвижно, как статуя.

— Хорошо, — сказал я устало, — вы можете ее куда-нибудь отсюда увезти? В такое место, где умеют управляться с людьми ее покроя? Где будут держать подальше от нее ножи, револьверы и разного рода одурманивающие напитки. Черт побери, вполне возможно, им даже удастся ее вылечить... Такие случаи совсем не редкость.

Вивиан поднялась и медленно подошла к окну. С трудом переводя дыхание, она заговорила:

— Он лежит там, в трясине. Это ужасно, но я это сделала. Все было так, как вы описали, и я действительно обратилась за помощью к Эдди Марсу. В тот день Кармен вернулась домой

и выложила мне все. Она... ну, вы же видите, какая она. Я знала, что полиция все из нее вытянет. Знала, что если это дойдет до отца, он немедленно заявит в полицию. А потом умрет... Нет, я не имею в виду смерть физическую, но то, о чем он будет перед этим думать... Рэсти не был плохим человеком. Я никогда его не любила, но считала порядочным и добрым. Так мне по крайней мере казалось. Но его жизнь или смерть — ничто для меня в сравнении с покоем моего отца.

— Вы увезете ее отсюда, — сказал я, — и сделаете это как можно скорее.

— А вы? — мягко спросила она. — Что собираетесь делать вы?

— Ничего. Скажу вам: «Прощайте!» — и мы расстанемся. Даю вам три дня срока. Если в течение этого времени вы отвезете ее куда следует, все в порядке. Если же нет, дело выйдет наружу. И не рассчитывайте, что я не стану обращаться в полицию.

Она стремительно повернулась ко мне.

— Я не знаю, что вам сказать... с чего начать...

— Увезите ее отсюда и позаботьтесь, чтобы она ни на минуту не оставалась без присмотра. Вы обещаете?

— Слово чести. А Эдди?..

— О нем вы можете забыть. Я сам обо всем позабочусь... как только немного отдохну.

— Он попытается вас уничтожить...

— Его конюшня уже лишилась своего лучшего скакуна, а остальные мне не страшны. Как вы думаете, Норрис знает?

— Он никогда не проговорится.

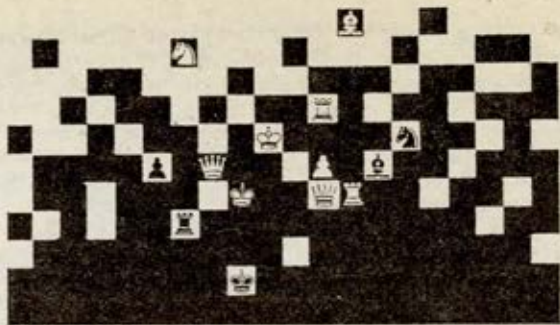
— Сдается, он прекрасно во всем ориентируется.

Я повернулся и, не прощаясь, пошел к двери. Никто не видел, как я уходил, и на этот раз никто не подал мне шляпы. Залитый солнцем сад почему-то напомнил мне место для охоты: я чувствовал себя так, как будто из-за каждого куста за мной следили маленькие, дикие глазки, даже солнечные лучи — и те касались земли как-то странно, почти таинственно. Я сел в свою машину и уехал.

Какое имеет значение, где лежать после смерти? В грязном болоте или в мраморной башенке на самой вершине высокой горы? Мертвые спят глубоким сном, и их не волнуют подобные мелочи. Нефть и вода делают свое дело ничуть не хуже, чем воздух и ветер. Но тому, кто грезит, погруженный в свой непробудный сон, уже безразлично и то, как он умер, и то, где его опустили в могилу. Я ощущал себя частью всей этой грязи, которая меня окружала. Я был ее частью намного больше, чем Рэсти Риган, в своей безымянной могиле. Но я уберег от этого старого больного человека, который мог теперь спокойно лежать в своей постели, с бескровными руками, скрещенными поверх одеяла, в тишине и покое ожидания. Его сердце билось слабо, его мысли были серы, как сигаретный пепел. И вскоре он, как и Рэсти Риган, должен был погрузиться в свой глубокий сон.

По дороге в город я остановился у какого-то бара и заказал себе два двойных скотча. Однако это не помогло. Я только вновь подумал о Серебряной Головке, которую мне, увы, уже никогда больше не суждено было увидеть.

Перевод с английского ЕКАТЕРИНЫ КУДРИНОЙ.

33-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
**ВИКТОРА
ЧЕПИЖНОГО**

280

Тематическая подборка задач в этом номере знакомит наших читателей с **шахматной батареей** — одной из самых старых и распространенных тем в композиции. Батареей называется расположение на одной линии между черным королем и дальнобойной белой фигурой другой белой фигуры (она и дает название батарее), отход которой открывает шах черному королю. Это прямая батарея. Если же «на прицеле» находится не сам король, а поле возле него, то батарея называется косвенной. В подборке представлены различные виды батарей.

I. Вначале матует пешечная батарея: 1...Kрh 5 2 g 4x. Выжидательного хода нет, игра меняется: 1. Лh1! Kрh5 2. Крg 3x — матует королевская батарея.

II. И здесь в начальной позиции готовы маты на все ходы черных. Единственный выжидательный ход 1.Крc4! еще больше увеличивает свободу черного короля. Матует пешечная батарея, открывающая действие двух дальнобойных фигур.

III. Здесь после 1. Фh3! создается косвенная слоновая батарея — ферзь должен контролировать 3-ю горизонталь.

IV. В этом примере — согласованные действия двух коневых батарей. Вторая создается вступительным ходом — 1. Сс3!

V. Первым ходом белые уведят ферзя в засаду за две фигуры — 1. Фf8! Создается скрытая ладейная батарея. 1...c4 2. Лабх, 1...Крb4 2.Лd4x.

VI. После 1. Са3! создается ладейная батарея, кото-

рая дважды играет как прямая, дважды как косвенная.
 Это сочетается со звездочкой черного короля — рекордный замысел!

I. Ж. Рено, 1924
Мат в 2 хода

IV. Г. Кунос, 1937
Мат в 2 хода

II. Г. Бек, 1924
Мат в 2 хода

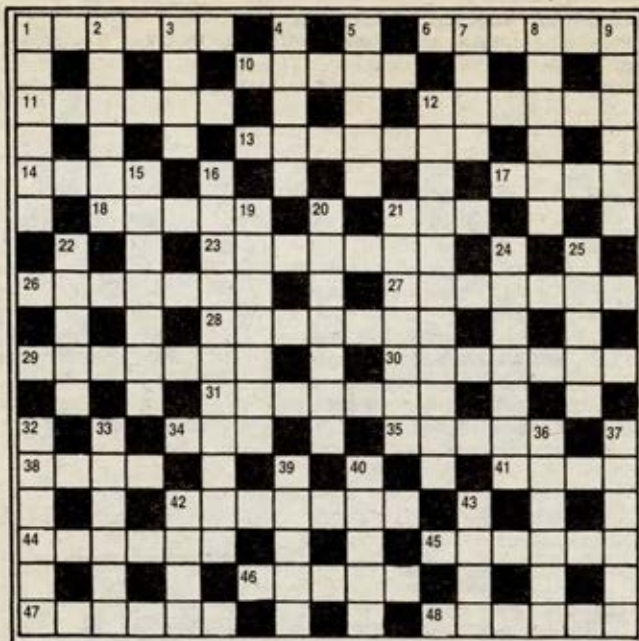
V. Ф. Хофман, 1967
Мат в 2 хода

III. П. Вильямс, 1900
Мат в 2 хода

VI. Д. Хук, 1970
Мат в 2 хода

ЗРУДИТ

По горизонтали:

1. Паратов в «Бесприданнице» А. Островского: «У всякого свой вкус: один любит арбуз, а другой — свиной ...». 6. Бунтарь-народник, затем республиканец. 10. Заведение, о котором А. Чехов сказал: «Лазарет самолюбий!» 11. Библейская блудница-филистимлянка, возлюбленная Самсона, вероломно велевшая остричь «семь кос головы его». 12. Знаменитый писатель, уже в двенадцать лет свободно импровизировавший на клавире и органе; играл на скрипке и гамбе, пел. 13. Советский режиссер, автор выражения «атеистическое мракобесие». 14. Имя двух героев, совокупно приведших под Трою пятьдесят два корабля. 17. Один из пяти французских художников, которых Л. Гуртик назвал «наиболее искренними поэтами античного искусства». 18. Земельный участок, выделенный во время столыпинских реформ крестьянину, вышедшему из общины. 21. Сорок фунтов. 23. Библейский охотник; удачу ему приносила кожаная одежда, шитая Богом для прикрытия наготы Адама и Евы. 26. Парламент в Лихтенштейне. 27. Амулет, талисман. 28. Английский мореплаватель, принятый в Москве Иваном Грозным. 29. Ампула (роли знатных женщин). 30. Человек в Афинах с доходом не менее трехсот медимнов зерна. 31. Камень, из которого сделан торшер Г. Налимова (Эрмитаж). 34. Агент Агриппы в «Иудейской войне» Л. Фейхтвангера. 35. Минерал, который Плиний считал окаменевшим льдом. 38. Рыба. В прошлом веке ее в изобилии ловили удочками в Москве-реке и прода-

вали копченой под названием «московская ряпушка». 41. Митрополит Киевский и всея Руси, посвященный в этот сан в 1448 году русскими епископами, что отделило русскую церковь от греческой. 42. Московский митрополит, участник составления Манифеста об отмене крепостного права. 44. Вулкан в Америке. Последний раз извергался в 1921 году. 45. Самый «голландский» в Европе продукт. 46. Мечта во сне. 47. Древние родовые могильники кыргызов в Минусинской котловине. 48. Продувная... (бестия).

По вертикали:

1. Один из трех основных типов арабских лошадей. 2. Крыловское «наливное, сквозное, как янтарь». 3. Месяц с днями поминовения усопших в Японии. 4. Сибирское название плотвы. 5. Душа ушла в пятки (чувство). 7. Русский физик, одним из первых понявший и оценивший теорию относительности. 8. Глиноземный, кислотоупорный, пуццолановый, шлаковый. 9. Богиня, в весьма похожих позах изображенная Джорджоне и Тицианом. 12. Политико-правовая система. Она тем хуже, чем больше мы о ней думаем и чем меньше занимаемся своим делом. 15. «Даже в трудные моменты» он «не хнычет и не плачет, а поет». 16. Нарком, заявивший, что «влияние Достоевского» — «вещь для пролетария не только вредная, но и позорная». 19. Самый крупный родственник свиней. 20. Предмет на груди «Терентьева, худощавого, рябого, лихого боцмана» (И. Гончаров. «Фрегат «Паллада»). 21. Общеславянский злой дух — полудница, у восточных славян..... 22. Самый крупный чистик. 24. ... хурал — ламаистский праздник в честь Майтреи. 25. Вода как тип химических веществ. 32. Давнишнее прозвание парикмахера на Руси. 33. «Настала осень золотая. Природа трепетна, бледна, как ... пышно убрана» (А. Пушкин. «Евгений Онегин»). 36. Выше фундамента — ... 37. Ближайшая родственница пассакальи. 39. Народ, переселенный в 1654 году со Среднего Амура в глубь Маньчжурии. 40. «Королевский разбойник». 42. Предмет, с которым Иван Бунин в стихотворении «Туча растаяла. Влажным теплом...» сравнил туман. 43. «Аржантейская сирень» — первое полотно импрессионистов, попавшее в Россию (автор).

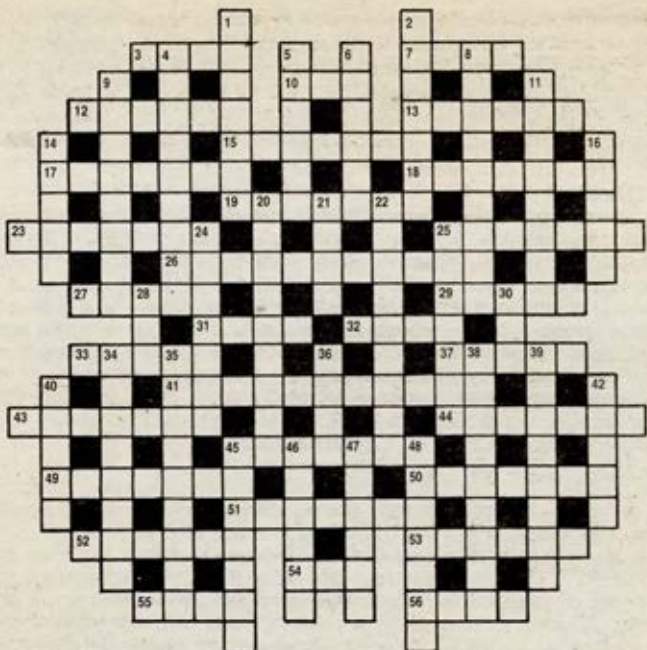
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали:

3. Гвардия. 9. Цитра. 10. Пекло. 11. Баталия. 15. Хиросиге. 16. Юстиниан. 17. Раб. 22. Север. 27. Выжлец (кобель гончей). 28. Макиавелли. 30. Раздражительность. 31. Бассетгорн. 34. Редедя. 35. «Ариан» (Ариадна). 39. «Дни». 43. Заикание. 45. Наннерль. 47. Уанкайо. 49. Жемап. 50. Шумка. 51. Монблан.

По вертикали:

1. Физик. 2. Креол. 4. Враг. 5. Ржа. 6. Ирис. 7. Чернь. 8. Элиан. 11. Бир. 12. Терем. 13. Любек. 14. Ять. 18. Авантюрин. 19. Хвороба. 20. Джазист. 21. Беарнец. 23. Рибли. 24. Квинтет. 25. Глиссер. 26. Пильняк. 29. Ежуга. 32. Орден (Станислава третьей степени). 33. Наина. 36. ...валет. 37. Оклад. 38. Гну. 40. Дно. 41. Петух. 42. Клюка... 44. Иасо. 46. Айва. 48. Куб.

КРОССВОРД
Составил
А. СОРОКА,
Полтава

По горизонтали:

3. Предмет интереса крыловской Мартышки. 7. Тридцать вторая часть окружности в морской навигации. 10. Рыбачья еда. 12. Жительницы республики, где расположена «штаб-квартира» Деда Мороза. 13. Охотник в опере К. Вебера «Вольный стрелок», продавший душу дьяволу. 15. Крупнейшая пристань на Аваче (Камчатка). 17. Полиэфирное волокно. 18. Историческая область в Грузии. 19. Остап Бендер по натуре. 23. Денежная единица Австрии. 25. Тип шляпы, в которой С. Есенин ходил «не для женщин». 26. Велосипед — по М. Твену — после неудачного освоения его писателем. 27. Часть Европы и Америка. 29. Советский прыгун в воду, олимпийский чемпион 1972 года. 31. Степень родства. 32. Четырехсложный размер стиха в античной поэзии. 33. Кавказский хлеб. 37. Азартный человек. 41. Самое популярное в Улан-Баторе дерево. 43. Цветок. Два века назад за него платили золотом и устраивали праздники в честь новых сортов. 44. Любимый овощ Петра Первого. 45. Место в повести Н. Гоголя, где Солопий Черевик нашел жениха для дочери. 49. Соревнование. 50. Мирная профессия маршала Г. Жукова в молодости. 51. Город в Сумской области, известный с 1638 года. 52. «Букет кривых». 53. Краситель, впервые полученный из индиго. 54. Длительный этап развития Земли. 55. Современный танец. 56. Край, где Черепановы построили первую в России железную дорогу.

По вертикали:

1. Отрасль медицины, на которую В. Маяковский обращал особое внимание. 2. Минерал. Французский химик Л. Воклен открыл в нем хром. 4. ... — ша-транг — шахматы. 5. Составление стихотворений из готовых рифм. 6. Обувь. 8. Русский народный праздни- 9. Предмет, похищенный у королевы Елизаветы (опера Д. Верди «Дон Карлос»). 11. Блюдо, какое Н. Гоголь старался готовить сам. 14. Птица, чемпион по скоростному полету. 16. Язык, ставший для Рерихов вторым родным. 20. Пишущий инструмент. 21. Советский кинорежиссер. 22. «Колючий лекарь» в цветочном горшке. 24. Известный английский экономист. 25. Ларчеми — в Грузии, мускал — в Молдове, ... — в России. 28. Персидский царь, противник Александра Македонского в изображении на русских лубках. 30. Рокфор (суть). 34. Матрос, активный участник Октября в Кронштадте. 35. Жители города, куда А. Пушкин писал кавалерист-девице Н. Дуровой. 36. Кровельный материал. 38. Популярный музыкальный инструмент. 39. Предмет, по которому определяют местонахождение. 40. Сосуд для «зеленого змия». 42. Зверек, питающийся, по С. Аксакову, не только рыбой, но и мясом. 45. Цветок, растущий в березовых и сосновых лесах. 46. Французский танец. Бах и Гендель вводили его в сюиту. 47. Консерватизм. 48. Хан Первого Болгарского царства.

**ОТВЕТЫ
НА
КРОССВОРД.
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 9****По горизонтали:**

7. Лужа. 9. Осень (Есенин). 10. Ерик. 13. Парень. 14. Бритва. 15. ... вина. 16. Шугор. 17. Нара. 18. Арманд. 20. Полоса. 21. Герасимов. 27. Капитал. 30. Шоколад. 31. Тилбург. 32. Миронов. 33. Человек. 34. Рандеву. 35. Рагозин. 39. Голованов. 42. Бедуин. 45. Вахтер. 48. Норд. 49. Океан. 50. Трал. 51. Фонарь. 52. Яненко. 53. Тина. 54. Унция. 55. Инга.

По вертикали:

1. Буриме. 2. Дананг. 3. Эскулап. 4. Энеолит. 5. Зернов (гидробиология). 6. Цитрон. 7. Лавр. 8. Жена. 11. Риал. 12. Квас. 19. «Декамерон». 20. Поливанов. 22. Радикал. 23. Симонов. 24. Маторин. 25. Йомен. 26. Посол. 28. Ябеда. 29. ...дрова. 36. Гонконг. 37. Задание. 38. Адонис. 39. Гидрат. 40. Ватник. 41. Штанга. 43. Енот. 44. Уран. 46. Хрен. 47. Елка.

Нужно обладать сверхъестественной проницательностью, чтобы предположить, будто эта хрупкая женщина имеет отношение к спортивной авиации...

В сборной СССР по высшему пилотажу Любовь Немкова с 1968 года. С 1972 года постоянно входит в число призеров мировых и европейских первенств, дважды завоевывала звание абсолютной чемпионки: в 1986 году — мира, а в 1987-м — Европы.

И сегодня летчик-инструктор московского Центрального аэроклуба Любовь Немкова — одна из главных претенденток на высшие титулы...

Люба выросла на островке Сара в Каспийском море. Таким крохотном, что его даже нет на карте. В школе ей больше всего нравился французский язык, который большинству жителей островка представлялся никому не нужной роскошью. Люба же не думала, какую пользу может принести ей знание французского. Она испытывала наслаждение от самого его звучания, которое вызывало образы героинь Бальзака, казавшихся ей, маленькой, худенькой, часто болевшей девочке, идеальными женщинами, наделенными безупречным вкусом и чувством меры.

Еще ее фантазию увлекали военные летчики, что прилетали потренироваться в «зону» над островком Сара.

— В летние дни, — вспоминает Немкова, — наигравшись в теплом море, мы валились на песок и всматривались в небо, расчерченное белыми инверсионными следами. Иногда они замыкались, и тогда возникали странные фигуры, в которых виделись слова, написанные на незнакомом языке.

О том, что она хочет вот так же управлять самолетом, Люба боялась признаться даже самой себе. Однако во сне она взмывала ввысь на огромной рыбе...

После десятилетки Люба Немкова училась сначала в Волгоградском аэроклубе (одновременно работая токарем на тракторном заводе), затем в летной школе ДОСААФ в Калининне. Кстати, о французском не забыла — в 1971 году поступила на вечернее отделение факультета иностранных языков Калининского университета, а в семьдесят шестом на «отлично» защитила диплом по теме «Модальные слова во французском языке».

Разумеется, Люба и не подозревала, что в течение долгих лет, пока шла к своей самой большой победе, на встречу с ней летит и ее самолет, тот самый СУ-26, на котором она выиграла чемпионат мира.

А создатели СУ, воплощая свой замысел, не сознавали, что параллельно творят и будущее летчицы Немковой. Они очень спешили, «пробивая» свой самолет и доказывая его превосходство над Як-55. (Именно на нем выступали тогда советские пилотажники.) Однако прошло немало времени, прежде чем пути летчицы и самолета пересеклись...

На СУ-26 летчиц пересадили за неделю до чемпионата мира-86.

Казалось, что маленький спортивный самолетик совершенно сознательно ждал, когда она, Люба Немкова, займет свое место в кабине. А она... Она сразу же отнеслась к нему как к живому существу.

— В полете ты сливаешься с самолетом, — говорит Немкова, — такое ощущение, будто его крыло — продолжение твоего плеча. А если ты хорошо привязан, то, когда крутишься в переверну-

Небесный

АНДРЕЙ БАТАШЕВ
ФОТО АНДРЕЯ ГОЛОВАНОВА

Почерк

том полете, забываешь, что люди на земле видят не тебя, а самолет, который словно одежда прикрывает твоё тело...

Любовь Немкова не отличается богатырским сложением. При росте 164 сантиметра весит 57 килограммов. Как тут не поверить специалистам, утверждавшим, что она не могла реализовать свои возможности потому, что Як-55 слишком тяжел в управлении.

— Наш старый самолет даже очень сильные мужчины «таскали» двумя руками. Разве это пилотаж?

Старший тренер сборной СССР Касум Нажмудинов утверждает, что может угадать в небе среди других пилотов Немкову. И чем сложнее ее программа, тем это легче сделать. Потому что тогда заметнее особенности ее манеры — редкостная плавность и устойчивая точность линий. У нее свой «небесный» почерк.

— Самолеты даже одного типа отличаются друг от друга, — объясняет Немкова. — Поэтому управляемые фигуры они выполняют по-разному, а уж штопорные — тем более.

Самый большой простор для творчества у нас — в финальной программе, — продолжает Немкова. — Летчику разрешается импровизировать. Иногда что-то меняешь сознательно, иногда это происходит само собой. Вот, например, решила я сделать на вертикали вниз несколько «бочек». Бывает, самолет исполнит две и больше не хочет. Но иногда тебе удается так его «завращать», что душа радуется. И тогда позволяешь себе 2—3 лишних виточка. А это триста «потерянных» метров. Следовательно, надо мгновенно заменить очередную фигуру на другую, выполняемую с набором высоты...

Высший пилотаж, считают зна-

токи, вполне можно было бы сравнить с танцем. Мешает одно обстоятельство. Высший пилотаж опасен. И в его истории немало трагических страниц...

— Мне казалось, — говорит Немкова, — что в нашем деле не может быть безвыходных ситуаций. Ведь в инструкции предусмотрено все, что может произойти в полете, и соответственно определено, как надо поступать. В крайнем случае нужно в течение пяти секунд покинуть самолет и затем — опять-таки через пять секунд — раскрыть парашют. Но иногда все происходит иначе... Самолет Стяпаса Артишкавичуса начал разрушаться в двухстах метрах над землей. Летчик уже не мог выбраться из самолета... Через полторы секунды он врезался в землю...

— И тем не менее вас это не останавливает. Так, может быть, пилоты крепче духом, нежели обычные люди?

— Вряд ли. Я, например, слабая. Но есть ситуации, в которых обязана что-то делать...

В 1989 году известную летчицу избрали народным депутатом СССР. Почему предпочтение было отдано именно ей, Любови Немковой, вовсе не обладающей той самоуверенностью в себе, «митинговостью», которая, как мы привыкли, должна быть свойственна общественному деятелю?

Может быть, причина в том, что сейчас наступило другое время, когда начинаем ценить людей, по-настоящему интеллигентных и обладающих врожденным чувством профессионального долга...

МУЗЫКАЛЬНАЯ АНТЕННА ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

Питер Дinkл

ИНДЕКС 70620. 1 р. 65 коп.